

ISSN 2618-849X

ИСТОРИЯ, АРХЕОЛОГИЯ И ЭТНОГРАФИЯ КАВКАЗА

*History,
Archeology
and Ethnography
of the Caucasus*

**Т. 19
№ 3. 2023**

**Издание
Института
истории, археологии
и этнографии
Дагестанского
федерального
исследовательского
центра
РАН**

ФГБУН ИНСТИТУТ ИСТОРИИ, АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ
ДАГЕСТАНСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОГО ЦЕНТРА
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

ISSN 2618-849X

ИСТОРИЯ, АРХЕОЛОГИЯ И ЭТНОГРАФИЯ КАВКАЗА

HISTORY, ARCHEOLOGY
AND ETHNOGRAPHY OF THE CAUCASUS

T. 19

№ 3. 2023

Махачкала, 2023

ИСТОРИЯ, АРХЕОЛОГИЯ И ЭТНОГРАФИЯ КАВКАЗА

Учредитель: ФГБУН Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН
Издается по решению Ученого совета Института истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН с 2005 г.
(ранее Вестник Института истории, археологии и этнографии. Свид. о рег. ПИ № ФС77-49956).
Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций (РОСКОМНАДЗОР).
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-72534 от 28 марта 2018 г.
Периодичность: 4 выпуска в год.

Главный редактор

Амирханов Хизри Амирханович, Институт археологии РАН, Россия

Первый заместитель главного редактора

Далгат Эльмира Муртузалиевна,

Институт истории, археологии и этнографии Дагестанского федерального исследовательского центра РАН, Россия

Заместитель главного редактора

Мусаева Майсарат Камиловна,

Институт истории, археологии и этнографии Дагестанского федерального исследовательского центра РАН, Россия

Редакционный совет

Аликберов Аликбер Калабекович, Мацузато Кимитака, Токийский университет, Япония
Булатов Башир Булатович, Институт востоковедения РАН, Россия
Институт востоковедения РАН, Россия
Деревянко Анатолий Пантелеевич, Дагестанский государственный Национальной академии наук Азербайджана, Азербайджан
Институт истории и этнографии академиком З.М. Буниятова Национальной академии наук Азербайджана, Азербайджан
Каймаразов Гани Шихвалиевич, Сибирского отделения РАН, Россия
Институт истории, археологии и этнографии Дагестанского федерального исследовательского центра РАН, Россия
Кемпер Михаэль, Университет Амстердама, Нидерланды
Муцазато Кимитака, Токийский университет, Япония
Мусебли Наджаф Алекскер оглу, Институт археологии и этнографии Национальной академии наук Азербайджана, Азербайджан
Мустафаев Шаин Меджид оглы, Институт востоковедения им. академика З.М. Буниятова Национальной академии наук Азербайджана, Азербайджан
Наумкин Виталий Вячеславович, Институт востоковедения РАН, Россия
Рейнгольдс Майкл, Принстонский университет, США

Редакционная коллегия

Абдулмажидов Рамазан Султанович, Магомедханов Магомедхан Магомедович, Институт истории, Институт истории, археологии и этнографии Дагестанского федерального исследовательского центра РАН, Россия
Абдулвахובה Бирлант Борз-Алиевна, Магомедханов Магомедхан Магомедович, Институт истории, Чеченский государственный университет, Белоруссия
Alizadeh Karim S, Магомедханов Магомедхан Магомедович, Институт истории, Государственный Университет Гранд-Велли, Мичиган, США
Аникеева Татьяна Александровна, Магомедханов Магомедхан Магомедович, Институт истории, Институт востоковедения РАН, Россия
Анчабадзе Юрий Дмитриевич, Магомедханов Магомедхан Магомедович, Институт истории, Институт этнологии и антропологии РАН, Россия
Аракелова Виктория Александровна, Магомедханов Магомедхан Магомедович, Институт истории, Российско-Армянский (Славянский) Университет, Армения
Бабаджанов Бахтияр Мирасимович, Магомедханов Магомедхан Магомедович, Институт истории, Институт востоковедения им. Абу Райхана Беруни Академии Наук Республики Узбекистан, Узбекистан
Барамидзе Цира Ревазовна, Магомедханов Магомедхан Магомедович, Институт истории, Институт кавказоведения Тбилисского государственного университета, Грузия
Бобровников Владимир Олегович, Магомедханов Магомедхан Магомедович, Институт истории, Институт востоковедения РАН; Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» в Санкт-Петербурге, Россия
Бустанов Альфред Кашафович, Магомедханов Магомедхан Магомедович, Институт истории, Амстердамский университет, Нидерланды
Гаджиев Муртазали Серажутдинович, Магомедханов Магомедхан Магомедович, Институт истории, Институт этнографии Дагестанского федерального исследовательского центра РАН, Россия
Гванцеладзе Теймураз Ионович, Магомедханов Магомедхан Магомедович, Институт истории, Сухумский государственный университет, Грузия
Гелашвили Нана Георгиевна, Магомедханов Магомедхан Магомедович, Институт истории, Тбилисский государственный университет им. И. Джавахишвили
Досымбаева Айман Медеубаевна, Магомедханов Магомедхан Магомедович, Институт истории, Тараский государственный университет им. М.Х. Дулати, Казахстан
Зиливинская Эмма Давидовна, Магомедханов Магомедхан Магомедович, Институт истории, Институт этнологии и антропологии РАН им. Н.Н. Миклухо-Маклая, Россия
Казанский Михаил Михайлович, Магомедханов Магомедхан Магомедович, Институт истории, French National Centre for Scientific Research, Франция
Капустина Екатерина Леонидовна, Магомедханов Магомедхан Магомедович, Институт истории, Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, Россия
Квициани Джони Джокиевич, Магомедханов Магомедхан Магомедович, Институт истории, Тбилисский государственный университет, Грузия
Кудаева Светлана Григорьевна, Магомедханов Магомедхан Магомедович, Институт истории, Майкопский государственный технологический университет, Россия
Магомедханов Магомедхан Магомедович, Институт истории, Институт археологии Дагестанского федерального исследовательского центра РАН, Россия
Максимчик Андрей Николаевич, Магомедханов Магомедхан Магомедович, Институт истории, Белорусский государственный университет, Белоруссия
Малишев Владимир Юрьевич, Магомедханов Магомедхан Магомедович, Институт истории, Институт археологии РАН, Россия
Марзоев Ислам-бек Темурканович, Магомедханов Магомедхан Магомедович, Институт истории, Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований имени В.И. Абаева Владикавказского научного центра РАН, Россия
Мастыкова Анна Владимировна, Магомедханов Магомедхан Магомедович, Институт истории, Институт археологии РАН, Россия
Муминов Аширбек Курбанович, Магомедханов Магомедхан Магомедович, Институт истории, Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева, Казахстан
Obrusanszky Borbala, Магомедханов Магомедхан Магомедович, Институт истории, Karoli Gaspar University, Венгрия
Осмаев Аббас Доגיעевич, Магомедханов Магомедхан Магомедович, Институт истории, Комплексный научно-исследовательский институт им. Х.И. Ибрагимова РАН, Россия
Reinhold Sabine, Магомедханов Магомедхан Магомедович, Институт истории, Deutsches Archäologisches Institut, Германия
Rodrigue Barry H, Магомедханов Магомедхан Магомедович, Институт истории, Международный Университет Симбиоза, Индия
Сулейманова Севда Алиевна, Магомедханов Магомедхан Магомедович, Институт истории, Институт востоковедения им. академика З.М. Буниятова Национальной академии наук Азербайджана, Азербайджан
Табатабайи Сейед Хусейн, Магомедханов Магомедхан Магомедович, Институт истории, Восточноевропейский департамент Организации культурных и исламских связей Исламской Республики Иран, Иран
Таймазов Артур Исрапилович, Магомедханов Магомедхан Магомедович, Институт истории, Институт этнографии Дагестанского федерального исследовательского центра РАН, Россия
Текуева Мадина Анатольевна, Магомедханов Магомедхан Магомедович, Институт истории, Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова, Россия
Тетуев Алим Инзрелович, Магомедханов Магомедхан Магомедович, Институт истории, Институт гуманитарных исследований Кабардино-Балкарского научного центра РАН, Россия
Шихалиев Шамиль Шихалиевич, Магомедханов Магомедхан Магомедович, Институт истории, Институт этнографии Дагестанского федерального исследовательского центра РАН, Россия
Эрлих Владимир Роальдович, Магомедханов Магомедхан Магомедович, Институт истории, Государственный музей Востока, Россия
Ярлыкапов Ахмет Аминович, Магомедханов Магомедхан Магомедович, Институт истории, Московский государственный институт международных отношений Министерства иностранных дел РФ, Россия

Исполнительный директор

Мусаев Махач Абдулаевич

Институт истории, археологии и этнографии Дагестанского федерального исследовательского центра РАН, Россия

Ответственный секретарь

Капланова Лейла Шамильевна

Институт истории, археологии и этнографии Дагестанского федерального исследовательского центра РАН, Россия

Переводчик

Сефербеков Магомедхабиб Русланович

Институт истории, археологии и этнографии Дагестанского федерального исследовательского центра РАН, Россия

На обложке изображен элемент народного орнамента Дагестана
Ответственность за высказывания, точность цитат, фактов, названий и имен несут авторы
Мнение редакции может не всегда совпадать с точкой зрения авторов
При использовании материалов журнала ссылка обязательна

© Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН, 2023
© Все авторы, Т. 19. №3. 2023

Адрес редакции: 367030, Махачкала, ул. М. Ярагского, 75
Тел.: 89285845554, E-mail: caucasushistory@yandex.ru

HISTORY, ARCHEOLOGY AND ETHNOGRAPHY OF THE CAUCASUS

Founder: Daghestan Federal Research Centre of RAS Issued by decision of the Academic Council of the Institute of History, Archeology and Ethnography of DSC RAS since 2005 (formerly as Bulletin of the Institute of History, Archeology and Ethnography. Reg. cert. PI № FS77-49956)
The journal is registered with the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media (ROSKOMNADZOR)
Registration certificate PI № FS77-72534 of March 28, 2018
Periodicity: 4 issues per year

Editor-in-Chief

Khizri A. Amirkhanov The Institute of Archeology of RAS

Vice Editor-in-Chief

Elmira M. Dalgat Institute of History, Archeology and Ethnography of the Daghestan Federal Research Centre of RAS

Deputy Editor-in-Chief

Maysarat K. Musaeva Institute of History, Archeology and Ethnography of the Daghestan Federal Research Centre of RAS

Editorial council

<i>Alikber K. Alikberov</i> , Institute of Oriental Studies of RAS, Russian Federation	<i>Kimitaka Matsuzato</i> , University of Tokyo, Graduate Schools for Law and Politics, Japan
<i>Bashir B. Bulatov</i> , Daghestan State University, Russian Federation	<i>Nadzhaf A. Museibli</i> , Azerbaijan National Academy of Science, Institute of Archaeology and Ethnography, Azerbaijan
<i>Anatoliy P. Derevyanko</i> , The Institute of archaeology and ethnography of the Siberian Branch of the RAS, Russian Federation	<i>Shain M. Mustafaeov, Z. Buniyatov</i> Institute of Oriental Studies Azerbaijan National Academy of Science, Azerbaijan
<i>Gani S. Kaymarazov</i> , Institute of History, Archeology and Ethnography of the Daghestan Federal Research Centre of RAS	<i>Vitaliy V. Naumkin</i> , Institute of Oriental Studies of RAS, Russian Federation
<i>Michael Kemper</i> , University of Amsterdam, Netherlands, Netherlands	<i>Michael A. Reynolds</i> , The Princeton University, United States

Editorial board

<i>Ramazan S. Abdulmazhidov</i> , Institute of History, Archeology and Ethnography of the Daghestan Federal Research Centre of RAS, Russian Federation	<i>Magomedkhan M. Magomedkhanov</i> , Institute of History, Archeology and Ethnography of the Daghestan Federal Research Centre of RAS, Russian Federation
<i>Birlant B. Abdulvakhabova</i> , Chechen State University, Russian Federation	<i>Andrey N. Maksimchik</i> , Belarusian state University, Belarus
<i>Karim S. Alizadeh</i> , Grand Valley State University, Michigan, United States	<i>Vladimir Y. Malashev</i> , The Institute of Archeology Russian Academy of Science, Russian Federation
<i>Tat'yana A. Anikeeva</i> , Institute of Oriental studies, Russian Federation	<i>Islam-bek T. Marzoev</i> , V.I. Abaev North Osetian Institute of Humanitarian and Social Research of the Vladikavkaz Scientific Center of the RAS, Russian Federation
<i>Yuriy D. Anchabadze</i> , The N.N. Miklouho-Maklay Institute of Ethnology and Anthropology of the RAS, Russian Federation	<i>Anna V. Mastykova</i> , The Institute of Archeology RAS, Russian Federation
<i>Viktoriya A. Arakelova</i> , Russian – Armenian University, Armenia	<i>Ashirbek K. Muminov</i> , L.N. Gumilyov Eurasian National University, Kazakhstan
<i>Bakhtiyar M. Babadjanov</i> , The Institute of Eastern studies of Academy of Science of the Republic of Uzbekistan, Uzbekistan	<i>Borbala Obrusanszky</i> , Karoli Gaspar University, Hungary
<i>Tsira R. Baramidze</i> , Institute of Caucasiology at Ivane Javakhsishvili Tbilisi State University, Georgia	<i>Vladimir O. Bobrovnikov</i> , The Institute of Eastern studies of RAS, Higher School of Economics, National Research University Saint Peterburg, Russian Federation
<i>Alfrid K. Bustanov</i> , University of Amsterdam, Netherland	<i>Reinhold Sabine</i> , Deutsches Archäologisches Institut, Germany
<i>Murtazali S. Gadzhiev</i> , Institute of History, Archeology and Ethnography of the Daghestan Federal Research Centre of RAS, Russian Federation	<i>Rodrigue Barry H</i> , Symbiosis International University, India
<i>Teimuraz I. Gvantseladze</i> , Sukhumi State University, Georgia	<i>Sevda A. Suleymanova</i> , Bunyatov Z. Institute of Oriental Studies of the Azerbaijan National Academy of Science, Azerbaijan
<i>Nana G. Gelashvili</i> , Ivane Javakhsishvili Tbilisi State University, Georgia	<i>Seyed Hussein Tabatabayi</i> , Eastern European Department Of the organization of cultural and Islamic relations of the Islamic Republic of Iran, Iran
<i>Aiman M. Dossymbayeva</i> , M.Kh. Dulaty Taraz State University, Kazakhstan	<i>Artur I. Taymazov</i> , Institute of History, Archeology and Ethnography of the Daghestan Federal Research Centre of RAS, Russian Federation
<i>Emma D. Zilivinskaya</i> , N.N. Miklukho-Maklai Institute of Ethnology and Anthropology of the RAS, Russian Federation	<i>Madina A. Tekueva</i> , H.M. Berbekov the Kabardino-Balkaria State University, Russian Federation
<i>Michel M. Kazanski</i> , French National Centre for Scientific Research, France	<i>Alim I. Tetuev</i> , Institute of Humanitarian Studies of the Kabardino-Balkar Scientific Center of the RAS, Russian Federation
<i>Ekaterina L. Kapustina</i> , Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography of RAS, Russian Federation	<i>Shamil' S. Shikhaliev</i> , Institute of History, Archeology and Ethnography of the Daghestan Federal Research Centre of RAS, Russian Federation
<i>Jony J. Kvitsiany</i> , Institute of Caucasiology at Ivane Javakhsishvili Tbilisi State University, Georgia	<i>Vladimir R. Erlikh</i> , State Museum of Oriental Art, Russian Federation
<i>Svetlana G. Kudaeva</i> , Maikop State Technological University, Russian Federation	<i>Akhmet A. Yarlykapov</i> , MGIMO University, Russian Federation

Managing Director

Makhach A. Musaev
Institute of History, Archeology and Ethnography of the Daghestan Federal Research Centre of RAS, Russian Federation

Responsible Secretary

Leyla S. Kaplanova
Institute of History, Archeology and Ethnography of the Daghestan Federal Research Centre of RAS, Russian Federation

Translator

Magomedkhabib R. Seferbekov
The Institute of History, Archeology and Ethnography of the Daghestan Scientific Centre of Russian Academy of Sciences, Russian Federation

The cover image depicts an element from Daghestan's folk art tradition
Responsibility for statements, accuracy of citations, titles and names rests with the authors

The opinion of publishing authors may not always coincide with the opinion of the editorial staff

If using materials from this journal, an electronic link is required

© Daghestan Federal Research Centre of RAS, 2023

© All authors, V. 19. № 3, 2023

Address of the editorial office: 367030, Makhachkala, M. Yaraskogo St., 75
Tel.: 89285845554, E-mail: caucasushistory@yandex.ru

В этом номере:

МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ

ИСТОРИЯ

<i>Сефербеков М.Р.</i>	«ПУТЕШЕСТВИЯ ПО ВОСТОЧНОМУ КАВКАЗУ...» АРТУРА КАНИНГЕЙМА КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ И ЭТНОГРАФИИ ДАГЕСТАНА ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX В	592
<i>Хапизов Ш.М.</i>	К ВОПРОСУ О ДАТИРОВКЕ ДАТУНСКОГО ХРАМА	610
<i>Бабаджанов Б.М., Курумбаев А.Ш.</i>	ЭПИТАФИИ ПОСТМОНГОЛЬСКОЙ ЭПОХИ. ОПЫТ СРАВНИТЕЛЬНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ	623
<i>Ханмурзаев И.И., Наврұзов А.Р.</i>	НАДМОГИЛЬНЫЕ СТЕЛЫ ЧЛЕНОВ СЕМЬИ И БЛИЖАЙШИХ МЮРИДОВ ТАШАВА-ХАДЖИ АЛ-ИНДИРИ	635
<i>Маджарашвили Г.Т.</i>	РИФМОВАННЫЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ ТЕКСТЫ: БИБЛИОГРАФИЯ ГРУЗИНСКИХ РУКОПИСЕЙ	676
<i>Наврұзов А.Р.</i>	ГАСАН-ЭФЕНДИ АЛКАДАРИ КАК ПРЕДТЕЧА ДАГЕСТАНСКИХ РЕФОРМАТОРОВ-ПРОСВЕТИТЕЛЕЙ	691
<i>Шихалиев Ш.Ш.</i>	К РЕКОНСТРУКЦИИ БИОГРАФИИ ДАГЕСТАНСКОГО УЧЕНОГО-АРАБИСТА И КАВКАЗОВЕДА М.-С. САИДОВА	703
<i>Тетуев А.И.</i>	ПОВСЕДНЕВНОСТЬ СТУДЕНТОВ И РАБОЧЕЙ МОЛОДЕЖИ В ТЫЛУ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (НА ПРИМЕРЕ КАБАРДИНО-БАЛКАРИИ)	719
<i>Ахмадуллин В.А.</i>	ХАДЖ МУСУЛЬМАН СЕВЕРНОГО КАВКАЗА В 1944–1991 гг.	732

АРХЕОЛОГИЯ

<i>Кизилов А.С.</i>	ДРЕВНИЕ КРЕПОСТИ И ПОСЕЛЕНИЯ ЧЕРНОМОРСКОГО И КАСПИЙСКОГО ПОБЕРЕЖИЙ КАВКАЗА: НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ЛОКАЛИЗАЦИИ, ИДЕНТИФИКАЦИИ И СОХРАННОСТИ	743
<i>Маммаев М.М.</i>	ВКЛАД ПРОФЕССОРА А.С. БАШКИРОВА (1885–1963) В ИЗУЧЕНИЕ ПАМЯТНИКОВ СРЕДНЕВЕКОВОГО ИСКУССТВА ДАГЕСТАНА	759
<i>Хомутова Т.Э., Чернышева Е.В., Потапова А.В., Ельцов М.В., Пинской В.Н., Амирян М.А.</i>	ПОЧВЕННО-АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ РАННЕБРОНЗОВОГО ПОСЕЛЕНИЯ АРТАНИШ-9 (РЕСПУБЛИКА АРМЕНИЯ)	776
<i>Достиев Т.М.</i>	ЗООМОРФНЫЕ МОТИВЫ НА ПОЛИВНОЙ ПОЛИХРОМНОЙ КЕРАМИКЕ СЕЛЬДЖУКСКОГО ПЕРИОДА ГЯНДЖИ И ШАМКИРА	795

ЭТНОГРАФИЯ

<i>Штыбин В.В.</i>	САКРАЛЬНЫЙ ЛОКУС ОЗЕРА ХУКО: РИТУАЛЬНО-ОБРЯДОВЫЙ КОМПЛЕКС, ЭТИМОЛОГИЯ И РЕЛИГИОЗНЫЙ СИМВОЛИЗМ	811
<i>Магомедов А.Дж., Юсутов Х.А.</i>	ТРАДИЦИИ НАРОДНОГО ИСКУССТВА ОБРАБОТКИ КАМНЯ В СОВРЕМЕННОМ ДАГЕСТАНЕ (ПО МАТЕРИАЛАМ ДАРГИНЦЕВ)	827
<i>Айба Т.Г.</i>	ОСОБЕННОСТИ ПРОВЕДЕНИЯ МОЛЕНИЯ АЖЪЫРНЫХӘА В СОВРЕМЕННОЙ АБХАЗИИ И У ТУРЕЦКИХ АБХАЗОВ	842
<i>Албогачиева М.С.-Г., Муков М.И.</i>	ЭТНОПРОЕКТ «ИГРЫ НАРОДА АБАЗА»: ПРАЗДНИК СПОРТА И ЕДИНЕНИЯ	856

ЭКСПЕДИЦИИ

<i>Малашев В.Ю., Гаджиев М.С., Сайтудинов М.Ш., Абдулаев А.М., Абиев А.К., Будайчиев А.Л., Шаушев К.Б.</i>	ИССЛЕДОВАНИЯ ОДИНОЧНОГО КУРГАНА УЧКЕНТ IV ЭПОХИ СРЕДНЕЙ БРОНЗЫ	876
--	--	-----

Contents:

MATERIALS AND RESEARCHES

HISTORY

<i>M.R. Seferbekov</i>	ARTHUR CUNYNGHAME'S "TRAVELS IN THE EASTERN CAUCASUS..." AS A SOURCE ON HISTORY AND ETHNOGRAPHY OF DAGESTAN OF THE SECOND HALF OF THE 19TH CENTURY	592
<i>Sh.M. Khapizov</i>	ON THE DATING OF THE DATUNA TEMPLE	610
<i>B.M. Babadjanov, A.Sh. Kurumbaev</i>	EPITAPHS OF THE POST-MONGOL ERA. EXPERIENCE OF COMPARATIVE RESEARCH	623
<i>I.I. Khanmurzaev, A.R. Navruzov</i>	TOMBSTONES OF FAMILY MEMBERS AND CLOSE MURIDS OF TASHAV-HAJI AL-INDIRI AS VALUABLE HISTORICAL SOURCES	635
<i>G.T. Macharashvili</i>	RHYMED HISTORICAL TEXTS: BIBLIOGRAPHY OF GEORGIAN MANUSCRIPTS	676
<i>A.R. Navruzov</i>	HASAN-EFENDI ALKADARI: A PIONEER OF ENLIGHTENMENT IN DAGESTAN	691
<i>Sh.Sh. Shikhaliev</i>	RECONSTRUCTING THE BIOGRAPHY OF M.-S. SAIDOV: A DAGESTAN ARABIST AND CAUCASIAN SCHOLAR	703
<i>I.A. Tetuev</i>	EVERYDAY LIFE OF STUDENTS AND WORKING YOUTH IN KABARDINO-BALKARIA DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR	719
<i>V.A. Akhmadullin</i>	THE HAJJ OF MUSLIMS OF THE NORTH CAUCASUS (1944 – 1991)	732

ARCHEOLOGY

<i>A.S. Kizilov</i>	ANCIENT FORTRESSES AND SETTLEMENTS ALONG THE BLACK SEA AND CASPIAN COASTS OF THE CAUCASUS: LOCALIZATION, IDENTIFICATION, AND PRESERVATION CHALLENGES	743
<i>M.M. Mammaev</i>	CONTRIBUTION OF PROFESSOR A.S. BASHKIROV (1885–1963) TO THE STUDY OF MEDIEVAL ART MONUMENTS OF DAGESTAN	759
<i>T.E. Khomutova, E.V. Chernysheva, A.V. Potapova, M.V. Yeltsov, V.N. Pinskoy, M.A. Amiryanyan</i>	SOIL-ARCHEOLOGICAL STUDIES OF THE EARLY BRONZE AGE SETTLEMENT ARTANISH-9 (REPUBLIC OF ARMENIA)	776
<i>T.M. Dostiyev</i>	ZOOMORPHIC MOTIFS ON POLYCHROME GLAZED CERAMICS OF THE SELJUK PERIOD OF GANJA AND SHAMKIR	795

ETHNOGRAPHY

<i>V.V. Shtybin</i>	THE SACRED SPACE OF LAKE KHUKO: RITUAL COMPLEX, ETYMOLOGY, AND RELIGIOUS SYMBOLISM	811
<i>A.Dj. Magomedov, Kh.A. Yusupov</i>	CONTEMPORARY STONE PROCESSING TRADITIONS OF DAGESTAN ON THE EXAMPLE OF THE DARGINS	827
<i>T.G. Ayba</i>	FEATURES OF THE AZHYRNYXƏA PRAYER CEREMONY IN CONTEMPORARY ABKHAZIA AND AMONG TURKISH ABKHAZIANS	842
<i>M.S-G. Albogachieva, M.I. Mukov</i>	ETHNO-PROJECT "GAMES OF THE ABAZA PEOPLE": FESTIVAL OF SPORTS AND UNITY	856

EXPEDITIONS

<i>V.Yu. Malashev, M.S. Gadjev, M.Sh. Saypudinov, A.M. Abdulaev, A.K. Abiev, A.L. Budaichiev, K.B. Shaushev</i>	EXCAVATION OF A SINGLE KURGAN UCHKENT IV OF THE MIDDLE BRONZE AGE	876
---	---	-----

ИСТОРИЯ

DOI: <https://doi.org/10.32653/СН193592-609>

Исследовательская статья

Магомедхабиб Русланович Сефербеков,
младший научный сотрудник
Институт истории, археологии и этнографии
Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН, Махачкала, Россия
dnc.ran@outlook.com

«ПУТЕШЕСТВИЯ ПО ВОСТОЧНОМУ КАВКАЗУ...» АРТУРА КАНИНГЕЙМА КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ И ЭТНОГРАФИИ ДАГЕСТАНА ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX в.

Аннотация: Вторая половина XIX в. характеризуется окончанием Кавказской войны, вхождением Дагестанской области в состав Российской империи, визитом императора Александра II в Дагестан. Эти события неплохо отражены в отечественной исторической литературе. Их дополняют англоязычные источники, сообщающие нам ценные сведения по истории и этнографии Северо-Восточного Кавказа второй половины XIX в. К таковым можно отнести книгу Артура Канингейма «Путешествия по Восточному Кавказу...», оставившего нам свои путевые заметки, в которых даёт описание уклада жизни, нравов и обычаев населения Восточного Кавказа. Автором статьи переведён и сопровождается комментариями только раздел, касающийся Дагестана. Им применены метод исторической периодизации, историко-генетический, ретроспективный и системный методы исторических исследований. В своём повествовании Канингейм приводит многочисленные данные о географических координатах, климату, ойконимии, гидрографии, орографии, персоналиям Дагестана. Помимо исторических сведений, работа Канингейма содержит ценный материал по хозяйственным занятиям, материальной культуре и общественному быту некоторых дагестанских этносов. В ходе анализа материала выявлены неточности в описании исторических дат и событий, должностей чиновников, фамилий персоналий, этнонимов, кавказских языков, истории происхождения некоторых дагестанских этносов. Перевод материалов был осуществлен с оцифрованного оригинала книги, доступного в базе archive.org. Введение в научный оборот перевода с комментариями автора фрагмента книги Артура Канингейма «Путешествия по Восточному Кавказу...» может стать значительным вкладом в историю и историографию российского кавказоведения второй половины XIX в.

Ключевые слова: Кавказская война; Дагестан в составе России; история и этнография народов Дагестана; междисциплинарные исследования; источники англоязычных авторов нового времени.

Для цитирования: Сефербеков М.Р. «Путешествия по Восточному Кавказу...» Артура Канингейма как источник по истории и этнографии Дагестана второй половины XIX в. // История, археология и этнография Кавказа. 2023. Т. 19. No 3. С. 592–609. doi.org/10.32653/СН193592-609

© Сефербеков М.Р., 2023

© Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН, 2023

HISTORY

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH193592-609>

Research paper

Magomedkhabib R. Seferbekov,
Junior Researcher
Institute of History, Archeology and Ethnography
Dagestan Federal Research Center of RAS, Makhachkala, Russia
dnc.ran@outlook.com

ARTHUR CUNYNGHAME'S "TRAVELS IN THE EASTERN CAUCASUS..." AS A SOURCE ON HISTORY AND ETHNOGRAPHY OF DAGESTAN OF THE SECOND HALF OF THE 19TH CENTURY

Abstract. The latter half of the 19th century witnessed the culmination of the Caucasian War, the integration of the Dagestan Oblast into the Russian Empire, and Emperor Alexander II's historic visit to Dagestan. These key events have been extensively covered in domestic historical literature, supplemented by English-language sources that offer valuable insights into the history and ethnography of the North-Eastern Caucasus. One such source is Arthur Cunynghame's book, "Travels in the Eastern Caucasus...", comprising travel notes documenting his journey through the Russian Empire, with a particular focus on the Eastern Caucasus. This translation exclusively encompasses the section pertaining to Dagestan, shedding light on the region's way of life and customs of its inhabitants. To unravel the historical richness within Cunynghame's account, we employed a range of historical research methodologies, including historical periodization, historical-genetic analysis, retrospective examination, and systematic historical research. Cunynghame's narrative is a trove of information, encompassing geographic coordinates, climate, toponymy, hydrography, orography, and profiles of notable individuals in Dagestan. Beyond historical insights, Cunynghame's work offers valuable insights into the economic activities, material culture, and social fabric of select Dagestani ethnic groups. Throughout the analysis of the material, certain inaccuracies have emerged concerning historical dates, events, official positions, personal surnames, ethnonyms, Caucasian languages, and the origins of specific Dagestani ethnic groups. The translation process was conducted using the digitized original book, accessible through the archive database of archive.org. The introduction of this translated work into scholarly discourse, accompanied by the author's comments on the book, constitutes a significant contribution to the history and historiography of Russian Caucasian studies in the latter half of the 19th century.

Keywords: Caucasian War; Dagestan within Russia; history and ethnography of the peoples of Dagestan; interdisciplinary research; sources of English-speaking authors of modern times.

For citation: Seferbekov M.R. Arthur Cunynghame's "Travels in the Eastern Caucasus..." as a source on History and Ethnography of Dagestan of the second half of the 19th century. *History, Archeology and Ethnography of the Caucasus*. 2023. Vol. 19. N.3. P. 592–609. doi.org/10.32653/CH193193592-609

Введение

Одной из задач гуманитарных наук является поиск и вовлечение в научный оборот новых исторических источников – интеллектуального продукта человеческой деятельности, помогающего историку познавать историческую действительность, проливать свет на неизвестные стороны прошлого, культуру и быт того или иного этноса. В этом отношении книга Артура Канингейма «Путешествия по Восточному Кавказу, на Каспийском и Черном морях, особенно в Дагестане, и на фронтах Персии и Турции, в течении лета 1871 года» [1] – источник, имеющий междисциплинарный характер, который может быть объектом изучения нескольких наук – истории, источниковедения и этнологии.

Книга Канингейма относится к жанру художественной публицистики – это «путевые заметки», в которых повествование сопровождается описанием отдельных персоналий, уклада жизни, нравов и обычаев населения страны пребывания. Значительная часть книги посвящена путешествию по Кавказу – «месту проживания древнейших обществ». По словам автора, книга адресована, в первую очередь, широкому кругу читателей и любителям путешествий. Книга была написана за «очень короткий промежуток времени», а процесс ее написания происходил «в повозках, иногда верхом, но никогда в праздности или комфорте» [1].

Целью данной статьи является публикация перевода некоторых глав из книги Артура Канингейма, непосредственно касающихся Дагестана. Данный труд, на наш взгляд, является ценным историческим источником, проливающим дополнительный свет на события в Дагестане после окончания Кавказской войны [2; 3] и вхождения Дагестанской области в состав Российской империи [4, с. 534–549; 5, с. 168–197; 6, с. 196, 257–284], а также повествующим о некоторых аспектах культуры и быта дагестанских народов.

Путешествие Артура Канингейма было предпринято накануне визита императора Александра II в Дагестан, состоявшегося в первой половине сентября 1871 г. Поездка 1871 г. стала инспекционным ознакомлением Александра II с положением в Кавказском крае после его умиротворения и проведения социальных, административных и земельных реформ. Проехав с каспийского побережья в Порт-Петровске до административного центра Терской области – Владикавказа (18 сентября 1871 г.) кортеж императора отправился на юг по военно-грузинской дороге [7, с. 71].

Безусловно, труд Канингейма носит субъективный характер и через описание Дагестана 1871 года он раскрывает специфику своего восприятия действительности. Следует отметить, что подобного рода путевые заметки англоязычных авторов, описывающих Дагестан и Восточный Кавказ в XVIII–XIX вв., не редкость – их обзор и описание были опубликованы нами ранее [8, с. 43–49; 9, с. 919–931] и другими авторами [10, с. 556–572; 11, с. 22–36]. В любом случае, работа Канингейма, содержащая интересные исторические и этнографические сведения, может быть полезна историкам, этнологам и источниковедам в плане ее содержательной значимости, как информационный ресурс, дающий ценные сведения по истории, культуре и быту народов Дагестана.

Артур Канингейм: краткая биография и творческая деятельность

Сэр Артур Август Терлоу Канингейм (*Sir Arthur Augustus Thurlow Cunynghame*, 3 августа 1812 г. – 10 марта 1884 г.) был военным британской армии и мемуаристом, командиром Королевского стрелкового корпуса и 36-го пехотного полка. Канингейм пошел на военную службу в ноябре 1830 г. после того, как получил звание младшего лейтенанта в Королевском стрелковом корпусе 60-го стрелкового полка. Во время Крымской войны, в 1854 г., Канингейм служил помощником генерал-квартирмейстера первой британской дивизии, участвовал в сражениях на Альме, Балаклаве, Инкермане, реке Черной, при осаде Севастополя. Его имя упоминается в военных депешах, он удостоился британской *Крымской медали* с четырьмя планками¹, был возведен в кавалеры французского ордена Почетного легиона, награжден турецкой медалью и орденом Меджидие 3-й степени и провозглашен кавалером британского ордена Бани [12, с. 57–59].

Артур Канингейм скончался на борту корабля, находясь в океане, возвращаясь домой со своей старшей дочерью из путешествия в Индию.

Помимо указанного труда, Канингейм написал ещё несколько книг, в их числе:

1. *The Opium War: being Recollections of Service in China*. London: G.B. Zieber & Co., 1845. 271 p.
2. *A Glimpse at the Great Western Republic*. London: Richard Bentley, 1851. 337 p.
3. *My Command in South Africa, 1874–1878: comprising experiences of travel in the colonies of South Africa and the independent states*. London: Macmillan and Co. 1880. 376 p.

Ниже следует перевод глав книги Артура Канингейма «Путешествия по Восточному Кавказу, на Каспийском и Черном морях, особенно в Дагестане, и на фронтах Персии и Турции, в течении лета 1871 года».

ГЛАВА I. МАРШРУТ ПУТЕШЕСТВИЯ

Стр. 1.

Лето 1871 года я решил посвятить путешествию. Многочисленные обстоятельства, в том числе служебные обязанности, на протяжении многих лет не позволяли мне этого сделать. Кроме того, я пытался дать своему сыну, продолжавшему обучение в Кембридже, возможность сопровождать меня в этом путешествии, чтобы, полностью отдохнув летом от занятий, он мог обрести покой ума и тела.

Возник вопрос, какую часть света нам следует посетить? Мы хотели поехать в новую и малоизвестную страну. В то же время наше путешествие должно было быть ограничено рамками летних каникул.

---

1. *Крымская медаль* (англ. *Crimea Medal*) – британская медаль, которой награждали военнослужащих за участие (в составе антирусской коалиции) в военных действиях в Крымской войне (1854–1856) против Российской империи.

После долгого размышления мы решили, что Каспий и Кавказ были, пожалуй, единственными местами, которые удовлетворяли бы всем этим условиям, а также давали бы мне возможность вновь посетить Крым и познакомить моего сына с этой интересной местностью [...].

9-го июня они покидают Лондон и на следующее утро прибывают в Антверпен. Интересующая нас глава начинается со страницы 175.

ГЛАВА XXX. ПЕТРОВСК И ШУРА

Стр. 175.

К полудню море стало спокойнее, но нас все еще покачивало на волнах. Мы миновали устье реки Терека, чей мощный поток, мчащийся через Дарьяльское ущелье, дополнял этот великолепный пейзаж. Прибыв на рыболовную станцию Сулак [*Sulah*], мы увидели город Петровск² [*Petrovks*]. На палубе стали появляться люди, ибо до сих пор я был практически единственным пассажиром, которого не постигла морская болезнь, вызванная волнением вод Каспия.

Петровск находится на 43° северной широты. Это, однако, ничего не говорит о его климате: зима здесь очень мягкая, снег редко лежит больше двух недель, когда как в Керчи, на Черном море, что находится в той же широте и не более чем в трехстах милях к западу, мы смогли в 1855 г. выгрузить 42 фунтовые пушки на лед в бухте³. О причинах такой разницы в климате я так и не смог не получить объяснения. «Вечные огни»⁴ в Баку, несомненно, указывают на наличие подземного тепла, которое может производить подобный эффект. Горы к югу от Петровска казались высокими, но те, что на юго-западе – еще выше. Мы смотрели на них (*стр. 176*) с большим интересом, как на землю, малоизвестную путешественникам и в которую мы очень стремились попасть.

Формальности с поселением в гостиницу были незначительны, ибо в этой военной стране, как только выяснилось, что я ношу звание генерала, все трудности были устранены. Вскоре нас поселили во вполне приличной гостинице, которую держал отставной военный офицер. Мы услышали, что генерал князь Меликов⁵, губернатор Дагестана, который обычно проживает в губернском центре, называемом Темир-Хан-Шура⁶ [*Temir-han-Tsura*], был в это время в Петровске, но должен был отбыть на следующее утро. Поэтому мы сочли необходимым немедленно засвидетельствовать ему свое почтение. Он принял нас очень любезно и поручил одному из присутствовавших офицеров приготовить для нас подорожную, или проездную грамоту, без которой не разрешается подавать почтовых лошадей ни в одной части России. Мы разговорились с ним о посещении Гуниба. Он удивился, что мы что-то знаем об этом месте, и скорее рекомендовал нам идти во Владикавказ по нижней дороге, примыкающей к подножью гор. Так мы, по всей видимости, и должны были поступить и таким образом

2. Порт-Петровск, нынешний город Махачкала.

3. Автор участвовал в Крымской войне в сражениях на Альме, в Балаклаве, Инкермане, у Черной речки, и осаде Севастополя.

4. Места горения природного газа.

5. Михаил Таризелович Лорис-Меликов (1824–1888) – российский военачальник и государственный деятель армянского происхождения: генерал-лейтенант (1863), генерал-адъютант (1865), генерал от кавалерии (1875). Начальник Терской области с 1865 по 1875 год.

6. Нынешний город Буйнакск.

пропустили бы самую интересную часть нашего путешествия, если бы не были заранее предупреждены астраханским губернатором и нашим прекрасным другом полковником Михайловым⁷ [*Michailoff*]. Князь Меликов, однако, сказал, что, если мы по прибытии в Шуру еще пожелаем посетить горы и последний оплот Шамиля, то он распорядится, чтобы за небольшую плату нас снабдили казацкими лошадьми, дабы добраться до Гуниба.

Мы крепко спали на деревянных диванах, однако дочь хозяина предупредила нас, чтобы мы следили за тем, чтобы оконные ставни были затворены, иначе, по ее словам, горцы могут украсть наши вещи. Это предупреждение дало нам понять кое-что о своевольном характере страны, в которую мы прибыли.

Стр. 177.

Утро 18 августа выдалось крайне жарким... Мы посетили коменданта города, полковника Чоглокова⁸ [*Choblo-Koff*], который принял нас очень любезно, представив нас своей жене, которая хорошо говорила по-французски, который он сам, к сожалению, не знал. Полковник сразу же проявил большой интерес к нашему планируемому путешествию вглубь страны. Здесь мы познакомились с капитаном Польсдофом [*Polsdoff*], который с легкостью говорил по-английски, а также был женат на дочери господина Райса из Тифлиса, англичанина, который всю свою жизнь трудился под покровительством князя Воронцова⁹ [*Waronzoff*].

Мы были в большом долгу перед капитаном Польсдофом за его доброту и личные усилия, которые он приложил, дабы поспособствовать нам. Мы также познакомились и попили чай с его сестрой и ее очаровательными детьми.

Мы посетили базары, которые выглядели процветающими; а город, хотя и совсем новый, явно улучшался с каждым днем. Нам сказали, что раньше эта местность была дикой, и что немногим более десяти лет назад, в трех остановках по дороге во Владикавказ, для обеспечения безопасности прохода под горами требовались пехота и пушки. Но с капитуляцией Шамиля все изменилось: горцы осознали, что самой лучшей и выгодной политикой был мир; и теперь по меньшей мере пять сотен телег прибывают каждую неделю из глубин страны со всеми видами товаров и продуктов [...].

Во второй половине дня мы навели справки о наших почтовых лошадях для путешествия, и обнаружили, что достать их будет невозможно. Генерал, князь Меликов со своей семьей из двенадцати детей, родственников и слуг взял для себя уже тридцать две почтовых лошади и не оставил ни одной свободной. Поэтому с помощью капитана Польсдофа мы договорились нанять тарантас из трех лошадей; но уговорить хозяина выехать на следующее утро раньше 8 часов не удалось.

Без четверти 8 утра, 19 августа, мы отправились в путешествие по Кавказу. Тарантас, который подали к дверям нашего отеля, представлял собой весьма любопытную карету, нечто вроде лодки на колесах [...].

7. Как сообщает (на стр. 167) автор, полковник Михайлов – командир 21-й артиллерийской бригады. С ним он познакомился на пути в Петровск, где Михайлов дал Канингейму советы по путешествию в Дагестан. непонятно, почему автор называет его губернатором, так как губернатором Астрахани в 1871 г. был Бишпен Николай Николаевич.

8. Начальник портового города Петровска, полковник Александр Николаевич Чоглоков [13, с. 151].

9. Граф, князь Михаил Семенович Воронцов (1782–1854) – русский государственный и военный деятель из рода Воронцовых. В 1844–1854 гг. – наместник на Кавказе.

Стр. 179.

Вскоре мы миновали форт Петровск и двинулись по новому участку дороги, который прокладывался для императора, который должен был пройти этим путем во время своего первого визита в Дагестан¹⁰. Каждый мужчина, которого мы встречали по пути, носил длинный кинжал, а некоторые всадники также имели при себе пистолеты, и в некоторых случаях и длинные винтовки – доказательство того, что мы оставили позади Западную цивилизацию [...].

Стр. 180.

Вскоре мы миновали гряду холмов и, наткнувшись на равнину за ней, в тридцати пяти верстах от Петровска, пришли к городку Кафыр-Кумух [*Kafir-Kurick*], расположенному на берегу очень красивой речки¹¹. Замок Шамхал-Хана уединенно располагался на одиночной скале.

Это была самая дальняя точка в пределах горной местности, до которой продвинулся Петр Великий после того, как он подчинил себе всю равнину и многие города на берегах Каспийского моря. Страна, расположенная недалеко от нее, была завоевана Россией всего двенадцать лет назад при нынешнем императоре. Рядом с этой деревней все еще использовали примитивный метод обмолота зерна волами, прикрепленными к саням с кремневыми зубьями¹², и последующим веянием его на ветру, а молотильные и веяльные машины местным были неизвестны.

В половине второго мы добрались до военной станции Темир-Хан-Шура, или как ее просто называют – Шура. Этот город расположен на небольшой, но плодородной равнине и на расстоянии пяти-шести миль окружен горами. Теперь он стал столицей Дагестана, а правительство недавно сменилось с военного на гражданское. Шура выглядит многообещающим местом. Здесь расположено множество общественных зданий, и большая, но уродливая церковь возвышается над городом. Мы снова оказали почтение генералу князю Меликову и объяснили ему, что очень хотим взобраться в горы и посетить Гуниб, а оттуда, если возможно, проследовать во Владикавказ через горный перевал. Князь дал указания начальнику своего штаба помочь нам в наших приготовлениях, а местной казачьей страже сопровождать нас, больше, как выяснилось, в знак уважения, нежели для защиты; но он, кажется, позабыл, что в Петровске пообещал нам, что также выделит нам казачьих лошадей, за небольшую плату, для поездки в Гуниб.

Затем мы отбыли на квартиру полковника Шкуринского¹³ [*Schxourinnsky*], который дал все необходимые распоряжения и вручил нам, что впоследствии имело большую ценность, рекомендательное письмо к генералу Комарову¹⁴ [*Kamaroff*], командующему фортом и округом Гуниб [...].

Недалеко от Темир-хан-Шуры расположено село Гимры [*Gunri*], родина прославленного патриота Шамиля, долгое время защищавшего свою страну от нашествий русских.

10. Визит императора Александр II в Дагестан состоялся в первой половине сентября 1871 г.

11. Река Шура-озень.

12. Имеются в виду молотильные доски.

13. И.о. начальника штаба Военного управления Дагестанской области, подполковник Семен Афанасьевич Шкуринский [13, с. 150].

14. Дмитрий Виссаринович Комаров (16 октября 1831 – 29 марта 1881) – русский генерал-лейтенант, участник Кавказской войны. В 1869 г. назначен начальником Среднего Дагестана, в 1870 г. произведен в генерал-майоры [14, с. 65].

ГЛАВА XXXI. ИЗ ШУРЫ В ГУНИБ

Стр. 183.

Место нашего назначения в эту ночь называлось Дженгутай¹⁵ [*Jem-Gootai*], удаленное от Шуры примерно на восемнадцать с половиной верст. В 8 вечера мы прибыли туда как раз вовремя, чтобы спастись от проливного дождя. Было темно, но казак, сопровождавший нас, вскоре отыскал старосту села, который провел нас в большой, но совершенно необставленный дом, большинство окон которого были выбиты. Мы внесли свой багаж и поставили два маленьких ящика один на другой вместо стола; раздобыв самовар, а также немного еды, мы сели ужинать. Затем мы расстелили ковры на грязном полу и уснули. Магометанская вера отнюдь не помешала старосте села и нашему казаку выпить по стакану коньяка перед сном.

Стр. 184.

21-го августа мы встали к четырем утра, но пришлось ждать, пока подадут лошадей. В пять утра мы снова были в седле и направлялись в Гергебиль [*Girgibil*], где планировали провести ночь.

Полковник Михайлов предупреждал нас, что в горах нам следует ожидать совсем иной погоды, чем та, к которой мы привыкли за последние три недели, и советовал нам захватить прорезиненные плащи. Этот совет был очень кстати, потому как едва мы тронулись, как нас окружили густые тучи и пошел морозящий дождь. Буря накануне вечером также сделала дороги скользкими; но так как багаж был хорошо упакован, а груз не очень тяжел, мы продвигались без особых проблем. Кругом горы были покрыты древними террасами. Каждый мужчина, которого мы встречали на пути, был вооружен длинным черкесским кинжалом; патроны для огнестрельного оружия носили в круглых футлярах¹⁶, вшитых в грудь кафтана, рядами по шесть-восемь с каждой стороны – деталь, неизменно встречаемая во всех уголках Кавказа. Каждый мужчина носил огромную папаху [*papach*] – шапку из овечьей шкуры; трудно было поверить в размеры этого убора – буквально целая шкура одной овцы шла на пошив каждой шапки. Однако обычай, по-видимому, так и не примирил их с этим нелепым головным убором, ибо нередко можно было заметить, как черкесы снимали папаху и терли голову, что, очевидно, свидетельствовало об ее явном неудобстве. Они, однако, используют ее для самых разных целей, и часто носят большую часть своего гардероба на макушке шапки, фактически используя папаху как небольшой чемодан¹⁷.

Стр. 185.

Около половины десятого мы дошли до Охли [*Auchkley*], небольшой деревни, расположенной на вершине возвышенности. Здесь нас радушно принял татарин и его семья, которые дали нам в пользование свои лучшие комнаты. Я обратил внимание на очень любопытный стеклянный кувшин непрозрачно-белого цвета, по-видимому, старинного венецианского производства. Как такая вещь могла попасть в татарскую

15. Существуют два Дженгутая: более крупное кумыкское селение Нижний Дженгутай и другое – аварское селение Верхний Дженгутай. В данном случае, вероятно, речь идет о Нижнем Дженгутае, расположенном в 20 км от города Буйнакса (в прошлом – Темир-Хан-Шура).

16. Имеются в виду газыри.

17. Такой способ переноса грузов в Дагестане неизвестен.

деревню, для меня осталось загадкой. Во второй половине дня мы продолжили наш путь в Гергебиль.

При подъеме на гору, после выхода из деревни, открывался прекрасный вид на юг. Перейдя через этот хребет, мы спустились по очень крутой тропе и, резко свернув за угол, наткнулись на необычайно построенную деревню, называемую Аймаки [Aimakee]. Дома были построены терраса над террасой; крыша нижнего дома образовывала подобие платформы у двери того, что над ним, так как все они имели плоские крыши. Они поднимались на значительную высоту по узкому и скрытому углу горы. Дойдя до подножия этой деревни, мы резко свернули налево, в расщелину в горах, продолжая свой путь по руслу горной реки.

Стр. 187.

Поселок Гергебиль выглядел еще необычнее, чем Аймаки. Оказалось, что он построен на череде курганов, вероятно, вулканического происхождения. Довольно учтивый татарин был рад принять нас в своем доме, расстелил несколько красивых персидских ковров (которые он снял с деревянной скамейки, называемой здесь «софа») на кушетках и на полу для нашего пользования, угостил нас молоком и яйцами, и не очень черным хлебом, и дал нам в пользование самовар. В качестве топлива здесь использовали кизяк [tissek], или сушеный коровий навоз. Это крайне плохой заменитель угля и дров, однако в этих краях ими практически не пользуются: хотя в долинах и много зелени, в них совершенно нет древесины.

Я был удивлен и раздосадован, обнаружив, что кровохарканье здесь было повсеместно, из чего сделал вывод, что чахотка здесь нередкое явление.

Стр. 188.

Утро 22 августа началось с чередующихся облаков и солнца, что значительно прибавляло красоты пейзажу и свидетельствовало о том, что в погоде произошла перемена. Сады Гергебиля были очень большими и пышными. Виноград, персики, яблоки, грецкие орехи и тутовые деревья были многочисленны. Мы также заметили великолепные подсолнухи, а конопля, которая росла на небольших грядках у дороги, была не менее семи или восьми футов высотой.

Вскоре после того, как мы покинули это поселение, мы прошли по мосту через реку Кара-Су [Kara-Suu], или Черную реку, и взяли курс прямо на юг, вверх по Кой-Су [Koi-Suu], или реке Деревенской¹⁸. Кой-Су спускалась через расщелину в этих великолепных горах, в которых находились интересные пещеры.

Женщины, которых мы встречали на пути, редко закрывали лица, и лишь отворачивались в сторону. Они все были хороши собой. Кожа под глазами была подкрашена в темный цвет; ногти имели красноватый оттенок. Они были одеты в самые яркие цвета — красный, синий и желтый. У мужчин был решительный и воинственный вид; они все неизменно были вооружены, а их длинные развевающиеся бороды часто окрашены в ярко-красный цвет.

Затем мы прошли через перевал, где река сужалась в русле между высокими скалами и где при сравнительно небольших затратах можно было запрудить воду и использовать огромную силу воды для движения любого вида машин. Здесь мы встретили статных черкесов в полном вооружении — шашка, винтовка, кинжал и пистолет. Они

18. Автор пытается перевести название реки с турецкого языка (*köy* – деревня, селение). Однако, в кавказоведении утвердилось мнение о том, что название это переводится с тюркского как «баранья вода» (*kou/koyun su*).

были одеты в длинные пальто¹⁹ и носили свои огромные шапки, а их бороды были выкрашены в красный цвет. Они были верхом на лохматых чистеньких лошадках и имели внушительный вид. Десять лет назад, еще до того, как эта страна была полностью покорена, у всех мужчин была привычка передвигаться во всеоружии, как описано выше; сегодня, однако, они уже не носят саблю, ружье и пистолет; но длинный кинжал неизменно держат при себе.

Женщины не обладают такими же красивыми фигурами или чертами, как мужчины, что можно объяснить жалким прислуживанием всю их жизнь. На мужчин возложена честь и ответственность защищать свой дом; на женщин ложится не только вся работа по дому, но и большая часть обработки полей. Тяжелое бремя, которое они вынуждены нести, воздействие непогоды и ранние браки делают их преждевременно старыми и скорченными; и именно по этим причинам благородная раса горцев Дагестана, как говорят, вырождается.

Стр. 190.

До завоевания этой страны мужчины активно участвовали на военной службе, готовые в любую минуту взяться за оружие, дабы защитить свои земли от вторжений русских; но теперь, когда в этом больше нет необходимости, можно лишь надеяться, что они постепенно возьмут на себя свою долю сельскохозяйственных и пастушеских обязанностей, которые по праву принадлежат им.

Мы вышли на большую дорогу, ведущую к красивому балочному мосту через Кой-Су²⁰; он был сделан из железа и, его стороны закрыты и снабжены бойницами, чтобы служить укреплением, а крыша и стены были сделаны из тонких железных пластин. Этот мост должен был быть разделен на пять комнат, временно оборудованных стеклянными окнами, так как Император планировал там завтракать по пути в Гуниб. Мост пересекал широкую пропасть огромной глубины, через которую река с ревом мчалась диким потоком, добавляя впечатляющего величия пейзажу.

Оставив железный мост позади, мы продолжали свой путь вверх по реке верст семь, перешли ее по хорошо сложенному каменному одноарочному мосту и тотчас же начали подъем на гору по дороге, петлявшей к крепости Гуниб. Дорога петляла по мере того, как мы постепенно приближались к форту, и все это представляло собой самое необычное и труднодоступное место, которое только можно себе представить.

ГЛАВА XXXII. ФОРТ ГУНИБ

Стр. 191.

Мы вошли в форт Гуниб через хорошо укрепленные ворота и сразу же подъехали к дому, занимаемому генералом Комаровым, где передали ему рекомендательные письма. Генерал принял нас с величайшим радушием и отдал нам в распоряжение прелестный домик на плацу, хорошо обставленный, а затем дал нам самый роскошный обед, что отнюдь не было лишним после утомительного путешествия. Здесь мы отведали знаменитого кахетинского вина самого лучшего качества, значительное количество которого было отправлено генералу Комарову прямо с виноградников под Тифлисом для удовлетворения потребностей императора и его свиты. Генерал Комаров сказал, что ему было особенно приятно принимать англичан, и что он совершенно

19. Скорее всего, бурки.

20. Салтинский или Георгиевский мост, построенный царскими войсками на реке Кара-Койсу (авар. – Чеэр-ор) в 1867 г. на месте старого – деревянного, построенного по образцам местной дагестанской архитектуры.

уверен, что все враждебные отношения между нашими странами, которые существовали несколько лет назад, теперь преданы забвению. Более того, он отметил, что англичане редко посещают эти края, поскольку в его послужном списке он мог припомнить только двоих, побывавших в Дагестане с момента его захвата Россией. До нашего прибытия здесь были полковник Кэткарт и мистер Раасон. На тот момент мы подумали, что это крайне необычно, однако впоследствии мы услышали то же самое в Хунзахе [Honsak] и Ботлихе [Bodlith]. Безусловно, доброта и гостеприимство русских офицеров убедили нас в том, что англичане, особенно моей профессии, будут приняты здесь с величайшим радушием.

Стр. 192.

Нет в Дагестане места более интересного, чем Гунибские высоты. Это огромная гора, изолированная от всех окружающих, находящаяся на высоте около пяти тысяч футов над уровнем моря. Ее протяженность составляет около пяти миль в длину и три в ширину и имеет естественную зубчатую стену гигантского размера на северной стороне, а на других – парапет столь же огромных размеров. Со всех сторон Гуниб имеет естественную стену, скалы уходят прямо вниз и имеют высоту от тысячи до тысячи пяти сот футов. К Гунибу существует только три возможных подхода, через которые можно войти, и каждый из них довольно труднодоступен, даже если не оказывается никакого сопротивления.

Именно в этой естественной крепости Шамиль в 1859 году дал последний бой русским войскам. В течение тридцати лет Шамиль, поставив себя во главе черкесско-татарских племен, успешно бросал вызов всей силе и могуществу России. Цена этой долгой войны для России в людях и деньгах была громадной. Хотя она уже давно занимала и Предкавказье, и Закавказье, однако, никак не могла покорить промежуточные горы; но в своем упорном стремлении империя держала в течение этих тридцати лет на Кавказе в среднем двести пятьдесят тысяч солдат. Только тридцать или сорок тысяч из них служили на границах Турции и Персии, более двухсот тысяч же были направлены исключительно на покорение горских племен, и особенно дагестанских, которые держали самые сильные природные позиции, и включали самые воинственные и фанатичные племена под предводительством прославленного Шамиля [...]. *Далее приводится история осады Гуниба царскими войсками в августе 1859 г.*

Стр. 197.

Утром 23 августа мы совершили очаровательную поездку с генералом Комаровым, командующим Гунибским округом, который любезно предоставил нам своих лошадей. Сначала он показал нам крепость, которая с виду крепка и воздвигнута в соответствии с выгодным положением; на ее стенах установлены тридцать орудий, но и без их помощи, даже если его обороняет только ружейным огнем небольшое войско, форт совершенно неприступен, так как обладает неограниченным запасом воды и имеет большие запасы, изобилующие всевозможной провизией и топливом, а также большим количеством боеприпасов.

Стр. 198.

По пути мы подошли к селу, приютившему Шамиля. Дом, в котором он проживал, был любопытен своим подземельем, в котором Шамиль держал заключенных, – это была маленькая дыра, в которую когда-то было заточено не менее ста сорока русских солдат²¹.

21. По другим, заслуживающим большего доверия данным, это была подземная мечеть, построенная во время осады, чтобы избежать жертв во время артиллерийского обстрела Гуниба во время его осады царскими войсками в 1859 г. Она сохранилась до сих пор и служит объектом паломничества мусульман Дагестана.

Стр. 199.

После приятной прогулки на лошадях мы возвратились в форт, где нас снова радушно принял генерал Комаров. Его жена, грузинка, прекрасно играла на фортепиано, а ее очарование в немалой степени дополняло этот приятный вечер.

ГЛАВА XXXIII. ХУНЗАХ И БОТЛИХ

Стр. 200.

Ранним утром 24 августа мы покинули Гуниб. Мы предполагали к вечеру добраться до Хунзаха, что в районе Аварии, но преодолеть расстояние в пятьдесят шесть верст в этих горах за один день – нелегкая задача. Однако, мы были избавлены от всех хлопот и беспокойств благодаря предусмотрительности генерала Комарова, который написал генералу князю Накашидзе²² [*Nakashudjee*], коменданту Аварии, дабы тот оказал нам любую помощь, которая была в его силах; похоже, что их целью являлось обеспечение нашего путешествия с наибольшим комфортом и с наименьшими затратами. Чужак в далекой горной стране не может не чувствовать себя благодарным за такое проявление доброты и внимания [...].

Стр. 205.

Князь Накашидзе, грузин по происхождению, был довольно приятным человеком с хорошими манерами, но простыми солдатскими привычками. Он не очень хорошо говорил по-французски, но фельдшер, один из его гостей, охотно переводил весь разговор. Князь был женат на испанке, дочери генерала Эспинаса²³ [*Espinasse*], но, к сожалению для нас, она тогда пребывала в Пятигорске [*Petigorse*], горном санатории возле Эльбруса.

Стр. 206.

На следующее утро, 25 августа, мы позволили себе длительный отдых после утомительных предыдущих дней. Когда с завтраком было покончено, я в сопровождении князя Накашидзе отправился в форт Хунзах²⁴. Это совершенно новая конструкция, возведенная русскими по образцу специально для этих гор. Форт прекрасно отстроен и обладает многими ценными характеристиками, хорошо приспособленными к этой местности. У нее отличная фланговая защита; она не слишком велика, и ее легко защитить сравнительно небольшими военными силами. Форт рассчитан примерно на одну тысячу пятьсот человек. На мой взгляд, здесь, как и во всех русских крепостях на Кавказе, не уделялось должного внимания рвам – одному из самых ценных участков обороны любого укрепленного района. Форт также вооружен сорока пушками; имеет большие склады, очень удобные казармы и хорошие квартиры для офицеров, которые были покрашены и оклеены обоями, доказывая, что даже в этих отдаленных краях уделяется внимание удобству офицеров.

22. Накашидзе Александр Давидович (1837–1905) – генерал от кавалерии. Герой Кавказской и Крымской войн. 30 марта 1875 г. был назначен начальником Аварского округа.

23. Автор неверно указывает фамилию. Речь идет о Марии Эспехо, дочери Акима Эспехо (Joaquín Espejo, 1792–1847) – испанского генерал-майора, бывшего на службе в Российской империи.

24. Крепость близ селения Хунзах, ныне расположена в пределах селения Арани Хунзахского района. Была построена царскими войсками в 1867 г.

Стр. 207

Затем мы посетили красивейший каскад воды неподалеку, где река Тобот²⁵ [Tabot] низвергается со скалистого уступа в глубокий овраг, по меньшей мере в трехстах футах ниже. Рассказывают, что недалеко от водопада малолетний магометанский принц Хунзаха был по приказу Шамиля сброшен со скалы и утонул в бурлящих водах этой реки²⁶.

Полдень был проведен за зарисовками казаков-ополченцев и за очень интересным разговором об этой своеобразной стране и ее народе. Здесь нам показали меч и священную рубашку Абу Муслима²⁷ [Aboo Moslim], мусульманского святого, которые хранятся в хунзахской мечети²⁸. В мече нет ничего примечательного. Рубашка сплошь покрыта строками из Корана, искусно выведенными арабскими буквами. Эти меч и рубашку носили самые отчаянные фанатики, приверженцы Шамиля, в любой его экспедиции они оказывали чудесное действие на дух его воинов.

В субботу утром, 26 августа, мы отправились в карете князя Накашидзе в деревню Тлох [Choke], причем наш багаж снова был отправлен впереди нас.

Стр. 209.

Около часа мы достигли Тлоха. Эта деревня расположена на берегу реки Ангри-Су²⁹ [Angri-Su]. Здесь строили мост под руководством местного инженера-офицера. В тот же вечер мы собирались продвинуться дальше, но нас предупредили, что делать этого не стоит, так как в горах пойдет дождь, и это затруднит переход реки [...].

Стр. 212.

Незадолго до прибытия в Ботлих мы снова переправились через реку Ангри-Су по самодельному и крепкому мосту. Около 11 утра мы прибыли в резиденцию генерала князя Чавчавадзе [Chafchavadsey]³⁰, который командовал всей округой Лезгин. Он отсутствовал во время инспекционной поездки, но ожидалось, что он вернется с минуты на минуту. Тем временем нас любезно принял генерал, князь Орбелиани [Orbeliani]³¹, бегло говоривший по-французски.

Стр. 213.

Примерно через час после нашего приезда вернулся князь Чавчавадзе из Карата [Karadat] и самым гостеприимным образом принял нас в своем доме. К нашей великой радости, как раз перед обедом, к нам присоединился и наш любезнейший друг генерал, князь Накашидзе, приехавший в это утро на одной лошади из Хунзаха, верстах в шестидесяти, и с намерением проехать на той же лошади еще шестьдесят верст, а именно в Ведено [Wedden], на следующее утро.

Обед был красиво сервирован и, разумеется, на русский манер; после чего у нас состоялся очень интересный разговор о Крымской войне, и на эту тему русские офицеры,

25. Тобот – речка, протекающая через Хунзахское плато и впадающая в реку Аварское Койсу (авар. – Авар-ор).

26. Приводимые сведения не соответствуют действительности.

27. Предположительно, это Абд ар-Рахман аш-Шами, известный под *лакабом* (вторым именем) Абу-Муслим, т.е. «отец мусульман». Он являлся шайхом суфийского ордена Сухравардийа, который распространял ислам в Аварии, умер в 1312/13 году и был похоронен в Хунзахе, где его могила до сих пор служит объектом паломничества [15, с. 22–31].

28. По мнению исследователей, упомянутая рубашка не имеет отношения к Абу Муслиму [16, с. 199–200].

29. Андийское Койсу (авар. Анди-ор) – один из притоков реки Сулак.

30. Николай Зурабович Чавчавадзе (22 октября 1830 г. – 9 марта 1897 г.) – князь, российский генерал. В 1866–1876 гг. был Военским начальником Западного Дагестана, а 30 августа 1869 г. произведен в генерал-майоры.

31. Григорий Дмитриевич (Григол Зурабович) Джамбакуриан-Орбелиани (2 октября 1804 г. – 21 марта 1883 г.) – князь, генерал от инфантерии.

по-видимому, чрезмерно любили побеседовать. Мы также много говорили о Кавказе. Они рассказали о трудностях, с которыми они столкнулись при покорении воинственных черкесов, особенно лезгов, в стране которых мы тогда находились.

Нам поведали некоторые любопытные детали о том, как честно эти горцы держат свое слово. В округе Аварии совершается около пятнадцати убийств в год, главным образом по причине ссор между этими (стр. 214) вспыльчивыми мужчинами, которые всегда вооружены по крайней мере кинжалом. Нередко случается, что убийца сам приходит и докладывает о своем преступлении, совершив которое, он возвращается домой и там дожидается приговора. Если это будет ссылка в Сибирь, он лично является, когда того потребует комендант округа, а затем, в одиночку отправляется в Темир-Хан-Шуру, штаб Дагестана, и лично садится в тюрьму. И генерал Комаров, и генерал Накашидзе сказали мне, что они без колебаний удовлетворяли просьбы этих людей предстать перед судом, хотя и знали, что их приговором будет изгнание из родного дома; и они не припомнят ни одного случая, когда их доверием злоупотребили.

Непреднамеренное убийство, совершенное в результате ссоры, обыкновенно влечет за собой довольно легкое наказание – слишком легкое, на мой взгляд – обычно, изгнание из своих деревень на год или около того. Наказания, практикуемые ранее, по-видимому, были чересчур варварскими и своеобразными. Утверждается, что, если женщина убивала убийцу своего мужа, ее вместе с детьми бросали в глубокую яму на три месяца, а затем снова выдавали замуж за первого мужчину, который женится на ней. Раньше ни одной женщине не разрешалось оставаться вдовой более трех месяцев, так велик был дефицит населения гор во время изнурительных войн с русскими.

Местные судьи теперь назначаются в каждый округ. Они рассматривают преступления и определяют наказание, а также разрешают иски в соответствии с древними местными обычаями и законами. Весь протокол написан на арабском языке. Ни у одного из этих горских народов нет письменности, но они обычно используют арабскую письменность. Один русский генерал приложил немало усилий, чтобы попытаться ввести татарскую или турецкую письменность, но, как мне сказали, без особого успеха, и, на мой взгляд, к счастью, ибо, если и должна быть принята новая письменность, то конечно, было бы разумно ввести русский, и медленными шагами стереть с лица земли многочисленные родные горные диалекты. Утверждается, что на Кавказе не менее семидесяти различных диалектов³²; многие из них никоим образом не происходят даже от одних и тех же корней, и кажется несомненным, что, если бы европейский алфавит был принят по всей стране, никому бы хуже точно не стало, равно как и в случае, если бы они приняли турецкую или персидскую письменность.

Горцы очень любят закон. Известны случаи, когда человек дважды ездил из Гуниба в Шуру, на расстояние около девяноста верст, по вопросу о двадцати копейках, или о семи пенсах на наши деньги.

32. На Кавказе распространены нахско-дагестанские и абхазо-адыгские языки северокавказской семьи языков, а эти языки в свою очередь распадаются на диалекты. Имеются также языки, относящиеся к индоевропейской и алтайской языковым семьям.

ГЛАВА XXXIV. ИЗ БОТЛИХА В ВЕДЕНО

Стр. 218.

Около девяти утра мы покинули Ботлих. Мы довольно поздно начали путь, но в горах было не так жарко, чтобы ехать среди дня даже в августе. Первая деревня, через которую мы проехали, называлась Миарсо³³ [*Mahasu*]: довольно любопытно, что последний раз, когда я был в деревне с таким же названием, это было недалеко от Симлы, в Гималаях, на приеме у лорда Элгина, где он рассказывал удивительные истории о своем китайском опыте.

Продолжая наш путь в гору, мы прибыли в горную деревню, возле лагеря русских солдат у Тандо³⁴ [*Tandoo*]. Почетному эскорту, состоявшему из наиба, или унтер-офицера, и двух человек, было приказано сопровождать нас по всему Дагестану. Эти люди были верхом на изящных маленьких лошадях и очень колоритно одеты и вооружены; их оружие было богато инкрустировано серебром с искусным тиснением и чеканкой, качество изготовления которого оказало бы честь любому из лучших магазинов Лондона или Парижа; все это делается местными мастерами-горцами, проживающими в районе, называемом Кази-Кумух³⁵ [*Kasi Komook*], горы которого мы теперь видели вдалеке, и особенно в Кубачи [*Koorbachi*], укрепленном городке, расположенном между высокими горами, по-видимому, в тридцати или сорока милях к югу от Гуниба. (Стр. 219). Его жители раньше называли себя франками; они происходят, как говорят, от мастеров, которых Генуэзская республика, когда она была в полном расцвете и располагала предприятиями на Каспии, посылала обрабатывать металлы, найденные в рудниках. Будучи людьми большого мастерства и трудолюбия, они не только сберегли свои знания, но и обучили местных жителей. С закатом Генуэзской республики и распространением влияния турок и татар эти люди были изолированы от побережья и затеряны в горах Кавказа; но, сохранив мастерство своих предков, они сохранили и красоту художественного замысла, и совершенство его исполнения, передав это своим потомкам³⁶.

Во время войн Шамиля эти горские умельцы сосредоточили своё внимание на мастерстве усовершенствования ружей, и в то время, как Европа со всеми своими искусными инженерами, богатством и прогрессом вела бои устаревшими гладкоствольными ружьями, эти изобретательные люди снабжали Шамиля и его армию превосходным нарезным огнестрельным оружием. Похоже, именно этот народ Шамиль нанял для отливки своей медной пушки, которую мы видели на параде в Гунибе, а также для чеканки монет, ходивших на подвластной ему территории. Не имея собственной особой чеканки, они со скрупулезной точностью имитировали те иностранные монеты, которые считали наиболее удачными, придавая каждой из них во всей целостности вес, размер и пробу оригинала.

Как мне сообщили, большая часть лучших кинжалов и оружия всех видов, продаваемых в Тифлисе, покупается в Кази-Кумухе и переправляется через горы через Кахетию, причем цена, скорее всего, удваивается из-за жадности армянских лавочников.

33. Миарсо – аварское селение в 2 км от Ботлиха (ныне в составе Ботлихского района РД).

34. Тандо – аварское селение, недалеко от Ботлиха (ныне в составе Ботлихского района РД).

35. Кази-Кумух – старое название селения Кумух (ныне в составе Лакского района РД) с приставкой – Кази или правильное Гази, что указывало на статус Кумуха как газийского центра, т.е. базы исламских миссионеров, распространявших ислам в Нагорном Дагестане в средневековый период.

36. Существующая легенда о происхождении кубачинцев от франков и генуэзцев не соответствует действительности.

Стр. 221

Около двух часов дня мы дошли до озера Кезенойам [*Ai-si-lam*], или Форелевое: это живописное извилистое озеро около двух миль в длину и около полумили в ширину. Доехав до западной его оконечности, мы спешили перед палаткой, которую князь Накашидзе прислал для нас из Хунзаха, находясь в верстах в восьмидесяти или девяноста от этого места, со своими слугами, хорошим обедом, постелью и т.д.

Стр. 222.

Мы разделили обед с нашим наибом, туземным офицером. Это был очаровательнейший старик по имени Оглы-Гирик [*Ogli-Ghirik*] из района Ангесси³⁷ [*Angessi*]. Он был очень внимателен к нам в течение тех двух дней, что посещал нас. Эти горцы, хотя и фанатичные мусульмане, не очень разборчивы в предписаниях и едят из той же посуды, что и христиане; даже больше, они могут выпить немного водки украдкой от товарищей.

Стр. 224.

Покидая палатку ранним утром 29-го августа, мы направились в Ведено. Мы были рады солнцу, как бы мы ни старались избегать этого огненного бога последние два месяца.

Далее автор даёт описание своего пути через форт Ведено в Грозный.

Заключение

Итак, как это видно из приведенного материала, нарратив Канингейма содержит описание его путешествия по Дагестану в августе 1871 г. В его повествовании приводятся географические координаты, климат, гидрография (реки Кара-Су, Кой-Су, водопад Тобот, озеро Кезенойам), орография (Гунибская гора), наименования встреченных им по пути следования маршрута населенных пунктов (г. Порт-Петровск, с. Кафыр-Кумух, г. Темир-Хан-Шура, сс. Дженгутай, Гергебиль, Охли, Аймаки, Гергебиль, Гуниб, Хунзах, Ботлих, Тлох, Карата, Тандо, Ведено, Кази-Кумух, Кубачи и др.), персоналии (начальник Терской области Михаил Тариэлович Лорис-Меликов, князь Воронцов, полковник Михайлов, генерал Комаров; генерал, князь Накашидзе; генерал, князь Николай Зурабович Чавчавадзе; генерал от инфантерии, князь Григорий Дмитриевич Джамбакуриан-Орбелиани и др.).

Значительное место в его повествовании отводится этнографическому бытоописанию и хозяйственным занятиям горцев (террасное земледелие, метод обмолота колосьев молотильными досками с кремневыми зубьями, способы веяния зерна; садоводство Гергебиля с описанием сортов культивируемых фруктовых деревьев, винограда и технических культур). Автор приводит данные по разделению труда у горцев по гендерному признаку, отмечая большую загруженность женщины в трудовом процессе.

Канингейм описывает интерьер горского жилища (персидские ковры, деревянные скамейки, кушетки), сырьё (кизьяк), используемое горцами для отопления и приготовления пищи. Им уделено внимание типу и форме (планировка и характер заселения) поселений (сплошная, кучевая и террасообразная) и конструктивным особенностям жилища (плоские крыши домов), описанию фортов (Гунибская и Хунзахская крепости).

37. Возможно, что это селение Ингиши (ныне в составе Гумбетовского района Республики Дагестан).

Автор показывает внешний облик женщин Гергебиля, а также женскую и мужскую (черкеска с кинжалом и овчинная папаха) одежду и богато инкрустированное серебром с искусным тиснением и чеканкой личное оружие горцев.

Кроме того, им приводятся сведения об общественном быте и существующей на тот момент в Дагестане судебной системе (соответствие адата и российских законов, наказания за совершенные преступления).

Будучи англичанином, Канингейм не совсем точно приводит этнонимы (черкесы, лезги) дагестанских горцев, ошибочно называя татарами аварцев селений Охли и Гергебель. В его повествовании имеются и другие неточности. Например, он утверждает, что «в течение тридцати лет Шамиль, поставив себя во главе черкесско-татарских племен», боролся с могуществом России, хотя имам возглавлял сопротивление горцев части Дагестана и Чечни на протяжении 25 лет. Неверно также его утверждение, что на Кавказе имеется «не менее семидесяти различных диалектов». Особо трудной задачей при переводе представлялась расшифровка и идентификация топонимов и фамилий, так как их искаженные формы, скорее всего, были записаны автором на слух.

Будучи введенным в научный оборот перевод глав книги Артура Канингейма «Путешествия по Восточному Кавказу...» может послужить важным подспорьем в исследовательской работе историков, этнологов и источниковедов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Cunynghame, Arthur Augustus Thurlow. Travels in the Eastern Caucasus: On the Caspian and Black Seas, Especially in Daghestan, and on the Frontiers of Persia and Turkey, During the Summer of 1871.* London: John Murray, Albemarle St., 1872. 443 p.
2. Кавказская война: народно-освободительная борьба горцев Северного Кавказа в 20–60-х гг. XIX в. Махачкала: Институт ИАЭ ДНЦ РАН; Изд-во «Юпитер», 2006. 520 с.
3. Народно-освободительная борьба Дагестана и Чечни под руководством имама Шамиля: Сборник документов. М.: Институт ИАЭ ДНЦ РАН; «Эхо Кавказа», 2005. 552 с.
4. История Дагестана с древнейших времен до наших дней. В 2-х т. Т. 1. История Дагестана с древнейших времен до XX века. М.: Наука, 2004. 627 с.
5. История многовековых взаимоотношений и единения народов Дагестана с Россией: К 150-летию окончательного вхождения Дагестана в состав России / Отв. ред. А.И. Османов. Махачкала: Институт ИАЭ ДНЦ РАН, 2009. 752 с.
6. История народов Северного Кавказа (конец XVIII в. – 1917 г.). М.: Наука, 1988. 659 с.
7. *Прасолов Д.Н.* Закавказский край в царских путешествиях: от Александра II до Николая II // Электронный журнал «Кавказология». 2022. № 2. С. 69–86.
8. *Осмаев А.Д., Сефербеков М.Р.* История Северо-Восточного Кавказа первой половины XVIII в. в тру-

REFERENCES

1. *Cunynghame, Arthur Augustus Thurlow. Travels in the Eastern Caucasus: On the Caspian and Black Seas, Especially in Daghestan, and on the Frontiers of Persia and Turkey, During the Summer of 1871.* London: John Murray, Albemarle St., 1872.
2. *Caucasian War: the mountaineers' liberation struggle of the North Caucasus in the 20–60s of the 19th century.* Makhachkala: IHAЕ DSC RAS; Yupiter, 2006. (In Russ.)
3. *The people's liberation struggle of Dagestan and Chechnya under the leadership of Imam Shamil: Collected documents.* Moscow: IHAЕ DSC RAS; Eho Kavkaza, 2005. (In Russ.)
4. *History of Dagestan from ancient times to the present day.* In 2 volumes. Vol. 1. *History of Dagestan from ancient times to the 20th century.* Moscow: Nauka, 2004. 627 p. (In Russ.)
5. *History of centuries-old relationships and unity of the peoples of Dagestan with Russia: to the 150th anniversary of the final entry of Dagestan into Russia.* A.I. Osmanov (ed.). Makhachkala: IHAЕ DSC RAS, 2009. (In Russ.)
6. *History of the peoples of the North Caucasus (end of the 18th century – 1917).* Moscow: Nauka, 1988. (In Russ.)
7. *Prasolov DN.* Transcaucasian region in royal travels: from Alexander II to Nicholas II. *Kavkazologiya.* 2022, 2: 69–86.
8. *Osmaev AD., Seferbekov MR.* History of the North-Eastern Caucasus of the first half of the 18th cen-

дах исторических школ: историографический обзор // Вестник Академии наук Чеченской Республики. 2020. № 2 (49). С. 43–49.

9. Сефербеков М.Р. Джон Белл о походе Петра Великого в Дербент // История, археология и этнография Кавказа. 2022. Т. 18. № 4. С. 919–931.

10. Мусаев М.А., Абакаров И.М. Джонас Хенвей и Луи Базен о Дагестанском походе Надир-шаха 1741–43 гг. // История, археология и этнография Кавказа. 2019. Т. 15. № 4. С. 556–572.

11. Ткаченко Д.С. Путевые заметки Роберта Портера как источник изучения формирования образа Кавказа у европейской общественности первых десятилетий XIX в. // Электронный журнал «Кавказология». 2022. № 2. С. 22–36.

12. Cannon, Richard. The Thirty-Sixth, or the Herefordshire Regiment of Foot. The Historical Records of the British Army. London: Parker, Furnivall & Parker, 1853. 135 p.

13. Кавказский календарь на 1871 г. Тифлис, 1870.

14. Комаровы // Военная энциклопедия / Под ред. Ген. штаба полк. В.Ф. Новицкого, воен. инж. подполк. А.В. фон Шварца. СПб; М.: Тип. т-ва И.Д. Сытина, 1913. Т. 13.

15. Хапизов Ш.М. К вопросу об исламизации Сарира и личности. Абу-муслима ал-Хунзахи // Вестник Дагестанского научного центра РАН. 2017. № 64. С. 22–31.

16. Бобровников В.О., Сефербеков Р.И. Абу Муслим у мусульман Восточного Кавказа (к истории и этнографии культа святых) // Подвижники ислама: Культ святых и суфизм в Средней Азии и на Кавказе / Сост. С.Н. Абашин, В.О. Бобровников. М.: Вост. лит., 2003. С. 199–200.

ture in the works of historical schools: a historiographical review. *Bulletin of the Academy of Sciences of the Chechen Republic*. 2020, 49(2): 43–49.

9. Seferbekov MR. John Bell about Peter the Great's campaign in Derbent. *History, archeology and ethnography of the Caucasus*. 2022, 18(4): 919-931. (In Russ.)

10. Musaev MA., Abakarov IM. Jonas Hanway and Louis Bazin about the Dagestan campaign of Nadir Shah 1741–43. *History, archeology and ethnography of the Caucasus*. 2019, 15(4): 556–572. (In Russ.)

11. Tkachenko DS. Robert Porter's travel notes as a source for studying the formation of the image of the Caucasus among the European public in the first decades of the 19th century. *Kavkazologiya*. 2022, 2: 22-36. (In Russ.)

12. Cannon, Richard. The Thirty-Sixth, or the Herefordshire Regiment of Foot. The Historical Records of the British Army. London: Parker, Furnivall & Parker, 1853.

13. *Caucasian calendar for 1871*. Tiflis, 1870. (In Russ.)

14. Komarovs. *Military Encyclopedia*. St. Petersburg; Moscow: I.D. Sytin's typography, 1913. Vol. 13. (In Russ.)

15. Khapizov ShM. On the issue of Islamization of Sarir and personality of Abumuslim al-Khunzahi. *Bulletin of the Dagestan Scientific Center of the RAS*. 2017, 64: 22-31. (In Russ.)

16. Bobrovnikov VO., Seferbekov RI. Abu Muslim among the Muslims of the Eastern Caucasus (on the history and ethnography of the cult of saints). In: Abashin S.N., Bobrovnikov V.O. (comps.). *Devotees of Islam: The cult of saints and Sufism in Central Asia and the Caucasus*. Moscow: Vost. lit., 2003: 199-200. (In Russ.)

Поступила в редакцию 22.05.2023 г.

Принята в печать 21.06.2023 г.

Опубликована 15.09.2023 г.

Received 22.05.2023

Accepted 21.06.2023

Published 15.09.2023

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH193610-622>

Исследовательская статья

Хапизов Шахбан Магомедович
к.и.н., старший научный сотрудник
Институт истории, археологии и этнографии
Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН, Махачкала, Россия
markozul@mail.ru

К ВОПРОСУ О ДАТИРОВКЕ ДАТУНСКОГО ХРАМА

Аннотация. Исследование ставит перед собой несколько смежных задач. Прежде всего оно посвящено вопросу определения даты строительства единственного сохранившегося средневекового христианского храма на территории современного Дагестана. Вместе с тем рассматривается социальный характер поселения, функционировавшего рядом с храмом в средневековый период. Эти вопросы рассмотрены в рамках политической ситуации на Южном Кавказе и стратегии Византийской империи, предпринявшей в середине X в. попытку подчинить себе все христианские церкви на Кавказе. Такая постановка вопроса позволяет воссоздать целостную картину и ответить на вопросы, неизбежно возникающие при решении лишь одной из задач. При определении времени строительства Датунского храма исследователь отталкивается от датировки, предложенной специалистом по грузинской церковной архитектуре Р. Шмерлинг. Вместе с тем привлекаются вновь выявленные или по-новому интерпретированные письменные источники, которые, на взгляд автора, позволяют предложить более точную датировку. На основе средневековых армянских, грузинских, арабских и некоторых местных источников сделан вывод о том, что строительство Датунского храма было осуществлено по заказу царя Сарира (нуцала Аварии) Байара III (Бахтишор-хуасро) в 1008 г. Также, исходя из более поздних реалий и источников, предполагается, что Датунское поселение было зимней резиденцией данного правителя, жители которого были представителями зависимого сословия. Таким образом, данное исследование посвящено ряду смежных вопросов и носит комплексный характер, раскрывая вопросы политической и конфессиональной истории и проблемы поселенческой культуры средневекового Дагестана.

Ключевые слова: Дагестан; Сарир, Аварское нуцальство, Грузия; Армения; поселенческая культура; православие; церковь

Для цитирования: Хапизов Ш.М. К вопросу о датировке Датунского храма // История, археология и этнография Кавказа. 2023. Т. 19. № 3. С. 610-622. doi.org/10.32653/CH193610-622

© Хапизов Ш.М., 2023

© Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН, 2023

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH193610-622>

Research paper

Shakhban M. Khapizov,
Cand. Sci., Senior Researcher
Institute of History, Archeology and Ethnography
Dagestan Federal Research Center of RAS, Makhachkala, Russia
markozul@mail.ru

ON THE DATING OF THE DATUNA TEMPLE

Abstract. This study addresses several interconnected issues. Primarily, it delves into the challenging task of establishing the construction date of the sole surviving medieval Christian temple within the modern boundaries of Dagestan. Concurrently, it investigates the social dynamics of the settlement that existed alongside the temple during the medieval era. These issues are contextualized within the broader political landscape of the South Caucasus and the strategic maneuvers of the Byzantine Empire in its endeavor, during the mid-10th century, to assert dominance over all Christian churches in the Caucasus. This multifaceted approach enables the reconstruction of a comprehensive historical narrative and offers insights into questions that naturally arise when attempting to address any one aspect of this complex puzzle. In determining the Datuna Temple's construction timeframe, the study builds upon the dating framework proposed by R. Shmerling, a recognized expert in Georgian church architecture. Additionally, it incorporates newly uncovered or reinterpreted written sources, which, in the author's view, yields a more precise dating. Through an examination of medieval Armenian, Georgian, Arabic, and local sources, the study arrives at the conclusion that the Datuna Temple's construction was commissioned by King Sarir (Nutsal of Avaria) Bayar III (Bakhtishor-huasro) in the year 1008. Furthermore, considering subsequent historical developments and sources, the study posits that the Datuna settlement likely served as the winter residence of that ruler, housing individuals from a dependent social class. Consequently, the study provides a comprehensive exploration of political and confessional history, as well as shedding light on the cultural aspects of medieval Dagestan's settled communities.

Keywords: Dagestan; Sarir; Avar Nutsaldom; Georgia; settlement culture; Orthodox Christianity; church.

For citation: Khapizov Sh.M. On the dating of the Datuna Temple. *History, Archeology and Ethnography of the Caucasus*. 2023. Vol. 19. N. 3. P. 610-622. doi.org/10.32653/CH193610-622

© Sh.M. Khapizov, 2023

© Daghestan Federal Research Centre of RAS, 2023

В средневековый период одним из крупных государств Кавказа, согласно дагестанским хроникам, было Аварское нуцальство, известное в арабских и персидских источниках как царство Сарир. По письменным источникам в VII–XIV вв. здесь было распространено христианство, в X–XIII вв. являвшееся государственной религией. Утверждение такого статуса произошло, вероятно, в середине X в. и было связано с активизацией внешней политики Византийской империи, которая действовала на Восточном Кавказе через посредство Грузинской церкви. Этот процесс происходил синхронно с ослаблением Армянской церкви и усилением позиций православия (диофизитства). Письменные источники позволяют проследить его на примере так называемого Второго Албанского царства (*арм.* царство Алванк, *груз.* царство Эрети, *араб.* царство Шаки), располагавшегося в Алазанской долине и прилегающих южных склонах Кавказа. Согласно сведениям Драсханакерци (ок. 850–929), относящимся к нач. X в., население этого царства «из нашего народа и паства пажити нашей» [1, с. 161]. Т.е. население Албанского царства, в том числе прилегающих горных районов, в это время придерживалось христианства армянского толка (монофизитство). Но в сер. X в. царь Ишханик (943–959), сын царицы Динар, дочери Адарнарсэ Багратиони из Тао-Кларджети, под влиянием своей матери перешел в лоно православия и ввел в царстве диофизитское вероисповедание [2, с. 38–40].

На основе анализа армянских письменных источников мы можем прийти к выводу о том, что такой же процесс в сер. X в. произошел в царстве Сарир. Следует обратить внимание на сообщение Степаноса Таронеци (рубеж X–XI вв.), согласно которому князь Бер, который идентифицируется с нуцалом Аварии (Сарира) Байаром II (Бухт-Йишо II), правившим в сер. X в. [3, с. 67], предпринял поход на Армению. Перейдя Куру, войско под командованием Бера, напало на армян, но правитель попал в плен и содержался в городе Карс, пока не был выкуплен «ценою золота» и заключения мирного договора [4, с. 117–118]. Поход этот состоялся, вероятно, в 932 г. в правление царя Армении Абаса I Багратуни (929–953) [5, с. 72]. При описании похода Бера/Байара на Армению, армянские источники увязывают эту акцию с требованием освятить возведенную церковь святых апостолов в Карсе по халкидонскому чину. Учитывая, что в 930-е гг. при царе Абасе I произошел разрыв союза Византийской империи и Армении, и начались гонения на армянских монахов-монофизитов в Византии, откуда они массово бежали в Армянское (Анийское) царство, становятся очевидными корни указанного конфликта и проходивших тогда процессов в христианском мире Кавказа. Поскольку церковь в Ани была освящена в 931–932 гг., то поход тоже был осуществлен в этот же период и, по всей видимости, был инспирирован Византией, стремившейся покончить с независимостью Армянской церкви [5, с. 70–72]. Очевидно, что переход от монофизитства к диофизитству в Албанском царстве, произошедший в 930-е гг., а также аналогичный процесс в Сарире – следствие политики Византийской империи. Таким образом, есть основания полагать, что с сер. X по нач. XIII в. Константинополь в определенной степени осуществлял свою политику на Восточном Кавказе посредством Сарира, являвшегося оплотом православного христианства на Восточном Кавказе.

Наиболее ярким и значимым свидетельством, демонстрирующим глубину проникновения христианской культуры и православия в среду местного населения и уровень общественного и культурного развития, является наличие в Аварии большого числа христианских храмов [6, с. 2, 6]. Как отмечал Г. Гамбашидзе, такого типа культовые

постройки, как зального типа церкви, хотя и не выделяются сложными архитектурно-декоративными данными, но важны в историко-социологическом плане – построенные сельчанами для религиозной службы, они являются доказательством проникновения христианской религии вглубь, в среду местного населения [6, с. 7].

До нас дошел единственный сохранившийся в Дагестане почти в первозданном виде Датунский храм (рис. 1, 3, 4), расположенный в горной зоне – в ущелье *ГьатІан-кІкІал* (в пер. с авар. – «церковное ущелье»; авар. *гьатІан* – «церковь»), недалеко от одноименного сел. Датуна (Шамильский район РД). Этот памятник христианской архитектуры хорошо известен по литературе XIX–XX вв. Его упоминали в своих работах Д.Н. Анучин, А.П. Берже, Е.И. Козубский, Н.Б. Бакланов, А.П. Круглов, обстоятельные его архитектурные исследования провели Р.О. Шмерлинг [8] и В.И. Марковин [7]. И нашей задачей является не описание самого храма, а определение более точной даты его строительства, исходя из данных письменных источников.

Датунская церковь, как давно определили исследователи, являет собой классический пример грузинской церковной архитектуры. На основании архитектурных особенностей, Р.О. Шмерлинг установила его органическую связь с памятниками грузинского средневекового зодчества и «твердо и точно» датировала этот памятник «относительно небольшим отрезком времени» – самым концом X или первыми годами XI в. [8, с. 217].

Эта датировка, как видится, находит подтверждение и может быть уточнена при обращении к надписям на серебряных пластинах – образцах ювелирного искусства, изъятых в XVI в. из монастыря Зарзма в юго-западной Грузии, занятой османами. На одной из пластин имеется надпись грузинским шрифтом *асомтаврული*: «Христе, возвеличь *Бахтишор-хуасро*¹ царя!». Там же имеется приписка, сделанная более мелким шрифтом: «Христе, помилуй казначея дома». На парной пластине указана и дата: «Короникон 228», т.е. 1008 год [9, с. 98–107; 10, фото 107].

Согласно хронике XI в. «Тарих ал-Баб» («История Ширвана и Дербенда»), в 1025 г. дербентский амир Мансур «женился на Сарийе, дочери Бухт-Йишо, владельца Сарира» [11, с. 70, 136]. Д.Л. Мухелишвили установил [12, с. 149], что он же упоминается и в вышеуказанной надписи. При обращении к дагестанским источникам выясняется, что сирийское (арамейское) по происхождению теофорное имя² Бухт-Йишо (от *ἰῥῶς* – «Иисус») было церковным именем³ правителя Аварии Байара III, правившего на рубеже X–XI вв. [3, с. 68–69].

На восток от Датунского храма, на левом берегу безымянной речки расположено неисследованное средневековое поселение (рис. 2), где встречаются обломки средневековой керамики, и его могильник. О нем писал еще в XIX в. С.А. Берже: «Близ церкви находятся развалины построек и запустевшие, но, как видно, когда-то выделывавшиеся виноградники и поля, свидетельствующие, что тут находилось поселение, которое, как гласит предание, летом, по случаю сильных жаров, выходило на окрестные высоты, называвшиеся Тлияни, где также видны развалины построек. Теснота ущелья, приютившего в себе церковь и скудость окружающей природы, заставляют

1. Хуасро – титул, обозначающий правителя и происходящий от личного имени шаханшаха Хосрова I Ануширвана (531–579).

2. Теофорное имя (греч. θεός «бог» + φορός «несущий») – личное имя, включающее в себя имя бога (богов) или божественный эпитет.

3. Имя, которым обычно нарекаются при крещении или при монашеском постриге и которое не тождественно имени личному.

думать, что *церковь не имела особого прихода* (здесь и ниже выделено мной – Ш.Х.), но что сюда стекались из других мест на богомолье» [13, с. 59]. Судя по занимаемой площади, это поселение состояло из нескольких десятков жилых строений и, вероятно, являлось своего рода зимней резиденцией нуцалов Аварии, поскольку климат в столице царства на Хунзахском плато весьма суровый. В пользу этого предположения говорит традиция, сохранившаяся у нуцалов в Позднее Средневековье, и информация М. Алиханова-Аварского. Основываясь на устной традиции, зафиксированной в XIX в. у местных старожил, он писал: «...в старину Датун, говорят они, составлял личную собственность аварских ханов»⁴.

К сожалению, поселение близ Датунского храма еще не исследовано археологами, и поэтому сложно однозначно охарактеризовать его. Однако, на наш взгляд, можно предположить, что это было поселение зависимого сословия, работавшего при зимней резиденции нуцала Аварии. Как представляется, подобное поселение было подробно исследовано в 30 км ниже по течению р. Аварское Койсу (Авар-ор) в урочище Ортаколо. По итогам исследования поселения и его могильника, археологи пришли к следующим выводам. Урочище мало приспособлено к пахотному земледелию, а сами возделываемые террасы невелики по площади. Высокая плотность расположения могил на крутом склоне и многоактное использование каменных гробниц с выкладыванием более ранних погребенных на перекрытиях свидетельствует об ограниченности земельных ресурсов. Бедность погребального инвентаря и практически полное отсутствие оружия в погребениях, а также фиксируемые у погребенных травматические повреждения, которые носят либо «бытовой», либо «оборонительный» характер, могут указывать на то, что население было, скорее, объектом набегов, а не его участником. Краниологические материалы некрополя данного поселения продемонстрировали необычный и весьма неоднородный состав его населения и свидетельствуют о различном его происхождении. На основе данных фактов, авторы пришли к выводу, что «население, оставившее комплекс памятников в урочище Ортаколо, представляет собой так называемых лагов⁵ – плененных, являющихся ограниченной в правах группой населения», и сформировалось оно из представителей различных областей Кавказа [14, с. 209–210].

Как представляется, таким же поселением зависимого сословия могло быть и Датунское, располагавшееся, как и поселение Ортаколо, около храма и также имевшее ограниченные земельные угодья. Конечно, ответ на поставленный вопрос могут дать только комплексные исследования этого поселения и его могильника.

Столь небольшое поселение не могло быть инициатором возведения такого дорогостоящего здания. Указанные обстоятельства могут говорить в пользу того, что Датунская церковь была построена по заказу правителя Аварии в его резиденции профессиональным архитектором из Грузии. Также по заказу правителя Аварии профессиональным ювелиром из Грузии в 1008 г. были изготовлены предназначенные для церкви серебряные пластины с изображением библейских сюжетов. При сопоставлении этих фактов и с учетом архитектурных особенностей, а также датировки прочих церквей Аварии, выглядит правомерной гипотеза о том, что Датунский храм

4. Алиханов-Аварский М. В горах Дагестана. XXI // Газета «Кавказ», 25.09.1896 г.

5. Лаг (авар. – *лагъ*) – зависимое сословие, представленное обычно пленными или их потомками. Они обычно не имели в частной собственности недвижимости и отбывали различные повинности или выплачивали продуктовую ренту в пользу земельных собственников.

мог быть построен в 1008 г. (дата, указанная на пластинах) по заказу царя Сарира Байара III, упоминаемого в письменных источниках под церковным именем Бухт-Йишо или Бахтишор. Тогда же была изготовлена церковная утварь для неё, частью которой являются вышеуказанные серебряные пластины. Можно полагать, что после принятия ислама местным населением, священники Датунского храма переехали на территорию Грузии и захватили с собой церковную утварь.

Малые размеры поселений были обычным явлением в царстве Сарир, о чем свидетельствуют письменные источники. Арабский историк ал-Масуди в сочинении «Мурдж аз-захаб» (завершено в 956 г.) пишет, что у правителя Сарира *«было 12 тысяч селений, из которых он набирал столько слуг, сколько желал. Его страна суровая, и по этой причине недоступная, будучи расположена на одном из отрогов Кабха»* [11, с. 204]. Ал-Йакуби (ум. 897/98) в своём сочинении «Китаб ал-булдан» со ссылкой на чиновников, работавших на Кавказе, приводит ценные сведения о Сарире. По его словам, здесь имелось 18 тысяч населенных пунктов, и по этому количеству Сарир превосходил все области на Кавказе [15, р. 207].

Обращение к археологическим материалам и исследованиям дагестанских этнографов позволяет характеризовать подавляющее большинство этих населенных пунктов как мелкие, т.н. тухумные поселения, состоявшие не более, чем из 2-3 десятков хозяйств. Уже после развала единого централизованного государства Сарир возникают условия для набиравшего обороты процесса синойкизма, датируемого автором XIII–XIV вв. Этот процесс заключался в процессе формирования более крупных сельских общин за счет объединения ряда мелких тухумных поселений. Обусловлен он был в первую очередь начавшейся междоусобицей вследствие внутреннего кризиса и деформации централизованной власти в Аварском нуцальстве в конце XIII–XIV вв., а также, вероятно, внешней агрессией. В результате множество мелких населенных пунктов столкнулись с необходимостью самим обеспечивать свою безопасность и объединяться в крупные территориальные сельские общины, занимая под поселения наиболее приспособленные к обороне места или уже существующие населенные пункты, подвергавшиеся укрупнению за счет подселения к ним соседних тухумов. В ходе этих процессов более эффективная в экономическом отношении система хуторского расселения подверглась коренной трансформации. В частности, так происходило формирование наиболее крупных поселений Андалала во второй пол. XIV в. К примеру, одна из крупных общин – Ругуджа – образовалась в 1365 г. за счет объединения около десятка тухумных поселений [16].

По всей видимости, Датунская церковь функционировала до начала последней четверти XV в. – до времени, когда в этой зоне утвердился ислам. Расположенная рядом с Датунским храмом сельская община Батлук, как и союз общин (авар. бо) Гидатль, приняла ислам в 1475/76 г. [17]. Как гласит предание, записанное в 1946 г. Г.Я. Мовчаном в сел. Тлях (общество Гидатль), *«когда утвердилась истинная вера, гидатлинцы пошли на христиан походом и разрушили Датунскую церковь. Оттуда взяли три двери. Одна хранилась в Ураде, другая – в Генте, третья – вот эта – у нас, в Тляхе»*. Речь идет о деревянной трехдверной перегородке, длиной 2,5 м и высотой ок. 1,6 м, покрытой красивым, искусно выполненным резным узором, и являвшейся, по мнению исследователя, алтарной преградой. [18, с. 161-162]. Несмотря на неоднократные попытки автора найти ее в Тляхе, к сожалению, дальнейшую судьбу данного артефакта выяснить не удалось.

В завершении отметим, что относительно позднее приобщение населения этой горной зоны Дагестана к исламу позволило дольше сохраняться здесь христианству и, соответственно, письменной традиции на основе грузинского алфавита. Аналогичным образом, в Гидатле могла сохраниться и рукопись с текстами Евангелий от Марка и Луки, недавно выявленная в Фонде восточных рукописей Института истории, археологии и этнографии ДФИЦ РАН – как оказалось, ранее известная рукопись является палимпсестом, и поверх грузинского текста нанесен арабский. Рукопись состоит из 168 листов пергамента (средний размер листов 16,5×10 см), а не бумаги, что само по себе весьма редкое явление для средневекового Дагестана. Это обстоятельство свидетельствует о проявлении культурного влияния Грузии в Аварии посредством распространения грузинских рукописей. Изучение арабского текста показало, что мы имеем дело с суфийским сочинением рубежа X–XI вв., написанном в восточном Иране и переписанном в XVI в. в Горном Дагестане. Собственно, неканонический текст евангелий, написанный шрифтом *асомтаврули*, датируется второй пол. VII–VIII вв. Очевидно, что рукопись, написанная красивым, выверенным почерком золотистой краской, не была составлена в Дагестане, а была написана или в самой Грузии, или же в каком-либо грузинском монастыре за пределами страны и после привезена в Грузию [19]. Оттуда уже она могла быть приобретена царем Сарира для Датунской церкви или иным путем попасть на территорию Дагестана. Нами уже было высказано предположение о том, что возможно рукопись хранилась в одном из местных средневековых храмов Аварии (Сарира) и впоследствии она, очевидно, попала в руки переписчика-*катиба* арабских рукописей. Данное объяснение кажется нам логичным, поскольку набеги горцев на Грузию до XVII в. были явлением чрезвычайно редким и потому крайне маловероятна версия о том, что данная рукопись была трофеем, захваченным во время похода.

Финансирование. Публикация подготовлена в рамках поддержанного РФФИ научного проекта № 20-59-05010.

Acknowledgements. The study was financed within the framework of the RFBR supported research project No. 20-59-05010.

а

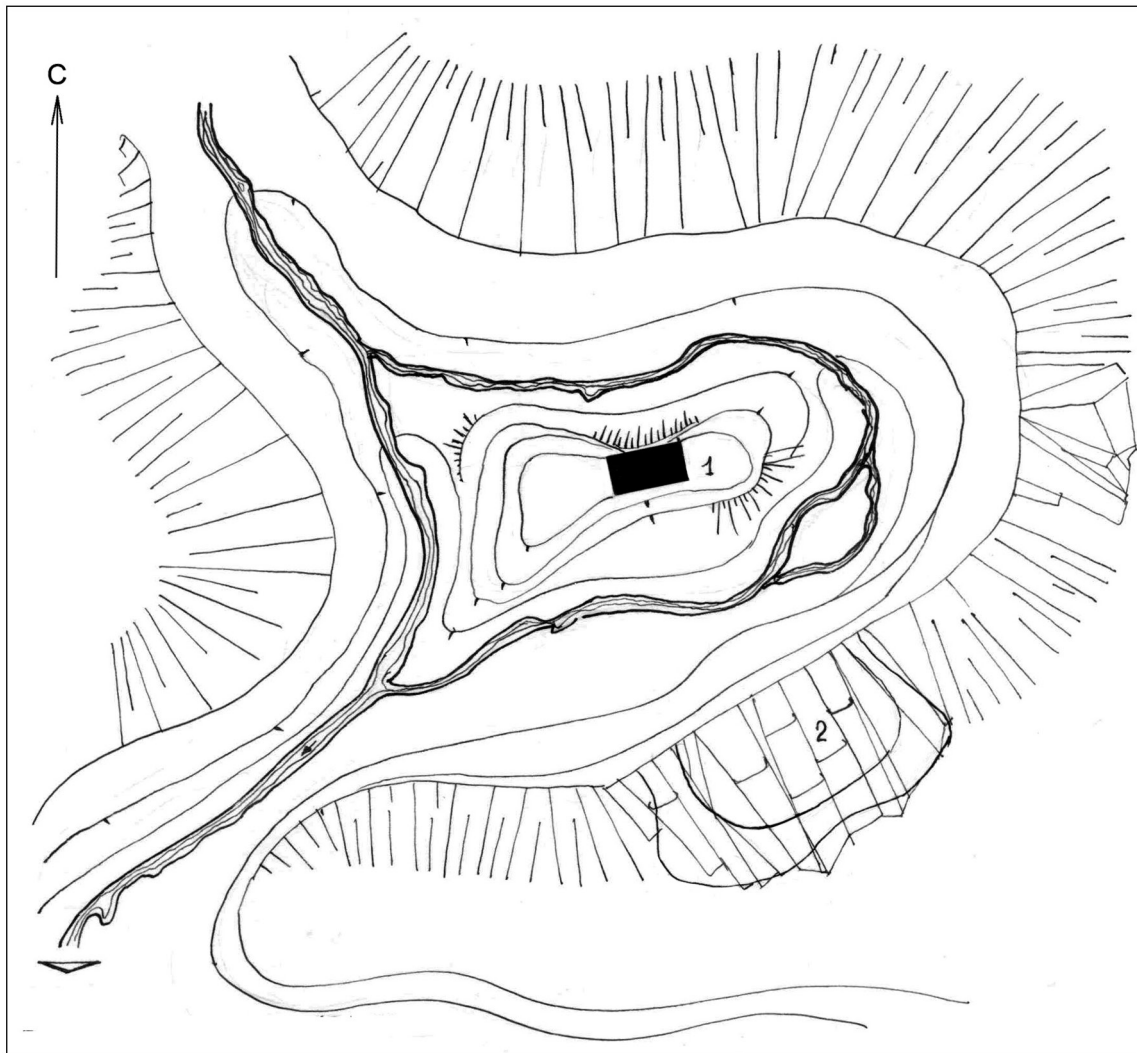

б

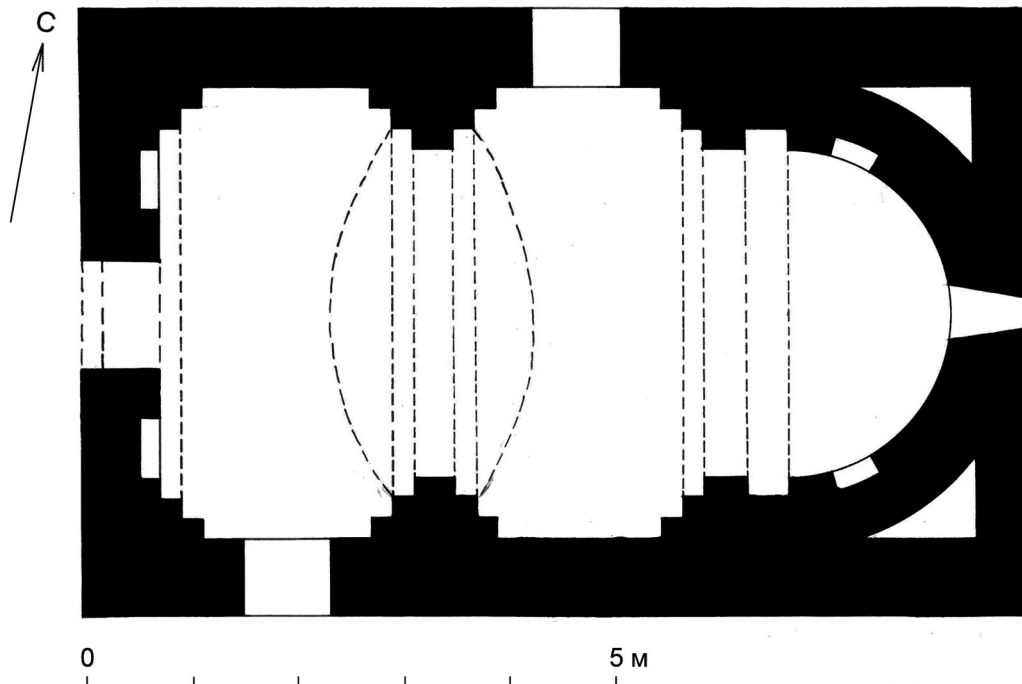
Рис. 1. Датунская церковь: а – общий вид с ЮЗ; б – центральный (западный) фасад, вид с запада.
Фото М.С. Гаджиева, 2018 г.

Fig. 1. Datun church: a – general view from the SW; b – central (western) facade, view from the west.
Photo by M.S. Gadzhiev, 2018

a

б

Рис. 2. Датунская церковь: а – генеральный план Датунской церкви и средневекового поселения; б – План Датунской церкви. Выполнены Г.М. Гузовой в 1976 г. Архив Агентства по охране культурного наследия РД

Fig. 2. Datun church: a – general plan of Datun church and medieval settlement; б – Plan of Datun church. Executed by G.M. Guzova in 1976. Archive of the Agency for Protection of Cultural Heritage of the Republic of Dagestan

a

б

Рис. 3. Датунская церковь: а – центральный вход, вид с запада; б – восточный фасад, вид с ЮВВ.
Фото М.С. Гаджиева, 2018 г.

Fig. 3. Datun church: a – central entrance, view from the west; b – eastern facade, view from the SE.
Photo by M.S. Gadzhiev, 2018

а

б

Рис. 4. Датунская церковь: а – полукруглая апсида; б – интерьер, центральный вход, вид с востока.
Фото М.С. Гаджиева, 2018 г.

Fig. 4. Datun church: a – semicircular apse; b – interior, central entrance, view from the east.
Photo by M.S. Gadzhiev, 2018

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Иованнес Драсханаркертци*. История Армении. Пер. с древнеарм., вступ. ст. и коммент. М.О. Дарбинян-Меликян. Ереван: Советакан грох, 1986.
2. *Мусхелишвили Д.Л.* Из исторической географии Восточной Грузии: (Шаки и Гогарена). Тбилиси: Мецниереба, 1982.
3. *Хапизов Ш.М.* Нуцалы Аварии (историко-генеалогическое исследование). Махачкала: ИИАЭ ДФИЦ РАН, 2021.
4. Всеобщая история Степаноса Таронского, Асохика по прозванию – писателя XI столетия / пер. с арм. и коммент. Н. Эмина. М.: Типография Лазаревского института восточных языков, 1864.
5. *Виноградов А.Ю., Белецкий Д.В.* Церковная архитектура Абхазии в эпоху Абхазского царства. Конец VIII – X в. М.: Индрик, 2015.
6. *Гамбашидзе Г.* Вопросы христианской культуры и исторической географии Аварии в свете результатов дагестано-грузинской объединенной археологической экспедиции АН ГССР и СССР. Тбилиси: Мецниереба, 1983.
7. *Марковин В. И.* О христианизации горцев северо-восточного Кавказа и храме Датун в Дагестане // *Художественная культура средневекового Дагестана*. Сборник статей. Махачкала, 1987. С. 37-48.
8. *Шмерлинг Р.* Церковь в с. Датун в Дагестане // *Журнал «Мацне»*. Тбилиси, 1968. № 2. С. 211–218.
9. *Чубинашвили Г.Н.* Грузинское чеканное искусство. Исследование по истории грузинского средневекового искусства. Текст. Тбилиси: Сабчота Сакартвело, 1959.
10. *Чубинашвили Г.Н.* Грузинское чеканное искусство. Исследование по истории грузинского средневекового искусства. Иллюстрации. Тбилиси: Сабчота Сакартвело, 1959.
11. *Минорский В.Ф.* История Ширвана и Дербенда X–XI веков. М.: Наука, 1963.
12. *Мусхелишвили Д.* Грузино-дагестанские культурно-исторические связи в раннем средневековье // *Kavkasiur-Akhloagmosavluri krebuli [Caucasian-Oriental Collection]*. Tbilisi, 2011. С. 147-150.
13. *Берже Ст. Ад.* Кавказ в археологическом отношении. Тифлис: Тип. глав. управ. наместн. кавказск., 1874.
14. *Малашев В.Ю., Фризен С.Ю.* Краниологические материалы из Гочатлинского 3-го (Ортоколинского) могильника (Хунзахский район, Республика Дагестан) // *Сибирские исторические исследования*. 2022. № 3. С. 195–212.
15. The Works of Ibn Wāḍih al-Ya‘qūbī. An English Translation. Volume 1. Edited by Matthew S. Gordon, Chase F. Robinson, Everett K. Rowson, and Michael Fishbein. Leiden, 2017.
16. *Хапизов Ш.М.* Ругуджинская надпись (о распространении христианства и ислама в Аварии) // *Вестник*

REFERENCES

1. Yovannes Draskhanarkertzi. *History of Armenia*. Transl. from ancient Arm., introd. and comment. by M.O. Darbinyan-Melikyan. Yerevan: Sovetakan Grokh, 1986. (In Russ.)
2. Muskhelishvili DL. *From the historical geography of Eastern Georgia: (Shaki and Gogaren)*. Tbilisi: Metsniereba, 1982. (In Russ.)
3. Khapizov ShM. *Nutsals of Avaria (historical and genealogical research)*. Makhachkala: IHAЕ DFRC RAS, 2021. (In Russ.)
4. *General history of Stepanos Taronsky (Asohik) – writer of the 11th century*. Transl. from Armenian and comment. by N. Emina. Moscow: Lazarevsky Institute of Oriental Languages, 1864. (In Russ.)
5. Vinogradov AYu., Beletsky DV. *Church architecture of Abkhazia during the era of the Abkhazian kingdom. The end of the 8th – 10th centuries*. Moscow: Indrik, 2015. (In Russ.)
6. Gambashidze G. *Questions of Christian culture and historical geography of Avaria in the light of the results of the Dagestan-Georgian joint archaeological expedition of the Academy of Sciences of the GSSR and the USSR*. Tbilisi: Metsniereba, 1983. (In Russ.)
7. Markovin VI. About the Christianization of the highlanders of the north-eastern Caucasus and the Datuna Temple in Dagestan. *Artistic culture of medieval Dagestan. Collected articles*. Makhachkala, 1987: 37-48. (In Russ.)
8. Shmerling R. Church in the village of Datuna in Dagestan. *Matsne Journal*. Tbilisi, 1968, 2: 211-218. (In Russ.)
9. Chubinashvili GN. *Georgian embossed art. Research on the history of Georgian medieval art*. Text. Tbilisi: Sabchota Sakartvelo, 1959. (In Russ.)
10. Chubinashvili GN. *Georgian embossed art. Research on the history of Georgian medieval art*. Illustrations. Tbilisi: Sabchota Sakartvelo, 1959. (In Russ.)
11. Minorsky VF. *History of Shirvan and Derbend of the 10th–11th centuries*. Moscow: Nauka, 1963. (In Russ.)
12. Muskhelishvili D. Georgian-Dagestan cultural and historical connections in the early Middle Ages. *Kavkasiur-Akhloagmosavluri krebuli [Caucasian-Oriental Collection]*. Tbilisi, 2011: 147-150. (In Russ.)
13. Berger SA. *The Caucasus in archaeological terms*. Tiflis: Main administration of viceroy of the Caucasus, 1874.
14. Malashev VYu., Friesen SYu. Craniological materials from the Gotsatlinsky 3rd (Ortokolinsky) burial ground (Khunzakhsky district, Republic of Dagestan). *Sibirskie istoricheskie issledovaniya*. 2022, 3: 195-212. (In Russ.)
15. The Works of Ibn Wāḍih al-Ya‘qūbī. An English Translation. Volume 1. Edited by Matthew S. Gordon, Chase F. Robinson, Everett K. Rowson, and Michael Fishbein. Leiden, 2017.
16. Khapizov ShM. Rugudzhins inscription (about the spread of Christianity and Islam in Avaria). *Bulletin of the Dagestan Scientific Center*. Makhachkala, 2015, 56: 36-45.

Дагестанского научного центра. Махачкала, 2015. Вып. № 56. С. 36-45.

17. *Хапизов Ш.М., Шехмагомедов М.Г.* К вопросу об исламизации центра горной Аварии в XV в., на примере биографии хаджи Удурата из Гидатля // Кавказоведческие разыскания. 2016. № 7. С. 266-270.

18. *Мовчан Г.Я.* Старый аварский дом в горах Дагестана и его судьба: По материалам авторских обследований 1945 – 1964 гг. М.: ДМК Пресс, 2001.

19. *Гванцеладзе Т.И., Гванцеладзе Г.Т., Хапизов Ш.М.* Грузино-арабский палимпсест из Дагестана (краткое сообщение) // История, археология и этнография Кавказа. 2018. Т. 14. № 4. С. 8-12.

17. *Khapizov ShM., Shekhmagomedov MG.* On the issue of Islamization of the center of the mountainous Avaria in the 15th century, using the example of the biography of Haji Udurat from Gidatl. *Kavkazovedcheskie razyskaniya*. 2016, 7: 266-270. (In Russ.)

18. *Movchan GYa.* *An old Avar house in the mountains of Dagestan and its fate: Based on materials from the author's surveys of 1945-1964.* Moscow: DMK Press, 2001. (In Russ.)

19. *Gvantseladze TI., Gvantseladze GT., Khapizov ShM.* Georgian-Arab palimpsest from Dagestan (brief report). *History, archeology and ethnography of the Caucasus*. 2018, 14(4): 8-12. (In Russ.)

Поступила в редакцию 22.06.2023 г.

Принята в печать 22.09.2023 г.

Опубликована 30.09.2023 г.

Received 22.06.2023

Accepted 22.09.2023

Published 30.09.2023

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH193623-634>

Исследовательская статья

Бабаджанов Бахтияр Мираимович
доктор исторических наук, главный научный сотрудник
Национальный центр археологии
Академии наук Республики Узбекистан, Ташкент, Узбекистан;
Институт востоковедения им. Р. Б. Сулейменова», Алматы, Казахстан
bbmir58@gmail.com

Курумбаев Айбулат Шамуратович
магистр гуманитарных наук, ведущий научный сотрудник,
Институт востоковедения им. Р. Б. Сулейменова, Алматы, Казахстан
aibulat@mail.ru

ЭПИТАФИИ ПОСТМОНГОЛЬСКОЙ ЭПОХИ. ОПЫТ СРАВНИТЕЛЬНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Аннотация. Распад Золотой Орды в конце XIV века совпал с серьезным всплеском традиции установления надмогильных памятников с арабографичной эпиграфикой. Это отнюдь не означало взаимной культурной изоляции тех этнических групп, которые входили в состав улуса Джучи-хана, раскинувшегося на значительной территории Евразии. Самым показательным индикатором религиозных и в целом культурных взаимовлияний больших и малых этно-политических групп могут служить их надмогильные памятники в виде стел и реже в виде призматических камней («сундуков»). В этой статье предложены обзоры некоторых групп памятников Западного Казахстана в контексте очевидных аналогов с надмогильными памятниками Северного Кавказа (особенно в Ногайской степи). Сходства подчас настолько очевидны (формы эпитафий, тамги, виды стел и пр.), что позволяет говорить о близких погребально-ритуальных традициях, родовых структурах, формах культа умерших у народов, соседствовавших в степях и городах евразийского пространства. Изучение надмогильных памятников евразийских степей как остатков материальной культуры, как предметов искусства, находятся в зачаточном состоянии. В результате формализованных описаний и неполных интерпретаций эпиграфики надмогильных стел этот источник оказался «вспомогательным материалом», чаще служащим для датировки или классификации родовых объединений и их тамг. Социальный анализ или культурологические контексты остаются в стороне. Эти обстоятельства заставляют искать новые интерпретационные модели, имея в виду, что надмогильные памятники и их тексты созданы в определенных исторических условиях и в социальной среде, для которой они были частью их ритуальных практик.

Ключевые слова: сынтастар; кулпытас; ногаи; казахи; эпиграфика; ислам

Для цитирования: Бабаджанов Б.М., Курумбаев А.Ш. Эпитафии постмонгольской эпохи. Опыт сравнительного исследования // История, археология и этнография Кавказа. 2023. Т. 19. No 3. С. 623-634. doi.org/10.32653/CH193623-634

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH193623-634>

Research paper

Bakhtiyar M. Babadjanov,
Dr. Sci., Chief Researcher
National Center of Archeology, Tashkent, Uzbekistan;
R.B. Suleimanov Institute of Oriental Studies, Almaty, Kazakhstan
bbmir58@gmail.com

Aibulat Sh. Kurumbaev,
Master of Arts, Leading Researcher
R.B. Suleimanov Institute of Oriental Studies, Almaty, Kazakhstan
aibulat@mail.ru

EPITAPHS OF THE POST-MONGOL ERA. EXPERIENCE OF COMPARATIVE RESEARCH

Abstract. The collapse of the Golden Horde in the late 14th century coincided with the widespread tradition of erecting tombstones adorned with Arabic inscriptions. This transition did not signify the cultural isolation of the diverse ethnic groups that constituted the ulus of Jochi Khan across vast Eurasian territories. One of the most telling indicators of the religious and broader cultural exchange among these large and small ethnopolitical groups is the presence of tombstones in the form of steles and, to a lesser extent, prismatic stones (“chests”). This paper offers an examination of various groups of monuments in Western Kazakhstan, placing them in the context of evident parallels with tombstones found in the North Caucasus, particularly in the Nogai steppe. Striking similarities are evident, encompassing epitaph shapes, tamgas, tombstone types, and more. These shared features illuminate analogous funeral and ritual traditions, clan structures, and the veneration of the dead among the neighboring peoples of the vast Eurasian steppes and cities. The study of tombstones in the Eurasian steppes as artifacts of material culture and art is still in its nascent stages. Regrettably, formalized descriptions and incomplete interpretations of tombstone epigraphy have produced limited results. This written source often serves primarily for dating or classifying clan associations and their tamgas, with social and cultural contexts frequently overlooked. Consequently, a quest for new interpretative models becomes imperative, acknowledging that tombstones and their inscriptions were created within specific historical circumstances and social settings, deeply intertwined with ritual practices.

Keywords: syntaslar; kulpytas; Nogais; Kazakhs; epigraphy; Islam

For citation: Babadjanov B.M., Kurumbaev A.Sh. Epitaphs of the Post-Mongol Era. Experience of Comparative Research. *History, Archeology and Ethnography of the Caucasus*. 2023. Vol. 19. N. 3. P. 623-634. doi.org/10.32653/CH193623-634

Введение

Исследования мусульманских погребальных сооружений и особенно намогильных памятников монгольской и пост-монгольской эпох в Евразийских степях и городах остается «terra incognita», несмотря на наличие серьезных публикаций, которые, однако, преимущественно обращались к материалу крупных городских центров, или известных святынь с комплексом архитектуры и погребальных сооружений. Самый показательный пример такой работы – замечательная публикация Л. И. Лаврова эпиграфических памятников Северного Кавказа [1].

Эпиграфика намогильных памятников ряда степных регионов крайне редко становилась предметом публикаций и до сих пор не исследовалась комплексно, не каталогизировалась. Исключения, видимо, составляют исследования декора и тамг намогильных стел. В публикациях «практически полностью отсутствуют сведения об эпитафиях, недостаточно разработана хронология, не вполне удовлетворительна аналитическая часть (это касается анализа и классификации декора намогильных камней и каменных сооружений)» [2, с. 60]. Мы бы добавили еще и любительские подходы в большинстве публикаций. По-видимому, скудное и чаще стандартное содержание эпиграфики намогильных памятников серьезно снижало интерес к этому виду письменного источника. Появляющиеся в последние годы публикации погребальной эпиграфики [2, с. 14–16] этот недостаток в той или иной мере преодолевают, хотя главные проблемы в этой сфере остаются. Это, прежде всего, отсутствие комплексности исследований и научной систематизации искомого материала.

В этой статье мы, во-первых, предлагаем обзор тех проблем, которые существуют в исследованиях погребальной эпиграфики степных районов Евразии (в географическом ее понимании). Во-вторых, постараемся соотнести существующие публикации с результатами собственных исследований на некоторых некрополях Западного Казахстана. Мы исходим из того, что «вариативность погребения коррелирует с вариативностью социальной» [3, с. 5], имея в виду близость погребально-ритуальных традиций кочевых субстратов названных территорий.

Существующие проблемы и первые попытки их преодоления

Как на пример преодоления упомянутых недостатков сошлемся на коллективную монографию «Сынтастар. Намогильные стелы Ногайской степи», которая впервые преодолела эту разрозненность, любительские подходы и другие недостатки [2]. Это плод творчества коллектива авторов, которые серьезно зарекомендовали себя в качестве профессиональных исследователей в разных сферах. Это обстоятельство (то есть междисциплинарный и комплексный подход к исследованию) повысило качество исследования намогильных памятников несмотря на то, что в каталоге представлена

лишь часть всего корпуса пока еще сохранившихся стел.

Составители презентовали свое исследование как Каталог [2, с. 66–627], который предваряет исследовательская часть [2, с. 8–65], с приложениями в виде таблиц с тамгами [2, с. 632–634] и обзора истории шейхов и святых [2, с. 628–631]. Исследовательская часть включает в себя обстоятельный историко-географический обзор и этнолингвистическое описание Ногайской степи («Предкавказье» по определению авторов). Здесь же мы находим топонимы кладбищ, описания погребальных обычаев ногайцев (включая устройство могил, ритуалы и пр.), их представления о смерти, отношение к покойникам и местам их погребений. Описаны материалы экспедиций, включена статистика (например, гендерные соотношения погребенных, социальные статусы), особенности резьбы, технологические наблюдения, особенности эпиграфики, содержания текстов (в основном трафаретных) и т. п. полезные обозрения в виде кратких очерков, создающие необходимый контекст для понимания изложенного ниже материала. В целом издателям Каталога удалось сделать первый шаг, чтобы преодолеть участь надмогильных памятников и их эпиграфики, как вспомогательного источника, из которого извлекаются лишь даты, изредка имена, сведения о родовых тамгах, декоративных особенностей.

Не оспаривая важности и актуальности Каталога, нам хотелось бы высказать некоторые замечания, иногда в виде обсуждения и возможно, пожеланий, тем более что это лишь первый и начальный опыт такого исследования, который авторы намерены продолжить. Мы полагаем, что рассуждения о морфологии форм сынтасов [2, с. 33–37] интересны, но недостаточны. Важно было бы изучить исторический контекст появления этих видов надмогильных памятников, которые, как мы полагаем, восходят к древним тюрко-монгольским традициям установки на могилах знатных людей «балбалов» (получивших название у русских путешественников «каменные бабы»). Тем более что название «синтас» также архаично («сын/син» – фигура, статья; «тас» – камень. Термин отсылает нас к устойчивым формам этих памятников как антропоморфных изваяний древних тюрков). Поэтому, предположение авторов о том, что «представленный в книге тип надмогильных стел сложился не ранее XVIII в.» [2, с. 24–25] нуждается в корректировке. Более ранние образцы (по крайней мере, не позже появления Золотой Орды) таких надмогильных стел хорошо известны (например, в Средней Азии, Крыму), в том числе и по публикациям, которые привели сами авторы. Это же касается анализа тамг и орнаментов сынтасов [2, с. 48–53]. И в этом случае, уместней было бы расширить ареал аналогов, обращаясь не только «на юг» (к кавказским аналогам), но и более обширным регионам к востоку и северу от ногайских степей (в том числе и Поволжье), к территории современного Западно-Казахстанского округа (ЗКО). Более расширенные поиски аналогов помогли бы, как нам кажется, преодолеть дискретность описываемого материала, на которую сетуют авторы Каталога [2, с. 53–55]. Желательно поместить этот материал в более обширный историко-географический контекст, дающий близкие аналоги, особенно в смысле родовых идентификаций основной части тамг, особенностей декорации, антропоморфных обликов, гравюр предметов и т. п.

Авторы полагают, что «из поля зрения эпиграфистов ... выпадает проблема

восприятия надписей, рисунков и орнаментов на ногайских сынтасах» и ставят уместные вопросы: «Читали ли жители Ногайской степи арабоязычные надписи? Или для них арабский текст вплетался в общий узор стелы как изящная арабеска? Или это *lingua franca*...? А если читали, то кто и зачем?» ... «... существует старое ориенталистское клише о том, что арабографичная каллиграфия в камне и на бумаге ... служила лишь декоративным целям, представляла не имеющую внутреннего смысла изящную, но пустую арабеску» [2, с. 55–56], и что к такому же мнению склоняются авторитетные ученые. При этом дана ссылка на нашу работу [4, с. 61].

Внесем ясность в эти поспешные выводы и вырванные из контекста ссылки. Во-первых, многие публикации современных специалистов по мусульманской эпиграфике ставят те же вопросы и по-разному на них отвечают, в зависимости от материала (например: [5, с. 12–17; 6, с. 13–38; 7, с. 29–33, 347–356]). Мы же утверждаем, что «нет смысла ставить вопрос об уровне 'грамотности населения', как это часто делалось в советской литературе, унаследовавшей не самые лучшие штампы ориентализма. Обнаруживаемые и вводимые в научный оборот огромное количество бумажных (юридических, экономических и проч.) документов у людей разных социальных и экономических сословий, наталкивает на мысль, что с грамотностью в целом все было в порядке» [8, с. 61].

Во-вторых, собственно эпиграфика, как и любой текст, неоднобразна. Когда речь идет об «элитных текстах», исключительно на классической архитектуре и написанных языком «высокой литературы» с массой аллегорий и иных приемов эксклюзивных текстов (далеким от языка в живом общении), то их чтение действительно требуют специальной подготовки. Поэтому эпиграфика (как и любой текст) такая же социальная, как и ее условные «потребители», степень грамотности которых может быть разной.

В-третьих, как раз надмогильные тексты в большинстве своем не подпадают под такие характеристики, а их язык стандартизировался (по словам авторов в виде штампов), либо был предельно упрощен, как в случаях большинства ногайских памятников. В этом смысле трудно согласиться с авторами о том, что «в ногайских эпитафиях безраздельно господствует литературный арабский язык (*ал-фусха*)». Это преимущественно обычные тексты-клише, далекие от литературного арабского. Тем более авторы сами утверждают, что камнерезы (и возможно, каллиграфы, в случаях пространственных текстов на надмогильных памятниках религиозной элиты) плохо владели арабским (1, с. 38–40).

Кстати, многие надписи Каталога требуют более обширных комментариев грамматики и особенностей написания в самом Каталоге. Еще одна проблема в Каталоге связана с корректным прочтением тюркских имен. По нашим наблюдениям примерно треть имен в презентованных текстах имеет проблемы в чтении (прочтены неточно, либо вовсе не прочтены). Правда, тюркская ономастика в погребальной эпиграфике одна из самых проблемных. Обычно эпиграфисты по-разному решают эти проблемы. Например, обращаясь к указателям академических изданий словарей, в том числе

по ономастике, к изданиям тюркского эпоса (Радлов, Будагов, Дорфер, Сюмер и др.). Авторы не обращались к этим словарям. Поэтому чтение имен и «Указатели» оказались проблемными.

В целом, несмотря на упомянутые упущения, изданный Каталог ногайской погребальной эпиграфики следует оценить положительно, поблагодарить авторов за кропотливый и полезный во всех отношениях труд. Надеемся, что авторы продолжат эту работу.

Наше обращение к этому Каталогу не случайно, так как ряд наблюдений его составителей, параллели которым мы находим в ряде изучаемых нами похожих надмогильных памятников (местное название *кулпытас*) в Западно-Казахстанской области и других районах Казахстана [8, с. 7–12 и далее] и Узбекистана. Особенно это касается орнаментальных оформлений, высеченных под или реже над текстами, предметов (одежда, утварь), форм тамг, стилизованных животных и т. п. Мы нашли, что часто формы стел и стилистические лекала текстов очень сходны, равно как и почерки эпитафий с упомянутым Каталогом. Эти сходства мы предполагаем осмыслить в ходе наших исследований, прежде всего, в историко-культурном контексте. В этом смысле для нас будет особенно важен опыт авторов представленного Каталога. Для нас важно также, что исследователи отметили значение эпиграфики, которая служит самостоятельным и надежным источником для восстановления родовых сетей как основы социальных сегментов общества [2, с. 57].

В ходе проводимых Институтом востоковедения Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан плановых проектов (в том числе и в составе экспедиций в различные регионы Казахстана) обнаруживаются новые, памятники погребальной эпиграфики. Приведем некоторые предварительные результаты изучения крупных мемориальных комплексов.

Комплекс «Маулимберды», включает в себя три некрополя «Маулимберды-1», «Маулимберды-2» и «Каракоба», в окрестностях села Базартобе Акжайыкского района. Здесь было зафиксировано более 200 кулпытасов (синтасов). На комплексе функционировали медресе и мечеть. Этот комплекс ранее не упоминался в научных публикациях. Помимо обычной работы по учету и взятию под охрану памятников комплекса, проведена их фотофиксация, предварительные чтения эпитафий, обмеры и т. п. работа. Как ожидалось, формы надмогильных стел схожи с описанными выше кулпытасами (синтасами) (рис. 1).

Эпитафии написаны на арабском языке, достаточно грамотно, каллиграфическим почерком (как на этой стеле 'Абд ал-Карима, сына Шир-'Али). Резчики, очевидно, были профессионалами и, в той или иной мере, понимали тексты, либо точно следовали написанным каллиграфами калькам. Зафиксированы надписи 55 стел с эпитафиями в арабской графике. Интересно, что традиция установления камней продолжилась и в советское время; зафиксированы надписи 10 стел в кириллице с эпитафиями в традиционном стиле.

Комплекс «Хан зираты» расположен в окрестностях села Кызылжар Шагатайского сельского округа Теректинского района. Некрополь был известен среди местного населения как «Хан мэйіті» (то есть «Ханские останки»). Однако население не знает

имен тех, кто похоронен здесь (рис. 2).

В ходе пилотной экспедиции, проведенной исполнителями научного проекта (К. Куттымуратулы, А. Курумбаев), было выяснено, что главная могила принадлежит хану Младшего жуза Жанторе Айшуакулы (правил в 1805–1809). (рис. 3).

В результате экспедиционных работ обнаружены и обработаны – 141 стела и иные формы надмогильных стел. Все исследования этого некрополя и биографии исторических личностей, похороненных здесь, до сих пор проводились исключительно на основе легенд, сохранившихся в памяти местных старожилов. Изучение эпиграфики внесло существенные уточнения в состав погребенных, их общественный и политический статусы и т.п. Например, наряду с представителями родовой и политической элиты (с титулами «хан», «бай», «бий» «батыр» и т.п.) выявлена группа религиозной элиты (с титулами «шайх», «мударрис» «абыз», «ахун» с суфийскими титулами и др.). Интересен набор *нисб*, отражающий забытые (переименованные) села, городки и иные местности.

Такие же работы по фиксации и предварительной обработке проведены на некрополе Жангир-хана (Бокей-ордынский район Атырауской области). В ходе исследований проведена реинвентаризация памятников, обнаружены новые неучтенные стелы (в том числе в ходе раскопок). В результате этих работ зафиксировано 497 надмогильных памятников. (рис. 4).

За последние три года организовано 7 экспедиций с таким же набором исследований и работ по выявлению, очистке и фотофиксации старых и новых памятников, их зарисовками, систематизацией, составлением карт, предварительным чтением и т.п.

Работы проводились по следующему алгоритму и методам фиксации: зачерчивание архитектуры (погребального сооружения, мавзолеев, если есть, оград, фиксация призматических плит и стел); определение материала (мрамор, гранит, песчаник, цвет памятника) и параметров (размеров); фиксации графики (орнамента, алфавита, стиля надписей, техники гравировки); содержание эпитафий и сопровождающих текстов (статусы погребенных, родовая принадлежность и т.п.).

Обобщение данных зафиксированных надписей позволяет нам сделать предварительные выводы. Все надписи надмогильных памятников казахских предводителей (кроме комплекса Маулимберды), составлены на классическом тюркско-чагатайском языке. Большинство надписей имеют точные даты смерти или изготовления, что облегчает задачу выявления их историко-культурных контекстов. Особого внимания заслуживают эпитафии казахских ханов. Если в надписях XVIII в. в именах заметна тенденция религиозной (исламской) сакрализации покойных, а значит и основного источника легитимации их власти (Абу-л-Хайр-хан, Нур-‘Али-хан), то в XIX в. имена обретают этнополитический оттенок, что заметно в титулах, в которых, например, возрождается идея о «едином хане Дашт-и Кыпчака».

По содержанию и назначению изученные надписи обычно делятся на три группы: 1) благочестивые цитаты и назидательные изречения, как правило, религиозного содержания, многие из которых восходят к Корану и *хадисам* Пророка, либо цитируют их; 2) эпитафии с именами, титулами и датами смерти; 3) благопожелания. Каждая структурная единица текста занимает на плите «свое место». Иными

словами, речь идет о стандартизации и иерархическом статусе компонентов текста. Сопроводительные тексты, обычно, состоят из подбора различных формул, одни из которых встречаются часто, другие – реже. Если краткие надписи состоят из одной эпитафии, содержащей лишь имя и отчество покойного (или покойной), а также года смерти и времени погребения, то в более развернутых эпитафиях на могилах представителей местной мусульманской духовной элиты тексты обычно предваряют благочестивые вступительные формулы и коранические цитаты.

Заключение

Таким образом, наши исследования находятся на стадии перерастания количества в качество. Помимо необходимости повторить опыт составителей упомянутого Каталога, исследовательская группа приходит к выводу о важности составления Единого корпуса погребальной эпиграфики Казахстана. При этом не менее важно сопоставление его с аналогичным материалом соседних областей тех территорий, которые некогда входили в состав Золотой Орды и во многом унаследовали ее культурные, этнополитические, социальные и иные «материальные и нематериальные лекала» обществ прошлого. Важно иметь в виду, что современные политические границы не совпадали с культурными и социальными границами обществ прошлого, что должно побуждать исследователей изучать исходный материал, который следует условно «возвращать» в те эпохи, когда они созданы, имея в виду, что культурные и общественные формы имели иные (не похожие на сегодняшние) этногеографические локусы.

Подобные структурные сходства мы наблюдаем в обширной литературе с подобными надмогильными памятниками (их основной список указан в упомянутом Каталоге [2, с. 8–37]). Поиск аналогов и систематизация такого рода материала не самоцель. Стелы с их антропоморфной формой, декоративной и письменной символикой могут дать новую телескопию на всю постзолотоордынскую мемориальную атрибутику как на зримые идеограммы продолжающегося в то время процесса исламизации в степях Евразии в самом обширном понимании (ритуальной, идеологической, социальной, с точки зрения изменений в ономастике и т. п.). Или, например, важно оценить и понять причины концентрации надмогильных памятников на отдельных площадках по родовым признакам. Либо сохранение родовых тамг, как символов родовых корпораций в пределах общины. Как эти устойчивые социальные реалии сочетались с исламской идеей единства общины вне этнической идентичности? Или мы должны говорить об особенностях ислама в среде казахов, ногайцев, кумыков, каракалпаков и др. этнических групп, которые соседствовали в степях Евразии? Или, например, можем ли мы на основании изучаемых надмогильных памятников говорить о «степных» формах бытования ислама, с обширной контаминацией исламских и доисламских компонентов? Надмогильные памятники особенно ярко отражают все упомянутые процессы.

Целый пласт специфических ногайских и казахских слов и терминов представляет

несомненный интерес для филологов, изучающих заимствованные слова в диалекте буюевских казахов или казахов, проживающих в междуречье Волги и Урала. Это прежде всего касается таких терминов как *сынтас*, *бас казык*, *шийхлар*, *зийарат*, *ольик*, *кыблама* и т. д. Кроме того, сопоставляя тексты надмогильных памятников упомянутого Каталога с нашим материалом, собранным в Западно-Казахстанской области в других регионах, мы все больше убеждаемся, что, несмотря на скудные формы текстов эпитафий, при должном подходе они помогут оценить формирование особенностей «языка погребальной эпиграфики» как письменности, особенности синтаксических конструкций в постзолотоордынском пространстве тюркских народов и особенно родовых корпораций, их сложные родственные и социальные связи (как важный компонент социальной идентичности на значительных территориях), круг святых, вокруг которых складывались целые некрополи (получающие нередко соответствующие эпонимы), ставшие символами духовных предпочтений целых родов и колен. Очевидно, что такого рода важные контексты, которые может дать комплексное исследование погребальной эпиграфики, не изучены в полной мере, что побуждает продолжать исследования, имея в виду единые культурные и лингвистические сходства социумов, обитавших на огромном Евразийском пространстве в прошлом.

Благодарность. Статья подготовлена в рамках реализации проекта грантового финансирования Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан «Преимственность и трансформации в традициях и культуре постзолотоордынских обществ (сравнительное изучение эпиграфических памятников Западно-Казахстанского, Волго-Уральского, Дагестанского, Хорезмского регионов)» (регистрационный номер: BR18574063).

Acknowledgements. The article was prepared as part of the implementation of the grant funding project of the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan “Continuity and transformation in the traditions and culture of post-Golden Horde societies (comparative study of epigraphic monuments of West Kazakhstan, Volga-Ural, Dagestan, Khorezm regions)” (registration number: BR18574063)

Рис. 1. Кулпытас муллы ‘Абд ал-Карима, сына Шир-‘Али б. ал-Хаджжа ал-Баликлави. Комплекс «Маулимберды», в окрестностях села Базартобе Акжаикского района Западно-Казакстанской области (фото Курумбаева А.Ш.)

Fig. 1. Qulpytas of mullah ‘Abd al-Karim, son of Shir-‘Ali b. al-Hajja al-Baliklawi. Maulimberdy complex, in the vicinity of the village of Bazartobeh, Akzhaik district, West Kazakhstan region (photo by Kurumbaev A.Sh.)

Рис. 2. Комплекс «Хан зираты», в окрестностях села Кызылжар Шагатайского сельского округа Теректинского района ЗКО (фото Курумбаева А.Ш.)

Fig. 2. Khan Zirata complex, in the vicinity of the village of Kyzylzhar, Shagatai rural district, Terektinsky district, West Kazakhstan region (photo by Kurumbaev A.Sh.)

Рис. 3. Кулпытас хана Младшего жуза Жанторе Айшуакулы. Комплекс «Хан зираты», в окрестностях села Кызылжар Шагатайского сельского округа Теректинского района ЗКО (фото Курумбаева А.Ш.)

Fig. 3. Qulpytas of Khan of the Junior juz Zhanторе Aishuakuly. Khan Zirata complex, in the vicinity of the village of Kyzylzhar, Shagatai rural district, Terektinsky district, West Kazakhstan region (photo by Kurumbaev A.Sh.)

Рис. 4. Кулпытас Ермекжан-ханум дочери Шынали-султан. Некрополь Жангир-хана, Бокей-ордынский район ЗКО (фото Курумбаева А.Ш.)

Fig. 4. Qulpytas of Yermekzhan Khanum, daughter of Shynali Sultan. Necropolis of Zhangir Khan, Bokey Orda district of West Kazakhstan region (photo by Kurumbaev A.Sh.)

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

REFERENCES

1. Эпиграфические памятники Северного Кавказа на арабском, персидском и турецком языках. Тексты, переводы, введение и приложения Л.И. Лаврова. Серия: Памятники письменности Востока. Часть 1. Надписи X–XVII вв. Москва: Наука, 1966 (261 с.); Часть 2. Надписи XVII–XX вв. Москва: Наука, 1968 (242 с.); Часть 3. Надписи X–XX вв. Новые находки. Москва: Наука, 1980 (168 с.).

2. *Сынтастар*. Намогильные стелы Ногайской степи / Отв. ред.-сост.: К.С. Бальгишиев, В.О. Бобровников, Е.И. Желтов, В.А. Кореняко (при участии А.А. Ярлыкапова). Фотографии Е.И. Желтова. Москва: Издательский дом Марджани, 2016. ISBN 978-5-903715-97-8. – 672 с. (с иллюстрациями).

3. Hodder, Ian & Hutson, Scott. *Reading the Past. Current Approaches to Interpretation in Archaeology*. Cambridge: Cambridge University Press, 2003 (3rd edn). P. 1-28.

4. Бабаджанов Б.М. Архитектурная эпиграфика Хивы: культура, прокламация, идеология. Вена: Институт Иранских исследований Академии наук Австрийской Республики, 2014. Постоянный адрес статьи: <https://seeinglikeanarchive.files.wordpress.com/2014/09/arkhitekturnaia-epigrafika-khivy1.doc>

5. Blair, Sheila. The Monumental Inscriptions from Early Islamic Iran and Transoxiana // *Studies in Islamic Art and Architecture Supl.* Muqarnas. 1992. Vol V. Leiden – New-York – København – Köln. 317 p.

6. Hillenbrand, Robert. Islamic Monumental Inscriptions Contextualized: Location, Content, Legibility and Aesthetics // Lorenz Korn und Anja Heidenreich (Eds.) “Ernst-Herzfeld-Gesellschaft, Beiträge zur islamischen Kunst und Archäologie”. 2012. Band 3. Wiesbaden. P. 13-38.

7. Бабаджанов Б.М. Эпиграфика в архитектурном ландшафте Хивы: мечети, погребальные комплексы, медресе, дворцы, ворота. Часть 1: Введение, чтение текстов, комментированные переводы. Вена: Академия наук Австрии, 2019. – 377 с. Альбом иллюстраций с аннотациями. – 390 с.

8. Аджигалиев С.И. Генезис традиционной погребально-культовой архитектуры Западного Казахстана (на основе исследования малых форм). Алматы: Гылым, 1994. – 260 с.

1. *Epigraphic Monuments of the North Caucasus in Arabic, Persian and Turkish. Texts, Translations, Introduction and Applications by L.I. Lavrov*. Series: Monuments of Eastern Literature. Part 1. Inscriptions 10th–17th centuries. Moscow: Nauka, 1966; Part 2. Inscriptions of the 17th–20th centuries. Moscow: Nauka, 1968; Part 3. Inscriptions of the 10th–20th centuries. New Findings. Moscow: Nauka, 1980. (In Russ.)

1. *Syntaslar. Grave Steles of the Nogai Steppe (Catalog)*. Eds.: K.S. Balgishiev, V.O. Bobrovnikov, E.I. Zheltov, V.A. Koreniako (with the participation of A.A. Iarlykapov). Photos by E.I. Zheltova. Moscow: Marjani Publ., 2016. ISBN 978-5-903715-97-8. (In Russ.)

7. Hodder, Ian & Hutson, Scott. *Reading the Past. Current Approaches to Interpretation in Archaeology*. Cambridge: Cambridge University Press, (3rd Edition), 2003: 1-28.

8. Babadjanov B.M. *Architectural Epigraphy Khiva: Culture, Proclamation, Ideology*. Vienna: Institute of Iranian Studies of the Academy of Sciences of Austria. 2014. (<https://seeinglikeanarchive.files.wordpress.com/2014/09/arkhitekturnaia-epigrafika-khivy1.doc>)

5. Blair, Sheila. The Monumental Inscriptions from Early Islamic Iran and Transoxiana. *Studies in Islamic Art and Architecture Supl.* Muqarnas. 1992. Vol V. Leiden; New-York; København; Köln.

6. Hillenbrand, Robert. Islamic Monumental Inscriptions Contextualized: Location, Content, Legibility and Aesthetics. In: Lorenz Korn und Anja Heidenreich (eds.) *Ernst-Herzfeld-Gesellschaft, Beiträge zur islamischen Kunst und Archäologie*. Band 3. Wiesbaden, 2012. pp. 13–38.

3. Babadzhanov B.M. *Epigraphy in the Architectural Landscape of Khiva: Mosques, Burial Complexes, Madrasas, Palaces, Gates. Part 1: Introduction, Reading Texts, Commented Translations*. Vienna: Austrian Academy of Sciences, 2019.

2. Azhigaliev S.I. *Genesis of the Traditional Funerary-Cult Architecture of Western Kazakhstan (Based on the Study of Small Forms)*. Almaty: Gylym, 1994. (In Russ.)

Поступила в редакцию 28.04.2023 г.

Принята в печать 30.07.2023 г.

Опубликована 15.09.2023 г.

Received 28.04.2023

Accepted 30.07.2023

Published 15.09.2023

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH193635-675>

Исследовательская статья

Ханмурзаев Исмаил Ибрагимович
научный сотрудник
Институт истории, археологии и этнографии
Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН, Махачкала, Россия
xanmurzaev@yandex.ru

Наврузов Амир Рамазанович
к.и.н., ведущий научный сотрудник
Институт истории, археологии и этнографии
Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН, Махачкала, Россия
anavruzov@rambler.ru

НАДМОГИЛЬНЫЕ СТЕЛЫ ЧЛЕНОВ СЕМЬИ И БЛИЖАЙШИХ МЮРИДОВ ТАШАВА-ХАДЖИ АЛ-ИНДИРИ КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

Аннотация. Эпиграфика надмогильных стел, наряду с археографическими материалами, является одним из важнейших исторических источников. Особое значение эпиграфические памятники имеют в условиях Чечни, т.к. во время высылки чеченцев в Среднюю Азию многие письменные материалы оказались безвозвратно утраченными. В этой ситуации важность изучения этих памятников возрастает многократно. Эпиграфические памятники помимо важного информационного содержания, обладают и определенной художественной ценностью. Ввиду всего вышеуказанного, значимость их научного исследования и введения в научный оборот очевидна. Целесообразным, как нам видится, будет начать, прежде всего, с изучения эпиграфических памятников известных персон, к которым относятся военные, политические и религиозные деятели. К числу наиболее известных личностей в Чечне относятся накшбандийский и кадирийский шейх, наиб Ташав-хаджи ал-Индири (из сел. Эндирей), который объединил в себе все три ипостаси деятелей – религиозную, военную и политическую. Интерес исследователей к этой фигуре в последнее время значительно возрос. Однако статьи практически всех исследователей посвящены самому Ташаву-хаджи, тогда как о членах его семьи мало что известно. Очень важное значение в жизни и деятельности ал-Индири имело его ближайшее окружение – это и прибывшие с ним мухаджеры, и ближайшие мюриды из числа местных жителей. Специальных исследований, посвященных этой тематике нет. Целью исследования является восполнить этот пробел, определив кто именно относится к этому кругу, привести тексты эпитафий и дать их перевод. Научная новизна заключается в том, что материалы этих эпитафий до сих пор не обнародовались и, соответственно, не становились объектом научного исследования. В результате проведенной работы были выявлены памятники ближайшего круга из числа родственников и мюридов шейха. К этим памятникам даны общие описания, тексты эпитафий, а также их перевод.

Ключевые слова: история; эпиграфика; Ташав-хаджи; Очар-хаджи; Зелимхан; суфизм; накшбандий; Эндирей; Саясан; Дагестан; Чечня

Для цитирования: Ханмурзаев И.И., Наврузов А.Р. Надмогильные стелы членов семьи и ближайших мюридов Ташава-Хаджи ал-Индири как исторический источник // История, археология и этнография Кавказа. 2023. Т. 19. № 3. С. 635-675. doi.org/10.32653/CH193635-675

© Ханмурзаев И.И., Наврузов А.Р., 2023

© Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН, 2023

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH193635-675>

Research paper

Ismail I. Khanmurzaev,
Senior Researcher
Institute of History, Archeology and Ethnography
Dagestan Federal Research Center, RAS, Makhachkala, Russia
xanmurzaev@yandex.ru

Amir R. Navruzov,
Cand. Sci., Leading Researcher
Institute of History, Archeology and Ethnography
Dagestan Federal Research Center, RAS, Makhachkala, Russia
anavruzov@rambler.ru

TOMBSTONES OF FAMILY MEMBERS AND CLOSE MURIDS OF TASHAV-HAJI AL-INDIRI AS VALUABLE HISTORICAL SOURCES

Abstract. Epigraphic inscriptions on tombstones, in conjunction with archaeological materials, are one of the most important historical sources. In the context of Chechnya, where a significant loss of written materials occurred during the deportation of Chechens to Central Asia, the importance of these inscriptions becomes even more pronounced. Beyond their informational significance, epigraphic monuments also possess artistic value. Considering these factors, it is evident that their examination and integration into academic discourse is of great importance. A logical starting point for such study is the exploration of epigraphic monuments dedicated to noteworthy individuals, including those who played roles in the military, political, and religious spheres. Among the prominent figures in the Chechen history is Naib Tashav-haji al-Indiri (from the village of Endirey), a Naqshbandi and Qadiri sheikh who encompassed all three dimensions of religious, military, and political leadership. Recent years have witnessed a surge in researchers' interest in this figure. However, existing papers tend to focus predominantly on Tashav-haji himself, leaving the family members and associates in the shadows. Al-Indiri's immediate circle, comprising the muhajirs who arrived with him and the closest murids among the local populace, played a pivotal role in his life and work. Surprisingly, there are not much dedicated studies on this subject. This research aims to bridge this gap by identifying the individuals who constituted this inner circle, substantiating their identities through the texts of epitaphs, and providing translations of these inscriptions. The novelty of this study lies in the fact that the epitaph materials have remained unpublished and unexplored until now. Through meticulous investigation, the monuments of the sheikh's immediate family members and close murids have been identified. This study presents comprehensive descriptions of these monuments, along with the texts of the epitaphs and their translations, shedding light on a previously overlooked aspect of Chechnya's historical and cultural heritage.

Keywords: history; epigraphy; Tashav-haji; Ochar-haji; Zelimkhan; Sufism; Naqshbandiya; Endirey; Sayasan; Dagestan; Chechnya

For citation: Khanmurzaev I.I., Navruzov A.R. Tombstones of Family Members and Close Murids of Tashav-Haji Al-Indiri as Valuable Historical Source. *History, Archeology and Ethnography of the Caucasus*. 2023. Vol. 19. N. 3. P. 635-675. doi.org/10.32653/CH193635-675

Введение

Эпиграфика, будучи одной из вспомогательных исторических дисциплин изучает содержание и формы надписей на твёрдых материалах: камне, металле, кости, дереве, бересте, керамике, штукатурке и др. Одним из направлений этой дисциплины является погребальная эпиграфика, изучающая надписи на надмогильных памятниках. Они, несомненно, являются важным историческим источником. Как верно отмечает узбекский исследователь Б.Б. Аминов «Каждая эпитафия, посвященная историческому лицу, несет важные сведения об именах, титулах, оценки их деятельности, отраженных в эпитетах, точную датировку смерти усопшего» [1, с. 42].

На самом деле важной составляющей текстов эпитафий является, к примеру, фиксация в них имени усопшего, имени его отца, точная датировка смерти. Эта информация, конечно, может быть выявлена и в иных письменных источниках (хронографы и т.д.). Однако на практике нередки случаи расхождения в датах, приведенных в разных источниках. В противоположность этому тексты эпитафий как правило точны. Именно это резонно подметил Б.Б. Аминов: «Уникальность эпиграфических памятников состоит в том, что изменения в тексте, выбитом на камне маловероятны в отличие от рукописных вариантов первоначального текста» [1, с. 42].

Целью написания данной статьи является изучение подобного рода памятников лиц, связанных с персоной накшбандийского и кадирийского шейха, наиба, одного из наиболее ярких и выдающихся деятелей освободительного движения Северного Кавказа в XIX в. Ташава-хаджи ал-Индири (из сел. Эндирей¹) [2, с. 79-82; 3, с. 20-27; 4, с. 104-107]. Так уж сложилось, что в работах, посвященных Ташаву-хаджи, вне фокуса внимания исследователей остались сведения о семье ал-Индири, его ближайших единомышленниках, соратниках и последователях. Как известно большое влияние на становление и развитие человека оказывает его семья, ближайшее окружение.

Быть может, отсутствие подобных работ связано с тем, что в доступных источниках такая информация очень скудна. Из опубликованных арабоязычных источников, имеющих отношение к этой тематике, можно упомянуть только письмо имама Шамиля наибу Геха от 1261 г.х. (1845 г.). В нем имам приказывает наказать похитителей волов дочери покойного Ташава-хаджи, при этом в документе не называется ее имя [5, с. 218, 219]. Этим письмом, пожалуй, и ограничивается вся доступная на сегодняшний день информация о семье Ташава-хаджи.

Справедливости ради надо сказать, что важный шаг в этом направлении сделал в своей монографии чеченский исследователь Маирбек Вачагаев [6]. Однако он ограничился лишь общим описанием могилы Ташав-хаджи и его близких в числе других зияратов Чечни. Тексты эпитафий в его работе не приведены. Других подобных работ, в которых хоть каким-то образом затрагивается эта тема, нет.

В этой связи перед нами стоит задача дать по возможности более подробное описание отмеченных эпиграфических памятников с приведением фотографий и текстов эпитафий с их переводами.

---

1. Эндирей – ныне село в Хасавюртовском районе Республики Дагестан.

Источники информации о Ташаве-хаджи

Прежде чем приступить к решению обозначенной задачи, нужно установить хотя бы минимальную информацию о них – имена, имена их родителей, место проживания, дату смерти, обстоятельства смерти, место захоронения. В таких обстоятельствах для получения необходимой нам информации нам видятся два пути решения. Во-первых, сбор полевого материала, путем опроса информаторов. Во-вторых, получив у информаторов необходимые для нас первичные данные, подтвердить это сведениями из текстов эпитафий на кладбищах. Кроме того, в ходе исследования могут быть получены и другие ценные сведения. Причем, если в первом случае мы будем неизбежно иметь субъективные сведения, то во втором случае, как правило, мы получаем более объективную и достоверную информацию.

Нашими информаторами являются Дишнаев Мухаммад Зайндинович (1932 г.р.), Юсупов Ибрагим (1958 г.р.), житель г. Шали², Мусипов Салман Хамидович (1948 г.р.), Абдуллаев Юсуп Абуезидович (1959 г.р.), Алиев Али Магомедович (1964 г.р.) житель сел. Саясан³. При написании статьи также использовалась информация, полученная в более ранний период у ныне покойных Сайпудинова Н.Ю. (1938 г.р.), жителя сел. Эндирей РД, Юсупова А.Д. (1954 г.р.), жителя сел. Саясан.

Используя различные письменные источники, а также сведения, полученные у информаторов, мы получили следующие результаты.

Ташав-хаджи, будучи уроженцем и жителем сел. Эндирей, в силу религиозных и политических воззрений и сложившихся исторических обстоятельств, был вынужден переселиться в Чечню. Выбирая место, где поселиться, он объездил несколько сел – Маиртуп⁴, Иласхан-Юрт⁵, Шали, Центорой⁶, Джалка⁷ и др., и в конечном итоге решил обосноваться недалеко от сел. Саясан. Само селение и место, где он позднее поселился, расположено в окружении гор в очень живописной долине. Рассказывают, что его выбор был связан с тем, что он нашел это место очень похожим на расположение Мекки, также находящейся в окружении гор.

Несмотря на то, что сейчас эта территория входит в состав сел. Саясан Чеченской Республики, он поселился, как свидетельствуют документальные материалы, хранящиеся в государственных архивохранилищах, не в самом селе, а недалеко от него, основав отдельное поселение, получившее впоследствии название Ташав-хаджи-юрт. Именно под таким названием оно известно в официальных русских военных источниках. Так, в частности, 15 марта 1837 г. генерал Фезе сообщал в рапорте генерал-лейтенанту Вельяминову «... после автурского дела объаты были тавлинцы и андийцы, отправил я 18 числа февраля из Ташев-Гаджи-Юрта в Андию двух эмиссаров» [7, с. 162]. Позднее, согласно сведениям справочника «Основные статистические данные и список населенных мест Чеченской автономной области на 1929-30 годы», оно было известно как хутор Хажи-юрт [8, с. 396]. В виде отдельной административной единицы

2. Шали – город в Чеченской Республике.

3. Саясан – село в Ножай-Юртовском районе Чеченской Республики.

4. Маиртуп – село в Курчалоевском районе Чеченской Республики.

5. Иласхан-Юрт – село в Курчалоевском районе Чеченской Республики.

6. Центорой – село в Ножай-Юртовском районе Чеченской Республики.

7. Джалка – село в Гудермесском районе Чеченской Республики.

поселение просуществовало вплоть до высылки чеченцев в Среднюю Азию. Ныне же это поселение административно входит в состав сел. Саясан.

Информация о родителях ал-Индири ограниченная. Поразительный факт, но нам еще не встречались письменные источники с упоминанием имени отца Ташава-хаджи. По сообщениям некоторых информаторов из числа последователей ал-Индири, отца его якобы звали Боба, он жил в сел. Эндирей. Однако такого имени нет в кумыкском антропониме. Учитывая фонетические особенности передачи заимствованных слов в чеченском языке, где под воздействием губных согласных происходит лабиализация гласной «а», которая нередко переходит в «о» [9, с. 154], например, слово Махачкала произносится как Мохачкала, можно предположить, что речь идет об антропониме Баба (Боба–Баба). Одни информаторы утверждают, что отец ал-Индири похоронен в с. Эндирей, а другие сообщают, что он пал в бою во время столкновения с неверными вместе со своим другим сыном и что они похоронены в окрестностях сел. Утамыш⁸. Имя матери выяснить не удалось.

Вышеуказанные информаторы также поведали, что у Ташава-хаджи были три жены. В свою очередь М. Вачагаев пишет о четырех. Он же утверждает, что у него было трое сыновей: Алимасуд, Алимгерей и Якуб и две дочери – Ажатий и Ажабийке (она известна также как Асият (чеч. Эсет) [6, с. 182]. Однако нам не удалось найти могилы Алимгерей и Якуба.

Во время нашей беседы в 2002 г. с ныне покойным кадием сел. Эндирей Нухом Сайпудиновым (1938–2008) он поведал историю о сыне шейха. У Ташава-хаджи был сын, имя которого он не помнит. Этот сын и другой сельчанин были влюблены в одну девушку. Между ними разгорелся конфликт, в результате которого сын Ташава-хаджи был убит. Раскаившись в содеянном, юноша сам явился к отцу убитого и рассказал о случившемся. Ал-Индири, проявив большую выдержку и великодушие, простил убийцу и позднее лично сосватал ему ту девушку. Это событие случилось до совершения им паломничества в Мекку. Согласно преданию, прибыв в Мекку, он встретил группу людей, которые приветствовали его словами: «Добро пожаловать, Ташав, который перебил становой хребет шайтану».

По рассказам старожил, которые поведал нам Н. Сайпудинов, вслед за Ташавом-хаджи, хиджру из сел. Эндирей совершили около семидесяти семейств его мюридов. По всей видимости, некоторую часть своих мюридов ал-Индири расселил по пути следования. Сведениями о точном количестве мюридов, прибывших в Саясан едино- временно со своим наставником, мы не располагаем. Однако достоверно известно, что после смерти Ташава-хаджи в Саясане из числа мухаджиров проживали кумыки – Муса и Алмас с семьями, а также один андиец с семьей. Имя андийца и село откуда он родом выяснить не удалось. Все они проживали рядом друг с другом. В 70–80-х годах XIX в. этот андиец переселился в Османскую империю.

Теперь обратимся к последователям Ташава-хаджи в накшбандийском тарикате. К числу его ближайших мюридов и преемников относятся Ма‘сум, Бешто⁹, Иласхан (из Шали) и Довтука (из сел. Гелдагана¹⁰), получивших разрешение (*изн*)

8. Утамыш – село в Каякентском районе Республики Дагестан.

9. Согласно сведениям, изложенным в книге *قصائد الغوث الاعظم الحاج تشو الاندري ثم الساسني رضي الله عنه*, опубликованной в Чеченской республике без выходных данных, у этого мюрида раньше было иное имя. После того как он стал мюридом и помощником Ташав-хаджи, он нарек его новым именем Бештав, что на кумыкском языке значит «пять гор». Под этим подразумевалось, «что он обладает силой пяти гор».

10. Гелдагана – сел. в Курчалоевском районе Чеченской Республики.

непосредственно от Ташава-хаджи. Наши информаторы подчеркивают, что их предки настоятельно указывали на именно такую последовательность следования имен. К числу именитых мюридов относят также братьев Янгулбия и Тавсолтана Дохтукаевых. О них речь пойдет в одной из наших следующих статей.

Как известно, в суфизме разрешение на практику бывает двух видов – разрешение без права передачи и разрешение с правом передачи далее. Разрешение с правом передачи получили Ма'сум и Иласхан. Есть, однако, мнение, что такое разрешение получил также и Бешто (рис. 1.).

Кроме перечисленных выше лиц, исторические источники сохранили имя еще одного значимого мюрида. Так генерал-адъютант Розен сообщал генерал-адъютанту Чернышеву, что 9 января 1836 г. (по старому стилю) при штурме Кишкерой-юрта¹¹ был «убит главный сообщник Ташева-Хаджия мюрид Миндар» [7, с. 155]. По всей видимости, из-за давности события народная память мало что сохранила о нем.

Упомянутый в силсиле мулла Ахмад аш-Шали (из Шали) – весьма известная личность среди мюридов Ташава-хаджи. Благодаря своим глубоким религиозным познаниям, тонкому уму и особой деликатности в общении с людьми он пользовался непререкаемым авторитетом у современников. Более того, согласно преданиям, Ташав-хаджи в свое время возвестил о том, что в числе его мюридов появится такой человек как Ахмад. К написанному следует добавить, что именно мулле Ахмаду принадлежит авторство комментариев к некоторым касыдам ал-Индири. На сегодняшний день неизвестно никого, за исключением Ахмада аш-Шали, кто бы отметился на этом поприще. Этот факт убедительно свидетельствует о глубоких знаниях муллы в шариате и тарикате.

Примечательную информацию дает в интервью Дишнаев Мухаммад, внук упомянутого в силсиле Абдулвадуда. По его сообщению, Ташав-хаджи будто бы говорил, что подобно тому как у пророка Мухаммада ближайшими сподвижниками были Абу-бакр, Умар, Усман и Али, так и у него (ал-Индири) такими будут Ма'сум, Иласхан, Абдулвадуд и мулла Ахмад.

Эпиграфические памятники

После приведения этой общей информации перейдем к рассмотрению эпиграфических материалов. Прежде всего необходимо отметить, что в типологическом плане практически все виды изученных нами в рамках этой статьи надмогильных памятников имеют прямые аналогии на территории Дагестана (антропоморфные памятники, стелы, характерная «женская» округлая форма верхней части памятников) [10, с. 63; 11, с. 321–323]. Вероятно, эти типы памятников распространились на территорию современной Чечни из Дагестана. Большинство рассмотренных текстов эпитафий написаны на арабском языке. Все изученные нами арабские надписи выполнены почерком *наسخ*.

Изучение эпитафий логично начать с надмогильного камня самого Ташава-хаджи ал-Индири. Согласно сведениям, полученным от наших информаторов, Ал-Индири, в соответствии со своим завещанием, был похоронен в собственном доме. Над его могилой возведен мавзолей из кирпича. Дата его постройки не указана, но наши инфор-

11. Идентифицировать это село нам не удалось.

маторы Юсупов А. и Алиев А. сообщили, что первоначально строение над могилой ал-Индири было возведено под руководством муллы Ахмада из сел. Шали.

Сама усыпальница шейха расположена на небольшом холме. Мавзолеем ал-Индири, имеющий размеры $6,82 \times 3,81 \times 2,69$ м³, разделен на две комнаты. В основной комнате находится могила, а перед ней небольшая комната типа прихожей. Проход в основную часть отделен металлической оградой.

Как правило, надгробные камни личностей подобного масштаба, бывают весьма информативны. Обычно в таких эпитафиях приводятся не только имена усопшего, его отца, дата смерти, но также и указывается, что он был ученым, накшбандийским шейхом и т. д. К нашему удивлению, а еще больше, к сожалению, выяснилось, что на надмогильном камне, размером $90 \times 46 \times 10,5$ см., установленном на могиле шейха, совершенно нет никаких надписей.

Усыпальница Ташава-хаджи была (и сохраняет этот статус) сакральным местом в Восточной Чечне (историческая Ичкерия), здесь приносились торжественные клятвы, закрепляющие принятие судьбоносных решений для жителей всего региона. К примеру, 18 апреля (по старому стилю) 1877 г. перед восстанием, чеченцы, собравшись на могиле «народного шейха» Ташава-хаджи, вынесли решение «объявить себя окончательно отложившимися от русских и вступившими в войну с ними» [12, с. 31]. Это может быть объяснимо стремлением восставших снискать благословение от любимого наставника в своем предприятии. Этот документально зафиксированный факт позволяет нам предположить, что подобные сходы жителей у зиярата шейха могли происходить как ранее, так и позже этого события. Также он красноречиво демонстрирует уровень почтения и уважения к усопшему со стороны местных жителей.

Отсутствие эпитафии на надмогильном камне навело нас на мысль о том, что он, возможно, был установлен позднее. Это нашло впоследствии свое подтверждение во время беседы с нашим информатором, ныне покойным жителем селения А.Д. Юсуповым, потомком Бешту в четвертом поколении. Он сообщил нам, что старый памятник, выполненный из дерева, был закопан в землю там же на могиле [13, с. 61-70]. Нам оставалось только надеяться, что возможно текст эпитафии сохранился в личных записях в составе частных коллекций одного из мюридов или ученых, и найдется в будущем. Подобное явление достаточно часто встречалось, к примеру, в Дагестане, когда образованные люди записывали для себя тексты эпитафий известных людей.

К счастью, во время нашей поездки¹³ в сел. Ахты¹⁴ местный каллиграф и мусульманский ученый Мирзоев Ширинбег Гасанович (1981 г.р.) любезно предоставил нам копию арабского текста, списанную некогда со старой стелы Ташава-хаджи. Как сообщил нам Мирзоев Ш.Г., эта запись была предоставлена ему имамом мечети сел. Ялхой-Мохк¹⁵ Алхузром Дугаевичем Хадаевым, владельцем небольшой рукописной коллекции (Рис. 2).

Таким образом, благодаря этим записям мы имеем возможность опубликовать

12. Здесь и далее размеры надмогильного камня будут приведены в такой последовательности: высота × ширина × толщина.

13. Упомянутая поездка в Ахты в составе автора данной статьи и краеведа из сел. Эндирей Сайпудинова Ю.Н. состоялась 6 декабря 2021 г.

14. Ахты – сел. в Ахтынском районе Республики Дагестан.

15. Ялхой-Мохк – сел. в Курчалоевском районе Чеченской Республики.

текст эпитафии ал-Индири.

Текст

المرحوم المغفور العالم العامل بالعلم النافع التدويق بطعم لذيذ منبع الخلاصة من باب التفهم والطريق التمزيق فائض خيار الخلق الكرام قطب الولاية شمس الشريعة سراج الدين ولي الله المهاجر المجاهد في سبيل الله حاج بالحرمين الحاج تشو قدس سره غفر الله له ولنا ولجميع الأولياء والمشائخ اللهم اجعلنا في زمرة من واحشرنا معهم وأجمعنا معهم وادخلنا معهم في روضات الجنان برحمتك يا ارحم الراحمين يا الله قد انتقل من دار الفانية إلى دار الآخرة في شهر الله المبارك ربيع الاول في يوم الاحد وقت ارتفاع الشمس في هذا التاريخ سنة ١٢٦١

Перевод

«Покойный прощенный ученый, поступающий согласно знанию, приносящему пользу, отведавший вкус из источника, представляющего собой самую лучшую форму (способ) постижения и пути разрыва [со всем, что кроме Аллаха], источающий свет [познания Аллаха] самых лучших представителей почтенных людей, полюс святых, солнце шариата, светильник религии, переселенец (*мухаджир*), сражающийся (*муджахид*) на пути Аллаха, паломник (*ал-хаджжи*) обеих святынь ал-хаджи Ташав, да будет свята его тайна! И да простит Аллах его, нас и всех божьих угодников и шейхов! О, Аллах, сделай нас из их числа! И собери нас с ними и введи в Райские сады своей милостью, о, самый Милостивый, о, Аллах! Он переселился из тленной обители в обитель загробной жизни в благословенном месяце Аллаха раби'у ал-аввал в воскресенье во время восхода солнца в 1261 году¹⁶».

И к этой записи сделано пояснение:

Текст

هذا المنقوش مأخوذ من الحجر المنصوب عند رأس الولي حاج تشو قدس سره العزيز

Перевод

«Эта запись взята с камня, установленного у изголовья святого угодника Хаджи Ташава, да будет свята его драгоценная тайна».

К слову «камня» в тексте записи сделано отчеркивание и дано пояснение *اي من الخشب* «т.е. с дерева». Таким образом, это примечание подтверждает информацию А.Д. Юсупова о том, что первоначальный памятник был из дерева.

С внешней стороны мавзолея на южной стене вмонтированы две каменные плиты, окрашенные в зеленый цвет. Тексты надписей на арабском языке выбиты на них врезным способом почерком *насах*.

Первая плита имеет следующую надпись:

Текст

وانا الحاج محمد ابشي
اوصيك يا ولي الله الحاج
تشو بالشفاعة لي عند
الله وعند رسوله

Перевод

«И я, паломник Мухаммад Абши поручаю тебе о, угодник Аллаха паломник

16. Месяц рабиу ал-ахир 1261 г. соответствует периоду между 9 апреля – 7 мая 1845 г. Продолжительность года исламского календаря на 10 или 11 дней короче солнечного года, и его месяцы ежегодно смещаются в направлении начала солнечного года. При конвертации годов хиджры на современный календарь, если указан месяц, то приводятся первый и последний день месяца соответствующего года. Если же приводится только год, то – первый и последний дни этого года.

Ташав, [совершить] заступничество за меня перед Аллахом и перед его посланником».

Текст второй плиты гласит:

Текст

وانا خضر بن ارسنقه اوصيك
يا ولي الله الحاج تشو بالشفاعة
لي عند الله تعالى وعند رسوله

Перевод

«И я, Хизри сын Арсануки поручаю тебе о, угодник Аллаха паломник Ташав, [совершить] заступничество за меня перед Всевышним Аллахом и перед Его посланником».

Ажатий, дочь Ташава-хаджи

Рядом с мавзолеем шейха, с левой стороны, перед входом в усыпальницу за железной оградой похоронена дочь ал-Индири (рис. 3.). На надмогильном камне размером 145×38×15 см в прямоугольной вытянутой рамке высечена рельефная надпись. Почерк – *насх*. Язык – арабский. Ориентация эпитафии вертикальная – сверху вниз.

Текст

المغفورة المرحومة اجتي بنت الحاج تشو ١٢٩٩

Перевод

«Покойная прощенная Ажатий дочь ал-хаджи Ташава. 1299¹⁷»

Ма'сум (Маас)

С северной стороны, немного ниже по уровню у подножия холма, находится строение наподобие навеса, построенное из силикатного кирпича с открытой северной стороной. Размеры строения: 3,55×2,08×1,71 м. Надмогильная стела размером 129×35×17 см, установленная в нем, содержит рельефную эпитафию, высеченную в трех вертикальных полях (рис. 4). Надписи имеются и на боковых сторонах. Почерк – *насх*. Язык текста – арабский. Стела в некоторых местах подверглась эрозии, поэтому чтение отдельных фрагментов эпитафии весьма затруднено. Направление текста сверху вниз.

Текст лицевой стороны

ضريح المرشد الحق الصحيح والمأذون بالاذن
الصادق ... ضريح (?) معصوم
... من خلفاء قطب [الاولياء... وبرهان] الاصفياء
الوارث المحمدي ذي الجناحين ... على

Перевод

«Могила истинного наставника, ма'зуна, получившего подлинное разрешение ...¹⁸ Ма'сум, из числа халифов полюса святых доказательства избранны-

17. 1299 г.х. = 23.11.1881-11.11.1882 гг.

18. Многоточия здесь и далее означают пропуски в текстах эпитафий связанные с невозможностью их прочтения в виду наличия дефектов (эрозий и др.).

ков ..., мухаммадов наследник, обладатель двух крыльев»

На левом торце эпитафия, направленная снизу вверх

Текст

سَيِّدَنَا الْحَاجَّ تَشْوُ قَدَّسَ اللَّهُ سِرَّهُ وَرَزَقْنَا شِفَاعَتَهُ فِي الدَّارَيْنِ
مَنْ أَخْلَصَ لِلَّهِ أَرْبَعِينَ صَبَاحًا ظَهَرَ

Перевод

«Нашего господина паломника Ташава, да сделает Аллах святой его тайну и да одарит его заступничеством в обоих мирах!

Тот, кто будет искренним перед Аллахом в течение сорока дней, то проявятся ...»

На правой боковой стороне плиты выбита надпись:

Текст

١٢ ٨٨ على قلبه ينابيع الحكمة ١٩

Перевод

«... на его сердце источники мудрости. 1288²⁰».

Бештав (Бешто), сын Хизира

С северо-восточной стороны мавзолея ал-Индири стоит еще одно небольшое строение, выполненное кирпичной кладкой. Перед ним находится подобие двора с навесом. В комнатке установлен небольшой камень размером 90×46×10,5 см с овальной верхней частью, окрашенный краской золотистого цвета (рис. 5). На фронтальной стороне плиты в одном поле высечена рельефная надпись в десять строк. Надпись выполнена почерком *наسخ*. Язык – арабский. Ориентация надписи горизонтальная.

Текст

المأذون الصادق
والمخلصُ الفائق
بشتو بن حضر
مُرَبِّي المريدين
الآخذين بالعُهُود
من قطب الاولياء
حاج تشو الواقف
في الحضرة الالهية
خلف سيد العالم بذراع
واحد ١٣٠١ في صفر

Перевод

«Истинный ма'зун, превосходный, искренний Бештав (Бешто) сын Хизри²¹,

19. Именно в таком порядке написаны цифры. Традиционно цифры в арабском языке в отличие от слов пишутся слева направо. Тут же наблюдается ошибочное с точки зрения арабского правописания написание справа налево. Тем не менее, подобное написание нередко встречается в эпитафиях надмогильных стел на Северо-Восточном Кавказе.

20. 1288 г.х. = 23.03.1871-10.03.1872 гг.

21. Можно предположить, что Хизри сын Арсануки, упомянутый на плите, вмонтированной в стену мавзолея

воспитатель мюридов, получивших обет от Полюса святых Хаджи Ташава, находящегося в Божественном присутствии позади Господина миров на расстоянии одного локтя. 1301 в [месяце] сафар²²».

Дуда, сын Бештава (Башту)

Во дворе перед вышеуказанной комнаткой стоит небольшой камень, окрашенный в коричневый цвет. Размер памятника – 73×42×15,5 см (рис. 6). Рельефная эпитафия, обрамленная прямоугольной рамкой, выгравирована в семь строк на два поля почерком *наسخ*. Язык – арабский. Ориентация надписи горизонтальная.

Текст

صاحب القبر سادن
القبة الشريفة وخادم
الطريقة الساسنية
دُّد ابن الشيخ
العارف بالله تعالى
بشتو قدس شره
١٣٣٣

Перевод

«Обитатель сей могилы, смотритель этого священного мавзолея (досл. купола)²³, служитель саясановского тариката Дуда сын шейха, познавшего Всевышнего Аллаха, Башту, да будет свята его тайна. 1333²⁴».

Рядом с зияратом Ташава-хаджи похоронены мухаджиры, прибывшие с ним, и их потомки. К сожалению, нам не удалось найти надмогильных стел упомянутых выше Мусы и Алмаса. Алиев Али – потомок Мусы – сообщил, что по рассказам отца, когда он (Муса) умер, то в Саясан приезжали его братья из сел. Эндирей, желая забрать его и предать земле на родине. Но Алиев А. не знает, забрали они его или нет. Возможно, на самом деле они похоронили его в Эндирее. На этом же кладбище похоронены два сына и дочь Мусы. Также здесь покоятся потомки Алмаса.

Али, сын Мусы

Сын упомянутого выше Мусы – Али – исламский ученый, отучившийся в Сирии 16 лет, похоронен рядом с зияратом Ташава-хаджи, к югу от него. Над его могилой установлена стела размером 134,5×37×17 см (рис. 7). Рельефная эпитафия вписана в 6 полей. Почерк – крупный выразительный *наسخ*. Язык – арабский. Ориентация надписи горизонтальная.

Текст

ضريح العبد
العابد العالم

ал-Индири, был отцом Башту.

22. Сафар 1301 г.х. = 02.12-30.12.1883 г.

23. В эпиграфике соседнего Дагестана арабский термин «кубба» (купол) издавна использовался для обозначения надмогильных строений. Откуда он, вероятнее всего, проник и в Чечню. В этой связи, быть может, оправдан его перевод как мавзолеев.

24. В виду того, что пространство вокруг могилы облицовано плиткой и нижняя часть цифр скрыта, прочтение даты смерти не уверенное. 1333 г.х. = 19.11.1914-08.11.1915 гг.

الحاج علي
ابن موسى
غفر الله لهما
.... انصار
[الحاج]... [تشو ... رضي
الله عنه في سنة ١٣٤٧

Перевод

«Могила [много] поклоняющегося раба, ученого, паломника (ал-хаджи) Али сына Мусы. Да простит их обоих Аллах. Сторонники .... ал-хаджи [Ташава] ... [Да будет доволен] им Аллах в 1347 году²⁵».

Иса, сын Мусы

Второй сын Мусы также похоронен на этом кладбище, недалеко от входа в мавзолей, по правую сторону от дорожки, ведущей к мавзолею Ташава-хаджи. Над могилой установлен памятник антропоморфной формы, его размеры 158×36,5×13 см, до плечиков 108 см (рис. 8). На лицевой стороне рельефная надпись, разбитая на пять полей. Почерк – *наسخ*. Язык – арабский. Ориентация надписи горизонтальная.

Текст

عبد الباري
عيسى بن موسى
غفر الله لهما
امين ١٣٠٦

Перевод

«Раб Творца Иса сын Мусы. Да простит их обоих Аллах! Амин! 1306 ...²⁶».

Рахимат, дочь Мусы

К востоку от стелы Али находится могила их сестры Рахимат (рис. 9). Надмогильный памятник имеет размеры 129×34,5×12,5 см. Эпитафия выполнена рельефными буквами в пять полей. Почерк – крупный *наسخ*. Язык – арабский. Ориентация надписи горизонтальная.

Текст

١٣١٨
المرحومة
رحمة بنت
موسى
غفر الله

Перевод

«1318²⁷. Покойная Рахимат дочь Мусы. Да простит [их обоих] Аллах!».

Умарпаша, сын Али

К северо-востоку от предыдущей могилы стоит стела сына упомянутого выше

25. 1347 г.х. = 20.06.1928-08.06.1929 гг.

26. 1306 г.х. = 07.09.1888-27.08.1889 гг.

27. 1318 г.х. = 01.05.1900-19.04.1901 гг.

Али, Умарпаши (рис. 10). Стела имеет размеры 145,5×38×18 см. Рельефная надпись вырезана в семь полей. Текст, помещенный внутри двойной рамки, врезан крупным ясным почерком – *насх*. Язык – арабский. Ориентация – горизонтальная.

Текст лицевой стороны

الله محمد
ضريح المرحوم المغفور
عمر فاش ابن العالم
الحاج علي المهاجري
غفر الله لهما وجعل
الجنة مثوا
هما امين
١٣٣٤

Перевод

«Аллах. Мухаммад. Могила покойного, прощенного Умарпаши сына ученого, переселенца (мухаджир) ал-хаджи Али. Да простит их обоих Аллах и сделает Рай их убежищем! Амин! 1334²⁸».

На левом торце надпись

Текст

إلهي لقد أصبحت ضيفك في الثرى
وللضيف حق عند كل كريم

Перевод

«О, мой Бог! Я стал твоим гостем в этой сырой земле, а ведь у гостя есть права перед всяким щедрым²⁹».

На правом торце текст

فَهَبْ لِي دُنُوبِي فِي قِرَائِي فَإِنَّهَا
عَظِيمٌ وَلَا يُقَرَى بِغَيْرِ عَظِيمٍ

Перевод

«Так подари мне мои грехи в [знак] гостеприимства, Воистину они велики и не примет их кроме как Великий».

Дала, дочь Мааса

По правую сторону от Умарпаши похоронена его мать. Она происходила из тейпа Гордалой. Размеры надмогильной стелы 131×34×17,5 см (рис. 11). Текст рельефной надписи вписан в пять полей. Эпитафия выполнена почерком *насх*. Язык – арабский. Ориентация текста горизонтальная.

Текст

ضريح امة الله
دل بنت معص
غفر الله لهما
وجعل الجنة مثواهما امين

28. 1334 г.х. = 09.11.1915-27.10.1916 гг.

29. Авторство этих строк принадлежит средневековому филологу, литератору и комментатору Корана Махмуду ибн Умару аз-Замахшари (1075-1144). Эти строки он завещал высечь на своей надмогильной стеле.

سنة ١٣٣٧

Перевод

«Могила рабы Аллаха Дала дочери Мааса, да простит их обоих Аллах, и сделает Рай их прибежищем! Амин! 1337³⁰ года».

Хизбулла, сын Алмаса

Рядом (справа) с памятником Али стоит стела сына упомянутого выше мухаджира Алмаса, Хизбуллы (рис. 12). Могила самого Алмаса, как отмечено выше, не обнаружена. Ее размеры 130×37,5×18 см. Рельефные надписи, выполненные почерком *наسخ*, имеются как на лицевой, так и боковых сторонах. Текст на лицевой стороне вписан в десять строк. Язык – арабский. Ориентация надписи горизонтальная.

Текст лицевой стороны

ضريح
العبد العابد
الصالح المهاجر
الحاج حزب الله
بن الماس
غفر الله
لهما وجعل
الجنة مثواهما
امين يا معين
١٣٣٣

Перевод

«Могила [много] поклоняющегося раба, благочестивого переселенца (*мухаджир*) паломника Хизбуллы сына Алмаса (Ольмеса?). Да простит их обоих Аллах и сделает Рай их убежищем! Амин! О, Помогающий. 1333?³¹».

На левом торце текст:

إلهي لقد أصبحت ضيفك في الثرى
وللضيف حق عند كل كريم

Перевод

«О, мой Бог! Я стал твоим гостем в этой сырой земле, а ведь у гостя есть права перед всяким щедрым».

На правом торце текст:

فَهَبْ لِي دُنُوبِي فِي قِرَائِي فَإِنَّهَا
عَظِيمٌ وَلَا يُقْرَى بِغَيْرِ عَظِيمٍ

Перевод

«Так подари мне мои грехи в [знак] гостеприимства, Воистину они велики и не примет их кроме как Великий».

Файзулла, сын Хизбуллы

Неподалеку от Хизбуллы похоронен его сын Файзулла. Над могилой установлен антропоморфный памятник размером: 148×37×12 см (рис. 13). На

30. 1337 г.х. = 07.10.1918–25.09.1919 гг.

31. 1334 г.х. = 09.11.1915–27.10.1916 гг. Чтение последней цифры даты не уверенное.

памятнике выбита рельефная надпись, вписанная в семь полей. Почерк – *насх*. Язык – арабский. Ориентация надписи горизонтальная.

Текст лицевой стороны

المرحوم
المغفور
فيض الله
ابن حزب الله
غفر الله
لهما امين
١٣٣٦

Перевод

«Покойный прощенный Файзуллах сын Хизбуллаха, да простит их обоих Аллах! Амин! 1336³²».

Тут же в Саясане, но уже на другом кладбище, находящемся на выезде из села, имеется еще один зийарат. Он также, как и зийарат Ташава-хаджи, находится на возвышенности относительно других могил. Размеры мавзолея – 4,06×3,85×2,8 м. Вход в него с восточной стороны. В нем находится два надмогильных камня. У входа по обеим сторонам двери прикручены две мраморные плиты³³ с надписями на чеченском языке. На той, что слева, написано: «Ташу-хъаъжи кІант Іалийалмакъсуд», что значит «Ташава-хаджи сын Алимаксуд». На правой плите написано: «Ташу-хъаъжи хІусам нана Эзархан кхелхина 1836», что переводится как «Ташава-хаджи супруга Эзархан».

Алимаксуд, сын Ташава-хаджи

В левой стороне находится антропоморфная стела, ее размеры – 170,5×42×18,5 см (рис. 14). Памятник окрашен в голубой цвет. Рельефная надпись камня, вырезанная почерком *насх*, ориентирована горизонтально. Язык – арабский. Лицевая сторона разбита на шесть полей, в которые вписаны семь строк текста. Ориентация надписи горизонтальная.

Текст

١٢٥٨
المرحوم المغفور
علي مقصود بن حاج تشو
طاب الله ثراهما و
جعل الجنة مؤاهما يا معين
خلقنا من التراب بغير ذنب ورجعنا الى
...

Перевод

«1258³⁴. Покойный прощенный Али Максуд сын Хаджи Ташава. Да сделает

32. 1336 г.х. = 17.10.1917-06.10.1918 гг. Чтение даты не уверенное.

33. Эти плиты установлены в этом 2023 году.

34. 1258 г.х. = 12.02.1842-31.01.1843 гг.

Аллах приятной сырую землю³⁵! Да сделает Аллах рай их обоих обиталищем. О, Помогающий! Мы были созданы безгрешными из праха и вернулись в ...³⁶».

Жена Ташава-хаджи

По правую сторону от него находится еще одна стела размером 94,5×33,5×14 см (рис. 15). Известно, что здесь похоронена супруга Ташава-хаджи, мать Алимасуда. Текст эпитафии вписан в два горизонтальных и одно вертикальное поле. Почерк – *наسخ*. Язык надписи – арабский. Несмотря на то, что на мраморной плите у входа ее имя написано Эзархан, мы имеем иное прочтение этого имени.

Текст

هذه
المرحومة المغفورة
زوجة الحاج الساسني قدس سره العزيز ازسخان

Перевод

«Это прощенная покойная жена саясановского паломника, да будет свята его драгоценная тайна, Азисхан³⁷».

Могилы членов семьи и близких мюридов Ташава-хаджи находятся не только в сел. Саясан, но и в ряде других населенных пунктах Чеченской республики.

Село Майртуп

На кладбище Лечи-юрт в сел. Майртуп похоронены жена и дочь Ташава-хаджи. Территория кладбища благоустроена, к их могилам ведет бетонная дорожка. Территория вокруг их могил по периметру ограждена металлическим забором (размером 4,44×2,79 м.), над которым установлен металлический навес с крышей из карбонатного листа.

Ажав, дочь Очара-хаджи

Над могилой стоит небольшая каменная плита, окрашенная в белый цвет, установленная в бетонное основание. Ее размер – 81,5×26×14,4 см (рис. 16). Фронтальная сторона памятника разделена на четыре поля и содержит горизонтально ориентированную рельефную эпитафию. Почерк – крупный ясный *наسخ*. Язык – арабский, чеченский (кириллица).

Текст лицевой стороны

المرحومة
المغفورة
أَجَوُّ بِنْت
اچر حج زوجة الحاج تشو
ال[سيا]سني

35. Мусульманский аналог фразы «Пусть земля тебе будет пухом».

36. Чтение последнего поля не представляется возможным в виду того, что оно осталось под уровнем грунта.

37. Предвидя возможное недоумение читателей «мужским» антропокомпонентом «-хан» в составе этого имени, необходимо пояснить, что в отдельных тюркских языках, и, в частности, в кумыкском языке, он характерен и женским антропонимам. По всей вероятности, этот элемент сложного имени является усеченной формой от слова «ханум». В кумыкском языке достаточно распространены женские имена с этим элементом, например: Асильхан, Белакан, Дженнетхан, Ильмухан, Маккахан, Пиймахан, Салимахан и др. К примеру, дочь кабардинского князя Сунчала Янгличевича Черкасского звали Хан. Возможно, что от кумыков эта форма перешла и к соседним народам.

Перевод

«Покойная прощенная Ажау дочь Очар-хаджи, жена паломника Ташава ас-[Сайа]сани».

Стела не датирована. Имя усопшей, как мы можем видеть, огласовано. К огласованию слов в арабоязычных источниках Дагестана и Чечни обычно прибегали в том случае, если слово было неарабским, для уточнения правильного прочтения. Часть последнего слова эпитафии оказалась ниже уровня грунта. В виду того, что основание памятника забетонировано, нам не удалось прочесть это слово. По этой причине чтение – предполагаемое. Однако, видимые элементы букв позволяют с высокой степенью точности реконструировать слово как *السياسني* (ас-Сайасани) или *الساسني* (ас-Сасани), что переводится как «из сел. Саясан». Эта нисба образована от места захоронения указанного шейха в сел. Саясан.

Помимо эпитафии на фронтальной стороне имеются надписи на торцевых сторонах.

На южном ребре памятника:

Текст

الكاتب دك

Перевод

«написавший [текст] Дукка»

По всей видимости, Дукка был мастером, вырезавшим эти надписи.

Надпись на северной торцевой стороне памятника практически не читаема. На тыльной стороне камня прикреплена небольшая каменная плита с надписью на чеченском языке кириллицей, следующего содержания: «Оччар хьяъжи йоI Ажу. 1881», что значит «Ажу дочь Очара-хаджи. 1881».

Под навесом рядом с этой могилой к ограждению прислонен кусок каменной плиты (рис. 17). Размеры сохранившегося куска – 31×40,5×9,3 см. На нем врезным способом нанесена надпись в четыре строки. Имя усопшей на этом камне, как и в первом случае, огласовано.

Текст

المرحومة إجؤ بنت
اچر حاج وزوجة
ولي الله حاج تشو
١٣٠٦

Перевод

«Покойная Ижав, дочь Оччар-хаджи, жена угодника Аллаха Хаджи Ташава. 1306³⁸».

Схожесть текстов эпитафий обоих памятников дает основание полагать, что оба камня относятся к одной и той же могиле. Мы можем предположить, что, скорее всего последний является более ранним памятником. Должно быть, в силу природных факторов первый памятник оказался разрушен, либо же он изначально был небольшим. В любом случае, первый камень был установлен

38. 1306 г.х. = 07.09.1888-27.08.1889 гг.

позднее, а второй оставили рядом. Такое часто встречалось на нашей практике.

Тексты эпитафий обоих памятников сходны, но имеются и некоторые расхождения. К примеру, если имя усопшей в первом случае огласовано как «Ажав», то во втором – уже как Ижав. В первом – в арабском тексте дата отсутствует (она указана на тыльной стороне – 1881 год), во втором указана. Кроме того, даты различаются. В первом – приведена нисба ас-Сайасани, а во втором ее нет. Приоритет в достоверности, полагаем, следует отдать второму камню как более раннему.

Ажабийке, дочь Ташава-хаджи

Рядом (слева) с Ажав находится еще один памятник, установленный в бетонное цементное основание и покрашенный в белый цвет, его размеры – 72×28,8×11,2 см (рис. 18). Оно разделено на четыре поля. Почерк – *наسخ*. Язык – арабский, чеченский (кириллица). Рельефная эпитафия, ориентированная горизонтально, гласит:

Текст

اجبيك
بنت
الحاج تشو

Перевод

«Ажабийке дочь Ташава-хаджи».

Стела не датирована. На тыльной стороне надмогильной стелы к камню прикреплена небольшая каменная плита с надписью на чеченском языке кириллицей, следующего содержания: «Ташов Хъаъжи йоI Ажбийка», что значит «Ажбийка дочь Ташава-хаджи». Таким образом, здесь похоронена дочь Ташава-хаджи и Ажав – Ажабийке. Она известна у чеченцев также под именем Эсет.

К югу от могилы дочери Ташава-хаджи за оградой, примыкая вплотную торцевыми сторонами друг к другу, установлены две надмогильные плиты (рис. 19). Из текста эпитафий следует, что обе персоны погребенные тут являются родственниками жене ал-Индири, а именно это ее брат Умар и его дочь Хафсат.

Умар, сын Очара

Стела размером 153×56×11,5 см с полукруглым верхом (рис. 20). Рельефная эпитафия, обрамленная по периметру в художественный орнамент, высечена в 4 полях. Почерк – крупный *наسخ*. Язык – арабский. Ориентация надписи горизонтальная.

Текст

١٢٥٩
الموت حق والحياة باطل
المرحوم المغفور عمر بن اچر

غفر الله لهما امين قتل الكفار

Перевод

«1259³⁹. Смерть – истина, а жизнь – обман. Покойный прощенный Умар сын Очара. Да помилует их обоих Аллах. Амин. Он сражался с неверными».

На тыльной стороне камня прикреплена небольшая каменная плита с надписью на чеченском языке кириллицей, следующего содержания: «Оччар хъаьжи кант Имран. 1833», что переводится как: «Имран сын Очар-хаджи. 1833». Эта плита явно установлена значительно позднее. В кириллическом тексте дана неправильная транслитерация имени усопшего. Кроме того, перевод с хиджры на современное летоисчисление выполнен с ошибкой.

Хафсат, дочь

Умара, сына Очара-хаджи

Надмогильный камень имеет размер: 154,5×42,5×12,5 см. Текст на лицевой стороне, помещенный в прямоугольную рамку вписан почерком насх в девять строк. Язык – арабский. Ориентация надписи горизонтальная.

Текст

المرحومة
المغفورة
حفست
بنت عمر
بن اچر حاج
غفر الله
امين
سنة ١٣٠١

Перевод

«Покойная, прощенная Хафсат дочь Умара сына Очара-хаджи. Да простит Аллах. Амин. 1301⁴⁰ год».

Здесь, как и в предыдущем случае, на задней (западной) стороне камня прикреплена небольшая каменная плита с надписью на чеченском языке кириллицей: «Оччар хъаьжи Умара йоI Хъафсат. 1875», что переводится как: «Очар-хаджи Умара дочь Хафсат. 1875». Плита явно установлена значительно позднее. Тут также допущен просчет с датой при конвертации на современный календарь.

Шали

В г. Шали, на кладбище, расположенном по дороге на сел. Сержень-Юрт⁴¹, находится мавзолей, возведенный из жженого кирпича. Здание окрашено в оранжевый цвет. Внутреннее пространство мавзолея разделено на две части. Вход в каждую из частей отдельный с южной и западной сторон. Общий размер мавзолея 7,95×3,69×2,2 м. В нем покоятся мюрид Ташава-хаджи Иласхан, а также преемник последнего – Абдулвадуд.

39. 1259 г.х.= 01.02.1843-21.01.1844

40. 1301 г.х.=02.11.1883-20.10.1884 г.

41. Сержень-Юрт – сел. в Шалинском районе Чеченской Республики.

Иласхан

Вход с южной стороны ведет через узкий коридор, в комнату, где над могилой установлена стела размером 114×39×18,5 см, окрашенная в белый цвет (рис. 21). На лицевой и торцевых сторонах стелы имеются рельефные эпитафии, выполненные почерком – *насх*. Язык – арабский. Имеются орфографические ошибки. Надписи выделены зеленым цветом. Ориентация эпитафии горизонтальная.

Текст лицевой стороны

ضريح المرشد
الصادق والمآذن⁴²
السخان بن يونس
من خلفاء الولي
العارف بالله
القطب الأكبر
حاج تشو
قدس سره
رضي الله عنه
١٣١٢

Перевод

«Могила истинного наставника и ма'зуна Иласхана сына Юнуса, из [числа] преемников (*хулафа'*) угодника, познавшего Аллаха величайшего полюса Хаджи Ташава, да будет свята его тайна! Да будет доволен им Аллах! 1312⁴³».

На южной торцевой стороне высечен следующий текст:

Текст

سبحان الله العظيم وبحمده

Перевод

«Пречист Великий Аллах, хвала Ему».

На правой стороне:

Текст

لا اله الا الله محمد رسول الله

Перевод

«Нет бога кроме Аллаха, Мухамад – посланник Аллаха»

Абдулвадуд

Вход с западной стороны в усыпальницу ведет в комнату, в которой находится могила Абдулвадуда. Над могилой установлена каменная стела размером 102×33×14,5 см, окрашенная в белый цвет. На лицевой, верхней и торцевых сторонах выгравированы рельефные надписи. Эпитафия вырезана почерком –

42. Так высечено в тексте эпитафии, согласно арабской орфографии должно быть المآذن .

43. 1312 г.х. = 05.07.1894-23.06.1895 гг.

наск. Язык текста – арабский. Надписи выделены зеленым цветом. Направление текста горизонтальное. Стела имеет дефект, левый верхний угол фронтальной стороны отколот. Часть текста утрачена, но для понимания это не критично. Ввиду трафаретности изучаемых эпитафий текст легко воспроизводится.

Текст лицевой стороны

ضريح المرشد الصادق
والمأذون الصحيح
عَبْدُ الْوَدُودِ
من خُلَفَاءِ الْوَلِيِّ
الْعَارِفِ بِاللَّهِ الْقُطْبِ
الْأَكْبَرِ حَاجٌّ تَشْوُ قَدَسَ سِرِّهِ
انتقل رضي الله عنه
يوم الاحد ثالث عشر
ذي الحجة في سنة ١٣١٩

Перевод

«Могила истинного наставника и действительного ма'зуна Абдулвадуда, из [числа] преемников (хулафа') угодника, познавшего Аллаха величайшего полюса Хаджи Ташу, да будет свята его тайна! Он умер, да будет доволен им Аллах, в воскресенье тринадцатого зу-л-хиджжа 1319 года⁴⁴».

На южной торцевой стороне высечена эпитафия:

Текст

وَلْتَنْظُرْ نَفْسٌ مَّا قَدَّمَتْ لِغَدٍ وَاتَّقُوا اللَّهَ إِنَّ اللَّهَ خَبِيرٌ بِمَا تَعْمَلُونَ

Перевод

«И пусть душа посмотрит, что она приготовила на завтрашний день. Бойтесь Аллаха, ведь Аллах ведаёт о том, что вы совершаете»⁴⁵.

На правой торцевой стороне:

Текст

لا اله الا الله محمد رسول الله

Перевод

«Нет бога кроме Аллаха, Мухаммад – посланник Аллаха»

На верхней стороне написано:

Текст

يا الله الامان الامان

Перевод

«О, Аллах. Безопасность, безопасность».

44. 13 зу-л-хиджжа 1319 г.х. = 23.03.1902 г.

45. Коран: сура ал-Хашр, аят 18.

Мулла Ахмад аш-Шали

Мулла Ахмад похоронен на кладбище г. Шали, находящемся по ул. Набережной. Недалеко от входа на кладбище имеется строение размером 4,06×3,68×2,8 м. Над могилой установлена стела размером 101×40×16 см (рис. 23). На лицевой и торцевых сторонах стелы выбиты рельефные эпитафии. Почерк выполнен почерком *наسخ*. Язык – арабский. Эпитафия высечена по горизонтали и выделена зеленым цветом.

Текст лицевой стороны

ضريح المرشد
الصادق والمآذن⁴⁶
والصحيح احمد
بن مصيف من خلفاء
الولي العارف بالله
القطب الاكبر
حاج تشو قدس
سره ١٣٥١

Перевод

«Могила истинного наставника и действительного *ма'зуна* Ахмада сына Мусайфа, из [числа] преемников (*хулафа'*) угодника, познавшего Аллаха, величайшего полюса Хаджи Ташава, да будет свята его тайна!1351⁴⁷».

Южная торцевая сторона содержит следующий текст:

Текст

لا اله الا الله محمد رسول الله

Перевод

«Нет бога кроме Аллаха, Мухамад – посланник Аллаха»

На правом торце написано:

Текст

سبحان الله العظيم وبحمده

Перевод

«Пречист Великий Аллах, хвала Ему».

В связи с изучением в данной статье эпиграфических памятников тарикатских шейхов следует отметить, что обычным явлением является стремление людей быть захороненным рядом со святыми – любимцами Аллаха. Возможно, этим объясняется тот факт, что вблизи от вышеупомянутого зиярата находится могила еще одной широко известной в свое время на всем Северо-Восточном Кавказе личности, а именно чеченского абрека Зелимхана из Харачоя. Несмотря на то, что он не имеет прямого отношения к персоне Ташава-хаджи, полагаем, что упомянутое выше обстоятельство дает основание привести тут описание и его могилы.

46. Так написано в эпитафии, а должно быть *مآذن*.

47. 1351 г.х. = 07.05.1932-25.04.1933 гг.

Залимхан, сын Гушмазуки

Над могилой Зелимхана установлена антропоморфная каменная стела размером 180,5×39×16,5 см. На ней изображены газыри, под которыми высечено изображение кинжала и карманных часов на цепочке. Поверх памятника стоит арка из металлических труб. Текст рельефной эпитафии вписан в 6 полей. Памятник окрашен лазурным цветом, поля с текстом выделены краской золотистого цвета. Основной текст заключен в четыре круга. Надпись выполнена почерком насх. Язык – арабский. Ориентация надписи горизонтальная.

Текст

محمد
يا فتاح
من زار قبري وجب عليه دعاء
هذا ضريح المرحوم
زالمخان ابن كشمزق
غفر الله لهما امين

Перевод

«Мухаммад.

О, Открывающий (*фаттах*)

Тому, кто посетит мою могилу будет обязательна [моя] молитва за него. Это усыпальница покойного Залимхана сына Гушмазуки. Да смилуется над ними обоими Аллах!»

На тыльной стороне камня также имеется резная запись, не совсем точная с точки зрения арабской грамматики.

Текст

الخارج
السائر
في ١٤ سنة
المشهور
زالمخان

Перевод

«Восставший, странник в 14 году. Известный Залимхан»

Чуть ниже основного текста тыльной стороны написана дата по хиджре.

Текст

١٣٢٢

Перевод

«1322⁴⁸».

Харнат

На этом же кладбище похоронена еще одна жена Ташава-хаджи. Над могилой установлен металлический навес с куполом золотого цвета. Здесь стоит

48. 1332 г.х.=30.11.1913-18.11.1914 гг.

надмогильный памятник размером 81,5×26×14,4 см, окрашенный в белый цвет. Верхняя часть окрашена в зеленый цвет. Текст надписи на арабском едва различим и практически не читаем. Почерк – *насх*. К памятнику прислонена рамка с надписью кириллицей на чеченском языке: «Сесанарчу воккху хьаьжи (Ташу хьаьжи) хIусум нана Iамир молли йoI X1арнат». Перевод «Большого Хаджи (Ташу-хажи) жена, дочь Амира моллы Харнат».

Заключение

Подводя итоги, отметим, что изучение эпитафий дало несколько важных сведений. В результате исследования нам удалось определить достоверные сведения о ближайших родственниках ал-Индири (жены, дети). Это касается прежде всего имен его жен, детей и ближайших последователей. Мы получили достоверную информацию о датах их смерти и местах их захоронения. В ряде случаев мы уточнили уже имеющуюся информацию. Выяснилось, что одной из жен ал-Индири была Ажав, дочь известного в свое время на Северо-Восточном Кавказе деятеля Очара-хаджи из сел. Аксай (кум. Яхсай)⁴⁹. Благодаря этой информации становятся более понятными некоторые аспекты взаимоотношений Ташава-хаджи с сыном Очара-хаджи, Мухаммадом, бывшего значимой фигурой в Кавказской войне.

Таким образом в научный оборот вводятся важные исторические источники по рассмотренной теме. Статья может быть использована исследователями истории Кавказской войны. Кроме того, она может быть использована в качестве вспомогательного материала при обучении студентов работе с эпиграфическими источниками.

---

49. Аксай – сел. в Хасавюртовском районе Республики Дагестана.

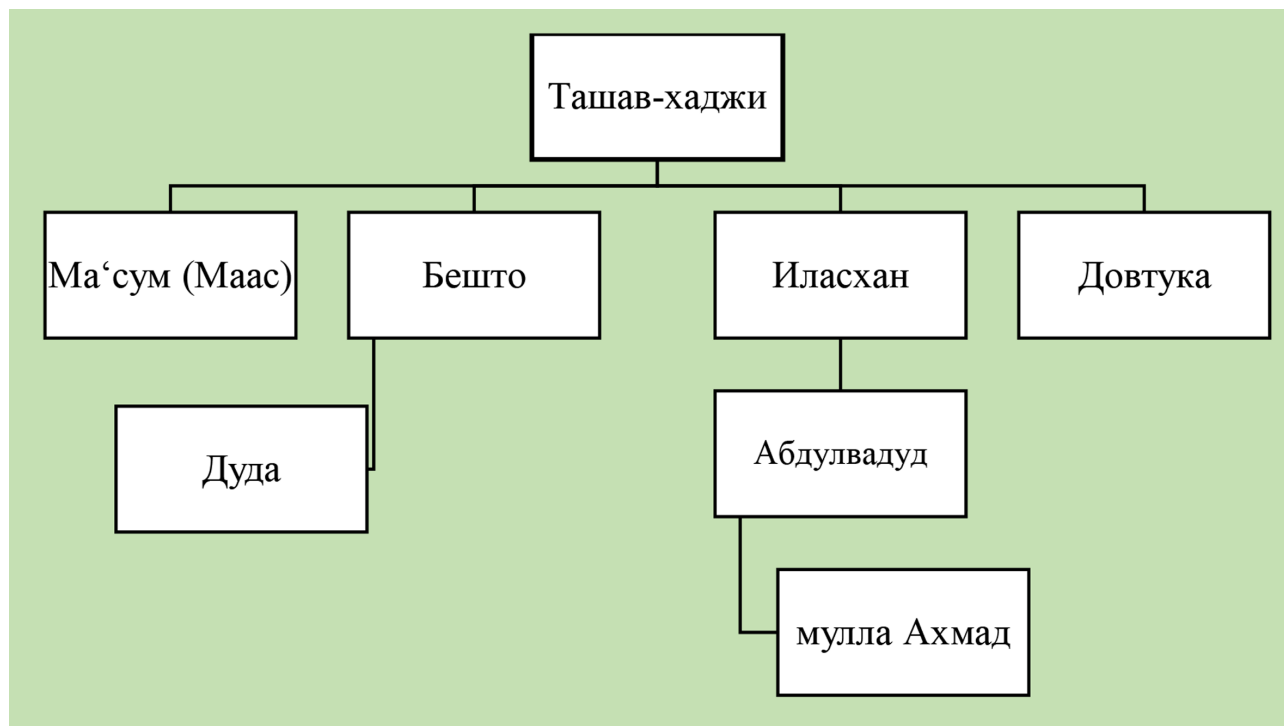

Рис. 1. Цепочка духовной преемственности (силсила) по накшбандийе, продолжающаяся от Ташав-хаджи

Fig. 1. The chain of spiritual succession (silasila) according to Naqshbandiyya, continuing from Tashav-haji

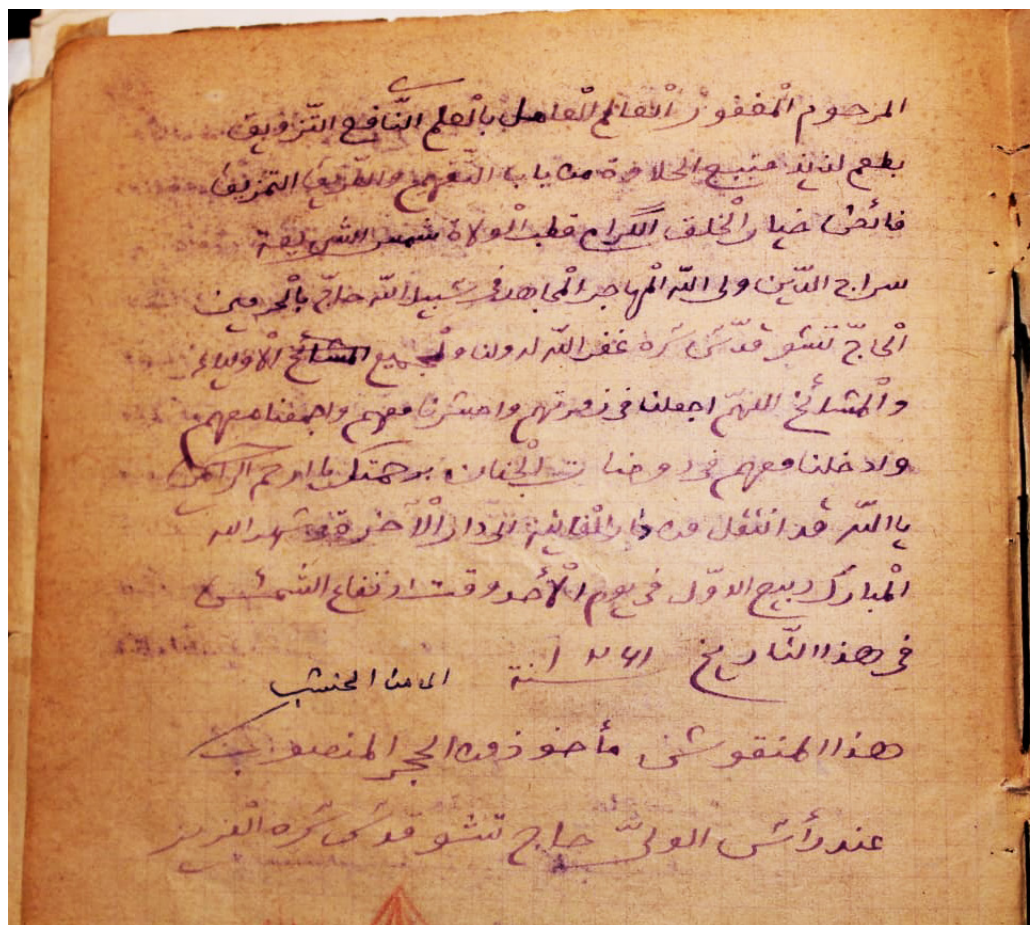

Рис. 2. Текст эпитафии Ташав-хаджи ал-Индири

Fig. 2. Text of Tashav-haji al-Indiri's epitaph

Рис. 3. Стела на могиле Ажатий, дочери Ташава-хаджи

Fig. 3. Tombstone on the grave of Azhati, daughter of Tashav-haji

Рис. 4. Стела на могиле Ма'сума (Мааса)

Fig. 4. Tombstone on the grave of Ma'sum (Maas)

Рис. 6. Стела на могиле Дуда,
сына Бештава (Башту)

Fig. 6. Tombstone on the grave of Dud,
son of Beshtav (Bashtu)

Рис. 5. Стела на могиле Бештава (Бешто),
сына Хизира

Fig. 5. Tombstone on the grave of Beshtav (Beshto),
son of Khizir

Рис. 7. Стела на могиле Али, сына Мусы

Fig. 7. Tombstone on the grave of Ali, son of Musa

Рис. 8. Стела на могиле Исы, сына Мусы
Fig. 8. Tombstone on the grave of Isa, son of Musa

Рис. 9. Стела на могиле Рахимат, дочери Мусы
Fig. 9. Tombstone on the grave of Rakhimat, daughter of Musa

Рис. 10. Стела на могиле Умарпаши, сына Али
Fig. 10. Tombstone on the grave of Umarpasha, son of Ali

Рис. 11. Стела на могиле Далы, дочери Мааса
Fig. 11. Tombstone on the grave of Dala, daughter of Maas

Рис. 12. Стела на могиле Хизбуллы,
сына Алмаса

Fig. 12. Tombstone on the grave of Hizbullah,
son of Almas

Рис. 13. Стела на могиле Файзуллы, сына Хизбуллы

Fig. 13. Tombstone on the grave of Faizullah,
son of Hizbullah

Рис. 14. Стела на могиле Алимасуда, сына Ташава-хаджи. Зийарат в Саясане

Fig. 14. Tombstone on the grave of Alimaksud, son of Tashav-haji. Ziyarat in Sayasan

Рис. 15. Стела на могиле супруги Ташава-хаджи Азизхан, матери Алимасуда

Fig. 15. Tombstone on the grave of the wife of Tashav-haji Azizkhan, mother of Alimaksud

Рис. 17. Фрагмент стелы на могиле Ажав, дочери Очара-хаджи

Fig. 17. Fragment of a tombstone on the grave of Azhav, daughter of Ochar-haji

Рис. 16. Стела на могиле Ажав, дочери Очара-хаджи

Fig. 16. Tombstone on the grave of Azhav, daughter of Ochar-haji

Рис. 18. Стела на могиле Ажабийке, дочери Ташава-хаджи

Fig. 18. Tombstone on the grave of Azhabiyke, daughter of Tashav-haji

Рис. 19. Стелы на могиле брата жены Ташава-хаджи - Умара и его дочери Хафсат

Fig. 19. Tombstones on the grave of Tashav-haji's wife's brother Umar and his daughter Hafsat

Рис. 20. Стела на могиле Умара, сына Очара

Fig. 20. Tombstone on the grave of Umar, son of Ochar

Рис. 21. Стела на могиле Иласхана, сына Юнуса в Шали

Fig. 21. Tombstone on the grave of Ilashan, son of Yunus in Shali

Рис. 22. Стела на могиле Абдулвадуда в Шали

Fig. 22. Tombstone on the grave of Abdulwadud in Shali

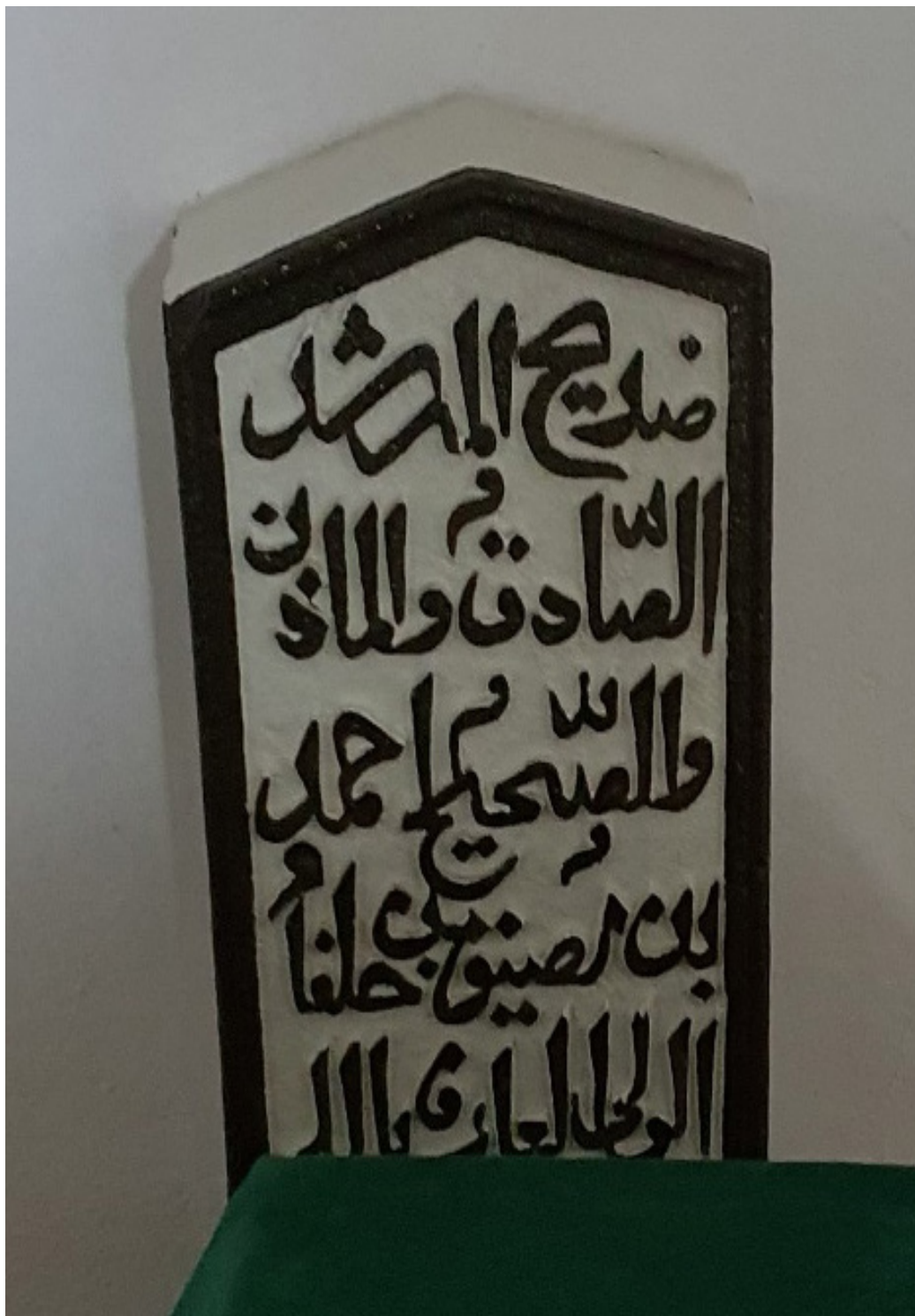

Рис. 23. Стела на могиле Муллы Ахмада аш-Шали
Fig. 23. Tombstone on the grave of Mulla Ahmad al-Shali

Рис. 24. Стела на могиле Залимхана, сына Гушмазуки
Fig. 24. Tombstone on the grave of Zalimkhan, son of Gushmazuki

Рис. 25. Стела на могиле Харнат

Fig. 25. Tombstone on the grave of Harnath

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аминов Б.Б. Марсийа в погребальной эпиграфике Мавераннахра // Вопросы эпиграфики. В. 4. М.: Русский фонд содействия образованию и науке. 2010. – 480 с.
2. Ханмурзаев И.И. Ташав-хаджи Эндиреевский: политический и религиозный деятель // Дагестанский востоковедческий сборник. Т. 2. Махачкала, 2011. – С. 79-82.
3. Ханмурзаев И.И. Ташав-Хаджи Ал-Индири в суфийских генеалогиях духовной преемственности XIX-XX вв. // Религиоведение. 2016. № 4. С. 20-27. – DOI 10.22250/2072-8662.2016.4.20-27. – EDN YLOMNP.
4. Ханмурзаев И.И. Великий шейх Ташев-хаджи из Эндирея // Исламоведение. 2012. № 1(11). С. 104-107. – EDN OXIDWJ.
5. 100 писем Шамиля / Ответственный редактор А.Р. Шихсаидов. Введение, тексты, перевод с арабского, комментарии, примечания, приложения и указатели Х.А. Омарова. Махачкала: «Ирс», 1997. – 320 с.
6. Вачагаев М.М. Шейхи и зияраты Чечни. М., 2008. – 266 с.
7. Движение горцев Северо-Восточного Кавказа в 20-50 гг. XIX века. Сборник документов / Редактор – Г.-А. Д. Даниялов. Составители – В.Г. Гаджиев, Х.Х. Рамазанов. Махачкала: Дагестанское книжное издательство, 1959. – 786 с.
8. Ахмадов Я.З. Очерк исторической географии и этнополитического развития Чечни в XVI–XVIII веках. М.: Благотворительный фонд поддержки чеченской литературы, 2009. – 422 с.
9. Овхадов М.Р. Изменение гласных под влиянием губных согласных в диалектах чеченского языка // Культура и цивилизация. – 2021. Т. 11. № 6-1. С. 150-158. – DOI 10.34670/AR.2021.47.51.019. – EDN QYSRXA.
10. Дебилов П.М. Резьба по камню в Дагестане. М.: «Наука», 1966. – 208 с.
11. Шихсаидов А.Р. Эпиграфические памятники Дагестана X–XVII вв. как исторический источник. М.: «Наука», 1984. – 464 с.
12. Семенов Н. Из недавнего прошлого на Кавказе. Рассказы-воспоминания о чеченском восстании в 1877 г. // Кавказский вестник. – 1900. – № 4. – С. 31.
13. Ханмурзаев И.И., Кидирниязов Д.С. К вопросу о датировке смерти шейха Ташава-хаджи ал-Индири // Исламоведение. 2017. Т. 8. № 3. С. 61–70.

REFERENCES

1. Aminov BB. Marsiyya in the funerary epigraphy of Transoxiana. *Voprosy epigrafiki*. Vol. 4. Moscow: Russian Foundation for the Promotion of Education and Science, 2010. (In Russ.)
2. Khanmurzaev II. Tashav-haji from Endirey: political and religious figure. *Dagestan orientalist collection*. Vol. 2. Makhachkala, 2011: 79-82. (In Russ.)
3. Khanmurzaev II. Tashav-Haji Al-Indir in Sufi genealogies of spiritual continuity of the 19th-20th centuries. *Religiovedenie*. 2016, 4: 20-27. DOI 10.22250/2072-8662.2016.4.20-27. – EDN YLOMNP. (In Russ.)
4. Khanmurzaev II. Great Sheikh Tashev-Haji from Endirei. *Islamovedenie*. 2012, 1(11): 104-107. – EDN OXIDWJ. (In Russ.)
5. *Shamil's hundred letters*. Executive editor A.R. Shikhsaidov. Introduction, texts, translation from Arabic, comments, notes, appendices and indexes by H.A. Omarov. Makhachkala: Irs, 1997. (In Russ.)
6. Vachagaev MM. *Sheikhs and ziyarat of Chechnya*. Moscow, 2008. (In Russ.)
7. *Movement of the highlanders of the North-Eastern Caucasus in 20-50s of the 19th century. Collected documents*. G.-A. D. Daniyalov (ed.), V.G. Gadzhiev, Kh.Kh. Ramazanov (comps.). Makhachkala: Dagbookpubl., 1959. (In Russ.)
8. Akhmadov YaZ. *Essay on the historical geography and ethnopolitical development of Chechnya in the 16th–18th centuries*. Moscow: Charitable Foundation for the Support of Chechen Literature, 2009. (In Russ.)
9. Ovkhadov MR. Change of vowels under the influence of labial consonants in dialects of the Chechen language. *Kultura i tsivilizatsiya*. 2021, 11(6): 150-158. DOI 10.34670/AR.2021.47.51.019. – EDN QYSRXA. (In Russ.)
10. Debirov PM. *Stone carving in Dagestan*. Moscow: Nauka, 1966. (In Russ.)
11. Shikhsaidov AR. *Epigraphic monuments of Dagestan of the 10-17th centuries as a historical source*. Moscow: Nauka, 1984. (In Russ.)
12. Semenov N. From the recent past in the Caucasus. Stories and memories of the Chechen uprising in 1877. *Kavkazskiy vestnik*. 1900, 4: 31. (In Russ.)
13. Khanmurzaev II., Kidirniyazov DS. On the issue of dating the death of Sheikh Tashawa-haji al-Indir. *Islamovedenie*. 2017, 8(3): 61-70. (In Russ.)

Поступила в редакцию 16.02.2023 г.
 Принята в печать 17.04.2023 г.
 Опубликовано 15.09.2023 г.

Recieved 16.02.2023
 Accepted 17.04.2023
 Published 15.09.2023

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH193676-690>

Research paper

Giorgi T. Macharashvili
Dr. Sci, Junior Researcher
Giorgi Tsereteli Institute of Oriental (Studies Ilia State University), Tbilisi, Georgia
gi.machara@gmail.com

RHYMED HISTORICAL TEXTS: BIBLIOGRAPHY OF GEORGIAN MANUSCRIPTS

Abstract. Historical fiction and rhymed history are two distinct genres of literature that deal with historical events and characters, but their approaches to history are different. Rhymed history, as a form of poetry, presents historical events in verse, prioritizing historical accuracy. In contrast, historical fiction crafts a narrative rooted in fiction, featuring invented characters, events, or scenarios. Within the rich tapestry of Georgian literature, numerous poetic works, including rhymed historical texts, have flourished. The prevalence of rhymed texts in Georgia, particularly from the 18th century onward, underscores their unique significance. Rhymed verse makes historical events memorable. As a result, rhymed history often served as an educational tool, employed in the instruction of children. Frequently adopting a ballad-like structure, these texts typically offer simplified renditions of historical events, occasionally imbued with moral lessons. Historical poems, situated at the nexus of literature and folklore, hold a special place within Georgian literary traditions. The scarcity of rhymed historical texts in Georgian manuscript catalogs prompted the initiation of this research. In this work, we present the first-ever bibliography of Georgian rhymed historical texts, seeking to shed light on this underexplored facet of Georgian literary heritage.

Keywords: Georgia; Caucasus; Historical Sources; Ancient World History; Medieval History; New history; Georgian Literature

For citation: Macharashvili G.T. Rhymed Historical Texts: Bibliography of Georgian Manuscripts. *History, Archeology and Ethnography of the Caucasus*. 2023. Vol. 19. N. 3. P. 676-690. doi. org/10.32653/CH193676-690

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH193676-690>

Исследовательская статья

Маджарашвили Георгий Тамазович
д.и.н., младший научный сотрудник
Институт востоковедения имени Георгия Церетели (Государственный университет Или),
Тбилиси, Грузия
gi.machara@gmail.com

РИФМОВАННЫЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ ТЕКСТЫ: БИБЛИОГРАФИЯ ГРУЗИНСКИХ РУКОПИСЕЙ

Аннотация. Историческая художественная литература и рифмованная история — это два разных литературных жанра, которые имеют дело с историческими событиями и персонажами, но их подходы к истории различны. Рифмованная история — это тип поэзии, в которой исторические события рассказываются в стихотворной форме с упором на историческую точность, в то время как в исторической художественной литературе сама история является вымышленной и включает в себя выдуманных персонажей, события или сценарии. В грузинской литературе много поэтических произведений разных жанров и среди них – рифмованные исторические тексты. Рифмованные тексты были широко распространены в Грузии, особенно с XVIII в. Рифмованный стих делает исторические события более запоминающимися. Из-за этого рифмованная история часто использовалась для обучения детей. Она часто пишется в форме баллады и обычно включает упрощенные версии исторических событий, часто завершаясь моральным уроком. Исторические стихи представляют собой переходную ступень между литературой и фольклором. В каталогах грузинских рукописей найти рифмованные исторические тексты непросто. Поэтому мы решили подготовить эту работу. Библиография грузинских рифмованных исторических текстов публикуется впервые.

Ключевые слова: Грузия; Кавказ; исторические источники; история Древнего мира; Средневековая история; Новая история; грузинская литература

Для цитирования: Маджарашвили Г.Т. Рифмованные исторические тексты: библиография грузинских рукописей // История, археология и этнография Кавказа. 2023. Т. 19. № 3. С. 676-690. doi.org/10.32653/CH193676-690

© Маджарашвили Г.Т., 2023

© Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН, 2023

Foreword

In the last decades, significant steps have been taken to prepare and publish field bibliographies of Georgian manuscripts. From 2004 to 2012, Enriko Gabidzashvili published six volumes of *Translated Works of Ancient Georgian Literature: Bibliography*, and in 2015, *Old Georgian Original Ecclesiastical Literature and Bibliography of Different Branches of the Compositions*. These bibliographic works cover many genres of Georgian literature (hagiography, ascetics, homiletics, hymnography, bibliology, exegetics, apocrypha, canonics, dogmatics, and polemics) but do not include historical writings. We decided to fill this existing gap and started to prepare a bibliography that would fully include historical works presented in Georgian manuscripts, both original and translated. The study of medieval Georgian historical writing and manuscript heritage has a long history, but until now, we have not had such a bibliography. The present paper is one part of this work.

The necessity to compile this bibliography is evident since most catalogues of Georgian manuscripts do not meet modern academic criteria, some even lack indexes, which makes it difficult to find rhymed historical texts in them.

Georgian literature contains a large number of rhymed texts, especially in the period of Late Renaissance (XVI-XVIII cc.). Among them are biblical books (*Genesis* by Dimitri Bagrationi, *Old Testament* and *New Testament* by Vakhushti Bagrationi, *Psalm of King David* by Grigol Mukhraneli); dogmatic and polemical writings (*Symbol of Faith* by David Bagrationi, *The Anti-Islamic Polemical Treatise* by Iakob Shemokmedeli); hagiographic works (*The Martyrdom of St. George* by Datuna Kvariani, *The Life of St. Eustathius* by Ivane Gvaramadze, *Balavariani*, *The Martyrdom of St. Marina*, *The Life of St. Alexis the Man of God* and *The Life of St. Nino* by various authors); ascetics and homiletics (*The Ladder of John the Sinai* by Anton the First, *The Teaching of the Seven Deadly Sins* by Ioane Petritsi, *Description of Hell* by an unknown author); liturgical texts (*Menaion* by Parmen the priest, *Church calendar* by Ioane Petritsi, *Anathems against of all heresiarchs* by Abuserisdze Tbeli; *Our Father* by an unknown author). There are also astrological treatises, secular writings, and historical texts in verse form. In the Middle Ages, when most of the population was illiterate, the rhymed versions of these texts made them more memorable. Some rhymed histories belong to auxiliary historical disciplines, and some are biographies. Rhymed compositions are a transitional step between literature and folklore.

Catalogues of Georgian manuscripts contain many poems written on historical themes. Many of them have not been thoroughly studied. It is often impossible to determine whether a particular poem is a historical work or not because the catalogs of Georgian Manuscripts contain scant information. For this reason, the first edition of our bibliography cannot be impeccable and may be revised in the future.

We have not included in our bibliography poetic works, that are devoted to historical themes but do not represent historical works. Such, for example, is *The Battle of Georgian princes, nobles and peasants with Dagestanis and Chechens in 1844* by Nikoloz Baratashvili, his own *Fate of Georgia*, poems of Alexander Chavchavadze, Chakhrukhadze, Ioane Shavteli and others.

In the bibliography, we first refer to the collections of K. Kekelidze Georgian National Centre of Manuscripts (A, H, Q, S), then to other Funds and Collections. If a poem has different title in the manuscripts, we separate the alternative title with a slash (/). In the case when the date of a manuscript is not given in the catalogues (for example, H 1127), we do not indicate it here either. Sometimes rare characters are used in manuscript codes (e.g., S 951[Ⓕ]). In this case, we transfer such code without changes to the bibliography. Catalogues of Georgian manuscripts sometimes indicated “recto” and “verso”, the number of pages of the manuscript, or just the number of folios. Accordingly, we use *r*, *v*, *p.*, *pp.*, and *fol.* in the relevant cases. In the case of unpublished catalogues (references 2, 13 and 29), we cannot indicate pages. The technical parameters of the manuscripts (cover, page size, writing type, ink colour, etc.) are not given in our bibliography since these data are presented in catalogues. If the authors or/and titles are not indicated in the manuscript but established by the researchers, they are enclosed in square brackets.

Abbreviations

A – Korneli Kekelidze Georgian National Centre of Manuscripts, Fund A (Collection of Georgian manuscripts from Ecclesiastical museum)

AR – Collection of Georgian Manuscripts of the National Archives of Georgia

FR – Korneli Kekelidze Georgian National Centre of Manuscripts, Catalog of Fragments

GM – Collection of Georgian Manuscripts of Sergi Makalatia Gori Historical and Ethnographical Museum

H – Korneli Kekelidze Georgian National Centre of Manuscripts, Fund H (Former collection of historical and ethnographical society of Georgia)

KM – Collection of Georgian Manuscripts of Niko Berdzenishvili Kutaisi State Historical Museum

LM – Collection of Georgian Manuscripts of Giorgi Leonidze State Museum of Georgian Literature

OB – Oxford University, the Wardrop Collection of the Bodleian Libraries

Q – Korneli Kekelidze Georgian National Centre of Manuscripts, Fund Q (new collection)

RP – Collection of Georgian Manuscripts of the Institute of Oriental Manuscripts of the Russian Academy of Sciences (Petersburg).

S – Korneli Kekelidze Georgian National Centre of Manuscripts, Fund S (Collection of former Society for spreading literacy among Georgians)

Bibliography

აბაშიძე გიორგი, ოდა მეფე ვახტანგ VI-ს

Abashidze Giorgi, Ode to King Vakhtang VI, MS: **RP E102 (E134)** (XIX c.), 2 fol. [14: 182].

ბაგრატიონი ანტონ (კათალიკოსი, I), მარტირიკა

Bagratiioni Anton (Catholicos, I), Martirika, MSS: **A 1484** (1806 yr.), pp. 1-294; **H 907** (1821 yr.), 1r-149r; **Q 11** (1787 yr.), 1r-56v; **Q 12** (fragment, XVIII c.), 1r-8v; **Q 78**

(1768 yr.), 2r-340v; **S 1272** (1768-1769 yrs.), pp. 1-826; **S 2988** (1790 yr.), 5r-215r; **S 3638** (1799 yr.) 1r-111r; **RP M52 (M44)** (1840 yr.), 232 fol. Note: “Martirika” contains 20 texts, including 17 martyrdoms of Georgian saints, and three martyrdoms of Armenian saints. Each text is preceded by an Iambic dedicated to the corresponding saint. “Martirika” is preceded by preface in a form of the 22-verse poem [5: 132; 8: 236-237; 9: 110-116; 14: 152; 16: 99; 23: 23-24; 25: 276-283; 28: 12-13].

ბაგრატიონი ანტონ (კათალიკოსი, I), წყობილსიტყვაობა

Bagrationi Anton (Catholicos, I), Tskobilsitkvaoba, MSS: **A 602** (XIX c.), 1r-119r; **A 638** (1810 yr.), 19r-147r; **H 192** (1781 yr.), 1r-108r; **H 225** (1802 yr.), 1v-108v; **H 383** (1825 yr.), 1r-103v; **H 2117** (XIX c.), 1r-133v; **H 2152** (1808 yr.), 10r-112v; **H 2307** (1800 yr.), pp. 1-264; **Q 617** (1810 yr.), 9r-109v; **S 1** (1745 yr.), 1r-105v; **S 121** (1820 yr.), pp. 21-289; **S 346** (XVIII c.), pp. 25-233; **S 1477** (1787 yr.), 14r-142v; **S 3685** (1797 yr.), 10r-128r; **S 4774** (1792 yr.), 11r-132r; **RP E65 (E79)** (1840 yr.), 140 fol. [2; 14: 173; 16: 344; 26: 110].

ბაგრატიონი არჩილ (იმერეთის მეფე, II), არჩილიანი

Bagrationi Archil (King of Imereti, II), Archiliani, MSS: **Q 1539** (XIX-XX cc.), 38v-41r; **OB 12** (fragment, XIX c.), 34 fol. [14: 63; 29]

ბაგრატიონი არჩილ (იმერეთის მეფე, II), თეიმურაზიანი / თეიმურაზ პირველის ცხოვრება / გაბასება თეიმურაზისა და რუსთველისა

Bagrationi Archil (King of Imereti, II), Teimuraziani / The Life of King Teimuraz I / The Dialogue between Teimuraz and Rustveli, MSS: **A 1256** (XIX c.), 2r-v; **Q 561** (XIX c.), 1r-102v; **S 6** (XIX c.), 13v-14v; **S 418** (XVIII c.), pp. 1-177; **S 424** (XVIII c.), pp. 3-171; **S 1537** (1838 yr.), 21r-22r; **S 1543** (XIX c.), 4r-63v; **S 1544** (1841 yr.), pp. 1-135; **S 1729** (1809 yr.), pp. 1-203; **S 3700** (XIX c.), pp. 1-162; **S 3708** (XVIII c.), 1v, 154v; **S 4921** (XVIII c.), 59r-60v; **OB 12** (fragment, XIX c.), 34 fol.; **RP H42 (H35)** (1838 yr.), 110 fol. [6: 40; 7: 10-11, 521, 538-539; 9: 194, 209-210, 211; 10: 162; 14: 63; 15: 155-156; 29: 338-339, 346, 353; 33: 304].

ბაგრატიონი არჩილ (იმერეთის მეფე, II), თქმული მეფის არჩილისანი ნაზარალიხანზედ

Bagrationi Archil (King of Imereti, II), Speech of King Archil about Nazaralikhani, MS: **H 153** (XIX c.), pp. 218-220 [24: 107].

ბაგრატიონი არჩილ (იმერეთის მეფე, II), მეფეთა საქებელნი და სამხილებელნი

Bagrationi Archil (King of Imereti, II), Praising and Exposing of Kings, MSS: **S 1544** (1841 yr.), pp. 158-173; **S 1729** (1809 yr.), pp. 148-163 [5: 353; 15: 155-156].

ბაგრატიონი არჩილ (იმერეთის მეფე, II), პირველის მეფის თეიმურაზისაგან თქმული გლოვა დედოფლისათვის

Bagrationi Archil (King of Imereti, II), The Lamentations of King Teimuraz the First for the Queen, MSS: **S 1512** (1821-1823 yrs.), 45r-47r; **S 3704** (1808 yr.), pp. 45-47; **AR 396** (1839 yr.), 15v [5: 257, 261-262; 9: 200, 203-204; 21: 46, 47].

ბაგრატიონი არჩილ (იმერეთის მეფე, II) , საქართველოს ზნეობანი

Bagrationi Archil (King of Imereti, II), *The Manners of Georgia*, MSS: **A 1164** (XIX c.), 91r-92v; **A 1256** (XIX c.), 1r-2r; **H 153** (XIX c.), pp. 192-206; **H 1193** (1766 yr.), 145v-152v; **Q 548** (XVIII c.), 120r-128v; **Q 770** (XVIII c.), 1r-4v; **S 395** (XVIII c.), pp. 18-39; **S 424** (XVIII c.), pp. 249-268; **S 1511** (1821-1823 yrs.), 54r-68r; **S 1544** (1841 yr.), pp. 135-149; **S 1547** (XIX c.), pp. 208-227; **S 1729** (1809 yr.), pp. 125-139; **S 3704** (1808 yr.), pp. 177-189; **S 4921** (XVIII c.), 47r-59r; **AR 1446/201** (XVIII-XIX cc.), 67r-72r; **KM 552** (XIX c.), 8v-10r [4: 9; 5: 251, 253, 353; 6: 31, 216-217; 7: 493-494, 538, 540; 9: 200, 203; 10: 162; 15: 4, 155-156; 24: 106; 31: 168-169; 32: 139-140; 33: 215, 226-227, 304].

ბაგრატიონი არჩილ (იმერეთის მეფე, II) , ძველთა და ახალთ საქართველოს მელექსეთ სახელნი შაირად ნათქვამი მეფის თეიმურაზ პირველისაგან

Bagrationi Archil (King of Imereti, II), *The names of old and new Georgian poets, spoken in verse by King Teimuraz the First*, MSS: **H 153** (XIX c.), pp. 240-242; **Q 1045** (1861, 1877, 1878 yrs.) 295r-296v; **S 1512** (1821-1823 yrs.), 175r-176v; **AR 396** (1839 yr.), 5r [5: 257, 279; 21: 46; 24: 107; 29].

ბაგრატიონი გრიგოლ, ქართველ მეფეთა თავგადასავალი

Bagrationi Grigol, *A History of the life of Georgian Kings*, MS: **RP E79 (E156)** (fragment, XIX c.), 8 fol. [14: 183].

ბაგრატიონი დიმიტრი, წამება ქეთევან დედოფლისა / ქეთევან დედოფლის შესხმა

Bagrationi Dimitri, *The Martyrdom of Queen Ketevan / Panegyric to Queen Ketevan*, MSS: **A 704** (XIX c.), 1r-11r; **A 771** (XVIII-XIX cc.), 24r-28r; **A 1243** (XIX c.), 1v-12v; **H 33** (XIX c.), 16r-24v; **H 170** (XIX c.), 6r-18r; **H 187** (1854 yr.), 29r-37r; **H 391** (1822 yr.), 37r-44v; **H 475** (1857 yr.), 1r-15r; **H 782** (XIX c.), 1r-12v; **H 845** (XIX c.), 1r-10r; **H 1013** (XIX c.), 23r-33v; **H 1127**, 56r-63v; **H 2655** (XIX c.), 4 fol.; **H 3154** (XIX c.), 2r-4v; **Q 1540** (XIX c.), 35r; **S 233a** (XIX c.), pp. 1-18; **S 233b** (XIX c.), pp. 1-25; **S 1599** (XIX c.), 1r-5v; **S 2433** (1824 yr.), 36v-46r; **S 4539** (XIX c.), 1r-15v; **S 4540** (1826 yr.), 1r-7r; **S 4975** (XIX c.), 19r-26v; **AR 1446/87** (1819 yr.), 22r-30v; **AR 1446/167** (XIX c.), 25r-36r; **AR 1446/254** (XVIII-XIX cc.), 3r-19r; **KM 637** (XIX c.), 29 fol.; **KM 664** (1861 yr.), 29 fol.; **KM 665** (XIX c.), 10 fol.; **LM 12951-x** (XIX c.), 6r-v; **RP E80 (E156c)** (XIX c.), 1r-12v. Note: The poem is written in 16-line tail-rhyme “shairi” form and contains 94 strophes [2: 396; 4: 279-280, 390, 391, 393; 7: 236-237; 9: 325-326; 10: 286; 14: 173-174, 182; 15: 61, 253, 255; 17: 317-318; 18: 263, 265; 19: 176; 22: 104, 437; 24: 28, 120, 130-131, 291-292, 346; 25: 167, 222; 29: 31: 259-276, 313-314; 32: 10, 110; 33: 297-298; 34: 531-532].

ბაგრატიონი დიმიტრი , თქმული კნიაზ პეტრე ბაგრატიონზედ

Bagrationi Dimitri, *About Prince Petre Bagrationi*, MS: **Q 1540** (XIX c.), 35v [29].

ბაგრატიონი ვახტანგ (ქართლის მეფე, VI), მოკლედ გამოსახსნელი ამბავი წიგნი მეორე რომის კეისრებისა, სხვათა მეფეთა, მთავართა და მკედართ მთავრებისა, მეფის ვახტანგისაგან ლექსად თქმული

Bagrationi Vakhtang (King of Kartli, VI), *A short story the Roman Caesars, other kings, princes and commanders, told in verse by King Vakhtang (Second Book)*, MS: S 4500 (1733 yr.), pp. 155-210 [9: 311-312].

ბაგრატიონი ვახტანგ (ქართლის მეფე, VI), ოდესცა ქართლით იკმეს მეფე ვახტანგ ისპანად და მიიწივა წინაშე სპარსთა მეფისა აწვევდენ მამულისა სჯულისა დატევებად და ღვთის მოყვარე მეფე ესე არა არიდა მძლავრისა მის ბრძანებასა ამისთვის პატიმრად წარავლინეს და მუნ მყოფობას შინა იწყო წერად ესრეთ რათამცა არა შეეპყრა ურვათა სევდიანობასა და ესრეთითა წესითა იქარვებდა პირველისა მის დიდებულებასა არქონასა ნაღვლიანობას მრავალჟამიერ ყოს უფალმა

Bagrationi Vakhtang (King of Kartli, VI), *When King Vakhtang was summoned from Kartli to Isfahan and came to the Persian king, [who] forced him to renounce the religion of his fathers/fatherland, and this God-loving king did not obey the order of that oppressor, for this he was put in prison, where he began to write this...*, MSS: H 1048 (XIX c.), 15v-16r; S 526 (XIX c.), p. 21; AR 1446/138 (XVIII c.), 16r-v; AR 1446/297 (XVIII-XIX cc.), 110r-v; GM 23/4557 (XVIII c.), 35r-v [3: 171-172; 4: 441, 443-444; 7: 592; 12: 49-51; 32: 43].

ბაგრატიონი ვახტანგ (ქართლის მეფე, VI), სამეფოსაგან კიდევან ქმნული, საღბუნად გულის წყლულებათათვის მკურნალ თავისა თვისისათვის იქმნების და სწერს ესერედ

Bagrationi Vakhtang (King of Kartli, VI), *The [King], removed from [his] kingdom, to soothe the pain of his heart, does and writes the following*, MSS: H 153 (XIX c.), pp. 7-22; H 1048 (XIX c.), 5v-15v; AR 1446/138 (XVIII c.), 5r-15v; GM 23/4557 (XVIII c.), 12v-24r [3: 140; 12: 49-50; 24: 106; 32: 43].

ბაგრატიონი ვახტანგ (ქართლის მეფე, VI), [კაეზანი] მოცალებობასა შინა მყოფსა ჭმუნვა ნაღვლისა მაქარვებლად იწერების საქართველოს მეფის მიერ უგლისა ვახტანგისაგან, დიდსა ქალაქსა მოსკოვსა შინა

Bagrationi Vakhtang (King of Kartli, VI), *This [text] is written by King Vakhtang of Georgia, in the great city of Moscow, to relieve sorrow during his rest*, MSS: H 1048 (XIX c.), 16v-17r; AR 1446/297 (XVIII-XIX cc.), 110v-111v [4: 441, 444; 32: 43-44].

ბაგრატიონი ვახტანგ (ქართლის მეფე, VI), ქართლის გინა ტფილისის ქება
Bagrationi Vakhtang (King of Kartli, VI), *Praise of Kartli or Tbilisi*, MS: LM 20847-x (XIX c.), 2r-8v [17: 287].

ბაგრატიონი თეიმურაზ (კახეთისა და ქართლის მეფე, I), გრემის სასახლის ქება

Bagrationi Teimuraz (King of Kakheti and Kartli, I), *Praise of Gremi Castle*, MSS: H 1193 (1766 yr.), 166v-167r; H 1290 (XIX c.), 69r; S 418 (XVIII c.), pp. 179-180; S 536 (XVIII c.), 6v-7r; S 1508 (1787 yr.), pp. 196-197; S 1512 (1821-1823 yr.), 11v-12r; S 3704 (1808 yr.), p. 191; S 3706 (XIX c.), 94r-v; AR 1446/201 (XVIII-XIX cc.), 83r; AR

1446/290 (XVIII-XIX cc.), 27r-v [4: 11, 425, 427; 5: 245-246, 257, 258; 7: 521, 603; 9: 200, 204, 206, 207; 32: 140-141, 241].

ბაგრატიონი თეიმურაზ (კახეთისა და ქართლის მეფე, I), ოდეს მეფე თეიმურაზ დავით გარეჯას მიბძანებულა, მეფის თამარის სახე უნახავს, მის მუნასიბად უთქვამს

Bagrationi Teimuraz (King of Kakheti and Kartli, I), *When King Teimuraz came to David Gareja, and saw the face of Queen Tamar, he said this* impromptu, MSS: A **1735** (XVIII c.), 98v-99r, 106r; S **1508** (1787 yr.), p. 211; S **4921** (XVIII c.), 36v [5: 245-246; 10: 162; 23: 197, 198].

ბაგრატიონი თეიმურაზ (კახეთისა და ქართლის მეფე, I), ქება და გალობა ჳელმწიფისა მეფის ალექსანდრესი და დედოფლის ნესტან-დარეჯანისა

Bagrationi Teimuraz (King of Kakheti and Kartli, I), *Praise and Chant to Sovereign King Alexander and Queen Nestan-Darejani*, MM: S **1508** (1787 yr.), pp. 179-185; S **1511** (1821-1823 yrs.), 51r-58r; S **3706** (XIX c.), 86v-89v; S **4921** (XVIII c.), 26r-29r [5: 245-246, 251, 253; 9: 206, 207].

ბაგრატიონი თეიმურაზ (კახეთისა და ქართლის მეფე, I), შვიდთა კრებათათვის

Bagrationi Teimuraz (King of Kakheti and Kartli, I), *On the Seven [Ecumenical] Councils*, MSS: A **1208** (XVIII c.), 7r; A **1735** (XVIII c.), 104r-106r; H **1020** (XIX c.), 151v-154v; S **342** (1773 yr.), pp. 176-181; S **536** (XVIII c.), 1r-2v; S **1103** (1780 yr.), pp. 150-154; S **1615** (XIX c.), 37v-39r; S **4921** (XVIII c.), 34r-36v; S **5280** (1852 yr.), 8 fol.; AR **1446/290** (XVIII-XIX cc.), 33r-35r [4: 425, 427;

7: 395, 603, 645-646; 10: 162; 11: 204; 15: 302, 306; 23: 197, 198; 32: 18-19; 33: 274-275].

ბაგრატიონი თეიმურაზ (კახეთისა და ქართლის მეფე, I), წამება ქეთევან დედოფლისა

Bagrationi Teimuraz (King of Kakheti and Kartli, I), *The Martyrdom of Queen Ketevan*, MSS: A **1242** (XIX c.), 1r-10r; H **170** (XIX c.), 22r-32r; H **193** (XIX c.), pp. 1-20; H **1193** (1766 yr.), 166v-167r; H **1214** (fragment, 1841yr.), 11r-17r; H **1219** (XIX c.), 2v-4r; H **1288** (1831), 2r-19v; Q **1578** (XVIII c.), 40r; S **233a** (XIX c.), pp. 3-18; S **233b** (XIX c.), pp. 1-25; S **342** (1773 yr.), pp. 257-274; S **403** (XVIII c.), 1r-8r; S **1103** (1780 yr.), pp. 204-219; S **1203** (1826 yr.), 4r-12r; S **1508** (1787 yr.), pp. 211-230; S **1511** (1821-1823 yrs.), 159r-168v; S **3723** (XIX c.), 29r-37r; S **5126** (1846-1848 yrs.), 44v-54v; AR **396** (1839 yr.), 27v; AR **509** (1816 yr.), 63v-76r; AR **1446/254** (XVIII-XIX cc.), 1r-5r; AR **1446/290** (XVIII-XIX cc.), 27v-33r; GM **24/125** (1840 yr.), 48v-57r; RP **E27 (E64; G80)** (XVIII-XIX cc.), 44r-53v [4: 334, 425, 427; 5: 93, 245-246, 251, 255; 7: 236-237, 395, 397, 505, 645, 647; 9: 223, 225; 11: 90;

12: 51-52, 54; 21: 46, 47, 118-119; 24: 120; 29; 32: 140-141, 164, 167; 33: 297; 34: 612].

ბაგრატიონი თეიმურაზ (კახეთის მეფე, II), თავგადასავალი

Bagrationi Teimuraz (King of Kakheti, II), *A History of the life / Teimuraz and Erekle in Kandahar*, MS: AR **1446/201** (XVIII-XIX cc.), 48v-49v [4: 6].

ბარათაშვილი მამუკა, ქება მეფის ბაქარისა

Baratashvili Mamuka, *Panegyric of King Bakar*, MS: **RP E87 (E156)** (XVIII c.), 11 fol. Note: The manuscript contains first redactions of complete texts of odes [14: 182].

გაბაშვილი ბესარიონ (ბესიკი), რუხის ბრძოლა / სოლომონ მეფის ბრძოლა აფხაზებთან

Gabashvili Besarion (Besiki), *The Battle at Rukhi / The Fight of King Solomon with the Abkhazs*, MSS: **A 3723** (XIX c.), 21r-25v; **H 1150** (XIX c.), 1r-4v; **H 2536** (XIX c.), 9r; **H 2537** (XIX c.), 4r; **H 2600** (XIX c.), 1r-5v; **Q 731** (1839 yr.), 1v-8r; **S 951v** (XIX c.), 1r-7r; **S 5212** (XIX c.), 2v-10r; **RP E11 (C24; E100)**, (XVIII-XIX cc.), 2 fol.; **RP H62 (H54a)**, (XVIII-XIX cc.), 8 fol. [6: 187-188; 7: 620; 9: 224; 11: 167; 14: 183; 22: 28, 63; 32: 123].

გურამიშვილი დავით, ქართლის ჭირი

Guramishvili Davit, *Georgia's Afflictions*, MSS: **S 103** (1822 yr.), 8r-147v; **RP M34 (?23; M36)**, (XIX c.), 145 fol.; **RP H43 (H37)**, (1839 yr.), 115 fol. Note: this is a part of David Guramishvili's "*Davitiani*" [7: 103-104; 14: 173].

დადიანი გრიგოლ, ნაპოლეონი

Dadiani Grigol, *Napoleon*, MS: **RP E 93 (E 156)**, (XIX c.), 2 fol. Note: the author uses a pseudonym "Ioane Gegechkori" [14: 184].

დადიანი გრიგოლ, რუხის ბრძოლა, ანუ ცხოვრება მეფე სოლომონისა

Dadiani Grigol, *The Battle at Rukhi, i.e. Life of King Solomon*, MS: **RP E 81 (E 156)**, (XIX c.), 24 fol. Note: the author uses a pseudonym "Ioane Gegechkori" [14: 184].

ერისთავი გიორგი, მოწოდება ივერთა მამულის დაცვისათვის, დროსა სპარსთა შემოსვლისასა საქართველოს სამძლურათა შინა სტიხთ ქმნილება

Eristavi Giorgi, *An appeal to Georgians to defend their Fatherland during the Persian invasion in Georgia, told in verse*, MS: **Q 1091** (1878 yr.), 178r-182v [29].

კოპაძე სიმონ, პოემა

Kopadze Simon, *Poem*, MS: **RP E101 (E134c)** (XIX c.), 2 fol. Note: the poem is dedicated to King Archil. The poem contains 34 strophes. It is written in "shairi" form [14: 182].

ლარაძე პეტრე, გალექსილი ქართლის ცხოვრება / დავით ბაგრატიონთა დიდი მატთანე

Laradze Petre, *Rhymed Life of Kartli / Large Chronicle of Davit[ian]-Bagrationis*, MSS: **H 2158** (XIX c.), 1r-133r (first variant); **H 2158** (XIX c.), 134r-205v (second variant). Note: "Davit[ian]-Bagrationis" means that Bagrationis are descendants of King and Prophet David [26: 113-114].

ლარაძე პეტრე, იოანე გრიგოლის ძე ბაგრატიონისადმი მიძღვნილი შესხმა

Laradze Petre, *Panegyric to Ioane Grigolis-dze Bagrationi*, MS: **RP H49/1-2(H53)** (XIX c.), 2 fol. [14: 183].

ლეონიძე დავით, ელიავა

Leonidze David, *Eliava*, MS: A 1728 (1896 yr.), 1r-5r. Note: The poem tells about the stay of King Solomon of Imereti in Trabzon [23: 187].

მაცაშვილი სვიმონ, წელსა ჩყვ (1806), თვესა ფებერვალსა, იწ (18) დღესა თქმული...

Makashvili Simon, *Spoken in 18th February of 1806 year...*, MS: A 1131 (1810 yr.), 1r-8r [33: 166-167].

ორბელიანი პაპუნა, ქებანი მეფეთანი

Orbeliani Papuna, *Praise of Kings*, MS: Q 1157 (1765 yr.), 75r-82r [29].

ორბელიანი პაპუნა, შეჭირვებანი ქართლისანი

Orbeliani Papuna, *The Troubles of Kartli*, MS: Q 1157 (1765 yr.), 85r-90r [29].

სააკაძე იოსებ (თბილელი), დიდმოურავიანი / ამბავი გალექსით გარდათარგმნილი დიდის მოურავის გიორგის ძისა შაუშისა, რომელი იყო ტფილისისა, ქცხინუალისა და კავკაიის მთის მდავლეთისა მოურავი, კაცი ძლიერი, საკელოვანი, ჰაეროვანი და ომისა ფრიად შემმართებელი, რომელიცა დაშვრა დიდითა შრომითა საქართველოსა ზედა ქართლსა და კახეთსა, რომელმანცა მრავალგზის განათავისუფლნა საქართველო ყიზილბაშისა მეორისა შაჰაბაზისაგან აოხრებასა და იყო მთავარი ქართლის სამეფოსა შინა, მდიდარი ფრიად

Saakadze Ioseb (Tfileli), *Didmouraviani / The rhymed Story about Sh[i] aush, the son of the Grand Vizier Giorgi...*, MSS: A 1125 (XIX c.), 70r-117v; A 1378 (XVIII c.), 1r-20v; H 612 (1854 yr.), p. 1; H 1757 (XIX c.), 65r-111v; H 2555 (fragment, XVIII c.), 1r-5r; H 3222i (fragment, XIX c.), 4 fol.; S 15 (XVII c.), 1r-123r; S 101 (XIX c.), 65r-112v; S 111 (XIX c.), 57r-102r; S 951^წ (XIX c.), 1r-v; S 1536 (1765-1775 yrs.), 92r-120v; S 2392 (XIX c.), 116r-151v; S 4629 (XIX c.), 1r-110r; S 5233 (XVII-XVIII cc.), 1r-2v; FR 136 (XVIII c.), 2 fol.; GM 25/127 (1855, 1857 yrs.). 50 fol. [5: 337, 338; 7: 24-25, 101, 126, 621; 10: 70; 11: 178; 13; 15: 237; 18: 343; 22: 36-37, 461; 25: 90; 27: 188; 33: 146-147, 463].

სტრათემანი ვილგელმ, თეატრო ანუ ასპარეზი მატიანული

Wilhelm Stratemann, *Theater e.i. Arena of History*, MS: S 420 (1740 yr.), 13r-481v [7: 532-534].

ტლაშაძე იესე, კათალიკოს-ბაქარიანი

Tlashadze Iese, *Catholicos-Bakariani*, MSS: S 953 (XVIII c.), pp. 2-108; S 4909 (1890 yr.), pp. 1-108 [7: 624-625; 10: 155-156].

უცნობი ავტორი, [ალღუზ მეფის ბრძოლა]

Unknown Author, *Battle of King Alguz*, MS: H 2864 (XX c.), 2 fol. Note: it seems that the poem is a fragment of *Alguziani* [22: 256-257].

უცნობი ავტორი, გიორგი გურიელის ბრძოლის აღწერა

Unknown Author, *A Description of the Battle of Giorgi Gurieli*, MS: Q 736 (XVIII c.), 174r-v [6: 190-191].

უცნობი ავტორი, [იასე ნეფე მობძანდა]

Unknown Author, *[King Yase has come]*, MS: A 1268გ (XIX c.), 3v [33: 320, 321].

უცნობი ავტორი, ლეკთ მეფის შამილის ქურდულებ გამარჯვებასა ზედა სოფელს შილდაში

Unknown Author, *On the dishonest victory of Shamil, the king of Lezgians, in the village of Shilda*, MS: Q 192 (XIX-XX cc.), 2 fol. [28: 214].

უცნობი ავტორი, ლექსი აღა-მაჰმად ხანის ტფილისზე წამოსვლის შესახებ

Unknown Author, *A poem about Agha Muhammad Khan's campaign against Tbilisi*, MS: AR 518 (XIX c.), 9 fol. [21: 127].

უცნობი ავტორი, საჩხერის დაწვა

Unknown Author, *Burning of Sachkhere*, MS: A 1268გ (XIX c.), 1r-2r [33: 312-313].

უცნობი ავტორი, [უსათაურო ისტორიული პოემა ერეკლე მეორის პერიოდის შესახებ]

Unknown Author, *[An untitled Historical poem about the period of King Er-ekle II]*, MS: A 668 (fragments, XIX c.), 13 fol. [2; 19: 144].

უცნობი ავტორი, ქეთევან დედოფლის წამება

Unknown Author, *The Martyrdom of Queen Ketevan*, MS: A 771 (fragment, XIX c.), 23 fol. [19: 217].

უცნობი ავტორი, [ყვარელს ჯარი შეესია]

Unknown Author, *[Troops invaded in Kvareli]*, MS: A 1268გ (1885 yr.), 4v [33: 320, 321].

უცნობი ავტორი, შერიგება სვანებისა ლეხელებთან

Unknown Author, *Reconciliation of the Svans with the Ghebeles*, MS: H 2003ა (XIX c.), 11r-16r [26: 5].

უცნობი ავტორი, ცხოვრება წმინდა ნონოსი [A]

Unknown Author, *Life of Saint Nino [A]*, MS: A 1779 (XVIII c.), 1r-26r [23: 259].

უცნობი ავტორი, ცხოვრება წმინდა ნონოსი [B]

Unknown Author, *Life of Saint Nino [B]*, MS: H 1225 (XIX c.), 14r-32v [32: 170-171].

ფავლენიშვილი, ვახტანგიანი

Phavlenishvili, Vakhtangiani, MSS: **A 1125** (XIX c.), 1r-30v; **H 1757** (XIX c.), 1r-25v [27: 187; 33: 146].

ფაშვიბერტყაძე ფეშანგი, შაჰნავაზიანი

Peshangi Pashvibertkadze, Shahnavaziani, MS: **RP K17 (K14)** (XVII c.), 169 fol. Note: the manuscript contains colophons written by King Shahnavaz – Vakhtang V, and his family members [14: 181].

ფსევდოკალისტენე, ისტორია ალექსანდრეს მეფისა მაკედონიისა და ყოვლისა აღმოსავლეთისა, ჩრდილოეთისა და ყოვლისა სამხრეთისა და თვთმპყრობელისა მეფეთ მეფისა

Pseudo-Callisthenes, History of Alexander, king of Macedonia and autocratic the whole East, the North and the South (so-called The Alexander Romance), MSS: **AR 1446/123** (XVIII c.), 1r-225r [1: 127, 128; 20: 127].

ჩხატარასძე პეტრე, ალექსანდრიანი / ცხოვრება ალექსანდრე მაკედონელისა

Chkhatarasdze Petre, Aleksandriani / Life of Alexander of Macedon, MSS: **H 2418** (1859 yr.), 1r-160v; **Q 393** (XIX c.), 5r-143r; **Q 736** (XVIII c.), 3v-171v; **Q 1296**, 5r-141r; **S 355** (XVIII c.), pp. 1-323; **S 1514** (1789 yr.), pp. 1-245; **S 2841** (1871 yr.), 1r-111v; **S 3619** (1800 yr.), 11r-217v; **S 3623** (1857 yr.), 1r-85r; **KM 195** (XIX c.), 1r-160r; **KM 199** (XIX c.), 1r-142r. Note: in K195 has Decorations (simple headers) and inscriptions; in K199 text has missing parts, has Decorations (simple headers) and inscriptions [5: 301-302; 6: 189-191; 7: 412; 8: 200; 9: 75, 78-79; 26: 284-285; 28: 403-404; 29; 30: 359, 369-370].

ჯობინაშვილი ნიკონ, დაფიქრებულის ლუარსაბ მეფის მოგონება ქვაბთახევის მონასტერსა შინა

Djobinashvili Nikon, Thoughts and memories of King Luarsab [about past times] when he was in the monastery of Kvatakhevi, MS: **A 926** (XIX c.), 1r-2v, 3r-v [2].

[ჯობინაშვილი ნიკონ], [ოსთ მეფეებზე]

Djobinashvili Nikon, About Ossetian Kings, MSS: **A 925** (ca. 1980 yr.), 8r-9r; **A 1111** (1817 yr.), 249r [2; 33: 110]

Acknowledgment. This work was financially supported by Shota Rustaveli National Science Foundation of Georgia (SRNSFG). FR-18-18271 "Translated and Original Works of Ancient Georgian Historical Literature (Bibliography)".

Благодарность. Работа выполнена при поддержке Национального научного фонда Грузии имени Шота Руставели (SRNSFG). ФР-18-18271 «Переводные и оригинальные произведения древнегрузинской исторической литературы (библиография)».

REFERENCES

1. *Description of Georgian Manuscripts (Found of Manuscripts of the National Archives)*, 2, compiled and prepared for publication by Abzalava L., Asatiani K., Gabunia T., Kirvalidze M., Shengelia V., Chumburidze M. Tbilisi, 2018 (in Georgian).
2. *Description of Georgian Manuscripts: Collection A, of the Former Church Museum*, Volume 3 (NN 601-1040), compiled and prepared for printing by Asatiani K., Kiknadze L., Kavtaria M., Kajaia L., Tbilisi, 2011 (not printed, in Georgian).
3. *Description of Georgian Manuscripts (Found of Manuscripts of the National Archives)*, 1, compiled and prepared for publication by Asatiani K., Gabunia T., Gelashvili T., Kirvalidze M., Shengelia V., Chumburidze M. Tbilisi, 2016 (in Georgian).
4. *Description of Georgian Manuscripts (Found of Manuscripts of the National Archives)*, 3, compiled and prepared for publication by Asatiani K., Ebilashvili S., Shengelia V., Chumburidze M. Tbilisi, 2019 (in Georgian).
5. *Description of the Georgian Manuscripts Collection (S) of the former Society for the Spreading of Literacy among Georgians*, Volume 2, compiled and prepared for printing by Bakradze A., Bregadze T., Metreveli E., Shanidze M., Metreveli E. (ed.). Tbilisi, 1961 (in Georgian).
6. *Description of Georgian Manuscripts of New (Q) Collection*, Volume 2, compiled and prepared for printing by Bregadze T., Enukidze T., Kasradze N., Metreveli E., Kutateladze L., Sharashidze K., Abuladze I. (ed.). Tbilisi, 1958 (in Georgian).
7. *Description of the Georgian Manuscripts Collection (S) of the former Society for the Spreading of Literacy among Georgians*, Volume 3, compiled and prepared for printing by Bregadze T., Enukidze T., Kasradze N., Kutateladze L., Sharashidze K., Metreveli E. (ed.). Tbilisi, 1959 (in Georgian).
8. *Description of the Georgian Manuscripts Collection (S) of the former Society for the Spreading of Literacy among Georgians*, Volume 4, compiled and prepared for printing by Bregadze T., Kiknadze L., Kavtaria M., Kajaia L., Shanidze M., Sharashidze K., Chankiev T., Metreveli E. (ed.). Tbilisi, 1965 (in Georgian).
9. *Description of the Georgian Manuscripts Collection (S) of the former Society for the Spreading of Literacy among Georgians*, Volume 5, compiled and prepared for printing by Bregadze T., Enukidze T., Kiknadze L., Shanidze M., Chankiev T., Metreveli E. (ed.). Tbilisi, 1967 (in Georgian).
10. *Description of the Georgian Manuscripts Collection (S) of the former Society for the Spreading of Literacy among Georgians*, Volume 6, compiled and prepared for printing by Bregadze T., Kajaia L., Kutateladze L., Shanidze M., Chankiev T., Metreveli E. (ed.), Tbilisi, 1969 (in Georgian).
11. *Description of Georgian Manuscripts: Collection A, of the Former Church Museum*, Volume 1, Part 1, compiled and prepared for printing by Bregadze T., Kavtaria M., Kutateladze L., Metreveli E. (ed.). Tbilisi, 1973 (in Georgian).
12. *Description of the Georgian manuscripts of the Gori State Historical and Ethnographic Museum compiled and*

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Описание грузинских рукописей (Рукописный фонд Национального архива Грузии). Том 2 / составили и подготовили к печати Абзалова Л., Асатиани К., Габуния Т., Кирвалидзе М., Шенгелия В., Чумбуридзе М. Тбилиси, 2018 (на грузинском языке).
2. Описание грузинских рукописей: Коллекция А, бывшего Церковного музея. Том 3 (NN 601-1040) / составили и подготовили к печати Асатиани К., Кикнадзе Л., Кавтария М., Каджаия Л. Тбилиси, 2011 (не напечатанный, на грузинском языке).
3. Описание грузинских рукописей (Рукописный фонд Национального архива Грузии). Том 1 / составили и подготовили к печати Асатиани К., Габуния Т., Гелашвили Т., Кирвалидзе М., Шенгелия В., Чумбуридзе М., Тб., 2016 (на грузинском языке).
4. Описание грузинских рукописей (Рукописный фонд Национального архива Грузии). Том 3 / составили и подготовили к печати Асатиани К., Ебилашвили С., Шенгелия В., Чумбуридзе М., Тбилиси, 2019 (на грузинском языке).
5. Описание грузинских рукописей коллекции (S) бывшего Общества распространения грамотности среди грузинского населения. Том 2 / составили и подготовили к печати Бакрадзе А., Брегадзе Т., Метревели Е., Шанидзе М., под редакцией Метревели Е. Тбилиси, 1961 (на грузинском языке).
6. Описание грузинских рукописей новый (Q) коллекции. Том 2 / составили и подготовили к печати Брегадзе Т., Енукидзе Т., Касрадзе Н., Метревели Е., Кутателадзе Л., Шарашидзе К., под редакцией Абуладзе И. Тбилиси, 1958 (на грузинском языке).
7. Описание грузинских рукописей коллекции (S) бывшего Общества распространения грамотности среди грузинского населения. Том 3 / составили и подготовили к печати Брегадзе Т., Енукидзе Т., Касрадзе Н., Кутателадзе Л., Шарашидзе К., под редакцией Е. Метревели. Тбилиси, 1959 (на грузинском языке).
8. Описание грузинских рукописей коллекции (S) бывшего Общества распространения грамотности среди грузинского населения, Том 4 / составили и подготовили к печати Брегадзе Т., Кикнадзе Л., Кавтария М., Каджаия Л., Шанидзе М., Шарашидзе К., Чанкиев Ц., под редакцией Метревели Е. Тбилиси, 1965 (на грузинском языке).
9. Описание грузинских рукописей коллекции (S) бывшего Общества распространения грамотности среди грузинского населения, Том 5 / составили и подготовили к печати Брегадзе Т., Енукидзе Т., Кикнадзе Л., Шанидзе М., Чанкиев Ц., под редакцией Метревели Е. Тбилиси, 1967 (на грузинском языке).
10. Описание грузинских рукописей коллекции (S) бывшего Общества распространения грамотности среди грузинского населения, Том 6 / составили и подготовили к печати: Брегадзе Т., Каджаия Л., Кутателадзе Л., Шанидзе М., Чанкиев Ц., под редакцией Метревели Е. Тбилиси, 1969 (на грузинском языке).
11. Описание грузинских рукописей: коллекция А, бывшего Церковного музея, Том 1, Часть 1 / составили и подготовили к печати Брегадзе Т., Кавтария М.,

prepared for publication by Bregadze T. and Kakhbrishvili T. Tbilisi, 2002 (in Georgian).

13. *Catalogue of fragments of Korneli Kekelidze Georgian National Centre of Manuscripts*. Book 1, compiled by various authors in 1978-1989 years (not published, in Georgian).

14. *The Georgian Manuscript Book Abroad*, compiled by Chkhikvadze N., Karanadze M., Kekelia V., Shatirishvili L., Chkhikvadze N. (ed.). Tbilisi, 2018 (in Georgian and English languages).

15. *Description of the Georgian Manuscripts Collection (S) of the former Society for the Spreading of Literacy among Georgians*, Volume 3, compiled and prepared for printing by Enukidze T., Metreveli E., Kavtaria M., Kutateladze L., ed. Metreveli E., Tbilisi, 1963 (in Georgian).

16. Gabidzashvili E. *Old Georgian Original Ecclesiastical Literature and Bibliography of Different Branches of the Compositions*. Tbilisi, 2015.

17. *Description of Manuscripts: XII-XIX centuries, Giorgi Leonidze State Museum of Georgian Literature*. Book 1, compiled and prepared by Gadua I., Kiknadze N., Kipiani M., ed. Tvalavadze T. Tbilisi, 2016 (in Georgian).

18. *Georgian Manuscripts in the Regions of Georgia: Catalogue*. Materials for publication prepared by Gagnidze G., Gloveli S., Gogashvili D., Karanadze M., Otkhmezuri T., Chkhikvadze N., Gloveli S. (ed.). Tbilisi, 2015 (in Georgian and English languages).

19. *Description of the manuscripts of the Tbilisi Church Museum of the Clergy of Kartli and Kakheti, by Jordania F.* Book 2. Tbilisi, 1902 (in Russian language).

20. *Central Historical Archive, Description of Collections of Georgian Manuscripts*. Volume 1, compiled by Kakabadze S. and Gagoshidze P., ed. Kekelidze K. Tbilisi, 1949 (in Georgian).

21. *Central Historical Archive, Description of Collections of Georgian Manuscripts*. Volume 2, compiled by Kakabadze S. and Gagoshidze P., ed. Kekelidze K. Tbilisi, 1950 (in Georgian).

22. *Description of Manuscripts, Manuscripts of the former Museum of the Georgian Society of History and Ethnography (collection H)*. Volume 6, compiled and prepared for printing by Kasradze N., Metreveli E., Meparishvili L., Kutateladze L., Sharashidze H., ed. Baramidze A. Tbilisi, 1953 (in Georgian).

23. *Description of Georgian Manuscripts: Collection A, of the former Church Museum*. Volume 5, compiled and prepared for printing by Kutateladze L., ed. Baramidze A. Tbilisi, 1955 (in Georgian).

24. *Description of Manuscripts, Manuscripts of the former Museum of the Georgian Society of History and Ethnography (collection H)*. Volume 1, compiled and prepared for printing by Kutateladze L. and Kasradze N., ed. Abuladze I. Tbilisi, 1946 (in Georgian).

25. *Description of Manuscripts, Manuscripts of the former Museum of the Georgian Society of History and Ethnography (collection H)*. Volume 2, compiled and prepared for printing by Kutateladze L., ed. Abuladze I. Tbilisi, 1951 (in Georgian).

26. *Description of Manuscripts, Manuscripts of the former Museum of the Georgian Society of History and Ethnography (collection H)*. Volume 5, compiled and prepared for printing by Meparishvili L., ed. Baramidze A. Tbilisi,

Кутателадзе Л., под редакцией Метревели Е. Тбилиси, 1973 (на грузинском языке).

12. Описание грузинских рукописей Горийского государственного исторического и этнографического музея / составили и подготовили к печати Брегадзе Т. и Кахабришвили Ц. Тбилиси, 2002 (на грузинском языке).

13. Каталог фрагментов Грузинского национального центра рукописей им. Корнели Кекелидзе, Книга 1 / составлен разными авторами в 1978-1989 годах (не издан, на грузинском языке).

14. Грузинская рукописная книга за границей, составили Чхиквадзе Н., Каранадзе М., Кекелия В., Шатиришвили Л. / под редакцией Чхиквадзе Н. Тбилиси, 2018 (на грузинском и английском языках).

15. Описание грузинских рукописей коллекции (S) бывшего Общества распространения грамотности среди грузинского населения, Том 3 / составили и подготовили к печати Енукидзе Т., Метревели Е., Кавтария М., Кутателадзе Л. / под редакцией Метревели Е. Тбилиси, 1963 (на грузинском языке).

16. *Габидзашвили Э.* Оригинальная древнегрузинская духовная литература и отраслевая библиография сочинений. Тбилиси, 2015 (на грузинском языке).

17. Описание рукописей XII-XIX вв., Музей грузинской литературы имени Георгия Леонидзе, Книга 1 / составили и подготовили Гадуа И., Кикнадзе Н., Кипиани М., под редакцией Твалавадзе Т. Тбилиси, 2016 (на грузинском языке).

18. Грузинские рукописи в регионах Грузии: Каталог / составили и подготовили Гагнидзе Г., Гловели Ш., Гогашвили Д., Каранадзе М., Отхмезури Т., Чхиквадзе Н., изд. Гловели Ш. Тбилиси, 2015 (на грузинском и английском языках).

19. *Жордания Ф.* Описание рукописей Тифлисского церковного музея Карталино-Кახетинского духовенства, кн. 2. Тифлис, 1902 (на русском языке).

20. Центральный государственный исторический архив. Описание коллекций грузинских рукописей. Том 1 / составили Какабадзе С. и Гагошидзе П., под редакцией Кекелидзе К. Тбилиси, 1949 (на грузинском языке).

21. Центральный государственный исторический архив. Описание коллекций грузинских рукописей. Том 2 / составили Какабадзе С. и Гагошидзе П., под редакцией Кекелидзе К. Тбилиси, 1950 (на грузинском языке).

22. Описание рукописей. Рукописи бывшего Музея грузинского общества истории и этнографии (коллекция Н). Том 6 / составили и подготовили к печати Касрадзе Н., Метревели Е., Мепаришвили Л., Кутателадзе Л., Шарашидзе Х., под редакцией Барамидзе А. Тбилиси, 1953 (на грузинском языке).

23. Описание грузинских рукописей. Коллекция А, бывшего Церковного музея. Том 5, составила и подготовила к печати Кутателадзе Л. / под редакцией Барамидзе А. Тбилиси, 1955 (на грузинском языке).

24. Описание рукописей. Рукописи бывшего Музея грузинского общества истории и этнографии (коллекция Н). Том 1 / составили и подготовили к печати Кутателадзе Л. и Касрадзе Н., под редакцией Абуладзе И. Тбилиси, 1946 (на грузинском языке).

1949 (in Georgian).

27. *Description of Manuscripts, manuscripts of the former Museum of the Georgian Society of History and Ethnography (collection H)*. Volume 4, compiled and prepared for printing by Metreveli E., ed. Kekelidze K. Tbilisi, 1950 (in Georgian).

28. *Description of Georgian Manuscripts of New (Q) Collection*. Volume 1, compiled and prepared for printing by Metreveli E. and Sharashidze K., ed. Abuladze I. Tbilisi, 1957 (in Georgian).

29. *Description of the Georgian Manuscripts of the State Museums, New (Q) Collection*. Volume 3 (NN 1001-1399), ed. Natsvlishvili N. Tbilisi (unpublished, in Georgian language).

30. *Description of Manuscripts (Kutaisi State Historical and Ethnographic Museum)*. Volume 1, compiled and prepared for printing by Nikoladze E., ed. Kekelidze K. Tbilisi, 1953 (in Georgian).

31. *Description of Manuscripts (Kutaisi State Historical and Ethnographic Museum)*. Volume 2, compiled and prepared for printing by Nikoladze E., ed. Nikoleishvili M. Tbilisi, 1964 (in Georgian).

32. *Description of Manuscripts, manuscripts of the former Museum of the Georgian Society of History and Ethnography (collection H)*. Volume 3, compiled and prepared for printing by Sharashidze H., ed. Kekelidze K. Tbilisi, 1948 (in Georgian).

33. *Description of Georgian Manuscripts: Collection A, of the Former Church Museum*. Volume 4, compiled and prepared for printing by Bregadze T., Kavtaria M., Kutateladze L., ed. Metreveli E. Tbilisi, 1954 (in Georgian).

34. *Catalogue of Georgian Ecclesiastical Manuscripts from the Collection of the Institute of Oriental Manuscripts of the Russian Academy of Sciences, compiled and prepared for printing by Tseradze T. and Khoperia L.* Tbilisi, 2016 (in Georgian).

25. Описание рукописей. Рукописи бывшего Музея грузинского общества истории и этнографии (коллекция Н). Том 2 / составила и подготовила к печати Кутателадзе Л., под редакцией Абуладзе И. Тбилиси, 1951 (на грузинском языке).

26. Описание рукописей. Рукописи бывшего Музея грузинского общества истории и этнографии (коллекция Н). Том 5 / составила и подготовила к печати Мепаришвили Л., под редакцией Барамидзе А. Тбилиси, 1949 (на грузинском языке).

27. Описание рукописей. Рукописи бывшего Музея грузинского общества истории и этнографии (коллекция Н). Том 4 / составила и подготовила к печати Метревели Е., под редакцией Кекелидзе К. Тбилиси, 1950 (на грузинском языке).

28. Описание грузинских рукописей новой (Q) коллекции. Том 1, составили и подготовили к печати Метревели Е. и Шарашидзе К. / под редакцией Абуладзе И. Тбилиси, 1957 (на грузинском языке).

29. Описание грузинских рукописей Государственного музея, Новой (Q) коллекции музея. Том 3 (NN 1001-1399) / под редакцией Н. Нацвлишвили. Тбилиси (не издано, на грузинском языке).

30. Описание рукописей (Кутаисский государственный историко-этнографический музей). Том 1 / составил и подготовил к печати Николадзе Е., под редакцией Кекелидзе К. Тбилиси, 1953 (на грузинском языке).

31. Описание рукописей (Кутаисский государственный историко-этнографический музей). Том 2 / составил и подготовил к печати Николадзе Е., под редакцией Николеишвили М. Тбилиси, 1964 (на грузинском языке).

32. Описание рукописей. Рукописи бывшего Музея грузинского общества истории и этнографии (коллекция Н). Том 3 / составила и подготовила к печати Шарашидзе Х., под редакцией Кекелидзе К. Тбилиси, 1948 (на грузинском языке).

33. Описание грузинских рукописей. Коллекция А бывшего Церковного музея. Том 4 / составили и подготовили к печати Брегадзе Т., Кавтария М., Кутателадзе Л., под редакцией Метревели Е. Тбилиси, 1954 (на грузинском языке).

34. Каталог грузинских церковных рукописей из собрания Института восточных рукописей РАН / Составили и подготовили к печати Церадзе Т. и Хоперия Л. Тбилиси, 2016 (на грузинском языке).

Поступила в редакцию 13.03.2023 г.

Принята в печать 08.05.2023 г.

Опубликована 15.09.2023 г.

Received 13.03.2023

Accepted 08.05.2023

Published 15.09.2023

Наврузов Амир Рамазанович,
к.и.н., ведущий научный сотрудник
Институт истории, археологии и этнографии
Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН, Махачкала, Россия
anavruzov@rambler.ru

ГАСАН-ЭФЕНДИ АЛКАДАРИ КАК ПРЕДТЕЧА ДАГЕСТАНСКИХ РЕФОРМАТОРОВ- ПРОСВЕТИТЕЛЕЙ

Аннотация. Статья посвящена участию в богословском дискурсе Гасана Алкадари (1834–1910) – выдающегося ученого-просветителя, поэта и общественно-политического деятеля Дагестана конца XIX – начала XX в. Он получил традиционное мусульманское образование и работал на различных должностях в Кюринском округе, был наибом Южного Табасарана. Гасан Алкадари глубоко знал мусульманскую и с уважением относился к европейско-русской культуре. Он понимал, что в процессе вхождения Дагестана в состав России создаются условия для приобщения дагестанских народов к передовой науке и культуре, открываются широкие возможности для торгово-экономических связей с народами Российской империи. Но, при этом, Гасан Алкадари не допускал и мысли о потере дагестанцами своей самобытной национальной идентичности. Он стремился максимально использовать возможности исламской культуры и образования, чтобы сохранить культурное наследие Дагестана. Творческое и научное наследие Алкадари еще слабо изучено. В статье на основе краткого анализа его сочинения «Джираб ал-Мамнун» показан вклад Алкадари в развитие правовой мысли Дагестана, который заключался в его способности синтезировать множество методологий и адаптировать их к требованиям своего окружения. Как воспитанник традиционной мусульманской школы, Алкадари считал *таклид* наиболее подходящим для себя методом реагирования на современные обстоятельства, хотя это не ограничивало его юридические рассуждения и не заслонило от него потенциал *иджтихада*, как метода юридического обоснования, даже если он сам не пользовался этим методом в полной мере. Его умение находить новое, адекватное времени и обстановке, решение сложных и правовых коллизий, облекая их в форму *таклида*, сделало его негласным предшественником дагестанских реформаторов-просветителей (обновленцев), сделавших опору на *иджтихад* в качестве основного метода своего исследования.

Ключевые слова: Дагестан; Россия; Гасан Алкадари; Али Каяев; таклид; иджтихад; фикх; мусульманское реформаторство; шафиитский мазхаб

Для цитирования: Наврузов А.Р. Гасан-эфенди Алкадари как предтеча дагестанских реформаторов-просветителей // История, археология и этнография Кавказа. 2023. Т. 19. № 3. С. 691-702. doi.org/10.32653/CH193691-702

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH193691-702>

Research paper

Amir R. Navruzov,
Cand. Sci., Leading Researcher
Institute of History, Archeology and Ethnography
Dagestan Federal Research Center, RAS, Makhachkala, Russia
anavruzov@rambler.ru

HASAN-EFENDI ALKADARI: A PIONEER OF ENLIGHTENMENT IN DAGESTAN

Abstract. This article explores the role played by Hasan Alkadari (1834–1910), a prominent scholar, educator, poet, and socio-political figure in Dagestan during the late 19th and early 20th centuries, in the theological discourse. Alkadari received a traditional Muslim education and held various positions in the Kyurinsky district, eventually serving as the naib of South Tabasaran. A scholar with a profound understanding of Islamic culture, he also treated Russian-European culture with respect. Alkadari recognized that Dagestan's integration into Russia provided an opportunity to introduce advanced science and culture to the region, as well as foster economic and trade relations with the diverse peoples of the Russian Empire. Simultaneously, he was committed to safeguarding the unique national identity of the Dagestani people. His approach aimed to leverage Islamic culture and education to preserve Dagestan's cultural heritage. Despite poorly explored nature of Alkadari's creative and scholarly legacy, this article conducts a brief analysis of his work, "Jirab al-Mamnun," to illustrate his contribution to the development of legal thought in Dagestan. Alkadari's distinctiveness lay in his ability to synthesize various methodologies and adapt them to the specific needs of his environment. While he adhered to *taqlid* (traditional jurisprudential imitation) as a student of a traditional Muslim school, he also recognized the potential of *ijtihad* (independent legal reasoning) as a method of legal interpretation, even though he did not fully employ it himself. His capacity to formulate innovative solutions to complex legal conflicts, tailored to the contemporary context, within the framework of *taqlid*, established him as an informal precursor to the Dagestani reformers and educators (renovationists) who later relied on *ijtihad* as their primary research method.

Keywords: Dagestan; Russia; Hasan Alkadari; Ali Kayaev; *taqlid*; *ijtihad*; *fiqh*; Islamic reforms; Shafi'i madhab

For citation: Navruzov A.R. Hasan-Efendi Alkadari: a Pioneer of Enlightenment in Dagestan. *History, Archeology and Ethnography of the Caucasus*. 2023. Vol. 19. N. 3. P. 691-702. doi. org/10.32653/CH193691-702

© A.R. Navruzov, 2023

© Daghestan Federal Research Centre of RAS, 2023

Гасан Алкадари (1834–1910) – выдающийся ученый-просветитель, поэт и общественно-политический деятель Дагестана конца XIX – начала XX в. Он получил традиционное мусульманское образование: учился сначала в медресе у своего отца, ученого и педагога ал-хаджжи Абдаллаха-эфенди¹ в родном селении Алкадар (ныне в Сулейман-Стальском районе Республики Дагестан), затем у известного дагестанского ученого Мирзаали Ахтынского, совершенствовал свои знания в Азербайджане. Был государственным служащим в различных должностях в Кюринском округе, в период с 1866 по 1877 г. служил в звании поручика наибом Южного Табасарана (Южный Дагестан). За недонесение властям о подготовке восстания в 1877 г. в Дагестане был отправлен в 1879 г. в ссылку в Тамбовскую губернию [1, с. 88].

Вернувшись в 1883 г. из ссылки после амнистии Александра III, он восстановил в селе Алкадар основанное его отцом медресе, где учащиеся получали навыки чтения, письма, арифметики, знания по истории Дагестана, России, географии, астрономии [2, с. 6].

Гасан Алкадари владел арабским, турецким, русским, азербайджанским, лезгинским и аварским языками. Он писал свои труды на арабском и азербайджанском, изредка на персидском языке.

Гасан Алкадари оставил богатое письменное наследие. На сегодняшний день известны пять крупных работ ученого: *Асари Дагестан* [3]; *Диван ал-Мамнун* [4]; *Джираб ал-Мамнун* [5]; *Тахмис* [6]; *Шарх ал-урда ал-махдийа ...* [7; 8, с. 23–24].

Научное и эпистолярное наследие Гасана Алкадари изучено слабо. Все его труды были востребованы и изданы на языке оригинала: четыре на арабском и одна на азербайджанском языке. Из перечисленных выше работ на русский язык переведены только две: «*Асари Дагестан*» («Исторические сведения о Дагестане»), русский перевод вышел в Махачкале в 1929 г.), получившая высокую оценку специалистов и «*Диван ал-Мамнун*» («Сборник стихов ал-Мамнуна²», Москва, 2020 г.) – историко-литературный памятник, в котором дана широкая панорама культурных событий и духовной жизни Дагестана второй половины XIX – начала XX в. В «*Диван ал-Мамнун*» наиболее полно представлены философские, исторические и этические взгляды Гасана Алкадари (1834–1910), видного мыслителя, поэта и общественного деятеля Дагестана той эпохи [9].

Гасан Алкадари хорошо знал мусульманскую культуру и с уважением относился к европейско-русской культуре. Он пользовался большим уважением как среди дагестанских религиозных деятелей, так и среди высоких чинов царской администрации. Будучи наибом одного из округов Дагестанской области Российской империи, он осознавал, что Дагестан вступил в новый этап своей истории и видел и положительные стороны влияния российской культуры на регион.

Гасан Алкадари понимал, что в результате присоединения Дагестана к России создаются условия для приобщения народов Дагестана к передовой науке и культуре, открываются широкие возможности для торгово-экономических связей с народами Российской империи. Однако, при этом, он не допускал и мысли о потере дагестанцами своей самобытной национальной идентичности [2, с. 16–17]³.

1. Абдулла, сын Курбанали (1801–1862) – ученик знаменитого дагестанского ученого, устаза накшбандийского тариката, учителя имамов Газимухаммада и Шамиля – Мухаммада-эфенди ал-Йараги (1771–1838). Основал медресе в селении Алкадар, где преподавал в течение 26 лет.

2. Ал-Мамнун (араб. – благодетельствованный [милостью Аллаха]) – литературный псевдоним Гасана Алкадари.

Мусульманское просветительство, ставшее одной из главных сторон идеологии исламского модернизма в Дагестане, формировалось согласно пониманию реформаторами-просветителями своих национальных интересов. Начало XX в. характеризуется проникновением и широким распространением исламских реформаторских просветительских идей в регионе. Особенно этот процесс усиливается с развитием в Дагестане книгопечатания. В 1903 г. Мухаммадмирза Мавраев (1878–1964), общественный деятель и просветитель, талантливый предприниматель и промышленник, создает в Темир-Хан-Шуре исламскую типографию, которая положила начало массовому изданию печатной продукции просветительской направленности на арабском и дагестанских языках с использованием арабской графики. Распространению мусульманских просветительских идей способствовали и культурно-просветительские общества, созданные в этот период за счет средств джамаатов и садака (пожертвований), заката, завещаний, вакфов. Немаловажное значение в этом процессе имела и пресса на арабском и национальных языках.

В первой трети XX в. в регионе складываются группы единомышленников. Среди них Али Каяев (1878–1943) – лидер реформаторского движения Дагестана, один из крупных мусульманских педагогов и просветителей Северного Кавказа конца XIX – первой половины XX в., редактор газеты на арабском языке «Джаридат Дагистан» (1913–1918)⁴, ставшей печатным органом мусульманских реформаторов-просветителей Дагестана и Северного Кавказа; Бадави Саидов (1877–1927) – начальник Канцелярии военного губернатора Дагестанской области, руководитель «Общества просвещения туземцев-мусульман Дагестанской области» (с 1913 по 1917 гг.); Абусуфьян Акаев (1872–1931) – выдающийся дагестанский ученый-богослов, реформатор-просветитель, главный редактор духовного журнала ученых-арабистов Дагестана «Байан ал-хака'ик» (1925–1928)⁵; Мухаммад Дибиров (1875–1929) – известный дагестанский ученый-просветитель, педагог-новатор, член «Общества просвещения туземцев-мусульман Дагестанской области»; Сайфулла-кади Башларов (1852–1919) – исламский учёный, врач и суфийский шейх и др. Они ставили перед собой цель формирования нового восприятия ислама в мусульманской среде в индустриальную эпоху, в период интеграции мусульман Дагестана в российское правовое пространство. Концепция обновления дагестанского общества включала такие направления, как реформа исламского образования, «женский вопрос», борьба с устаревшими адатами, вопросы

4. «Джаридат Дагистан» (араб. «Газета Дагестан»; с 19 января 1918 – «Дагестан»), общественно-политическая, литературная и научно-популярная еженедельная газета в Российской империи, Российской республике, Горской республике. Издавалась на арабском языке в административном центре Дагестанской области г. Темир-Хан-Шура (ныне Буйнакск) в 1913–1918 гг. в паровой лито-типографии М. Мавраева. Распространялась по подписке в Дагестане, Чечне, Черкесии, Притеречье, на Ставрополье, Кубани, в Азербайджане и Туркестане. Официальным редактором газеты до 19 января 1918 г. был Бадави Саидов. Фактически вся работа по подготовке издания к печати велась Али Каяевым, являвшимся вначале неофициальным, а с 19 января 1918 и официальным редактором газеты. Созданная по инициативе и на средства царской областной военной администрации, она, благодаря Али Каяеву, Бадави Саидову, Мухаммадмирзе Мавраеву и её наиболее активным подписчикам и авторам статей, стала площадкой для распространения мусульманских просветительских идей в Дагестане и всем Северном Кавказе.

5. «Байан ал-хака'ик» (араб. «Разъяснение [шариатских] истин»), советский общественно-политический, научно-популярный, религиозный журнал. Издавался на арабском языке с сентября 1925 г. по август 1928 г. в г. Буйнакске Дагестанской АССР (планировался как ежемесячный, фактически выходил раз в три-четыре месяца). Тираж – 1000–1050 экземпляров. Ответственный редактор – Абусуфьян Акаев из Нижнего Казанища, члены редколлегии – Йусуф-кади из Нижнего Дженгутая, Хаджи-кади из из Нижнего Казанища, Билал-Хаджи из Нижнего Дженгутая, Мустафа-кади из Нижнего Казанища и Хизри из Нижнего Казанища. Печатался в типолитографии Даггосиздата имени Е.Г. Гоголева. Журнал отражал идеи дагестанских мусульманских реформаторов-просветителей (обновленцев), способствовал распространению шариатских знаний, объяснял с точки зрения шариата культурные и социально-экономические преобразования, проводимые советским правительством.

суфизма и др. Среди обсуждаемых ими проблем особое место занимали правовые и богословские аспекты – вопросы *итждихада*⁶ и *таклида*⁷; профилактика и решение вопросов по различным аспектам *фикха* (мусульманское право): уплата заката с бумажных денег – ассигнаций или банкнот, вопрос троекратного развода (*талак*), о повторении пятничной полуденной молитвы, посте, правильном использовании вакфов и др. [10–15].

Ко времени возвращения Али Каяева из Египта в 1908 г. и активного распространения им идей мусульманского реформаторства в Дагестане [15, с. 136] Гасан Алкадари был уже в преклонном возрасте. Нет никаких исторических данных о том, что они встречались или даже были знакомы. Однако можно предположить, что Али Каяев читал изданное в 1912 г. в типографии Мухаммадамирзы Мавраева правовое сочинение «Джираб ал-Мамнун» (Хурджин (сумка, мешок) ал-Мамнуна) [5]. Влиянии идей и трудов Гасана Алкадари на последующее поколение дагестанцев, вне всякого сомнения, было значительным, в том числе, и на Али Каяева, и на других дагестанских реформаторов-просветителей, хотя они не упоминали его в своих работах. В данном сочинении Гасан Алкадари выступает как последовательный сторонник шафиитской правовой традиции.

Как пишет сам Гасан Алкадари, книгу он начал писать, когда некий мулла Гаджикерим ал-Ахти задал ему ряд вопросов по мусульманскому праву, на которые он дал ответы, основанные на книгах праведников (*кутуб ал-абрар*) [5, с. 2]. Когда Алкадари понял, что эта переписка может принести пользу мусульманам всей Российской империи, он решил собрать все юридические заключения, которыми он поделился со своими корреспондентами. Он продолжал писать письма вплоть до своей смерти в 1910 г., это дата последнего письма в «Джирабе».

Ниже, на примере краткого анализа некоторых правовых вопросов из сочинения «Джираб ал-Мамнун», мы попытаемся показать, как творчество Гасана Алкадари, как последователя традиционной шафиитской правовой мысли (*мукаллид*), оказало влияние на вызревание и формирование мировоззрения дагестанских реформаторов-просветителей. Они обсуждали те же самые правовые вопросы, на которые в свое время давал ответы Гасан Алкадари в своем трактате «Джираб ал-Мамнун». На наш взгляд, формирование их мировоззрения, взглядов происходило на фундаменте, заложенном предыдущим поколением. Мы наблюдаем во взглядах дагестанских реформаторов преемственность и развитие идей их предшественников, в данном случае идей Гасана Алкадари. Их отличают новые исторические условия. Теперь ответы на правовые вопросы дают реформаторы-просветители (обновленцы) в позднейимперский и раннесоветский периоды, на страницах реформаторской периодической печати: в газете «Джаридат Дагистан (1913–1918)», журнале «Байан ал-хака'ик (1927–1928)», переписке дагестанских улемов, рукописях и трактатах. И разница между ними в том, что реформаторы, как представители нового поколения, отдали предпочтение иджтихаду как методу исследования.

Согласно мусульманскому праву (*фикху*), чтобы найти правильное решение какого-либо правового вопроса, достаточно было найти решение по такому или

6. *Иджтихад* (араб. – усердие, большое старание) – деятельность богослова в изучении и решении вопросов богословско-правового комплекса, а также система принципов, аргументов, методов и приемов, используемых им при этом исследовании.

7. *Таклид* (араб. – традиция) – означает следование одному из имамов-основателей 4-х мазхабов (Ибн Малик, имам аш-Шафии, Абу Ханифа, Ахмад б. Ханбал) во всех религиозных и светских делах.

аналогичному вопросу в работах четырех признанных правоведов (в реалиях Дагестана – в шафиитском мазхабе) и сослаться или процитировать его. Это значило следовать таклиду (традиции). В «Джираб ал-Мамнун» Гасан Алкадари так всегда и поступает, не ссылаясь ни на Коран, ни на Сунну (хадисы) или другие первоисточники.

Дагестанские же реформаторы-просветители в вопросах фикха и догматики разделились на три группы: первая группа следовала только таклиду, вторая группа выступала за расширение границ таклида для решения некоторых юридических коллизий, но, оставаясь в рамках шафиитской правовой традиции, допускала иджтихад в мазхабе и фетве. Третья группа призывала к абсолютному иджтихаду: выводить самостоятельные суждения по вопросам мусульманского права вне рамок правовых школ. Сторонниками третьей группы были Али Каяев и его ученики [15, с. 131–146]. С точки зрения третьей группы реформаторов-просветителей, таклид казался им атавизмом старшего поколения. Поколение реформаторов-просветителей считало, что простое изложение взглядов более ранних юристов не может поддерживать исламскую юриспруденцию, чтобы отвечать современным социальным условиям. Как и многие ученые до и после них, они отвергли таклид в пользу иджтихада. Они отвергли мазхабы и призывали выносить решения, опираясь только на Коран и Сунну [16, с. 167].

Как решали правовые вопросы Гасан Алкадари и дагестанские реформаторы-просветители можно проследить на примере дискурса по некоторым правовым и богословским вопросам, который мы приводим ниже.

Вакфы⁸

Лидер реформаторов-просветителей Дагестана Али Каяев в своей практической деятельности, будучи имамом Гази-Кумуха, по мере своих возможностей и сил старался решать и исправлять запутанные вопросы по вакфам. Мы можем привести пример обращения к нему как к ученому (*алиму*) для решения вопроса по вакфу Председателя шариатского подотдела Народного комиссариата юстиции ДАССР Османова Османа от 10 марта 1922 г., в котором он писал, что в селе имеются сельхозугодия, отданные под вакф, по условиям которого доходы с них должны быть направлены в мечети для разговенья строго соблюдающих пост в месяц рамадан. А жители селения хотели переориентировать доходы этих вакфов на нужды распространения религиозных наук (знаний) посредством оживления деятельности медресе. Но среди ученых селения были те, кто считал, что условие вакфодателя является основой использования вакфа, как текст законодателя, и что нельзя его изменить ни в коей мере, не говоря уже об использовании вакфа (расходования доходов с него) на другие цели. Но среди них были и такие, кто считал, что можно изменить (нарушить) условие вакфа и расходовать его на другие цели при условии, что это является полезней и выгодней для вакфодателя и вакфополучателя. Османов Осман просил Али Каяева написать фетву для (обоснования) изменения содержания вакфа, содержащую убедительные доводы и доказательства. Так, чтобы они были в арсенале аргументации изменяющего вакф, и чтобы он и давший согласие на это, остались радостны и «довольны безо всякого

8. Вакфом именовалось движимое и недвижимое имущество, завещанное в пользу религиозных учреждений. Его нельзя было продать, наследовать. Доходы, получаемые по вакфу, должны были расходоваться строго согласно воле вакфодателя. Цели вакфа не подлежали изменению на протяжении всего времени его действия.

обмана». Он рассматривал данный случай как повсеместно распространенное явление, решение которого принесло бы пользу общине (*умме*) [14, с. 217].

Гасан ал-Алкадари в «Джираб ал-Мамнун», отвечая на заданный ему аналогичный вопрос «можно ли продать старые, завещанные ранее по вакфу мечети, но приходящие в негодность циновки, а на вырученные деньги купить новые для этой же мечети», цитирует имама ан-Навави, его работу «ал-Минхадж» и комментарии на него, и заключает, что наиболее правильно будет разрешить продажу этих циновок. Таким образом, он аргументирует свои доводы, используя инструментарий *мукаллида* и последовательно следует методологии таклида [5, с. 233].

На страницах «Джаридат Дагистан» Али Каяев приводит такой же пример со старыми коврами, давно завещанными по вакфу мечети. Они изнашивались, стали ветхими и, если их оставить в таком состоянии, то в скором времени их нужно будет выбросить, что означало бы прекращение действие этого вакфа. Приходящие в мечеть торговцы предлагают купить их по более высокой цене, за которую можно было бы приобрести новые ковры. Эту процедуру можно было бы повторять потом еще многократно, чтобы не прекращалось действие вакфа. Но факихи отказывались выносить решение по таким вопросам, аргументируя это тем, что нельзя продавать и заменять вакфы чем-либо другим, не задумываясь о том, что ковры могут изнашиваться, и прекратится воздаяние от вакфодателя.

В ответ на это Али Каяев пишет, что нет ничего не только в Коране и Сунне, но и в *иджма*⁹ и в *кийасе*¹⁰, где был бы запрет на продажу вакфа, чтобы купить за стоимость проданного то, что является вчетверо больше этого, и это будет вместо предыдущего вакфа. Али Каяев говорит о допустимости продажи вакфа в правильных целях, которые имеют длительность и непрерывность [14, с. 144–147]¹¹. Как мы видим, определяющим аргументом при принятии решения для Али Каяева является отсутствие запрета на продажу ковров в Коране и Сунне. Здесь решение Али Каяева совпадает с мнением Гасана Алкадари, хотя он аргументирует его как реформатор.

Трехкратный талак

Не по всем правовым вопросам Гасан Алкадари и дагестанские реформаторы-просветители приходили к одинаковому мнению. Одним из таких был вопрос мусульманского развода – *талак*.

Гасан Алкадари придерживался традиционной точки зрения, заключающейся в том, что произнесение три раза формулы «*талак*», будь это одновременно или раздельно, влечет собой аннулирование брака [5, с. 153–154]. Следуя методу *таклида* и ссылаясь на предшествующих юристов-шафиитов, Алкадари утверждает, что развод считается аннулированным, даже если он был объявлен только один раз. По его мнению, как школа (*мазхаб*) аш-Шафии, так и школа ал-Ханафи, учат, что произнесение

9. '*Иджма*' (араб. – согласие, единодушное мнение) – третий источник мусульманского права, с помощью которого искали ответы на вопросы, не разрешенные Кораном и Сунной. Представляет собой согласованное заключение древних юристов (*муджтахидов*), как знатоков ислама, об обязанностях правоверного, данное на основе толкования Корана и сунны.

10. *Кийас* (араб. – измерение) – суждение по аналогии, один из источников (*усул*) фикха, наряду с Кораном, Сунной и *иджма*; одна из категорий независимого суждения, ведущий принцип рационалистического исследования правовых вопросов.

11. *Ali al-Gumuki. Avkafuna // Jaridat Dagistan. Temir-Khan-Shura. 1916. №49. С. 3–4.*

формулы развода минимум три раза, будь то сразу или через промежутки времени, делает развод окончательным и бесповоротным. Если разведенные супруги желают вступить в повторный брак, бывшая жена должна соблюдать *тахлилль*¹², настаивает Алкадари [16, с. 160–161].

Дагестанские реформаторы-просветители были последователями египетских реформаторов относительно трехкратной формулы развода (*талак*). Среди них были Али Каяев и его ученики [17, с. 22]. Так в своей работе «Талак» на заданный ему вопрос дагестанским кадием Насруддином ал-Кяхулайи (из Кяхулая)¹³ аннулируется ли брак, если супруг произнес формулу развода «талак» трижды одновременно, отвечает отрицательно. Он считает, что большинство дагестанцев произносят три раза формулу развода, не имея элементарного представления о процедуре развода¹⁴, в силу чего не до конца осознают последствия своих действий. Поэтому, согласно Али Каяеву, такое действие нужно считать, как произнесенное один раз, чтобы дать ему шанс сохранения брака. В вопросе талака, как мы видим, Али Каяев и его ученики пытались дать новое, несколько произвольное толкование вопросу мусульманского развода, объясняя это недостаточной информированностью рядовых мусульман в этом вопросе и расходились с точкой зрения Гасана Алкадари и с общепринятым мнением представителей традиционного ислама в Дагестане.

Вопрос Хидра

Хидр – фигура, которая привлекла большое внимание дагестанских ученых в начале XX в. из-за споров о том, был ли он пророком или святым (*вали*), жив ли он или мертв.

Гасан Алкадари в «Джираб ал-Мамнун» приводит мнения ученых разных школ, которые обсуждают бессмертие Хидра и его статус пророка или святого. Алкадари предпочитает в ответе на этот вопрос следовать *таклиду* и мнению выдающегося ученого Ибн Йунуса, высказанного в его сочинении «ар-Равд», и мнению шафиита ас-Суйти, которые утверждали, что Хидр давно умер [5, с. 27]. Алкадари, отвечая на этот вопрос, цитирует шафиитских факихов, но совсем не цитирует хадисы. Его склонность ссылаться на предшествующих ученых, а не цитировать непосредственно из первоисточников, – проявление методологического предпочтения *таклиду*, а не *иджтихаду*. Алкадари мы видим здесь как *мукаллида*, который в вопросе Хидра поддерживает взгляды *муджтахидов*¹⁵ [17, с. 149] (в нашем случае реформаторов-просветителей – А.Н.).

Дагестанский реформатор-просветитель Али Каяев также не обошел вниманием этот вопрос на страницах «Джаридат Дагистан». Он упоминает шейха Ахмада Фаруки ас-Сирханди ан-Накшбанди, известного как имам Раббани,¹⁶ новатора второго

12. Процедура *тахлилль* заключалась в том, что супруга после данного ей мужем развода, должна выйти замуж за другого мужчину (вступив с ним в интимные отношения) и развестись с ним, а затем снова выйти замуж за своего мужа.

13. Кяхулай – поселок на южной окраине г. Махачкалы.

14. Ali b. Abd al-Hamid al-Gumuki. Talak // ФВР ИИАЭ ДФИЦ РАН. ФМС. Оп. 1. №50. Л. 1а-7б.

15. Ali al-Gumuki. Avkafuna // Jaridat Dagistan. Temir-Khan-Shura. 1916. №49. С. 3-4.

16. Имам ар-Раббани б. Ахмад б. Ахад ас-Сирхинди ал-Фаруки ан-Накшбанди ал-Муджаддид Алф сани (971–1034/1563–1624) основал в Индии самостоятельную секту Накшбандийя, названную Накшбандийя-муджаддийя, которая в течение двух веков получила широкое распространение в мусульманском мире.

тысячелетия, который писал, что нет доказательств утверждениям шейхов, что Хидр не умер. Он считал, что Хидр – из мира духов, но Аллах Всевышний придал ему силу, с помощью которой Хидр принимает многочисленные формы и образы. Али Каяев пишет, что, если накшбандийский имам признает смерть Хидра и полагает, что он из мира духов, то не следует обращать внимание на высказывание тех, кто утверждает, что он жив со времен Моисея до сегодняшнего дня и будет жить до приближения Судного дня. В подтверждение Али Каяев цитирует вышеупомянутого имама Раббани, который писал в своих письмах: «... когда Аллах Всевышний являлся в умы чтецов Корана и их слушателей и запечатлевался в их фантазиях, возможно, что эти видимые образы в действительности являются образами, закрепившимися в их фантазиях, хотя эта действительность не является реальной» [14, с. 156–157]¹⁷. Али Каяева в вопросе Хидра, как ученого и как реформатора-просветителя, отличает трезвый рационализм, рационалистическое восприятие явления в целом.

Повторение полуденной молитвы после пятничной

Этот вопрос также активно обсуждался в начале XX в. представителями традиционного ислама и мусульманскими реформаторами-просветителями Дагестана в рукописях и на страницах мусульманской периодической печати.

Интересна трактовка этого вопроса Гасаном Алкадари в «Джираб ал-Мамнун» [5, с. 302–305]. Он предпочитает решить этот вопрос согласно *таклиду* и пишет, что часть дагестанских шейхов считает достаточным совершение пятничной молитвы следуя *таклиду*. Пятничная молитва считается по шафиитскому праву истинной, когда её совершают четверо мусульман (*муслимун камилун*) (здесь, т.е. умеющих правильно читать суру ал-Фатиха), принимая во внимание, что они совершают её в полном убеждении её истинности и не считают повторение после неё полуденной молитвы правильным и не одобряют этого. Алкадари ссылается в решении этого вопроса на таких авторитетных дагестанских приверженцев шафиитского мазхаба, как шейх шейхов (*шейх ал-маша'их*), выдающийся ученый, ал-хаджжи Мухаммад-эфенди Ибн Муса ал-Кудуки; выдающийся ученый ал-Бацади; шейх, выдающийся ученый, ал-хаджжи Салим-эфенди; шейх, выдающийся ученый, кадий Мирзаали-эфенди ал-Ахти. «А я, презренный бедняга, следуя по их стопам и говорю об отсутствии необходимости повторения полуденной молитвы после пятничной, которую мы совершаем, следуя *таклиду*, согласно «старому высказыванию» (т.е. «*ал-кавл ал-кадим*» – мнению имама аш-Шафии), заключающемся в истинности пятничной молитвы при наличии четырех человек, в полном соответствии с шафиитским мазхабом. И нет необходимости принимать меры предосторожности в ритуале, в истинности совершения которого мы убеждены» [5, с. 305]. Обоснование Гасана Алкадари по содержанию нам представляется более аргументированным и убедительным. Здесь Гасан Алкадари, как мы видим, приходит к решению вопроса, оставаясь строго в рамках традиции (*таклида*).

17. Ali al-Gumuki. Hal' ad-Hidr hajj av majjit // Jaridat Dagistan. Temir-Khan-Shura. 1915. №49. С.3–4.

Дагестанский ученый Муртада ал-Кудали писал в «Джаридат Дагистан» (22 июня 1913 г. №25), что повторение полуденной молитвы после пятничной не является обязательностью¹⁸. Ученый Ахмед Рида ал-Бакуги там же, в статье «О повторении полуденной молитвы после пятничной» (№ 21 за 1916 г.) также отмечал, «что повторение полуденной пятничной молитвы – есть запретное нововведение (*бид'а*), которое совершают люди после Пророка и которое запрещали нам Аллах и Пророк»¹⁹.

Так разъясняли этот вопрос представители реформаторского течения в Дагестане во главе со своим лидером Али Каяевым. Реформаторы в этом вопросе также ссылаются на мнения известных шафиитских ученых, таких как имам аш-Шафии, Ибн Хаджар ал-Аскалани, Ибн Хаджар ал-Хайсами и других²⁰. Но, несмотря на приводимые выдержки из их работ, определяющим является то, есть ли упоминание или какое-либо высказывание по этому вопросу в Коране и Сунне. То есть, для реформаторов решающим была апелляция к Корану и Сунне²¹.

Уплата закята с бумажных денег (ассигнаций)

Другим немаловажным вопросом, волновавшим дагестанцев и вызывавшим горячие споры среди дагестанских ученых в первой трети XX в., был вопрос уплаты закята с бумажных денег или ассигнаций, выпущенных российским государством банком. Гасан Алкадари считал, что владельцы ассигнаций расплачиваются с другими людьми этими бумагами как деньгами, и что в них есть ростовщический процент, как в золоте и серебре [5, с. 116].

По этому вопросу состоялась острая полемика на страницах газеты «Джаридат Дагистан» (№№27, 28, 29 за 1917 г.) между Гамзатом Цадаса, отцом знаменитого Расула Гамзатова, Али Каяевым²², а также между алимом Гамзатом ал-Чаркаси (из Черкесии) (№№ 6, 7, 8 за 1917 г.)²³.

В статье газеты №37 за 1915 г. Али Каяев писал, что бумажные деньги, выпущенные Российским государством, являются своеобразными долговыми документами. Всякий, кто имеет дело с ними, считал Али Каяев, на самом деле имеет дело с написанным на них размером золота, и есть в них ростовщический процент, вне всякого сомнения, как в золоте и серебре. Он считал, что владельцу этих бумажных денег следует платить закят с них, использовал ли он их в торговых целях или нет. При этом он цитирует известного шариатского правоведа Таки ад-Дин ас-Субки (ум. 1355), а также сочинение «Табакат ал-Кубра» его сына Тадж ад-Дин Субки (1327–1370)²⁴. То есть, здесь Али Каяев не расходится с мнением Гасана Алкадари.

Таким образом, мы видим, как Гасан ал-Алкадари, будучи последовательным сторонником *таклида* (*мукаллид*) и Али Каяев и реформаторы-просветители,

18. *Murtada al-Kudali*. Jaridat Dagistan. Temir-Khan-Shura. 1913. №25. P. 4.

19. Ahmad Rida al-Bakugi. Mas'alat al-ju'mat va i'adat az-zyxр ба'даха // Jaridat Dagistan. Temir-Khan-Shura. 1916. №21. С. 4.

20. Ali al-Gumuki. Mas'alat al-ju'mat // Jaridat Dagistan. Temir-Khan-Shura. 1916. №12. С. 4.

21. Ali al-Gumuki. Mas'alat al-ju'mat va i'adat az-zyxр ба'даха // Jariydat Dagistan. Temir-Khan-Shura. 1915. №37. С. 3-4.

22. *Ali al-Gumuki va al-Haji bn Mahamm al-Avari*. Avada ila mas'alat al-avrak al-nakdiyya // Jariydat Dagistan. Temir-Khan-Shura. 1916. №№27, 28, 29. С. 4.

23. *Ali al-Gumuki va al-Haji Hamzat al-Charkasi*. Munazara Hamza va Ali fi mas'alat al-avrak al-nakdiyya // Jariydat Dagistan. Temir-Khan-Shura. 1917. №№ 6, 7, 8. С. 3-4.

24. *Ali bn Abduhamid al-Gumuki*. Al-avrak al-nakdiyya // Jariydat Dagistan. Temir-Khan-Shura. 1915. №37. С. 3-4.

в большинстве правовых вопросов, опирающиеся на Коран и Сунну, а также *иджма* и *кийас*, и являющиеся *муджтахидами*, приходили к одинаковым выводам.

Очень точную и удачную характеристику Гасану Алкадари как последователю традиционной правовой школы дают исследователи Ребекка Голд и Шамиль Шихалиев: «Пожалуй, самым впечатляющим аспектом вклада Алкадари в исламскую правовую мысль является его способность синтезировать множество методологий и адаптировать их к требованиям своего окружения. Очевидно, что Алкадари был вдохновлен новыми интеллектуальными, социальными и политическими горизонтами, которые открылись после включения Дагестана в состав Российской империи. Он видел много хорошего в российском правлении, в частности, большой доступ к европейскому обучению. В то же время Алкадари стремился максимально использовать возможности исламского образования, чтобы сохранить прошлое живым перед лицом современных технологий, которые угрожали его уничтожить... Его приверженность *таклиду* не ограничивала его юридические рассуждения. Это также не заслонило от него потенциал *иджтихада* как метода юридического обоснования, даже, если он сам не воспользовался этим методом в полной мере» [16, с. 154–155].

Гасан-эфенди Алкадари, как воспитанник старой школы, считал *таклид* наиболее подходящим методом реагирования на новые обстоятельства. Он находил адекватное времени и обстановке решение правовых вопросов, тем самым показывая гибкость и потенциальные возможности *шафиитского фикха* в ответе на вопросы, поставленные новым временем и исторической обстановкой, обусловленной контактами с российским правлением, что свидетельствует о незаурядности, широте и глубине эрудиции и масштабе личности Гасана-эфенди Алкадари, как представителя традиционного *мазхаба*. Личности, ставшей негласной предтечей дагестанских реформаторов-обновленцев.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Насыров И.Р. Гасан Алкадари – мыслитель Дагестана // Ислам в современном мире. 2021. №3. С. 85–106.
2. Абдуллаев М.А. Гасан Алкадари // Гасан Алкадари. Ученый, поэт, просветитель. Сборник научных трудов. Махачкала: ИИАЭ ДНЦ РАН, 2006. С. 6–21.
3. Асари-Дагестан: (исторические сведения о Дагестане) / перевод и примечания Али Гас. Гасанова (Алкадари). Махачкала: издание Дагестанского науч.-исслед. ин-та, 1929. - 184 с.
4. Хасан-эфенди ал-Алкадари. Диван ал-Мамнун. Темир-Хан-Шура: Матбаат Мухаммад Мирза Маврайуф, 1913. (на араб. яз.).
5. Хасан-эфенди ад-Дагистани ал-Алкадари. Джираб ал-Мамнун. Темир-Хан-Шура: Матбаа ал-Исламиyyа ала нафакат сахибиха Мухаммад Мирза Маврайуф, 1912. (на араб. яз.).
6. Тахмис. Стамбул, 1907. (на араб. яз.).
7. Хасан-эфенди ал-Алкадари. Шарх ал-урда ал-махдийа... Темир-Хан-Шура, 1907. (на араб. яз.).
8. Шихсаидов А.Р. Рукописное наследие Алкадари // Гасан Алкадари. Ученый, поэт, просветитель.

REFERENCES

1. Nasyrov IR. Hasan Alkadari – a Dagestan thinker. *Islam v sovremennom mire*. 2021, 3: 85-106. (In Russ.)
2. Abdullaev MA. Hasan Alkadari. *Hasan Alkadari. Scholar, poet, educator. Collection of scientific papers*. Makhachkala: IHAЕ DSC RAS, 2006: 6-21. (In Russ.)
3. *Asari-Dagestan: (historical information about Dagestan)*. Transl. and notes by Ali Has. Hasanov (Alkadari). Makhachkala: Dagestan Scientific Institute, 1929. (In Russ.)
4. Hassan-effendi al-Alkadari. *Diwan al-Mamnun*. Temir-Khan-Shura: Matbaat Muhammad Mirza Mavrayuf, 1913. (in Arabic).
5. Hassan-effendi ad-Dagistani al-Alkadari. *Jirab al-Mamnun*. Temir-Khan-Shura: Matbaa al-Islamiyya ala nafakat sahibiha Muhammad Mirza Mavrayuf, 1912. (in Arabic).
6. *Tahmis*. Istanbul, 1907. (in Arabic).
7. Hassan-effendi al-Alkadari. *Sharh al-urda al-mahdiyya...* Temir-Khan-Shura, 1907. (in Arabic).
8. Shikhsaidov AR. Alkadari's written heritage. *Hasan Alkadari. Scholar, poet, educator. Collection of scientific papers*. Makhachkala: IHAЕ DSC RAS, 2006: 22-41. (In Russ.)

Сборник научных трудов. Махачкала: ИИАЭ ДНЦ РАН, 2006. С. 22–41.

9. *Гасан Алкадари*. Диван ал-Мамнун. пер. с арабского и коммент. И.Р. Насырова; вступит. статья А.А. Гусейнова; предисл. А.К. Аликберова и И.Р. Насырова; отв. ред. А.К. Аликберов; Ин-т востоковедения РАН. М.: Наука – Вост. лит., 2020. – 392 с.

10. *Абусуфийан Акаев*. Эпоха, жизнь, деятельность: сборник статей, переводов и материалов / Сост. и науч. ред. Оразаев Г.М.-Р. – Серия «Жизнь замечательных дагестанцев». Махачкала, 2012.

11. *Бобровников В.О.* Каяев, Али // Ислам на территории бывшей исламской империи. Энциклопедический словарь. Т. 1. М., 2006. С. 192–194.

12. *Наврузов А.Р.* Али Каяев – последний энциклопедист Дагестана // Дагестанские святые. Кн. 1. Махачкала: ИД «Эпоха», 2007.

13. *Наврузов А.Р.* «Байан ал-хакаик» (1925–1928) – духовный журнал ученых арабистов Дагестана // Дагестанские святые. Махачкала. Кн. 3. Махачкала: ИД «Эпоха», 2013. С. 147–174.

14. *Наврузов А.Р.* «Джаридат Дагистан» – арабоязычная газета кавказских джадидов. М.: Издательский дом Марджани, 2012. – 240 с.

15. *Шихалиев Ш.Ш.* Мусульманское реформаторство в Дагестане (1900–1930гг.) // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2017. № 3. С. 134–169.

16. *Rebecca G. and Shikhaliev Sh.* Beyond the *Taqīd/Ijtihād* Dichotomy: Daghestani Legal Thought under Russian Rule. *Islamic Law and Society* 24 (2017). P. 142–169.

17. *Шихалиев Ш.Ш., Шехмагомедов М.Г.* Фикх в исламском дискурсе дагестанских улемов: // Мусульманское право и обычай в российском Дагестане: источники и исследования: хрестоматия / В.О. Бобровников, М.Г. Шехмагомедов, Ш.Ш. Шихалиев. Санкт-Петербург: Президентская библиотека, 2017. – 319с.

9. Hasan Alkadari. *Diwan al-Mamnun*. Transl. from Arabic and commentaries by I.R. Nasyrova; introd. article by A.A. Guseinova; preface by A.K. Alikberova and I.R. Nasyrova; resp. ed. A.K. Alikberov; Institute of Oriental Studies, RAS. Moscow: Nauka – Vost. lit., 2020. (In Russ.)

10. Abusufyan Akayev. *Epoch, life, activity: collection of articles, translations and materials*. Comp. and scientific ed. by Orazhev G.M.-R. *Series "Life of remarkable Dagestanis"*. Makhachkala, 2012. (In Russ.)

11. Bobrovnikov VO. Kayaev, Ali. *Islam on the territory of the former Islamic empire. Encyclopedic Dictionary*. Vol. 1. Moscow, 2006: 192-194. (In Russ.)

12. Navruzov AR. Ali Kayaev – the last encyclopedist of Dagestan. *Dagestan shrines*. Book 1. Makhachkala: Epoha, 2007. (In Russ.)

13. Navruzov AR. "Bayan al-hakaiq" (1925–1928) – a spiritual journal of learned Arabists of Dagestan. *Dagestan shrines*. Book 3. Makhachkala: Epokha, 2013: 147-174. (In Russ.)

14. Navruzov AR. "Jaridat Daghistan" – an Arabic-language newspaper of Caucasian Jadids. Moscow: Marjani Publ., 2012. (In Russ.)

15. Shikhaliev ShSh. Muslim reformism in Dagestan (1900–1930). *Gosudarstvo, religiya, tserkov v Rossii i za rubezhom*. 2017, 3: 134-169. (In Russ.)

16. Rebecca G., Shikhaliev Sh. Beyond the *Taqīd/Ijtihād* Dichotomy: Daghestani Legal Thought under Russian Rule. *Islamic Law and Society*. 2017, 24: 142-169.

17. Shikhaliev ShSh., Shekhamomedov MG. Fiqh in the Islamic discourse of the Dagestan ulema. *Muslim law and custom in Russian Dagestan: sources and research. Chrestomathy*. V.O. Bobrovnikov, M.G. Shekhamomedov, Sh.Sh. Shikhaliev. St. Petersburg: Presidential Library, 2017. (In Russ.)

Поступила в редакцию 21.03.2023 г.

Принята в печать 04.07.2023 г.

Опубликована 15.09.2023 г.

Recieved 21.03.2023

Accepted 04.07.2023

Published 15.09.2023

Шихалиев Шамиль Шихалиевич
к.и.н., ведущий научный сотрудник
Институт истории, археологии и этнографии
Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН,
Махачкала, Россия;
Институт востоковедения РАН, Москва, Россия
shihaliev74@mail.ru

К РЕКОНСТРУКЦИИ БИОГРАФИИ ДАГЕСТАНСКОГО УЧЕНОГО-АРАБИСТА И КАВКАЗОВЕДА М.-С. САИДОВА

Аннотация. Статья посвящена реконструкции биографии крупного филолога и историка, основателя дагестанской школы востоковедения М.-С. Саидова (1902–1985). Получив блестящее исламское образование, в годы советской власти М.-С. Саидов прошел путь ученого-лингвиста и историка, что отражено в многочисленных автобиографиях, написанных им в период с 1948 по 1973 г. В статье приводится анализ некоторых источников, которые реконструируют биографию М.-С. Саидовым. Автором использован сопоставительный анализ автобиографий Саидова с различными видами эго-документов, написанными им на арабском языке. Реконструкция фактов биографии М.-С. Саидова также дополняется альтернативными источниками, в том числе доносом на него, опубликованном в местной газете в 1937 г., а также воспоминаниями его дочери Рабият Саидовой. Анализ источников показывает, что некоторые факты своей биографии, вероятно по политическим соображениям, М.-С. Саидов предпочел скрыть в автобиографии. Скрыл М.-С. Саидов и свое отношение к событиям периода Гражданской войны в Дагестане, когда его родное селение Геничутль было подвергнуто карательной акции за предполагаемую поддержку антисоветского мятежа Наджмуддина Гоцинского (1920–21 гг.). Будучи арестованным органами НКВД в середине 1930-х гг. и чудом избежав репрессий, М.-С. Саидов был вынужден скрывать некоторые эпизоды своей жизни. Они описаны М.-С. Саидовым в кратких воспоминаниях на арабском языке, а также в арабоязычных стихах. Автор приходит к выводу, что арабский язык в эго-документах М.-С. Саидова служил для него средством выражения эмоций. В статье показано, что арабоязычные документы М.-С. Саидова с точки зрения биографической достоверности и полноты выражения его убеждений и эмоций являются наиболее ценными.

Ключевые слова: Магомед-Саид Саидов; автобиографии; эго-документы; Геничутль; антисоветский мятеж Гоцинского; арабский язык; поэзия; эмоции

Для цитирования: Шихалиев Ш.Ш. К реконструкции биографии дагестанского ученого-арабиста и кавказоведа М.-С. Саидова // История, археология и этнография Кавказа. 2023. Т. 19. № 3. С. 703-718. doi.org/10.32653/CH193703-718

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH193703-718>

Research paper

Shamil Sh. Shikhaliev,
Cand. Sci., Leading Researcher
Institute of History, Archeology and Ethnography
Dagestan Federal Research Center of RAS, Makhachkala, Russia;
Institute of Oriental Studies of RAS, Moscow, Russia
shikhaliev74@mail.ru

RECONSTRUCTING THE BIOGRAPHY OF M.-S. SAIDOV: A DAGESTAN ARABIST AND CAUCASIAN SCHOLAR

Abstract. The article focuses on the reconstruction of the biography of a prominent philologist and historian, M.-S. Saidov (1902–1985), who laid the foundation for the Dagestan school of oriental studies. Despite his excellent Islamic education, M.-S. Saidov's journey as a linguist and historian during the Soviet era is a complex narrative, which is evident in numerous autobiographical writings spanning from 1948 to 1973. The author of article undertakes an analysis of select sources that contribute to the biographical reconstruction of M.-S. Saidov. Utilizing a comparative approach, the author assesses M.-S. Saidov's autobiographies in conjunction with various types of ego-documents authored by him in Arabic. Additional sources, including a 1937 newspaper denunciation and memoirs from his daughter, Rabiya Saidova, supplement the biographical reconstruction. Notably, the analysis of these sources reveals that, likely for political reasons, M.-S. Saidov chose to conceal certain aspects of his life in his autobiographies. One such concealed aspect concerns M.-S. Saidov's experiences during the Civil War in Dagestan, particularly the punitive measures taken against his native village, Genichutl, due to alleged support for the anti-Soviet rebellion of Nadzhmuddin Gotsinsky (1920–21). Arrested by the NKVD in the mid-1930s and narrowly escaping repression, M.-S. Saidov found it necessary to withhold specific episodes from his life. These hidden stories are recounted in M.-S. Saidov's succinct Arabic memoirs and poetry. This article posits that, for M.-S. Saidov, the Arabic language served as a medium for the expression of his emotions. It underscores the significance of Arabic-language documents within the context of biographical authenticity and the complete articulation of his beliefs and sentiments. Ultimately, these Arabic-language documents emerge as invaluable resources in understanding the life and experiences of M.-S. Saidov.

Keywords: Magomed-Said Saidov; autobiographies; ego-documents; Genichutl; Gotsinsky's anti-Soviet rebellion; Arabic language; poetry; emotions

For citation: Shikhaliev Sh.Sh. Reconstructing the Biography of M.-S. Saidov: a Dagestan Arabist and Caucasian Scholar. *History, Archeology and Ethnography of the Caucasus*. 2023. Vol. 19. N. 3. P. 703-718. doi.org/10.32653/CH193703-718

Введение

Эго-документы, включающие в себя автобиографии, дневники, воспоминания, личные письма, хранящиеся в частных архивах, являются основными источниками для воссоздания картины субъективности личности. В эго-документах мы можем «услышать» голос человека. В широком поле источников, представленных в личных архивах, можно также увидеть, как, например, через описание тех или иных событий в мемуарах, или через описание биографий других лиц, субъект хотел бы видеть себя, или же напротив, каким бы он бы видеть себя не хотел [1, с. 14].

С точки зрения критики источников, автобиографии, дневниковые записи могут вызвать сомнение в их объективности. Очевидно, что о некоторых неприглядных деталях своей жизни авторы мемуаров могли просто умолчать [2, с. 205]. В частности, в автобиографических дневниках, родители, описывая свои взаимоотношения с детьми, редко писали о том, что они наказывали их физически [1, с. 23]. Вместе с тем, такое игнорирование фактов в подобных источниках не говорит об их нерепрезентативности, поскольку умалчивание в автобиографии тех или иных фактов может также свидетельствовать об определенном взгляде автора, который видит эти факты своей жизни негативными и поэтому умалчивает. Подобное «умалчивание», отражение эмоций и рефлексия по отношению к тем или иным событиям – важные моменты в самопрезентации субъекта.

Изучая семейные архивы, исследователи иногда сталкиваются с противоположными сведениями в «повествовании о себе», отраженными в различных видах эго-документов. Воссоздать наиболее реальную биографию личности возможно, если имеются дополнительные источники, хранящиеся в том же самом архиве.

В данной статье реконструируется биография крупного дагестанского арабиста и кавказоведа М.-С. Саидова (1902–1985) путем сравнения автобиографий ученого и эго-документов его частного архива. Несомненно, в научной литературе биография М.-С. Саидова уже была отражена в работах ряда исследователей. [3, с. 163–169; 4, с. 11–22; 5, с. 72–74; 6]. Вместе с тем, эти исследователи обращались к официальной биографии М.-С. Саидова, пропустив некоторые его эго-документы. Последние же показывают, что его официальная биография не всегда соответствует тому, что писал М.-С. Саидов в своих воспоминаниях.

Богатый архив М.-С. Саидова, включает в себя рукописи, письма, воспоминания, рабочие дневники, исследования ученого по вопросам истории и филологии, и другие документы. Они раскрывают личность Саидова в разных аспектах – как ученого-богослова, отца, мужа, востоковеда, филолога, историка.

Работая в Институте истории, языка и литературы ДФ АН АССР более 40 лет, М.-С. Саидов, в контексте бюрократического документооборота написал несколько автобиографий, немного отличающихся друг от друга дополнениями о профессиональной деятельности. Сопоставление этих автобиографий с другими видами эго-документов позволяет более детально реконструировать его биографию и объяснить почему Саидов в своей официальной автобиографии умолчал о некоторых фактах своей жизни.

Автобиографии М.-С. Саидова

Самая первая его автобиография была написана в 1948 г. и отражает сухую информацию о его жизни (стиль, орфография и пунктуация сохранены – Ш.Ш.).

«Я, Саидов Магомед Саид, родился в 1902 году в семье крестьянина-бедняка селения Гиничутль Хунзахского района Дагестанской АССР. Родители мои занимались до революции и после революции крестьянством. Их хозяйство было бедняцким. Отец мой умер в 1919 году от тифа. Мать живет на моем иждивении.

Я сам начал учиться (с 1910 г.) по-арабски и учился до 1921 года. С мая 1921 года я поступил секретарем отдела народного образования Аварского округа, одновременно работал учителем советского полка Хунзахского гарнизона.

В мае 1922 года Аварский наробраз командировал меня в г. Буйнакск на учительские курсы, по окончании которых в августе 1922 года я поступил в Дагестанский пед[агогический]техникум. Продолжал там учиться до апреля 1924 года, когда выбыл оттуда по болезни. После того начал работать учителем Гимринской школы (с мая 1924 по 1 августа 1925 г.). Приехавший летом 1925 года на учительские курсы, я поступил корректором 1-ой гостипографии 1 января 1926 года. Корректором я работал непрерывно до 1 февраля 1931 года, откуда я перешел в редакцию областной газеты «Знамя социализма» на аварском языке ответственным секретарем (1931–1932).

Затем меня назначили с 1932 года по 1936 (28 августа) редактором аварской секции Дагестанского государственного издательства. С августа 1936 г. по 30 августа 1937 г. я учился в г. Пятигорск в аспирантуре в историко-лингвистическом институте при Северо-Кавказском Крайкоме ВКП(б) и с 1 сентября 1937 по 31 декабря 1940 г. продолжал учебу в аспирантуре Института языка и мышления им. Н.Я. Марра (московское отделение Академии Наук СССР) и защитил кандидатскую диссертацию.

С февраля 1941 года работал ст. научным работником Дагестанского научно-исследовательского института истории, языка и литературы. Во время Великой Отечественной войны в связи с консервацией института меня перевели в Дагестанский радиокомитет редактором вещания до 1.1.1943 г.

С 1/1–1943 по 1/1–1945 года работал замдиректором Дагестанского научно-исследовательского института истории, языка и литературы по научной части.

С 1/1 1945 года состою докторантом Института языка и мышления им. Н.Я. Марра Академии Наук СССР.

В области педагогической работы: работал преподавателем дагестанских языков в Дагпединституте 1934, 1935, 1941, 1942, преподавателем арабского языка в Московском институте востоковедения и в аспирантуре Института языка и мышления им. Н.Я. Марра Академии Наук СССР 1945–1946 учебного года.

С 1 сентября 1946 года по февраль 1948 г. работаю завкафедрой арабского языка Азербайджанского государственного университета им. С.М. Кирова. 23.4.1948»¹.

1. Автобиография М.-С. Саидова (1948 г.) // Личный архив Рабият Саидовой. № 27. Л. 1а-3а

С небольшими дополнениями и изменениями подобные автобиографии, хранящиеся в настоящее время в архиве его дочери Рабият, М.-С. Саидов писал в 1950, 1957, 1968, 1973 годах.

По сути, данная автобиография представляет собой обычный бюрократический документ, стандартный для любого советского учреждения [7, с. 107–127]². Наличие такого количества автобиографий М.-С. Саидова объясняется, вероятно, проводимой аттестацией сотрудников академических институтов, когда в числе других необходимых документов, исследователям нужно было предоставить и автобиографии.

Детальное сравнение текстов всех автобиографий позволяет разделить их на две группы – те, которые были написаны в сталинский период, и те, что были написаны в уже в период «хрущевской оттепели» и в период руководства страной Л.И. Брежневым (1964–1982).

В первом случае М.-С. Саидов более подробно пишет о своем крестьянском происхождении, акцентируя внимание на тяжелых условиях жизни. Он также отмечает, что в силу крайне бедственных материальных условий, отец его был вынужден работать по найму землекопом. Здесь же Саидов подчеркивает, что рано потерял отца, и чтобы прокормить семью также был вынужден работать по найму³.

Одновременно с этим, в биографии этого периода М.-С. Саидов пишет о своем обучении арабскому языку одним предложением. Причем в его повествовании акцент делается именно на язык, а не на обучение исламским наукам, что было характерно для системы исламского образования. Очевидно, что в сталинский период, чудом избежав репрессий 1930-х гг., М.-С. Саидов опасался обратить внимание органов безопасности на этот факт своей биографии и не стал описывать его подробно. Конечно, наличие исламского образования Саидова не было ни для кого секретом, и он это прекрасно понимал. Тем не менее, в автобиографиях, написанных в сталинский период, он ограничился упоминанием об этом одной фразой.

Часть биографии, касающейся обучения арабскому языку, в более поздних автобиографиях, написанных уже после смерти И.В. Сталина, М.-С. Саидов несколько расширяет: *«С детства (1910 г.) я начал учиться по-арабски и продолжал учебу до 1920 года. Учился я в разных дагестанских аулах у разных ученых. Большой перерыв я сделал в учебе в 1918 г. в связи со смертью отца. Затем к началу 1919 г. опять продолжил учебу по-арабски»*.⁴

Очевидно, что после середины 1950-х гг. М.-С. Саидов мог уже не опасаться репрессий. Более того, начиная с середины 1950-х гг., в Дагестане началось активное изучение исламской литературы, были организованы ежегодные экспедиции по локализации, приобретению и изучению исламских коллекций [8, с. 203–216; 9, с. 101–113]. В это время в отделе востоковедения уже работали выпускники восточного факультета Ленинградского государственного университета – Амри Шихсаидов (1928–2019), Хулатта Омаров (1937–2007), Александра Козлова (род в 1937 г.). Ввиду этого М.-С. Саидов подробнее написал в своих более поздних автобиографиях о своем обучении арабскому языку, что в середине 1950-70-х гг. шло в русле советского академического востоковедения.

2. Кинев С.Л. Советские автобиографии, написанные при трудоустройстве как исторический источник (на материале 1930-х – начала 1940-х гг.) // Интерактивное образование. Электронный ресурс. Доступно по ссылке: <http://www.io.nios.ru/articles2/108/15/sovetskie-avtobiografii-napisannye-pri-trudoustroystve-kak-istoricheskii-istochnik>

3. Автобиография М.-С. Саидова (1950 г.) // Личный архив Рабият Саидовой. № 82. Л. 1а.

4. Автобиография М.-С. Саидова (1973 г.) // Личный архив Рабият Саидовой. № 79. Л. 1а.

Насколько же эти по факту одинаковые автобиографии соответствуют реальной биографии М.-С. Саидова? Несомненно, они весьма сжатые, сухие, лаконичные. В них не отражается субъективный взгляд автора на события, процессы в рамках своего понимания и рефлексии на окружающую картину мира. Кроме того, как мы это увидим ниже, в подобных автобиографиях часто присутствует искажение или скрытие нелицеприятной, по мнению самого автора, информации, что было преднамеренным, поскольку писались они в условиях тоталитарного советского государства. Очевидно, что подобные автобиографии читались соответствующими ответственными органами – либо партийными, либо работниками КГБ. Ввиду этого часто перед авторами подобных автобиографий стояла задача максимально «очистить» свою биографию, показав свою лояльность существующей власти.

Сопоставительный анализ автобиографий М.-С. Саидова с другими дополнительными биографическими источниками, в том числе и эго-документами, позволяет более детально реконструировать историю его жизни, показав тем самым факты из его жизни, о которых он умолчал или искажил.

Реконструкция биографии М.-С. Саидова

Основными источниками, позволяющими реконструировать его биографию, являются некоторые фрагментарные записи воспоминаний самого М.-С. Саидова, и даже донос на него, опубликованный в 1937 г в местной авароязычной газете. Сопоставление его официальной биографии с реконструкцией его биографии на основе этих источников позволяет проследить то, что написал, искажил или скрыл М.-С. Саидов в повествовании о себе.

В своей официальной автобиографии М.-С. Саидов не упомянул, что был потомственным ученым-богословом в пятом поколении, о чем рассказывала мне его дочь Рабият. На самом деле, это устное сообщение Рабият подтверждается несколькими арабоязычными письменными источниками. Так, дагестанский ученый Назир ад-Дургили в одной из своих работ приводит биографию деда М.-С. Саидова, называя его «Сайид, сын Муртада'али, сын кадия Умара, по прозвищу «Махадада» из Гиничутля», перечисляя его учеников и отмечая, что он был верховным кадием (*кади ал-кудат*) Аварского округа (*нахийя Аваристан*) и скончался в 1314 / 1896 г⁵. Кроме того, в своих в кратких воспоминаниях (*тазкира*), М.-С. Саидов пишет, что когда он познакомился с Али Каяевым, тот рассказал Саидову о его деде Махадада, отзываясь о нем как о крупном ученом.⁶

Самого М.-С. Саидова при рождении назвали в честь его деда, и все родственники и близкие друзья знали его больше по имени «Махадада», что отражено в письмах, адресованных Саидову.

Социальное происхождение М.-С. Саидова, о котором рассказывала Рабият, тщательно скрываемое им в русскоязычных автобиографиях, косвенно подтверждается анонимным доносом на него, опубликованным 24 октября 1937 г. в аварской газете «Большевик Гор». В нем сообщается, что настоящее имя М.-С. Саидова, которого в га-

5. Назир б. Мухаммад ад-Дургили. *Тараджим 'улама' ад-дагистанийин* // Фонд восточных рукописей ИИАЭ ДФИЦ РАН (Здесь и далее – ФВР ИИАЭ ДФИЦ РАН); ФМС. Оп. 5. № 509. Л. 6б. Даная рукопись является черновиком более известного произведения Назира ад-Дургили «Нузхат ал-азхан фи тараджим 'улама' Дагистан».

6. Мухаммад-Саид Саидов. *Тазкира* // ФВР ИИАЭ ДФИЦ РАН; ФМС. Оп. 5. № 73, л. 4а.

зете называют «буржуазным националистом», Махадада. Что он был муллой в своем родном селении, а в селениях Кафыр-Кумух, Кумторкала и Ирганай преподавал в медресе. Более того, в газете указывается, что отец и дед М.-С. Саидова тесно сотрудничали с имперской администрацией. В частности, анонимные авторы статьи, подписавшиеся в газете как «колхозники», пишут, что дед М.-С. Саидова Махадада служил кадием в имперском окружном суде и по его вине некоторые жители, высказывавшие открытое неповиновение начальнику округа, были высланы в Сибирь, где и погибли. В частности, анонимные авторы доноса на М.-С. Саидова пишут: *«Магомед Саид Саидов был отправлен в сел. Гимры для открытия школы. Однако, он бросил эту работу и отправился в Кумторкалинский район и в сел. Кумторкала в 1923–24 году был мударрисом. Теперь этот буржуазный националист скрывает свое настоящее имя Махадада, меняет свое имя и фамилию и поступает на работу в Даг просвещение. Его родители были при царе у начальника округа судьями... Неужели никто не знал, что Саидов в сел. Геничутль был муллой? Не было ни для кого секретом, что он был учеником знаменитого Могохского арабиста Масхуда (сослан 1930 году) и назывался мужтаидом. Он в сел. Кафыр-Кумухе, Кумторкале и Иргане служил мударрисом. Он служил в банде Гоцинского, боролся против большевиков и вместе с бандой Гоцинского отступил до Цумады и потом, поменяв имя и фамилию, пошел работать в советские школы...»*⁷.

М.-С. Саидов начал свою учебу в 1910 г., в возрасте неполных 8 лет. И, судя по сложившейся в Дагестане традиции, свое начальное обучение он получил у своего отца Джамалуддина, который также был образованным человеком и работал имамом мечети в селении Геничутль. В большинстве случаев своих учителей М.-С. Саидов нигде не называет. Однако, из некоторых его писем, написанных в 1920-е годы, известно, что в их числе был дагестанский ученый-джадид Мас'уд из с. Могох (1893–1941), с которым он в дальнейшем поддерживал дружеские отношения. Очевидно, что авторы вышеупомянутой газетной статьи были хорошо осведомлены о биографии Саидова, указав его настоящее имя Махадада и ученичество у Мас'уда.

Весь 1917-й год М.-С. Саидов обучался в соседнем, расположенном в 3 километрах от родного дома, селении Цада, у дагестанского поэта Гамзата Цадаса, который в 1917 г. преподавал исламские науки в своем доме [10, с. 123–128]. В последующем Саидов поддерживал близкие отношения с Гамзатом Цадаса и даже переводил с аварского на русский язык некоторые его стихотворения.

В рамках своего обучения М.-С. Саидов прошел весь тот курс системы исламского образования, который был характерен для Дагестана конца XIX – начала XX века [11, с. 593–624].

После небольшого перерыва в 1918 г. М.-С. Саидов с поздней осени 1919 г. по конец декабря 1920 г. продолжил свое образование под руководством дагестанского ученого-реформатора Али ал-Гумуки (Каяева, 1878–1943), с которым он поддерживал тесные дружеские отношения вплоть до ареста последнего.⁸

В сентябре 1920 г. в Дагестане вспыхнул антисоветский мятеж, который охватил ряд регионов Нагорного Дагестана, в том числе и родной М.-С. Саидову Аварский

7. «До конца выкорчевать корни буржуазных националистов» // Газета «Большевик гор». 24 октября 1937 г. (на аварском языке).

8. Мухаммад-Саид Саидов. *Тазкира* // Л. 4а-4б.

Рис. 1. Слева направо: Народный поэт ДАССР Гамзат Цадаса (1877-1951) и М.-С. Саидов (1902-1985). Фотография была снята в Москве, куда Гамзат Цадаса был приглашен для вручения ему ордена Трудового Красного Знамени, а М.-С. Саидов, обучавшийся в то время в аспирантуре, был его переводчиком с аварского на русский язык. Фото из личного архива Рабият Саидовой

Fig. 1. From left to right: Poet of the DASSR Gamzat Tsadasa (1877-1951) and M.-S. Saidov (1902-1985). The photo was taken in Moscow, where Gamzat Tsadasa was invited to receive the Order of the Red Banner of Labor, and M.-S. Saidov, who was studying at that time as a doctor candidate, was his translator from Avar into Russian. Photo from the personal archive of Rabiyyat Saidova

округ.⁹ Боевые действия, связанные с подавлением этого восстания, продолжались вплоть до мая 1921 г. М.-С. Саидов упоминает, что в конце 1920 г., после обучения у Али Каяева, он решил вернуться на родину, в свое родное село. Однако, все дороги были перекрыты, как он пишет, «из-за мрачных событий», очевидно, из-за военных действий, связанных с подавлением мятежа Гоцинского. Он был вынужден гостить и одновременно продолжил учебу у своего земляка – некоего Раджаба, который исполнял обязанности кадия в селении Маали, куда смог добраться Саидов.¹⁰ Эта вынужденная остановка в селении Маали, вероятно, спасла ему жизнь, о чем свидетельствуют события, происходившие в это время в его родном селении, куда он так и не смог попасть.

В феврале 1921 г. небольшой отряд воинов Гоцинского тайно пробрался через селение Геничутль в крепость Арани, где был расквартирован отряд красноармейцев и уничтожил их караул. Командир этого гарнизона Красной Армии А.И. Тодорский (1894–1965) подозревая жителей Геничутля в соучастии, поручил своему комиссару Нажмуддину Самурскому¹¹ осуществить карательные действия в отношении жителей

9. Мятеж Наджмуддина Гоцинского против советской власти продолжался с сентября 1920 по май 1921 г. Более подробно см.: [13]

10. Мухаммад-Сайд Саидов. *Тазкира* // Л. 46-5а.

11. Нажмудин Самурский (1891–1938) – крупный дагестанский политический деятель. Председатель Центрально-

Геничутля. Селение было подвергнуто артиллерийскому обстрелу и последующей зачистке: все мужское население старше 15 лет было убито, само селение разграблено, а женщины и дети изгнаны на три месяца [14, с. 20–26]¹². М.-С. Саидову повезло, что он не смог вернуться в селение, поскольку в это время ему было 19 лет и маловероятно, что карательные отряды красноармейцев оставили бы его в живых. В своих арабоязычных воспоминаниях он с болью упоминает события в Геничутле и пишет, что по возвращении он был вынужден заняться сельским хозяйством¹³.

В этих воспоминаниях выявляется один факт, который Саидов тщательно скрывал. Вопреки тому, что М.-С. Саидов пишет в своей русскоязычной биографии об отце, как об умершем от тифа в 1918 г., в арабоязычных воспоминаниях он отмечает, что отец его погиб в 1921 г., когда случилась трагедия в Геничутле. В частности, он отмечает, что был очень впечатлен тем, как арабский поэт и писатель Фуад ал-Хатиб¹⁴ выразил в своих стихах боль утраты отца, проведя в этом параллель между арабским поэтом и собой. Вынужденный скрывать обстоятельства смерти отца, М.-С. Саидов также цитирует стихи ал-Хатиба, отмечая, что «лишен возможности рассказать о свободе» и не может рассказать всей правды, связанной с гибелью отца. Этот факт его биографии не упомянут ни в одном из источников, кроме арабоязычных воспоминаний ученого.

Рефлексия Саидова на трагические события в Геничутле в феврале 1921 г. отражена также его стихах.

Стихотворение начинается с выражения скорби, плача по поводу произошедшего события. В частности, он пишет:

*«Пусть рыдают справедливость, разум, доброта,
Пусть плачут богобоязненность, достоинство, аскетизм и знания¹⁵,
Мечеть пуста, не осталось ни муаззина, ни кадия.
Сколько же книг, драгоценностей знаний, в клочья разорваны!
И это разрывает в клочья сердце мое и умирает иллюзия¹⁶
[Сколько] почтенных героев, мужей постигла несправедливость!
Сколько храбрецов легли в свои могилы!
Но приобрели они успех, счастье, почет и уважение!¹⁷
... Среди них – тот, кто отличался величием¹⁸.
Он достиг высот в науках, так что с ним не мог никто соперничать,
Но случилось то, что случилось,
Так что зарыдал даже бесчувственный камень!*

го Исполнительного Комитета Дагестана (1921–1928), член Экономсовета в Совнарком РСФСР в г. Москве (1929–1931 гг.). Первый секретарь Дагестанского областного комитета ВКП(б) (1934–1937 гг.). В 1937 году был арестован органами НКВД и был расстрелян 1 августа 1938 г. 2 июня 1956 г. он был реабилитирован. См.: [13].

12. О погибших в этих событиях в с. Геничутль см.: [15, с. 256–258].

13. Мухаммад-Саид Саидов. *Тазкира*, л. 5б.

14. Фуад Хасан б. Йусуф ал-Хатиб (1880–1956) – ливанский поэт, журналист, общественный и политический деятель Ближнего Востока первой пол. XX в.

15. В данном стихотворении М.-С. Саидов персонифицирует родное село, выражая крайнюю степень скорби по поводу трагических событий, случившихся в селении, когда вместе с гибелью селения пропала и честь, и справедливость, и доброта, присущие жителям этого селения.

16. Вероятно, имеется в виду иллюзия душевного благополучия, счастливой жизни, которую он видит в знаниях. Уничтожение книг в мечети он сравнивает с гибелью своей мечты о душевном благополучии.

17. М.-С. Саидов имеет в виду, что убитые красноармейцами жители обрели покой, став мучениками и обретя счастье в потустороннем мире и уважение в этом и потустороннем мире.

18. В глоссах Саидов пишет имя «Мухаммад, сын Бийбулата», то есть, жителя Геничутля, кого он выделяет среди погибших героев.

*Смерть стала его итогом!
А моя элегия оплакивает его.
Также и львенок, мой господин, учитель времени,¹⁹
Счастливый мученик (шахид), господин,
Украшение знаний.
Он был подобен падающей звезде,
Обрушивающейся на врагов,
И наставляя людей на праведный путь,
Он был подобен звезде!
Его путь – это воздаяние [от Аллаха]
И возвышенное положение [в потустороннем мире]²⁰.
Я вас обоих поздравляю, о мои два господина,
С тем, что вы нашли свой удел у Аллаха,
Где нет хитрости и злобы, а есть черноокие [гуриш].
И бедствие, что случилось с вами,
Указывает на то, что нет в эту эпоху мира.
И такие деяния не прекращаются,
Так что продолжают нападения
на невинных и безгрешных [на людей]²¹!
Человек терпелив и сдержан
По отношению к тому вреду²², что они приносят,
Однако, если вред будет возрастать,
То невозможно будет оставаться терпеливым.
Несомненно, каждый, кто совершает любые деяния,
Найдет свой удел у Аллаха,
Мы все вернемся к Аллаху и повиновение Ему – обязательно!
Пятничный день напомнил мне о том, что [здесь] произошло.
Я написал эту историю, и глаза мои изливают слезы,
И я поздравляю всех вас, кто стал мучеником (шахидом).
Конец».²³*

Это самое раннее из известных поэтических произведений М.-С. Саидова, написанное им в возрасте 19 лет. Стихотворение начинается с восклицания скорби, плача. В своем повествовании М.-С. Саидов часто возвращается в прошлое, отмечая заслуги и достоинства людей, которых он потерял, и выражая любовь и былую гордость за свое селение. Подобно тому, как скорбят по поводу погибшего человека, со смертью которого остались в прошлом положительные качества, Саидов также пишет, что все эти персонифицированные добродетели с гибелью селения также погибли.

19. В глоссах М.-С. Саидов пишет: «Я имею ввиду Мухаммада, сына Хаджияв Дибера». Учитывая, что Саидов называет его «мой эфенди», вероятно этот Мухаммад в свое время обучал Саидова. Этот ученый числится в списке геничутлинцев, убитых красноармейцами под номером 11. См. [15, с. 256].

20. Имеется ввиду, что упомянутый М.-С. Саидовым персонаж вел праведную жизнь в этом мире и ему уготовано воздаяние и высокое положение в потустороннем мире.

21. Здесь, очевидно, что Саидов обвиняет красноармейцев в содеянном, отмечая, что они уничтожили невинных людей и не перестают это делать.

22. Имеется ввиду несправедливость по отношению к безвинно пострадавшим.

23. Мухаммад-Саид Саидов. *Марсийа* // ФВР ИИАЭ ДФИЦ РАН; ФМС. Оп. 5. № 720. Л. 26-за. Перевод с арабского на русский язык Ш.Ш. Шихалиева.

М.-С. Саидов заходит в мечеть и видит там раскиданные на полу, разорванные в клочья исламские книги. Относясь в те и последующие годы с большим пиететом к литературе в целом, взаимодействуя с литературой на эмоциональном уровне, он сокрушается о причинах такого вандализма. Можно сказать, что для него книги – это одушевленные предметы, он сравнивает свое сердце с ними, и подобно тому, как эти книги изорваны в клочья, он пишет, что также разорвано и его сердце.

Далее, он сокрушается что нет ни муаззина, ни кадия. Это также очень важный момент для него: слышать пятикратный призыв на молитву, совершать пятничную молитву – это привычный уютный мир, в котором он рос, который окружал его с детства. Саидов понимает, что привычный мир рушится, и он в растерянности. Осознав, что возврата к старому привычному миру нет, он пишет: «и умирает иллюзия».

Далее, он скорбит по поводу смерти двух своих учителей, которые были убиты красноармейцами. Следуя традициям написания арабских *марсийа*, которые выражают траурную похвалу покойному, достоинства которого ушли вместе с ним, Саидов описывает положительные черты покойных учителей оставшимися в прошлом, как и добрую историю разоренного ныне родного села. Очевидно, что ученые были убиты в ходе карательной акции, поскольку М.-С. Саидов называет их «мучениками» за веру (*шахид*). Он радуется за них, что они закончили свою земную жизнь, полную злобы и ненависти, и перешли в иной мир, где нет пороков общества. М.-С. Саидов полагает, что они обретут высокое место в Раю. Он оставляет все на суд Аллаха, отмечая, что те, кто совершает плохие деяния в этом мире, после смерти будут держать ответ за свои действия перед Аллахом, так что расплата за совершенные злодеяния неминуема.

Очевидно, что эти стихи он написал в состоянии сильного эмоционального потрясения и переживания. Здесь мы видим горечь, скорбь по погибшим, недоумение, сожаление, радость о лучшей доле в потустороннем мире, терпение и надежду на справедливость в потустороннем мире. Ничего подобного ни на русском, ни на аварском, он никогда позже не писал.

Любопытно и отношение Саидова к Наджмуддину Гоцинскому (1859–1925) – известному религиозному и политическому деятелю Дагестана первой четверти XX в. [12; 16, с. 72–91; 17].

Как рассказывает Рабият, Наджмуддин Гоцинский приходился ей родственником со стороны матери Хабият и со стороны отца. В частности, мать Гоцинского, кумычка из селения Нижний Дженгутай,

Рис. 2. Хабият (Хабибат) Саидова (1900–1975), жена М.-С. Саидова.

Фото из личного архива Рабият Саидовой

Fig. 2. Khabiiat (Khabibiat) Saidova (1900–75), wife of Muhammad-Saiyid Saidov.

Photo from the private archive of Rabiit Saidova

которую звали Хабият, и мать жены Саидова были кузинами. Более того, саму жену М.-С. Саидова при рождении назвали в честь матери Наджмуддина Гоцинского.

Отцом Наджмуддина был аварец из селения Гоцоб Мухаммад Доного, предки которого были выходцами из соседнего с Геничутлем селения Хунзах [18, с. 21]. По ее словам, М.-С. Саидов некоторое время даже работал в его библиотеке, которую хорошо знал, о чем свидетельствует как история, рассказанная Рабият Саидовой, так и некоторые рукописи из коллекции М.-С. Саидова, подтверждающие рассказ Рабият. Так, в 1922 г. М.-С. Саидов, будучи секретарем народного образования Аварского округа, получил в сельском исполкоме два мешка зерна на семью – матери и себе. Проходя мимо рынка в Хунзахе, он обратил внимание на арабоязычные книги, выставленные на рынке на продажу местным жителем. Среди них М.-С. Саидов обнаружил сборную рукопись из библиотеки Гоцинского, куда были включены стихи последнего. Продавец книг запросил за эту рукопись мешок зерна, и М.-С. Саидов, не раздумывая, согласился²⁴. Эта рукопись в настоящее время хранится в коллекции М.-С. Саидова²⁵.

Позже М.-С. Саидов купил еще одну рукопись со стихами Гоцинского, переписанную в 1929 г., через 4 года после расстрела автора. Поскольку Гоцинский считался главным противником советской власти в Дагестане, было опасно хранить его наследие. Опасаясь доносов и арестов, и в то же время не желая уничтожить рукопись со стихами Гоцинского, М.-С. Саидов просто стер все указания на авторство в рукописи²⁶. В более поздний период М.-С. Саидов переписал отдельные стихи Гоцинского из этого сборника, на этот раз указав автора²⁷. По словам Рабият, Саидов восхищался творчеством Гоцинского как поэта, и говорил ей, что по стилю, содержанию, структуре и глубине стихов, равного ему среди дагестанских поэтов не было. В одном из своих писем И.Ю. Крачковскому, М.-С. Саидов отправил ему переписанные им стихи Гоцинского, подписав авторство стихов как «один из аварских поэтов», скрывая имя автора, который был врагом советской власти.²⁸

О родственных связях и контактах М.-С. Саидова с Гоцинским было хорошо известно окружению Саидова, что дало возможность его недоброжелателям написать вышеуказанный донос. Анонимные «колхозники» вероятно, хорошо знали о родстве М.-С. Саидова с Гоцинским.

Несмотря на то, что М.-С. Саидов восхищался поэтическим творчеством Гоцинского, в политических вопросах он, как и его учителя Али Каяев и Мас'уд из Могоха, был его политическим противником, и потому не воевал в его отрядах. Позже, в 1923 г. М.-С. Саидов, так же как и Мас'уд из Могоха участвовал в съезде мусульманских ученых Дагестана, организованном советским правительством, где была вынесена резолюция с осуждением мятежа Гоцинского [19, с. 25–31]. Примечательно, что в списках делегатов этого съезда М.-С. Саидов значится как «Махадада Геничутлинский». В своих арабоязычных воспоминаниях он пишет, что получил приглашение и принял участие в этом съезде. Во время проведения этого съезда, он вместе со своим другом остановился на ночь в гостях у накшбандийского шейха Хабибуллаха Кахибского

24. Интервью с Рабият Саидовой. Махачкала, 17 июля 2020 г.

25. Наджм ад-Дин б. Доногоно б. Хамзат ал-Хуци. Диван ан-Наджм. ФВР ИИАЭ ДФИЦ РАН; ФМС, оп. 1, № 92б.

26. Сборная рукопись арабоязычных произведения дагестанских авторов. ФВР ИИАЭ ДФИЦ РАН; ФМС, оп. 1, № 66.

27. Стихотворения и поэмы Наджмуддина Гоцинского. ФВР ИИАЭ ДФИЦ РАН; ФМС, оп. 1, №№ 66, 94б; оп. 5, №№ 37, 41, 193, 294, 405, 406.

28. Интервью с Рабият Саидовой. Махачкала, 17 июля 2020 г. Черновик этого письма М.-С. Саидова И.Ю. Крачковскому, датированный 1938 г., хранится в личном архиве Рабият Саидовой.

(ал-Кахи, ум. в 1924 г.) и даже написал стихи на арабском об этом шейхе.²⁹ Впрочем, этот факт своего участия в съезде, несмотря на то что он был направлен на поддержку советской власти, в русскоязычной автобиографии М.-С. Саидов все же предпочел скрыть. Очевидно, что М.-С. Саидов опасался излишнего внимания органов советской власти к своему участию в этом съезде, поскольку многие из его делегатов, в том числе и один из его организаторов – шейх Хасан ал-Кахи (1852–1937), впоследствии были репрессированы.

Вернувшись домой, он целый год оставался в родном селении, восстанавливал разрушенный дом и занимался сельским хозяйством. Учитывая, что селение Геничутль опустело, М.-С. Саидов смог вернуться домой в Геничутль не раньше мая 1921 г. Во всяком случае, в одной из своих автобиографий М.-С. Саидов пишет, что в мае 1921 г. он был назначен органами советской власти секретарем Отдела народного образования Хунзахского округа³⁰.

В конце 1922 г. он отправляется в Буйнакск, где поступает на педагогические курсы, организованные советским правительством. В своей русскоязычной биографии М.-С. Саидов пишет, что по окончании педагогических курсов, он был направлен отделом аварского народного образования работать учителем и директором советской школы в селении Гимры с мая 1924 по август 1925 г, где преподавал тюркский язык. Однако, одновременно с преподаванием в советской школе, он также обучал детей в местной мечети исламским наукам. Этот факт М.-С. Саидов тщательно скрывал во всех русскоязычных автобиографиях. Вместе с тем, в арабоязычных своих воспоминаниях он пишет, что в селении Гимры четверо учеников, имена которых он приводит, обучались у него в мечети арабскому языку. Он читал им книгу по праву «*Канз ар-рагибин шарх Минхадж ат-талибин*» Джалал ад-Дина ал-Махалли и по теории мусульманского права «*Шарх Джам' ал-джавами'*» того же автора³¹. В период репрессий 1930-х гг., когда многие друзья, соратники и учителя Саидова были расстреляны или сосланы в лагеря, он предпочел скрыть этот фрагмент своей биографии и решил написать о нем только в период «хрущевской оттепели» на арабском языке.

Работая в советских школах в середине 1920-30 гг., где он преподавал тюркский, аварский языки и литературу, М.-С. Саидов начал разрабатывать новую орфографию: вначале для перехода с арабской графики на латиницу, а затем, с конца 1920-х гг. – на кириллицу.

В контексте стремления джаидов к развитию родных языков и преподаванию на них, М.-С. Саидов начинает активно работать в этой области. В этом отношении деятельность джаида М.-С. Саидова по развитию аварского языка и интересы советской власти в развитии национальной литературы и культуры полностью совпали. Он принял активное участие в составлении и редакции произведений на аварском языке. В одной из своих автобиографий М.-С. Саидов пишет о том, что был привлечен советскими органами для «проверки партийной и советской литературы, издаваемой на аварском языке; для составления проекта нового алфавита на основе русской графики, а также принимал активное участие в разработке и составлении правил орфографии аварского языка»³². В 1930-х гг. он издает десятки учебников для

29. Мухаммад-Саид Саидов. Тазкира, л. 3б.

30. Автобиография М.-С. Саидова (1973 г.) // Архив Рабият Саидовой. № 79.

31. Мухаммад-Саид Саидов. Тазкира // Л. 3а.

32. Автобиография М.-С. Саидова (1957 г.) // Архив Рабият Саидовой. № 42.

Рис. 3. Слева направо: могилы сестры М.-С. Саидова Патимат, самого М.-С. Саидова и его жены Хайбат. Кладбище поселка Тарки. Фото автора

Fig. 3. The graves (from left to right) of Patimat, Muhammad-Saiyid and Khabiat. Photograph by the author. Tarki, August 2015

школ по аварскому языку, грамматике аварского языка, хрестоматии аварской литературы. В это же время, в середине 1930-х гг. М.-С. Саидов был арестован органами по стандартному для того времени обвинению в контрреволюционной деятельности. Проведя более двух месяцев в тюрьме, он был выпущен на свободу. Этот факт его биографии не был отражен нигде – ни в официальных его биографиях, ни в арабоязычных воспоминаниях. Об этом эпизоде его жизни знают его самые близкие – дочь Рабият и внук Джамал.³³ После освобождения из под ареста М.-С. Саидов был направлен на учебу в Историко-лингвистический институт в г. Пятигорске. Дальнейшая его биография в целом совпадает с тем, что он вкратце писал в автобиографии, отмечая свою научную карьеру, оставив после себя русско-аварский [20] и аварско-русский [21] словари, а также ряд научных работ в области истории и языкознания.

Скончался М.-С. Саидов 24 ноября 1985 г. и был похоронен на кладбище поселка Тарки, расположенном в пригороде Махачкалы, рядом с могилой жены Хабият.

33. Интервью с Рабият Саидовой. Махачкала, 17 июля 2020 г.

Заключение

Таким образом, это всего лишь некоторые штрихи к реконструкции биографии М.-С. Саидова. На самом деле, сравнение автобиографий Саидова с эго-документами, хранящимися в его архиве, рисуют более многогранную картину его жизни, чем это отражено в его официальной автобиографии или в воспоминаниях его коллег. Вместе с тем, полное освещение жизни и творчества этого крупного мусульманского ученого, советского историка и языковеда, основателя Сектора восточных рукописей в Институте истории, языка и литературы выходит за рамки одной статьи. Здесь мы обозначили всего лишь некоторые эпизоды его жизни, которые разительно отличаются от его автобиографии. В целом можно говорить, что анализ эго-документов, хранящихся в частных архивах, позволяет по-новому взглянуть на личность, уточнить не только фактические стороны его жизни, но и показывают более комплексную, сложную, иногда парадоксальную картину жизни индивидуума. На примере жизни М.-С. Саидова можно говорить о том, что несмотря на все перипетии своей судьбы в советский период, все же он до конца жизни оставался полностью лояльным Советской власти. Более того, именно Советская власть предоставила М.-С. Саидову широкие возможности для реализации себя как крупного ученого-лингвиста и языковеда. Именно в советский период М.-С. Саидов имел возможность реализовать свои интересы, свое профессиональное творчество, оставаясь как мусульманским ученым, крупным специалистом по арабской поэзии, так и не менее известным лингвистом и историком. Очевидно, что и сам Саидов это прекрасно понимал. И как следует из анализа его творчества, М.-С. Саидов органично сочетал в себе исламскую и советскую традицию, успешно находя баланс между этими двумя эпистемами.

Благодарность. Статья написана в рамках проекта РНФ № 22-18-00295 «Электронная библиотека арабографических рукописей из архивных, библиотечных, музейных и частных собраний России».

Acknowledgments. The article was written within the framework of the Russian Science Foundation Project No. 22-18-00295 “Electronic Library of Arabographic Manuscripts from Archival, Library, Museum and Private Collections in Russia”.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Rudolf Dekker*. Jacques Presser's Heritage: Egodocuments in the Study of History, in: *Memoria y Civilización* 5 (2002) 13-37, 14;
2. *Elithabeth Hafkin Pleck*. *Domestic tyranny: the making of social policy against family violence from colonial times to the present*. New York: Oxford University Press, 1987, 205.
3. *Шихсаидов А.Р., Гамзатов Г.Г.* Магомедсаид продолжается (к 15-летию со дня кончины выдающегося ученого-дагестановеда, арабиста, востоковеда) // *Вестник Дагестанского научного центра РАН*. 2006. №6. С. 163–169.
4. *Гамзатов Г.Г., Шихсаидов А.Р.* Магомедсаид Саидов – выдающийся востоковед // *Шихсаидов А.Р., Омаров Х.А.* Каталог арабских рукописей. (Коллекция

REFERENCES

1. *Rudolf Dekker*. Jacques Presser's Heritage: Ego documents in the Study of History. *Memoria y Civilización*. 2002; 5: 13-37.
2. *Elithabeth Hafkin Pleck*. *Domestic tyranny: the making of social policy against family violence from colonial times to the present*. New York: Oxford University Press, 1987.
3. *Shikhsaidov AR., Gamzatov GG.* Magomedsaid continues (to the 15th death anniversary of an outstanding Daghestani scholar, Arabist, orientalist). *Vestnik Dagestanskogo nauchnogo tsentra RAN*. 2006, (6): 163-169. (In Russ.)
4. *Gamzatov GG., Shikhsaidov AR.* *Magomedsaid Saidov – an outstanding orientalist*. Makhachkala, 2005: 11-22. (In Russ.)

М.-С. Саидова). Махачкала: Издательство типографии ДНЦ РАН, 2005. С. 11-22.

5. Исаев А.А. М.-С. Саидов – основоположник исследования истории зарождения письменности на языках народов Дагестана // Вестник Института истории, археологии и этнографии. 2006. №2. С. 72-74.

6. Гаджиев А.-Г.С. Магомед-Саид Джамалудинович Саидов – крупный ученый, арабист, языковед, литературовед. Махачкала, 2008.

7. Зарецкий Ю. Моя жизнь для государства: массовая практика составления делопроизводственных автобиографий советскими людьми // Новое литературное обозрение. 2019. 3(157). С. 107–127.

8. Shikhsaidov A.R. “Arabic historical studies in twentieth-century Dagestan,” *The Heritage of Soviet Oriental Studies*, ed. by Michael Kemper and Stephan Conermann. London & New York: Routledge, 2011. P. 203-216.

9. Бобровников В.О. К эпистемологии восточной археологии в Дагестане: от мусульманского краеведения к источниковедению // Тюрко-мусульманский мир: идентичность, наследие, перспективы изучения (к 80-летию профессора М.А. Усманова), под ред. Д.М. Усмановой, Д.М. Мустафина, Кемпера. Казань: Издательство Казанского университета, 2015. С. 101-113.

10. Магомед-Саид Саидов. Муталим об учителе // Гамзатов Г.Г., Спивак Е.В. Воспоминания о Гамзате Цадасе: 1877-1951. Махачкала: Дагестанское книжное издательство, 1991, с. 123-128.

11. Michael Kemper, Shamil Shikhaliev “Qadimism and Jadidism in Twentieth-Century Daghestan”. *Asiatische Studien*, 2015. 69(3). P. 593-624.

12. Доного Хаджи Мурад. Наджмуддин Гоцинский. Махачкала: ДГПУ, 2011.

13. Ханбабаев К.М. Наджмуддин Самурский (Эфендиев) – видный общественно-политический и государственный деятель Дагестана. Махачкала: Народы Дагестана, 2007.

14. Нурмагомедов М. Дагестанское Сонгми // Ахульго. Махачкала, 2002. № 1. С. 20–26.

15. Айтберов Т., Хипизов Ш. МагIарулалъ хъварал тарихиял асарал. Махачкала: Алеф, 2016. С. 256–258.

16. Naira E. Sahakyan “A Local Face of Revolution: The Confrontation of the Dagestani ‘Ulamā’ over Najm al-Dīn Gotsinsky’s Imamate and the Russian Revolutions of 1917,” *Revolutionary Russia* 35: 1 (2022), 72-93;

17. Naira E. Sahakyan. *Muslim Reformers and the Bolsheviks: The Case of Daghestan*. London & New York: Routledge, 2022.

18. Хаджи Мурад Доного. Джихад и политика Наджмуддина Гоцинского. Махачкала: Эпоха, 2022.

19. Хаджи Мурад Доного. Съезд в Кахибе. 1923 год // Газават. 2013. № 1. С. 25-31.

20. Саидов М.С. Русско-аварский словарь. Махачкала: Дагестанский филиал АН СССР, 1951.

21. Саидов М.Д. Аварско-русский словарь. М: Советская энциклопедия, 1967.

5. Isaev AA. M.-S. Saidov as the founder of the study of the history and the origin of writing of the Daghestani vernaculars. *Vestnik Instituta istorii, arkeologii i etnografii*. 2006; 2: 72-74. (In Russ.)

6. Gadzhiev A-GS. *Magomed-Said Dzhamaludinovich Saidov as a prominent scholar, arabist, linguist, and literary critic*. Makhachkala, 2008. (In Russ.)

7. Zaretskii Yu. My life for the state: the mass practice of compiling office autobiographies by Soviet people. *Novoe literaturnoe obozrenie*. 2019; 3(157): 107-127. (In Russ.)

8. Shikhsaidov AR. Arabic historical studies in twentieth-century Dagestan. In: Michael Kemper, Stephan Conermann (eds.). *The Heritage of Soviet Oriental Studies*. London & New York: Routledge, 2011: 203-216.

9. Bobrovnikov VO. On the epistemology of eastern archaeology in Daghestan: from Muslim local lore to source studies. “*The Turko-Muslim World: Identity, Legacy and Research Perspectives*. In Honor of Professor M.A. Usmanov” (27th–29th May 2014) D.M. Usmanova, D.M. Mustafina, M. Kemper (eds.). Kazan, 2015: 101-113. (In Russ.)

10. Magomed-Said Saidov. Motalim about his teacher. In: G.G. Gamzatov, E.V. Spivak, *Vospominaniia o Gamzate Tsadase: 1877-1951*. Makhachkala: Dagknigizdat, 1991: 123-128. (In Russ.)

11. Kemper M., Shikhaliev Sh. Qadimism and Jadidism in Twentieth-Century Daghestan. *Asiatische Studien*. 69(3): 593-624.

12. Donogo Khadzhi Murad. *Nadzhmuddin Gotsinskii*. Makhachkala: DGPU, 2011. (In Russ.)

13. Khanbabaev KM. *Nazhmuddin Samursky (Efendiev) as a prominent socio-political and statesman of Daghestan*. Makhachkala: Narody Dagestana, 2007. (In Russ.)

14. Nurmagomedov M. *Daghestani Songhmi*. Makhachkala, 2002; 1: 20-26. (In Russ.)

15. Aitberov T., Khapizov Sh. *Ma'arulal khvaral tarikhial asaral*. Makhachkala: Alef, 2016. (In Avar.)

16. Naira E. Sahakyan. A Local Face of Revolution: The Confrontation of the Dagestani ‘Ulamā’ over Najm al-Dīn Gotsinsky’s Imamate and the Russian Revolutions of 1917. *Revolutionary Russia*. 2022, 35(1): 72-93.

17. Naira E. Sahakyan. *Muslim Reformers and the Bolsheviks: The Case of Daghestan*. London & New York: Routledge, 2022.

18. Donogo Khadzhi Murad. *Jihad and the politics of Najmuddin Gotsinskii*. Makhachkala: Epokha, 2022. (In Russ.)

19. Donogo Khadzhi Murad. Congress in Kakhib. 1923. *Gazavat*. 2013; 1: 25-31. (In Russ.)

20. Saidov M.S. *Russian-Avarian dictionary*. Makhachkala: Dagestanskii filial AN SSSR, 1951.

21. Saidov MS. *Avarian-Russian dictionary*. Moscow: Sovetskaya entsyklopedia, 1967.

Поступила в редакцию 12.05.2023 г.

Принята в печать 07.08.2023 г.

Опубликована 15.09.2023 г.

Received 12.05.2023

Accepted 07.08.2023

Published 15.09.2023

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH193719-731>

Исследовательская статья

Тетуев Алим Инзрелович
д.и.н., ведущий научный сотрудник
Институт гуманитарных исследований
Кабардино-Балкарского научного центра РАН, Нальчик, Россия
alim-tetuev@mail.ru

ПОВСЕДНЕВНОСТЬ СТУДЕНТОВ И РАБОЧЕЙ МОЛОДЕЖИ В ТЫЛУ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (НА ПРИМЕРЕ КАБАРДИНО-БАЛКАРИИ)

Аннотация. Впервые на основе новых архивных документов и других источников исследованы особенности повседневной жизни студентов учреждений высшего и среднего профессионального образования и рабочей молодежи в условиях военного времени на примере Кабардино-Балкарии. Выявлено влияние на повседневную жизнь студентов перестройки работы учебных заведений профессионального образования в соответствии с требованиями военного времени. Раскрыты проблемы учебно-воспитательной и трудовой деятельности студентов. Обобщена деятельность рабочей молодежи по оказанию помощи фронту: участие в партизанских отрядах, подпольно-диверсионной работе в период оккупации республики, сборе средств в Фонд обороны страны, теплых вещей и подарков для воинов Красной Армии, оказание шефской помощи семьям военнослужащих и детям-сиротам. Изучен вклад городской и сельской молодежи в развитие экономики республики в интересах фронта и тыла. Рассмотрены различные формы повышения трудовой активности и вопросы участия молодежи в становлении и развитии народного хозяйства региона. Сделан вывод о том, что перестройка работы учебных заведений профессионального образования в интересах фронта и тыла существенно повлияла на повседневную жизнь студентов. Военная и физическая подготовка, патриотическое и трудовое воспитание позволило им оказывать помощь фронту и тылу и преодолевать трудности военного времени. Несмотря на ограниченность материальных и бытовых условий, рабочая молодежь оказывала весомую помощь фронту и социально незащищенным группам населения. В повседневности городской и сельской молодежи труд был главным. Молодёжь тыла, проявляя патриотизм и желание приблизить Победу, внесла весомый вклад в экономику региона и страны.

Ключевые слова: Великая Отечественная война; Кабардино-Балкария; повседневность; студенты; молодежь; учеба; труд; помощь; тыл; фронт

Для цитирования: Тетуев А.И. Повседневность студентов и рабочей молодежи в тылу в годы Великой Отечественной войны (на примере Кабардино-Балкарии) // История, археология и этнография Кавказа. 2023. Т. 19. № 3. С. 719-731. doi.org/10.32653/CH193719-731

© Тетуев А.И., 2023

© Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН, 2023

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH193719-731>

Research paper

Alim I. Tetuev

Doctor of History, Leading Researcher

Institute of Humanitarian Studies

Kabardino-Balkar Scientific Center of the RAS, Nalchik, Russia

alim-tetuev@mail.ru

EVERYDAY LIFE OF STUDENTS AND WORKING YOUTH IN KABARDINO-BALKARIA DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR

Abstract. The article discusses the nuances of everyday life among students in institutions of higher and secondary vocational education, as well as the experiences of working youth amidst the challenging backdrop of wartime conditions in Kabardino-Balkaria. Utilizing newly uncovered archival documents and various primary sources, this research highlights the transformative effects of adapting vocational education institutions to meet the demands of wartime. It thoroughly examines the multifaceted challenges encountered by students in their educational, instructional, and occupational pursuits. Furthermore, the article provides a comprehensive overview of the contributions made by working youth towards supporting the war effort, which encompassed activities such as participation in partisan detachments, clandestine acts of sabotage during the occupation of the republic, fundraising for the National Defense Fund, procurement of warm clothing and gifts for Red Army soldiers, as well as extending patronage assistance to military families and orphans. It also analyzes the role played by urban and rural youth in advancing the economic interests of the republic, both on the front lines and the home front. The author explores diverse strategies for enhancing labor participation and delves into the various ways in which youth engaged in the post-war restoration and development of the region's economy. He ultimately concludes that the restructuring of vocational education institutions, aligning them with the needs of the war effort, had a profound impact on the daily lives of students. The integration of military and physical training, coupled with a strong emphasis on patriotic and labor education, equipped them to provide vital support to both the front lines and the home front, enabling them to surmount the challenges posed by wartime hardships. Despite the severe constraints imposed by limited resources and living conditions, the working youth sector played a significant role in supporting the front lines and vulnerable segments of the population. For the youth, work became the focal point of daily life, reflecting their unwavering commitment to advancing the cause of Victory. Their patriotism and determination to hasten the triumph of their nation made an indelible mark on the regional and national economy.

Keywords: Great Patriotic War; Kabardino-Balkaria; everyday life; students; youth; studies; labor; support; home front; front lines

For citation: Tetuev A.I. Everyday Life of Students and Working Youth in Kabardino-Balkaria During the Great Patriotic War. History, Archeology and Ethnography of the Caucasus. 2023. Vol. 19. N. 3. P. 719-731. doi.org/10.32653/CH193719-731

© Tetuev I.A. , 2023

© Daghestan Federal Research Centre of RAS, 2023

Введение

Одним из важнейших факторов победы в Великой Отечественной войне (далее – ВОВ) стало единство фронта и тыла. Весомый вклад в укрепление тыла внесли различные социальные группы, в том числе и молодежь. В связи с этим изучение повседневной жизни молодёжи в годы ВОВ является актуальной научной проблемой.

Проблемы повседневной жизни гражданского населения, в том числе молодежи, исследованы в десятом томе фундаментального коллективного труда «История Великой Отечественной войны». В нем рассматриваются вопросы развития системы высшего профессионального и общего среднего образования, а также труд в тылу и вклад гражданского населения в Победу [1, с. 471–516]. Повседневная жизнь студентов и трудовой вклад молодежи в годы ВОВ исследованы в статьях В.А. Гижова, Г.А. Гончарова, Н.Д. Козлова [1; 2; 3; 4]. В диссертационных работах Н.Ю. Климовой, З.Х. Коблевой, Ф.В. Копылова, А.И. Назарова освещаются различные вопросы повседневности на примере Ставропольского края, Вологодской, Северного Кавказа и Тамбовской области¹. Отдельные аспекты повседневности молодежи нашли отражение в коллективной работе «Кабардино-Балкария: Тыл и фронт 1941–1945» [5]. Проблемам становления и развития Кабардино-Балкарского государственного педагогического института (далее – КБГПИ) посвящены статьи Ю.А. Органовой, П.Л. Лебедева [6; 7]. Некоторые вопросы темы нашли отражение в нашей предыдущей работе [8, с. 100–115]. Отдельные вопросы повседневной жизни населения в годы Великой Отечественной войны раскрыты в работах зарубежных историков Н.Дж. Боффе, Н. Верта, Й. Хелльбека [9; 10; 11]. Однако эти труды написаны с использованием ограниченного круга источников и воздействием политической конъюнктуры.

Анализ литературы позволяет сделать вывод что, несмотря на некоторый задел, исследуемая проблема не стала предметом специального исследования. Практически отсутствуют научные работы, раскрывающие особенности повседневной жизни молодежи Кабардино-Балкарии в годы ВОВ.

Исследование этой проблемы на материалах, ставших доступными в последнее время, особенно в региональных архивах, имеет большое научно-практическое значение

Объектом исследования является студенческая и рабочая молодёжь Кабардино-Балкарии в возрасте от 14 до 29 лет. Цель исследования – на основе новых архивных и других источников комплексно изучить особенности повседневности студенческой и рабочей молодежи на примере Кабардино-Балкарии.

1. Исследовать влияние перестройки структуры и содержания образования в экстремальных условиях войны на повседневную жизнь студентов высших и средних специальных учебных заведений.

2. Обобщить формы оказания помощи рабочей молодежи фронту и социально незащищенным группам населения.

1. Климова Н.Ю. Трудовой и ратный подвиг молодежи Ставрополя в годы Великой Отечественной войны: 1941–1945 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Пятигорск, 2005. – 27 с.; Копылов Ф.В. Социокультурные и бытовые условия жизни населения прифронтовых/тыловых городов Вологодской области в период Великой Отечественной войны: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2017. 22 с.; Коблева З.Х. Высшие учебные заведения Северного Кавказа в период Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) Майкоп. 2003. 25 с.; Назаров А.И. Повседневная жизнь молодёжи в советском тылу в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: на материалах Тамбовской области: автореф. дисс. ... канд. ист. наук: – Тамбов, 2010. – 23 с.

3. Исследовать роль и место трудовой деятельности в повседневности рабочей молодёжи в годы ВОВ

Анализ архивных документов и других источников позволил автору впервые в отечественной историографии на региональном уровне реконструировать максимально приближенную к действительности повседневную жизнь студентов и рабочей молодёжи в годы ВОВ. Методологической основой исследования являются принципы историзма, научности, объективности и системности. Кроме того, были использованы историко-сравнительный, историко-системный, историко-типологический методы, а также метод социального анализа.

С началом ВОВ все социальные группы населения Кабардино-Балкарии работали в интересах фронта и тыла. В связи с этим значительно изменилась повседневная жизнь студенческой и рабочей молодёжи.

В 1940/1941 учебном году в КБАССР в состав КБГПИ входил учительский институт с двухгодичным сроком обучения, на очном и заочном отделениях получали образование 898 человек. В 8 техникумах и других специальных учебных заведениях обучались на дневном отделении 1373 учащихся, в том числе заочно – 528 чел. [12, с.99].

В первые же дни войны в учебных заведениях республики прошли митинги в поддержку выступления Наркома иностранных дел СССР В.М. Молотова по радио 22 июня 1941 г., в котором он официально сообщил советскому народу о нападении нацистской Германии на Советский Союз и объявил о начале Отечественной войны против агрессора. Например, митинг преподавателей и студентов КБГПИ (23 июня 1941 г.) принял резолюцию, выразившую единый патриотический порыв всех собравшихся – повысить мобилизационную готовность для вступления в ряды Красной Армии [13, с. 29, 30].

В резолюции митинга преподавателей, студентов, рабочих и служащих партийных курсов и сельскохозяйственного техникума г. Нальчика (23 июня 1941 года) сказано: «...Мы заявляем свою полную готовность по призыву партии и Советского правительства все, как один, стать на защиту своего Отечества» [14, с. 18, 19].

С первых дней войны часть преподавателей КБГПИ отправилась на фронт, в том числе М.А. Алекберли, Д.И. Бычков, А.И. Щеголев, С.И. Непша, П.Н. Панин, А.В. Рябов, Ш.Ш. Тажев, В.Г. Петров, Г. П. Петросян, В.П. Сухотин, Т. М. Уткин и др. Подавляющее большинство студентов института также с первых дней войны вступили в ряды Советской Армии, в их числе А.В. Водовозова, И.И. Воротилин, И.Т. Харьковский, М.Ф. Харенко, Ю.А. Жанатаев, П.М. Кушхов, Б.М. Мисроков, Г.А. Оганьянц, И.Т. Тетуев, М.Б. Туков, Х.Х. Тюбеев, А.Ж. Хацаев, П.И. Шаулов. Всего в течение июля 1941 г. по апрель 1943 г. из 518 студентов КБГПИ, обучавшихся на дневном отделении в 1940–1941 учебном году, до апреля 1943 г. был призван в ряды Красной Армии 391 человек, что составляет (62%)² [7, с. 9, 10].

Митинги прошли на предприятиях, в колхозах, совхозах, государственных учреждениях. В резолюциях было выражено негодование по поводу фашистской агрессии и продемонстрирована единая воля – честным трудом крепить тыл и фронт, быть готовым вступить в Красную Армию.

С начала войны перед высшими и средними профессиональными учебными заведениями была поставлена задача – не прекращать подготовку специалистов для фронта

2. Докладная записка директора КБГПИ А. Бушля (28 августа 1943г) // Управление Центра документации новейшей истории Архивной службы КБР (здесь и далее – УЦДНИ АС КБР). Ф. 1. Оп. 1 Д. 723. Л. 84.

и тыла. Ввиду этого осуществлялась перестройка учебно-педагогического процесса, изменились учебные планы, программы, перечень специальностей. Заметно сокращались сроки обучения. Так, например, при КБГПИ функционировали годовые курсы учителей, в городах Нальчик, Прохладный и поселке Старый Черек работали одногодичные колхозные школы³.

17 сентября 1941 г. ЦК ВКП (б) и СНК СССР приняли постановление об обучении сельскохозяйственным профессиям учащихся старших классов средних школ, техникумов и вузов. Согласно постановлению Кабардино-Балкарского бюро обкома ВКП (б) и СНК КБАССР в учебные планы старших классов школ республики, педучилищ, педагогического и учительского институтов были введены два дополнительных часа в неделю, и установлена непрерывная производственная практика в МТС, колхозах и совхозах. Для обучения учащихся сельскохозяйственным работам и управлению сельскохозяйственными машинами к учебным заведениям прикреплялись квалифицированные специалисты⁴.

Эти меры, продиктованные жизнью, себя полностью оправдали. Они усилили внимание работников учебных заведений высшего и среднего профессионального образования к подготовке молодежи к труду, укреплению связи школы с производством, использованию студентов в общественно полезном труде. Студенты привлекались к заготовке дров, в работе подсобных хозяйств учебных заведений, принимали участие в работе промышленных предприятий, проведении сельскохозяйственных работ, оказывали шефскую помощь раненым воинам, семьям фронтовиков и эвакуированных⁵.

Сознавая свой долг перед фронтовиками, студенты и преподаватели КБПГИ и техникумов республики принимали участие в сборе теплых вещей и подарков для воинов Красной Армии и металлолома для строительства боевой техники, подписывались на государственные военные займы.

Осенью 1941 г. немецкие войска, пользуясь отсутствием второго фронта в Европе, рвались к Москве, а войска Южного фронта в боях под Ростовом-на-Дону препятствовали планам противника по овладению подступами к Кавказу. В связи с угрозой прорыва противника на территорию Северного Кавказа согласно постановлению ГКО от 13 октября 1941 г. Кабардино-Балкарский обком ВКП (б) принял 5 ноября 1941 г. решение «О проведении оборонительных работ на территории КБАССР» [13, с. 87, 89].

Во исполнение указанного документа все население, в том числе около 3000 студентов, молодых рабочих с ноября 1941 г. по январь 1942 г. принимали участие в сооружении оборонных рубежей в районе Нальчика и Прохладного. Многие из них впоследствии были награждены медалями, почетными грамотами, ценными подарками⁶ [15, с. 382].

До начала августа 1942 г. многие студенты несли службу в составе городского истребительного батальона. Кроме того, они принимали участие в сельскохозяйственных

3. Справка о состоянии учебно-воспитательной работы в высших и средних учебных заведениях КБАССР (18 мая 1943 г.). // УЦДНИ АС КБР Ф. 1. Оп. 1. Д. 1332. Л. 46.

4. Постановление бюро обкома ВКП (б) Совнаркома КБАССР «О привлечении к участию в сельскохозяйственных работах учащихся» (5 ноября 1941 г.) // УЦДНИ АС КБР. Ф. 1. Оп. 1. Д. 248. Л. 2

5. Справка об учебно-воспитательной работе КБПГИ и средних учебных заведениях (18 мая 1943 г.) // УЦДНИ АС КБР. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1332. Л. 3, 4.

6. Отчетный доклад обкома ВЛКСМ XV областной комсомольской конференции о работе комсомольцев и молодежи республики в годы Великой Отечественной войны (16 июня 1945 г.) // УЦДНИ АС КБР Ф. 19. Оп. 1. Д. 105. Л. 19

работах: прополке, уборке урожая. В начале 1942 г. состав обучающихся дополнили десятки эвакуированных студентов. В зданиях КБГПИ, средних специальных учебных заведений и некоторых школ были размещены эвакуогоспитали и Ленинградский институт физкультуры им. Лесгафта⁷. Несмотря на указанные трудности, коллективы КБГПИ и учебных заведений среднего профессионального образования успешно провели 1941–1942 учебный год.

После освобождения Кабардино-Балкарии от немецкой оккупации 13 апреля 1943 г. КБГПИ возобновил занятия 15 апреля 1943 г. в составе 11 учебных групп и 127 студентов. В институте сохранилось незначительное оборудование и мебель, библиотека почти полностью была сожжена. Совершенно отсутствовали учебники по всем дисциплинам и художественная литература. Учитывая важность вовлечения в институт молодежи из коренных народностей, тогда же были организованы пятимесячные подготовительные курсы, на которых обучались 48 кабардинцев и балкарцев. Постановлением Совнаркома СССР от 15 мая 1943 г. студенты коренных национальностей-кабардинцы и балкарцы Кабардино-Балкарского государственного педагогического института освобождались от платы за обучение, стипендией обеспечивались нуждающиеся и успевающие по всем предметам. На 1943–1944 учебный год по состоянию на 28 августа 1943 г. были приняты 180 студентов [14, с. 229].

Студенты и преподаватели принимали активное участие в восстановлении института и подготовке к новому учебному году. В 1943 г. КБГПИ и средние учебные заведения удалось в некоторой степени обеспечить педагогическими кадрами, однако не было завершено восстановление материально-технической базы учебных заведений республики. Тем не менее эти меры положительно отразились на учебе студентов (см. табл.).

Таблица

Состояние учебно-воспитательной работы высших и средних учебных заведений Кабардинской АССР (далее – КАССР) за первое полугодие 1944–1945 учебного года⁸.

Table

The State of Educational Activities in Higher and Secondary Educational Institutions of the Kabardian Autonomous Soviet Socialist Republic (KASSR) during the First Half of the 1944–1945 Academic Year.

Наименование учебных заведений	Число учащихся на начало учебного года	Число учащихся на 1-е февраля 1945г.	Отсев
Кабардинский государственный Педагогический институт (далее – КГПИ)	550	524	26
Нальчикский сельскохозяйственный техникум	307	284	23
Терский сельскохозяйственный техникум	216	196	20
Фельдшерско-акушерская школа	207	207	-
Педагогическое училище	228	209	8
Одногодичная колхозная школа	117	109	8
Всего	1625	1529	96

7. Доклад секретаря обкома ВКП(б) З. Д. Кумехова на Пленуме обкома партии о работе областной комсомольской организации (15 октября 1942) // УЦДНИ АС КБР Ф. 19. Оп. 8. Д. 128. Л. 128, 129.

8. Справка об учебно-воспитательной работе в вузах и средних учебных заведениях КАССР за первое полугодие 1944 – 1945 учебного года // УЦДНИ АС КБР Ф. 1. Оп. 1. Д. 1328. Л. 1, 2.

Анализ таблицы показывает, что всего отсея студентов и учащихся в первом полугодии 1944–1945 учебного года в Кабардинском государственном педагогическом институте (далее – КГПИ) и средних специальных учебных заведениях республики составил 6%, в Терском сельскохозяйственном техникуме – 9,2%.

Анализ итогов зимней экзаменационной сессии 441 студента КГПИ показал, что из них получили оценку «отлично» 25% студентов, «хорошо» – 28,2%, «средственно» – 30,3%, «неудовлетворительно» – 6,9%. В Нальчикском сельскохозяйственном техникуме из 275 учащихся оценку «неудовлетворительно» получили – 49 чел. (17,8%)⁹.

В отчетах «Об итогах 1944–1945 учебного года в высших и средних учебных заведениях КАССР» было указано, что низкое качество знаний студентов и учащихся связано с плохим состоянием материально-технической базы, неудовлетворительной оснащённостью учебных кабинетов, аудиторий, библиотек, например, в КГПИ по некоторым дисциплинам было по 2-3 экземпляра основных учебных пособий, по отдельным курсам отсутствовали учебники, не хватало мебели, предметов хозяйственно-санитарного оборудования, мест в общежитиях, в столовой практиковали выдачу еды с собой ввиду неполной обеспеченности оборудованием и посудой¹⁰.

Аналогичное положение было и в средних специальных учебных заведениях. Так, в общежитии Нальчикского сельскохозяйственного техникума имелось 150 мест, а фактически проживало 180 человек. Остальные студенты проживали на частных квартирах¹¹.

В условиях военного времени вся организационная и педагогическая деятельность учебных заведений была направлена на воспитание чувства патриотизма. Анализ отчетов «Об итогах учебно-воспитательной работы в высших и средних специальных учебных заведениях за 1944–1945 учебный год» показал, что при изучении гуманитарных дисциплин особое внимание уделялось героическому прошлому России в борьбе с иноземными захватчиками. Во внеаудиторной политико-массовой работе приоритетной стала национально-освободительная и военно-историческая тематика, в КГПИ деятельность агитколлективов стала основным звеном политической работы. Регулярно для студентов вуза два раза в неделю демонстрировались кинофильмы, для студентов техникумов работали предметные и художественные кружки¹².

В военно-патриотическом воспитании студентов большую роль сыграли выступления перед ними прославленных фронтовиков. Среди них были Герои Советского Союза Ахмед-Хан Канкошев, Алим Байсултанов, Кубати Карданов и Михаил Яхогоев, летчик-истребитель Балтийского флота Андулах Тхакумачев и другие [5, с. 98, 99].

Одним из значимых направлений повседневной деятельности студентов и учащихся в условиях войны были обучение военному делу и занятия по физической подготовке. В учебных заведениях республики работали военно-оборонные, спортивные, игровые секции. В Нальчикском сельскохозяйственном техникуме в 1944-1945 учебном году

9. Справка об учебно-воспитательной работе в вузах и средних учебных заведениях за 1944–1945 учебном году // УЦДНИ АС КБР Ф. 1. Оп. 1. Д. 1328. Л. 1.

10. Отчет об итогах 1944–1945 учебного года в педагогических учебных заведениях КАССР // УЦДНИ АС КБР Ф. 1. Оп. 1. Д. 1204. Л. 17.

11. Справка о работе Нальчикского сельскохозяйственного техникума // УЦДНИ АС КБР Ф. 1. Оп. 1. Д. 1332. Л. 45.

12. Отчет об итогах 1944–1945 учебного года в педагогических учебных заведениях КАССР // УЦДНИ АС КБР Ф. 1. Оп. 1. Д. 1204. Л. 12-14.

в секции легкой атлетики и ГТО занимались 80% коллектива. Студенты участвовали в зимних и весенних кроссах, в результате нормы ГТО выполнил 121 человек¹³.

В годы ВОВ рабочая молодежь оказывала значительную помощь фронту. Только в течение 1941–1942 гг. более 10 тысяч комсомольцев вступили в Красную Армию, 400 девушек-добровольцев были зачислены в зенитные части. В ряды 115 Кабардино-Балкарской кавалерийской дивизии добровольно вступили 1175 комсомольцев, что составляет от общей численности 3,5 тыс. (без учета приданных подразделений) 34%¹⁴ [8, с. 6].

Важно значение комсомольские организации придавали военной и физической подготовке. Согласно постановлению бюро Кабардино-Балкарского обкома ВЛКСМ «Об обязательной военной подготовке комсомольцев и молодежи» (28 июня 1941 г.), в районных и городских комсомольских организациях создавались группы по обучению комсомольцев и молодежи военному делу «Готов к санитарной обороне» (далее – ГСО), «Противовоздушная и противохимическая оборона» (далее – ПВХО)¹⁵.

Обком ВЛКСМ совместно с республиканским комитетом по делам физкультуры и спорта проводил работу по внедрению в быт молодежи физической культуры и спорта. С мая 1944 г. по апрель 1945 г. было подготовлено значкистов ГТО I ступени 3941 чел., из них комсомольцев – 1671 чел., ГТО II ступени – 28, БГТО – 1436. В кроссе, посвященном 27 годовщине РККА, в 1945 г. приняло участие 25 532 чел., из них 5048 комсомольцев. По республике на предприятиях, в колхозах в различных секциях занимались 7115 чел. молодежи¹⁶.

В связи с тем, что в конце 1941 г. Кабардино-Балкария стала прифронтовой территорией, постановлением Нальчикского комитета обороны (24 ноября 1941 г.) было организовано 8 партизанских отрядов. Летом 1942 г. Кабардино-Балкарским обкомом ВЛКСМ были подобраны и направлены на разведывательную работу в 37-ю армию 52 девушки-комсомолки, которые впоследствии получили хорошую оценку за выполнение боевых заданий командования [14, с. 61, 62].

Молодежь оказывала помощь воинским частям, оборонявшим территорию республики. В докладной записке начальника политотдела 37-й армии полкового комиссара Осадчего начальнику политуправления Закавказского фронта полковому комиссару Хромову от 17 августа 1942 г. указывалось: «...Комсомольцы на промышленных предприятиях г. Нальчика организовали производство бутылок с зажигательной смесью. Под руководством начальника цеха Ф.И. Шереметьева работали до 50 комсомольцев из Нальчикской городской организации ВЛКСМ, а также рабочие мебельной фабрики «Чинар»: А.А. Карпенко, А.Н. Остроухова, Е. Ашабокова, Г. Нагоева, М.А. Геллер, Нина и Мария Ларины и другие. 2000 бутылок и развезено в подразделения 37 армии. Этими бутылками также будут снабжаться партизанские отряды»¹⁷.

С августа 1942 по 13 января 1943 г. территория Кабардино-Балкарии временно была оккупирована немецко-румынскими войсками. В этих условиях комсомольские

13. Справка о работе Нальчикского сельскохозяйственного техникума // УЦДНИ АС КБР Ф. 1. Оп. 1 Д. 1204. Л. 13; Д. 1332. Л. 39.

14. Общая численность 115 Кабардино-Балкарской кавалерийской дивизии // Центральный архив Министерства Обороны Российской Федерации (здесь и далее – ЦАМО РФ). Ф. 3624. Оп. 1. Д. 1890. Л. 1–321

15. О мероприятиях по военной работе комсомола Кабардино-Балкарии (15 марта 1942г.) // УЦДНИ АС КБР Ф. 19. Оп. 1 Д. 55. Л. 122.

16. Отчетный доклад обкома ВЛКСМ XV областной комсомольской конференции о работе комсомольцев и молодежи республики в годы Великой Отечественной войны (16 июня 1945 г. // УЦДНИ АС КБР Ф. 19. Оп. 1 Д. 105. Л. 44–46.

17. Докладная записка начальника политотдела 37-й армии полкового комиссара Осадчего (17 августа 1942) // ЦАМО РФ. Ф. 37-А. Оп. 8900. Д. 17, Л. 71, 72.

организации республики принимали активное участие в партизанской борьбе с оккупантами, выступали в роли организатора участия молодежи в подрывной и диверсионной работе в тылу немецких захватчиков.

Осенью 1942 г. 60 комсомольцев приняли активное участие в диверсионной и разведывательной работе против немцев под руководством командования 37-й армии и штаба Кабардино-Балкарского партизанского отряда. Участники подполья, оставленные с заданием на оккупированной территории Кабардино-Балкарии, неоднократно перебрасывались через линию фронта в глубь расположения немецких частей с целью добывания нужных данных для партизанского отряда и частей 37-й армии.

За мужество и отвагу, проявленные в борьбе против немецко-фашистских захватчиков, орденом Отечественной войны I степени был посмертно награжден Ю.А. Панайоти, орденом Отечественной войны II степени – А.Ф. Козуб, орденом Красной Звезды – Х.Д. Куликова, М.М. Мечукаев, медалью «За отвагу» – Н.С. Маринич [13, с. 314].

Кроме того, комсомольцы, оставшиеся в тылу врага, саботировали все мероприятия немцев, срывали регистрацию комсомольцев. Например, комсомолка Маруся Борко расклеивала по городу Нальчику советские листовки, Матрена Андрюшенко, рискуя жизнью, спрятала от немцев и вылечила раненого советского летчика, Мариша Бекишева вместе со своими подругами поднимала сброшенные с самолета советские листовки и читала их населению. Комсомольцы Эльбрусского района под руководством тов. Атаева, ведя борьбу с оккупантами, несколько раз выводили из строя линию связи гитлеровцев в Баксанском ущелье [5, с. 83].

За образцовое выполнение боевых заданий командования на фронте, проявленные при этом доблесть и мужество, были награждены орденом Красной Звезды М.Н. Васильева, орденом Красного Знамени О.С. Галкина (Буцкая), боец Прохладненского партизанского отряда, С.П. Жанказиева, боец Баксанского партизанского отряда, В.И. Меликьянц, боец Прохладненского партизанского отряда, медалью «За боевые заслуги» – В.А. Агаларов, заместитель командира Прохладненского партизанского отряда, В.Д. Макогон, медицинская сестра Баксанского партизанского отряда, медалью «За отвагу» – Балкизова Лилия, боец Нагорно-Зольского партизанского отряда¹⁸.

Рабочая молодежь принимала участие в сборе средств в Фонд обороны, теплых вещей и подарков для воинов Красной армии. В результате проведения помощи декадников и воскресников комсомольцами в Фонд обороны было внесено около 4 млн руб. деньгами и облигациями госзаймов, собрано более 3 млн руб. на строительство танковой колонны «Смерть немецким захватчикам» и 1 млн 700 тыс. руб. на звено истребителей «Комсомолец Кабарды». Кроме этого, было отправлено на заводы около 1000 т металлолома, собраны тысячи комплектов теплой одежды, сотни тонн продуктов [15, с. 281, 282].

Молодежь оказывала материальную помощь семьям фронтовиков. Например, в результате проведения комсомольско-молодежных воскресников с 1 января по 30 июля 1945 г. была выдана единовременная помощь в размере 91 151 руб., из них: инвалидам Великой Отечественной войны – 10 050 руб. (25 чел.), детям-сиротам и детям фронтовиков – 81 101 руб. К 23 февраля 1945 г. (ко Дню Красной Армии) комсомольские организации собрали и выдали семьям фронтовиков. 40 тыс. руб., 2 500 подарков и 30 ц кукурузы. Детям фронтовиков, отличникам учебы была выдана в 1945 г. стипендия

18. Наградные документы // ЦАМО РФ. Ф. 33. Оп. 682525. Д. 291; Оп. 682525. Д. 291; Оп. 682524. Д. 61; Оп. 682527 Д. 33; Оп. 682525. Д. 291, 415; Оп. 682524. Д. 61; Оп. 682524. Д. 61; Оп. 682527 Д. 33; Оп. 682524. Д. 61.

(100 руб.) сроком на 5 месяцев на сумму 55 тыс. руб. Помимо этого, бесплатные путевки в пионерские лагеря и оздоровительные площадки получили 400 детей фронтовиков. Общая сумма средств, израсходованных на индивидуальную помощь в течение 7 месяцев, ко Дню Красной Армии, на комсомольские стипендии и оздоровительные мероприятия составила 239 151 руб.¹⁹

Исследование оказания помощи рабочей молодежи фронту и социально незащищенным группам населения показало: несмотря на то, что многие представители молодежи республики сами не обладали излишками финансов и испытывали нужду в продовольственных и промышленных товарах, они помогали фронту и эвакуогоспиталю, семьям военнослужащих, инвалидам и детям-сиротам.

Основной деятельностью в повседневной жизни рабочей молодежи в годы ВОВ был труд в экономике республики.

В начале войны в промышленном и сельскохозяйственном производстве республики, как и по всей стране, не хватало рабочих. Больше всего трудности испытывали колхозы и совхозы. Восполняли трудовые ресурсы в промышленности и сельском хозяйстве в основном женщины и подростки, не достигшие призывного возраста на фронт. В селах республики женщины водили машины, становились трактористками. В частности, комсомолки-трактористки Чегемской МТС Аца Атабаева и Ляца Шогенова с первых дней Отечественной войны сели за руль трактора и выполняли норму на 150% [15, с. 244]. Первичные комсомольские организации республики летом 1941 г. организовали краткосрочные курсы по обучению девушек для работы на жатках, лобогрейках, сноповязалках. Например, комсомольские организации Прохладненского района совместно с руководителями МТС и колхозов осуществляли массовую подготовку механизаторских кадров из женщин. 25 июля 1941 г. в районе работали 77 девушек трактористками, 20 – комбайнерами и 29 – без отрыва от производства готовились стать трактористами и комбайнерами. Было организовано обучение женщин-трактористок в Майском, Кубинском и Баксанском районах [15, с. 241, 243].

Молодежь промышленных предприятий, колхозов и совхозов республики организовала движение двухсотников и трехсотников, из которых позже были созданы фронтовые комсомольско-молодежные бригады, которые своим трудовым примером способствовали значительному повышению производительности. Например, на предприятиях Кабардино-Балкарии – гидротурбинном заводе, маслозаводе, швейной фабрике, мясокомбинате, Тырныаузском вольфрамомолибденовом комбинате – комсомольцы выполняли сменные задания на 150–200% и более [15, с. 241, 244, 245].

Немецко-фашистские оккупанты нанесли огромный ущерб Кабардино-Балкарии. После изгнания захватчиков с территории республики в январе 1943 г. областной комитет партии направил все свои усилия на восстановление народного хозяйства, оказание фронту всемерной помощи.

Молодежь Нальчика активно участвовала и была инициатором в восстановлении разрушенного немцами народного хозяйства города и прилегающих к нему заводов и рабочих поселков. Она внесла свой вклад в строительство железнодорожного моста, ремонт полотна (27 км) и станции Нальчик, а также в восстановление зданий обкома ВКП (б), НКВД, Государственного драматического театра, гостиницы «Наль-

19. Справка областного комитета ВЛКСМ обкому партии об оказании материальной помощи семьям военнослужащих (30 июля 1945г.) // УЦДНИ АС КБР Ф. 19. Оп. 1 Д. 111. Л. 45.

чик». Кроме этого, своими силами обустроили городской парк и парковое хозяйство, трек, ипподром, стадион, курортный городок. Всего на указанных объектах молодежью было отработано более 508,5 тыс. человеко-часов²⁰.

В проделанной работе особенно отличились комсомольские организации кондитерской фабрики, завода № 4, Госбанка, Наркомфина, швейной фабрики, школ № 1, 2, 6, 8. Правильно организовали работу по восстановлению города и железнодорожного хозяйства Ф.В. Донскова (КГПИ), А.С. Волкова, Л.Л. Беличенко, Н.У. Абанок, Г.Л. Андриященко, Е. Новикова, Н.В. Белоног²¹.

По мобилизации обкома ВЛКСМ комсомольско-молодежные бригады принимали участие в восстановлении Баксан ГЭСа (300 чел.), Тырнаузского комбината (200 чел), Ново-Тагильского металлургического завода Наркомчермета (86 чел.)²² [15, с. 282, 283].

Весомый вклад внесла колхозная молодежь в снабжение страны и фронта сельскохозяйственными продуктами, сырьем. После изгнания немцев с территории нашей республики комсомольцы помогали в восстановлении разрушенного сельскохозяйственного производства. Силами молодежи было собрано и отремонтировано 7 тыс. сельхозмашин и другого сельскохозяйственного инвентаря, 102 трактора. Для тракторов и иных сельхозмашин было собрано и отремонтировано запасных деталей на сумму 40 тыс. рублей.

Комсомольцы республики собрали 25 800 ц семян для засева колхозных полей, посеяно 506 га в фонд обороны Родины, урожай с которых полностью был отдан Красной Армии.

В 1944 г. комсомольцы выступали инициаторами создания звеньев высокого урожая. 103 звена оспаривали право называться победителями в социалистическом соревновании [15, с. 282, 283]. Молодежь республики провела значительную работу по организации борьбы за высокий урожай и в 1945 г. В марте 1945 г. был проведен декадник по заготовке удобрений, в результате которого было собрано и вывезено на поля 1035 т навоза и других удобрений. Силами комсомольско-молодежных ремонтных бригад весной 1945 г. было отремонтировано 40 тракторов различных марок, 450 плугов и других сельскохозяйственных машин.

В республике было создано 212 звеньев высокого урожая и 11 комсомольско-молодежных тракторных бригад. Большинство звеньев и бригад своевременно завершили полевые работы и собрали хороший урожай. 57 комсомольско-молодежных звеньев республики собрали урожай в полтора раза и более превышающий плановый. 11 молодежных тракторных бригад также значительно перевыполнили годовой план тракторных работ²³.

Изучение архивных документов показывает, что в экстремальных условиях военного времени на основе патриотизма происходит трудовой подъем городской и сельской молодежи республики. Комсомольские организации использовали различные формы стимулирования производительности труда. В результате большинство молодых рабочих и тружеников сел перевыполняли плановые нормы труда в несколько раз.

20. Справка обкома ВЛКСМ обкому ВКП (б) об участии комсомольцев и молодежи в восстановлении народного хозяйства республики // УЦДНИ АС КБР Ф. 19. Оп. 1 Д. 147. Л. 7–9.

21. Там же. Л. 8.

22. Справка обкома ВЛКСМ об участии комсомольцев и молодежи в восстановительных работах // УЦДНИ АС КБР Ф. 19. Оп. 2. Д. 2. Л. 45 об; Оп. 1. Д. 83. Л. 236, 237; Ф. 1 Оп. 1. Д. 385. Л. 3.

23. Там же. Ф. 19. Оп. 1 Д. 147. Л. 9.

Заключение

Таким образом, исследование архивных документов и других источников показало, что перестройка работы учебных заведений профессионального образования в интересах фронта и тыла существенно повлияла на повседневную жизнь студентов и учащихся. Военная и физическая подготовка, патриотическое и трудовое воспитание студентов и учащихся позволило им оказывать помощь фронту и тылу и преодолеть трудности военного времени.

Несмотря на ограниченность материальных и бытовых условий, рабочая молодежь оказывала весомую помощь фронту и социально незащищенным группам населения. В повседневности городской и сельской молодежи труд был главным. Молодёжь тыла, проявляя патриотизм и желание приблизить Победу, внесла весомый вклад в экономику региона и страны.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Великая Отечественная война 1941–1945 годов. В 12 т. Т. 10. Государство, общество и война. М.: Кучково поле, 2014. – 864 с.
2. Гижов В.А. Учебный процесс в саратовских вузах в 1943–1945 гг. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2014. № 9-1(47). С. 46–48.
3. Гончаров Г.А. Трудовой вклад молодежи Кировской области в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) // Власть. 2018. Т. 26. № 5. С. 139–145.
4. Козлов Н.Д. Повседневная жизнь студентов в годы Великой Отечественной войны // Экстремальное в повседневной жизни населения России: история и современность (к 100-летию русской революции 1917 г.): Материалы международной научной конференции, Санкт-Петербург, 16–18 марта 2017 года. Санкт-Петербург: Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина, 2017. С. 217–225.
5. Кабардино-Балкария: Тыл и фронт 1941–1945 (к 60-летию Великой Победы) / сост.: Х.М. Думанов, В.Х. Кажаров, А.И. Тетуев, О.Л. Опрышко. Нальчик: Эльфа, 2005. – 340с.
6. Ортанова Ю.А. Кабардино-Балкарский государственный педагогический институт: история и истории в годы Великой Отечественной войны // Манускрипт. 2020. Т. 13. № 11. С. 46–52.
7. Лебедев П.Л. Кабардинский государственный педагогический институт // Ученые записки Кабардинского государственного педагогического института. Вып. 5. Нальчик, 1953. С. 3–16

REFERENCES

1. *The Great Patriotic War of 1941-1945. In 12 volumes. Vol. 10. State, society and war.* Moscow: Kuchkovo pole Publ., 2014. (In Russ.)
2. Gizhov VA. The educational process in Saratov universities in 1943-1945. Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art history. *Voprosy teorii i praktiki*. 2014, 9-1(47): 46-48. (In Russ.)
3. Goncharov GA. Labor contribution of the youth of the Kirov region during the Great Patriotic War (1941-1945). *Vlast*. 2018, 26(5): 139-145. (In Russ.)
4. Kozlov ND. Everyday life of students during the Great Patriotic War. *Extreme in the everyday life of the population of Russia: history and modernity (to the 100th anniversary of the Russian revolution of 1917): Proceedings of the international scientific conference, Saint-Petersburg, 16– March 18, 2017.* Saint-Petersburg: Leningrad State University. A.S. Pushkin Publ, 2017: 217-225. (In Russ.)
5. *Kabardino-Balkaria. Rear and front of 1941-1945 (to the 60th anniversary of the Great Victory).* Nalchik: El-Fa Publ, 2005. (In Russ.)
6. Ortanova YuA. Kabardino-Balkarian State Pedagogical Institute: history and historians during the Great Patriotic War. *Manuscript*. 2020, 13(11): 46-52. (In Russ.)
7. Lebedev PL. Kabardian State Pedagogical Institute. *Proceedings of the Kabardian State Pedagogical Institute.* Issue 5. Nalchik, 1953: 3-16. (In Russ.)
8. Tetuev AI. *Historical memory of the Great Patriotic War of 1941-1945.* Nalchik: Print Center Publ., 2021. (In Russ.)

8. Тегуев А.И. Историческая память о Великой Отечественной войне 1941-1945 гг. Нальчик: «Принт Центр», 2021. – 372 с.
9. Бoffa Дж. История Советского Союза. Т. 2. От Отечественной войны до положения второй мировой державы. Сталин и Хрущев. 1941–1964 гг.: Пер. с итал. / Дж. Бoffa. 2-е изд. М.: Международные отношения, 1990. – 632 с.
10. Верт Н. История Советского государства, 1900-1991 / пер. с французского. М.: Прогресс: Прогресс-Академия. 1992. – 480 с.
11. Хелльбек Й. Повседневная идеология: жизнь при сталинизме // Неприкосновенный запас. 2010. № 4. С. 9–22.
12. Народное хозяйство Кабардино-Балкарской АССР. Статистический сборник. Нальчик: Кабардино-Балкарское книжное издательство, 1957. 113 с.
13. Кабардино-Балкария в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. (Сборник документов и материалов). Нальчик: Эльбрус, 1975. – 795с.
14. Лики войны: Сб. док. по истории Кабардино-Балкарии в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). Нальчик: Эльбрус, 1996. – 498 с.
15. Страницы истории комсомола Кабардино-Балкарии: Документы и материалы (1918–1978 гг.) / Составители А.К. Карачаева и др. Нальчик: Эльбрус, 1980. – 522 с.
9. Boffa J. *History of the Soviet Union. T.2. From the Patriotic War to the position of the second world power. Stalin and Khrushchev. 1941-1964. Transl. from Italian.* 2nd ed. Moscow: Mezhdunarodnie otnosheniya, 1990. (In Russ.)
10. Werth N. *History of the Soviet state, 1900–1991. Transl. from French.* Moscow: Progress; Progress-Academy Publ., 1992.
11. Hellbeck J. Everyday ideology: life under Stalinism. *Neprekosnovennyi zapas.* 2010, 4: 9-22. (In Russ.)
12. *National economy of the Kabardino-Balkarian ASSR.* Statistical collection. Nalchik: Kabardino-Balkarian knigizdat, 1957. (In Russ.)
13. *Kabardino-Balkaria during the Great Patriotic War 1941–1945 (Collection of documents and materials).* Nalchik: Elbrus Publ., 1975. (In Russ.)
14. *Faces of War: Collected documents on the history of Kabardino-Balkaria during the Great Patriotic War (1941–1945).* Nalchik: Elbrus Publ., 1996. (In Russ.)
15. *Pages of the history of the Komsomol of Kabardino-Balkaria: Documents and materials (1918-1978).* A.K. Karachavaeva et al. (comps.). Nalchik: Elbrus Publ., 1980. (In Russ.)

Поступила в редакцию 26.11.2022 г.
Принята в печать 17.01.2023 г.
Опубликована 15.09.2023 г.

Received 26.11.2022
Accepted 17.01.2023
Published 15.09.2023

DOI: <https://doi.org/10.32653/СН193732-742>

Исследовательская статья

Ахмадуллин Вячеслав Абдулович,
доктор исторических наук, доцент,
профессор Финансового университета
при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия
slavaah@yandex.ru

ХАДЖ МУСУЛЬМАН СЕВЕРНОГО КАВКАЗА В 1944–1991 гг.

Аннотация. Тщательный поиск и последующий анализ архивных документов даёт возможность ответить на многие вопросы, связанные с хаджем советских мусульман с 1944 г. по 1991 г. включительно. Целью статьи является анализ религиозной политики СССР через изучение архивных документов, в том числе обнаруженных в 2022 г. и неизвестных специалистам и широкому читателю. Это касается в первую очередь документов, показывающих ситуацию после 1965 г., когда при Правительстве СССР стал действовать новый орган – Совет по делам религий. Такие документы и их анализ во многом определяют новизну исследования. Объект исследования – государственно-мусульманские отношения в Советском государстве в период деятельности двух органов при Правительстве СССР – Совета по делам религиозных культов и сменившего его Совета по делам религий. Предмет исследования – регламентирующая деятельность Советского государства в отношении мусульман Северного Кавказа, направленная на максимальное сдерживание роста количества хаджиев и создание обстановки деградации ислама с последующим его вытеснением из жизни местного населения. Несмотря на меры, принимаемые Советским государством, эта задача не была им решена. За два года разрушения СССР на Северном Кавказе наблюдался резкий рост интереса населения к исламу, в том числе к выполнению одной из обязанностей мусульманина – хаджу. Именно из этого региона нашей страны уже почти 30 лет отправляется в хадж наибольшее количество паломников, что является полной противоположностью советского периода, за исключением 1990 г. и 1991 г. В исследовании использованы общенаучные методы анализа и синтеза, классификации, сравнения и аналогии, историзма, объективности и системности. Теоретическая и практическая значимость работы определяется тем, что материалы исследования позволяют расширить научное представление о религиозной политике СССР в отношении ислама и мусульман, прежде всего на Северном Кавказе.

Ключевые слова: хадж; советские мусульмане; Духовное управление мусульман Северного Кавказа; Магомед Гаджи Курбанов; Хапиз Омарович Омаров; Дагестан; Совет по делам религиозных культов; Совет по делам религий

Для цитирования: Ахмадуллин В.А. Хадж мусульман Северного Кавказа в 1944–1991 гг. // История, археология и этнография Кавказа. 2023. Т. 19. № 3. С. 732-742. doi.org/10.32653/СН193732-742

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH193732-742>

Research paper

Vyacheslav A. Akhmadullin,
Dr. Sci, Professor
Financial University under the Government of RF, Moscow, Russia
slavaah@yandex.ru

THE HAJJ OF MUSLIMS OF THE NORTH CAUCASUS (1944 – 1991)

Abstract. A comprehensive search and subsequent analysis of archival materials, primarily from the State Archive of the Russian Federation (GARF), specifically in fund F. R-6991, “Council for Religious Affairs under the Council of Ministers of the USSR,” have illuminated numerous questions pertaining to the Hajj pilgrimage of Soviet Muslims from 1944 to 1991. This article aims to analyze the religious policies of the USSR through the examination of archival documents, including those discovered in 2022, previously unknown to specialists and the general public. This primarily concerns documents that reflect the period after 1965, when a new entity, the Council for Religious Affairs, commenced operations under the Government of the USSR. The presence and analysis of such documents significantly contribute to the novelty of our study. The object of our study is the relationship between the state and Muslims in the Soviet Union during the tenure of two governmental bodies: the Council for Religious Affairs and its successor, the Council for Religious Affairs. The subject of our investigation is the regulatory actions of the Soviet state in relation to Muslims in the North Caucasus, with the goal of minimizing the growth of Hajj pilgrims and fostering an environment that would lead to the decline of Islam, eventually eliminating its influence on the local population. Despite the measures taken by the Soviet state, this objective remained unattained. In the two years preceding the dissolution of the USSR in the North Caucasus, there was a marked surge in interest in Islam among the population, including the fulfillment of one of the fundamental duties of a Muslim – the Hajj pilgrimage. For nearly 30 years, this region of our country has sent the highest number of pilgrims on Hajj, marking a stark departure from the Soviet era, except for 1990 and 1991. This study employs general scientific methods such as analysis and synthesis, classification, comparison, analogy, historicism, objectivity, and consistency. The theoretical and practical significance of this work is underscored by the research materials, which expand our scholarly understanding of the USSR’s religious policies regarding Islam and Muslims, particularly in the North Caucasus.

Keywords: Hajj; Soviet Muslims; Spiritual Administration of Muslims of the North Caucasus; Magomed Gadzhi Kurbanov; Khapiz Omarovich Omarov; Dagestan; Council for Religious Affairs; Council for Religious Affairs

For citation: Akhmadullin V.A. The Hajj of Muslims of the North Caucasus (1944 – 1991). *History, Archeology and Ethnography of the Caucasus*. 2023. Vol. 19. N. 3. P. 732-742. doi.org/10.32653/CH193732-742

Один из самых известных исследователей религиозной политики Советского государства доктор исторических наук М.И. Одинцов сделал вывод, что специалисты смогли проанализировать не более 15 % фонда Совета по делам религий при СМ СССР. Одной из главных причин такого положения дел он считает засекреченность многих дел этого фонда и, как следствие, их недоступность для изучения¹. При работе с этим фондом автору статьи удалось изучить не менее 600 дел из описей 3, 4 и 6, хранящих около 6100 дел.

Анализ этих дел показал, что в годы Великой Отечественной войны в религиозной политике СССР произошли значительные перемены. Наиболее важными из них были следующие: создание трёх новых духовных управлений в дополнение к единственному Центральному духовному управлению мусульман (ЦДУМ, Уфа) – Духовного управления мусульман Средней Азии и Казахстана (САДУМ, Ташкент, 1943 г.), Духовного управления мусульман Закавказья (ДУМЗАК, Баку, 1944 г.) и Духовного управления мусульман Северного Кавказа (ДУМСК, Буйнакск, 1944 г.), что завершило создание системы из четырех ДУМ; создание при СНК СССР Совета по делам русской православной церкви (СДРПЦ, 1943, Москва) и Совета по делам религиозных культов (СДРК, 1944, Москва), послабления в отношении открытия храмов, в т.ч. мечетей, разрешение на открытие духовных образовательных учреждений, в том числе мечетей и разрешение на хадж с 1944 г.²

С нашей точки зрения, именно разрешение хаджа и вся последующая политика Советского государства по выезду его граждан на паломничество в Королевство Саудовская Аравия, ярко демонстрирует цели, задачи и методику проведения этой политики, прежде всего в отношении духовных управлений, в том числе их ранжирования.

На заключительном периоде Великой Отечественной войны руководству СССР со всей очевидностью стало понятно, что для государства жизненно необходимо усиление позиций на Ближнем Востоке. В этом направлении был предпринят ряд шагов: СССР стал фактическим основателем Израиля и чуть раньше – с 1944 г. стал проводить хаджи с широким освещением паломничества и жизни советских мусульман через ведущие СМИ Ближнего и Среднего Востока. По мере усиления накала холодной войны и потери надежд на союзнические отношения с Израилем, одним из рычагов советской мягкой силы, используя современную терминологию, стала деятельность духовных управлений мусульман (ДУМ): поездки в хадж, посылка студентов в зарубежные исламские учреждения, участие в различных мусульманских конференциях, симпозиумах, круглых столах, приемы зарубежных мусульманских делегаций в ме-

1. Архив Совета по делам религиозных культов при Совете Министров СССР (1944–1965 гг.): аннотированный каталог документов. Составитель: М.И. Одинцов, доктор исторических наук, профессор. Москва. Электронный ресурс. Доступно по ссылке: <http://anabaptist.ru/obmen/hystory/ist4/files/archives/Catalog/Catalog-1.doc> (дата обращения: 20.02.2023).

2. Постановление Президиума Верховного Совета Союза С.С.Р. № 55 // ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 6. Л. 33; Доклад от 6 сентября 1945 г. № 245с председателя СДРК И.В. Полянского в Совет Народных Комиссаров СССР В.М. Молотову // ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 10. Л. 76–77; Распоряжение Совета Народных Комиссаров СССР № 14809рс от 10 октября 1945 г. о разрешении хаджа для 20–22 человек // ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 10. Л. 82; Доклад от 11 ноября 1945 г. № 347 председателя СДРК И.В. Полянского в Совет Народных Комиссаров СССР В.М. Молотову об убытии в хадж группы паломников // ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 10. Л. 85; Интервью шейх-уль-ислама Ализаде журналистам газеты «Неджате Иран», опубликованное 16.6.1945 г. // ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 20. Л. 70–73; Краткая докладная записка от 17 марта 1945 г. уполномоченного СДРК при СНК СССР по УзССР Ибадова председателя СДРК И.В. Полянскому // ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 20. Л. 82–86.

четях и ДУМ и т.п. Прошедшие через сито отбора со стороны партийно-советских органов, представители ДУМ регулярно посещали зарубежные государства для решения многоплановых задач: снижение международной напряжённости, пропаганда образа СССР как государства высоких возможностей для всех его граждан для формирования положительного отношения со стороны широких масс зарубежного населения. Такая линия Советского государства по использованию исламского потенциала, зародившаяся в годы Великой Отечественной войны, сохранилась до распада СССР.

Интерес к проблеме хаджа советских граждан был всегда традиционно высок со стороны отечественных и зарубежных исследователей. Но для исследователей он долгие годы не мог быть удовлетворен в силу отсутствия свободного доступа к документам.

Израильский исследователь – сотрудник Центра российских и восточно-европейских исследований Тель-Авивского университета Яков Рои [2] изучил более ста документов, хранящихся в ГАРФ, РГАСПИ, РГАНИ, а также фонды Центрального государственного архива Республики Узбекистан. Он смог проанализировать многие аспекты духовной жизни мусульман СССР, в том числе Северного Кавказа. В его книге представлен материал по посещению мест, особо почитаемых мусульманами СССР, в том числе в Дагестане, Чечено-Ингушетии. Примечательно, что Я. Рои делает вывод, к которому приходили и до него, и после него многие исследователи: посещение таких мест большим количеством мусульман провоцировалось невозможностью для них отправиться в хадж [2, р. 364–365]. При этом в исследовании Я. Рои практически нет данных о хадже советских мусульман.

Исследователь из США – Айлин Кейн – предприняла попытку изучить хадж мусульман России. Ознакомление с названием ее труда показывает, что она решила ограничиться только периодом Российской империи. Но, нарушая логику, она разместила в книге главу «Хадж и социалистическая революция» и «Заключение. Российский хадж в XXI веке» [3, с. 219–264]. Изучение этой главы и заключения показывает, что автор справедливо отмечает, что для советских граждан хадж возобновился в 1926 г. Но далее А. Кейн делает два вывода, которые показывают, что она не смогла определить, когда власти СССР запретили выезд своим гражданам в хадж: «Советская кампания хаджа продолжалась недолго. Она началась в 1926 году и закончилась к 1930-му <...> Советская кампания хаджа резко прекратилась в 1930 году, в соответствии с глобальными тенденциями» [3, с. 222, 258]. Важными негативными особенностями анализируемой главы является полное отсутствие конкретных данных по количеству советских паломников и по их персоналиям. Весьма разочаровывает и то, что автор вообще не анализирует хаджи советских мусульман с 1944 г. по 1991 г. включительно, а также хаджи с 1992 г. по 2000 г. – конец XX в. Ведь эти два периода соответствуют названию упоминаемой главы – они были после социалистической революции. К сожалению, А. Кейн подготовила заключение книги не в научном, а чисто пропагандистском, антироссийском ключе. Она обвиняет Президента Российской Федерации В.В. Путина, что он приложил усилия к расширению паломничества российских мусульман с целью управления ими со стороны государства и имперской экспансии, свойственной Российской Федерации. При этом в заключении вообще нет конкретных данных по количеству паломников из России с 2001 г. и, хотя бы, по год, предшествующий изданию книги – 2020.

В заключении книги есть ещё один серьёзный недостаток – А. Кейн обвиняет руководство Саудовской Аравии в сдерживании квот паломничества на низком уровне.

Тем самым она невольно выдает, что абсолютно не понимает истинных причин такого подхода – необходимость строгого соответствия количества паломников возможностям инфраструктуры КСА (пропускная способность дорог, аэропортов, канализации и т.п.) и требованиям безопасности, в том числе криминогенным и санитарно-эпидемиологическим.

Среди российских работ, рассматривающих хадж российских мусульман и связанные с ним проблемы в 1944–1991 гг., следует отметить статью К.М. Ханбабаева [4, с. 126–149]. В контексте анализа волнений в Махачкале в конце мая 1991 г., связанных с повышенной активностью некоторых жителей Дагестана и ростом курса доллара с 6 до 39 рублей, а также мерами, предпринятыми руководством республики для снятия напряжения и решения этих проблем, автор пишет о хадже 1992 г. и 2003 г. [4, с. 135, 136, 146].

Нельзя не остановиться и на работе И.Х. Сулаева. В своем исследовании он не акцентирует внимание на проблемах хаджа мусульман Северного Кавказа, но пишет о жителях этого региона, ставших хаджи. Нет сомнения, что Советское государство разрешало им паломничество в связи с их работой в системе Духовного управления мусульман Северного Кавказа. Это делало их публичными лицами не только среди местных жителей, но и давало возможность государству демонстрировать иностранным гостям, что местные мусульмане удовлетворяют потребность в выполнении этого столпа ислама. Например, И.Х. Сулаев показывает работу таких лиц, совершивших хадж: Магомед Гаджи Курбанов, Таштемиров Пайзулла, Омаров Хапиз Омарович и т.д. [5, с. 217–219].

Изучение архивных документов показывает, что данное в 1944 г. советским руководством разрешение шести представителям САДУМ выезжать в хадж было вынужденным, в силу необходимости показать мировому сообществу, что мусульмане СССР живут полноценной жизнью. Эти поездки стали специфическим продуктом советской пропаганды, а не естественным желанием властей удовлетворить запросы второго по численности, после прихожан РПЦ, религиозного сообщества советских граждан. Но и после принятого решения по хаджу 1944 г., власти СССР, в силу самых разных причин, но прежде всего из-за нежелания роста числа последователей исламского вероучения, с 1946 г. по 1952 г. не разрешали советским мусульманам выезжать в хадж. Но с 1953 г. по 1991 г. включительно из СССР регулярно выезжали на хадж группы советских мусульман, в среднем по 20 человек в год. В ходе ранее проведенного исследования удалось установить, что в 1944–1965 гг. из СССР на хадж выехали почти 260 советских граждан, причем трое из них посетили Королевство Саудовская Аравия, будучи студентами очного обучения знаменитого университета Аль-Азхар. Эти студенты выезжали из Египта, а не из СССР. При этом все они были мужчинами. Удалось установить точное количество хаджиев от каждого духовного управления за 1944–1963 гг. Эти данные выглядят следующим образом: САДУМ – 141 человек (63,8 %), Центральное духовное управление мусульман / Духовное управление мусульман европейской части СССР и Сибири (ЦДУМ/ДУМЕС) – 59 паломников (26,7 %), Духовное управление мусульман Закавказья (ДУМЗАК) – 12 граждан т.е. (5,4 %), Духовное управление мусульман Северного Кавказа (ДУМСК) – 9 человек (4,1 %). Таким образом, доля хаджиев с Кавказа составила всего 9,5 %. СДРК готовил документы для Правительства СССР, а также для ЦК ВКП(б) и ЦК КПСС. В силу того, что штатное расписание ЦК менялось, то в разные годы решение о выезде принимали разные

подразделения ЦК, например, Отдел кадров дипломатических и внешнеэкономических органов, Комиссия по выездам за границу или Секретариат) [6, с. 136–202]. Поэтому именно руководящие органы СССР, а не ДУМ в конечном итоге определяли состав делегаций, выезжающих в хадж. Главным среди таких органов был ЦК партии, так как в Конституции СССР, принятой в 1936 г., в статье 126 ясно было заявлено, что именно партия является руководящим ядром всех организаций трудящихся [7, с. 4].

За годы деятельности СДРК (1944–1965) выезды советских граждан из СССР на хадж не состоялись в 1946–1952 гг. по целому комплексу разных причин. Главной из которых было желание снизить уровень религиозности мусульман. Впервые в группу хаджиев, сформированную СДРК, мусульмане Северного Кавказа попали в 1945 г. Паломники 1945 г., всего 17 человек от всех четырех ДУМ, вылетели из Москвы 6 ноября и вернулись в Москву между 23 и 25 декабря. Подробный анализ архивных документов помог выяснить данные этих паломников. Так от ДУМСК в 1945 г. ездили два человека: Магомед Гаджи Курбанов – 1901 г.р., аварец, член Президиума ДУМСК, кадий Дагестана. Выезжал в хадж повторно в 1959 г. в качестве заместителя руководителя группы и в 1965 г. в качестве руководителя группы. Вторым хаджи от ДУМСК был Хажбеев (Хажбиев) Мухаммед (Мухамед, Магомед) Умарович – 1886 г.р., кабардинец. Кадий, член ДУМСК. Проживал в Кабардинской АССР по двум адресам: Кубинский район село Нижний Куртужин (ныне Баксанский район Кабардино-Балкарской Республики), село Шалушка (ныне Чегемский район Кабардино-Балкарской Республики)³.

В 1947 г. выезд был отменен за несколько суток до вылета группы паломников, собравшихся на инструктаж в Москве, в связи с эпидемией холеры в ряде государств Ближнего Востока. Анализ списков помог установить представителей ДУМСК и ДУМ-ЗАК. От Северного Кавказа должны были ехать следующие лица: Гебеков Хизри Кады (Гебеков Хизри-Кади) – 1877 г.р., кумык, г. Махачкала, муфтий, председатель ДУМСК, среднее духовное образование; Абдуллаев Магомед – 1889 г.р., даргинец, колхозник, бывший кадий, проживал в селе Леваша в Дагестанской АССР; Магомедов Пахрутдин – 1877 или 1879 г.р., аварец, кадий, колхозник, имам мечети в ауле села Араканы Унцульского района Дагестанской АССР; Мансуров Магомед Гаджи – 1890 или 1895 г.р., аварец, колхозник. Гучетль Салид Салимович – 1872 г.р., адыгеец, г. Черкач, Адыгейской АО Краснодарского края. Знание иностранных языков – арабский и турецкий. Окончил медресе, кадий, член ДУМСК, имам мечети аула Ассокалай⁴.

Повторный выезд представителей ДУМСК состоялся только через 10 лет т.е. 22 июля – 22 августа 1955 г. Из 21 хаджи от всего СССР, с Северного Кавказа было всего 2 человека, то есть всего 9,5 % от количества мусульман, которым директивные органы СССР разрешили поездку к мусульманским святыням. От ДУМСК поехал заместитель председателя ДУМСК Абдуллаев Шамсутдин. Он был руководителем подгруппы от ДУМСК. Вторым членом этой маленькой подгруппы был имам

3. Поездка паломников в Мекку // ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 10. Л. 86; Доклад от 30 ноября 1945 г. № 374с председателя СДРК И.В. Полянского в Центральный комитет ВКП(б) товарищу Г.М. Маленкову // ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 10. Л. 92; Паломничество мусульман СССР в Мекку // ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 10. Л. 146, 147; Список паломников // ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 45. Л. 53.

4. Список лиц, выезжающих на паломничество в Мекку 1947 году // ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 45. Л. 132–133; Список паломников, хадж 1947 г. // ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 45. Л. 134–135; Список лиц, выезжающих на паломничество в Мекку 1947 году // ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 45. Л. 136–140; Письмо от 3.10.1947 г. заместителя председателя СДРК Ю.В. Садовского в ОБИР Главного управления милиции Министерства внутренних дел Союза ССР // ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 45. Л. 156.

мечети из г. Дербент Сеидов Мир Ахмед. Документы на выезд в хадж 1955 г. подавал и муэдзин мечети села Ботлих Ботлихского района Дагестанской АССР Абдуллаев Камиль. На этой должности он работал с 1944 г., с 1941 г. он был мобилизован в трудовую армию, но с 1942 г. по 1944 г. находился на домашнем излечении. Он родился в этом населённом пункте 1900 г. Арабский язык изучал в селах Ботлих, Ансалта и Годобери Ботлихского района. В его анкете на паломничество есть интересный факт – в ней отмечено, что Абдуллаев Камиль является кандидатом от Духовного управления мусульман Северного Кавказа и Дагестана. Это показывает, что спустя более 10 лет после образования ДУМСК и СДРК работники Совета так и не запомнили правильное название этого управления. Такой факт во многом является показателем качества работы СДРК⁵.

После этой поездки состоялась серия выездов в 1956 г. и в 1957 г. В 1956 г. в группу паломников 1956 г., выехавших в ночь с 9 на 10 июля и вернувшихся 11 августа, вошли 20 человек. Из них от ДУМСК поехал в Королевство Саудовская Аравия Таштемиров Пайзулла, родившийся в 1896 г., кумык, уроженец села Какашура Карабудахкентского района Дагестана. Исламское образование он получал в 1905–1914 гг. и в 1920–1922 гг. в селах Гели, Карабудахкент, Чох и Цудахар. В 1918–1920 гг. был бойцом партизанского отряда Махача Дахадаева в селах Нижний Дженгутай, Кадар и др. Буйнакского района Дагестана. Имел общее начальное образование. В 1944–1945 гг. работал в мечети Буйнакск, в 1947–1950 гг. был секретарём ДУМСК. С 1955 г. был председателем исполнительного органа религиозного общества в г. Буйнакск⁶.

Следующий выезд на хадж состоялся в том же количестве – 20 человек, но при этом доля хаджи от ДУМСК выросла в два раза и составила 10 %. В 1957 г. поездка советских мусульман состоялась в период со 2 июля по 3 августа. Руководство ДУМСК добилось отправки в хадж Гаджиева Асельдера, который родился 6 мая 1894 г., уроженца села Кафир-Кумух Буйнакского района Дагестана. Он владел русским и кумыкским языками, писал и читал на арабском языке. В 1903–1908 гг. он учился в медресе села Кафир-Кумух. С 1947 г. А. Гаджиев работал председателем исполнительного органа религиозного общества мусульман в г. Махачкала. Его зарплата составляла 300 руб. в месяц. При этом средняя зарплата в СССР была 757 руб. В справке на этого паломника, подписанной уполномоченным СДРК по ДАССР Х. Гасановым, отмечалось, что А. Гаджиев пользуется авторитетом среди верующих, владеет искусством правильной речи, лоялен к Советской власти, может принимать иностранные делегации у себя дома и способен их сопровождать⁷.

Вторым представителем ДУМСК был Омаров Хапиз Омарович. Он родился 26 октября 1914 г. в селе Охли Левашинского района Дагестана, аварец, В 1921–1927 гг. учился в медресе села Охли. В совершенстве владел арабским языком, мог объясняться по-русски. В 1942–1943 гг. служил солдатом 162 горного полка на ст. Лазаревка

5. Доклад от 7 мая 1955 г. председателя СДРК И.В. Полянского в ЦК КПСС // ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 113. Л. 168–169; Справка на кандидата для поездки в хадж // ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 123. Л. 11–12; Письмо от 15 июля 1955 г. председателя СДРК И.В. Полянского министру финансов СССР тов. Звереву А.Г. // ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 123. Л. 18–21.

6. Справка на гражданина Таштемирова Пайзуллу // ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 140. Л. 147–148.

7. Заключение на гр-на Гаджиева Асельдера, изъявившего желание совершить паломничество в Мекку // ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 158. Л. 82; Справка о должности Гаджиева Асельдера, выданная кадием мечети 1 мая 1957 г. // ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 158. Л. 86; В комиссию по выездам за границу при ЦК КПСС // ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 158. Л. 87; Анкета (с фотографией) А. Гаджиева // ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 158. Л. 89–90.

в г. Гагры. С 1947 г. работал председателем ревизионной комиссии ДУМСК (г. Буйнакск), но проживал в Махачкале.⁸

В очередной раз ДУМСК смогло отправить своих мусульман в хадж только в 1959 г. Хаджи отправились в поездку 5 и 9 июня, а вернулись 4 июля. ДУМСК представляли председатель ДУМЕС, муфтий Магомед Гаджи Курбанов. В поездке он был заместителем руководителя всей группы (руководителем группы был председатель ДУМЕС, муфтий Шакир Шайхисламович Хиялетдинов). Магомед Гаджи Курбанов выезжал в 1945 г., а также в 1965 г. По второму представителю ДУМСК не удалось найти подробные данные, но установлено, что это был Курбан Магомедов, который знал русский и аварский языки⁹.

Нет сомнения, что отдельного анализа заслуживают запреты на выезд в хадж – явные и негласные, которые Советское государство накладывало по национальному признаку. Речь идет о народах, которые были репрессированы и выселены из мест традиционного проживания, прежде всего в Казахстан и республики Средней Азии, под надуманным предлогом массового предательства. При этом Советское государство пошло на внесение изменений в Конституцию СССР – изменив название их регионов и исконных земель этих народов: чеченцев, ингушей, карачаевцев, балкарцев. Но даже после реабилитации они долгие годы не имели шансов на совершение хаджа. Одну из причин такого положения дел мы видим в двух обстоятельствах. Во-первых, власти опасались, что паломники из числа представителей этих народов поведают о своей судьбе зарубежным единоверцам и иностранным СМИ. Во-вторых, советские чиновники опасались, что некоторые паломники просто не захотят вернуться. Тем более, что, например, в Иордании проживала вайнахская община, имеющая достаточно высокое влияние в этом государстве.

Анализ показывает, что после принятия 8 декабря 1965 г. Постановления СМ СССР № 1043 «О преобразовании Совета по делам русской православной церкви при Совете Министров СССР и Совета по делам религиозных культов при Совете Министров СССР в Совет по делам религий при Совете Министров СССР», организацией поездок в хадж с 1966 г. по 1991 г. занимался Совет по делам религий при Совете Министров СССР¹⁰. Несмотря на это изменение, ситуация с количеством выезжающих на хадж советских мусульман не менялась. С 1966 г. по 1989 г. включительно на хадж выехали примерно 500 человек, т.е. в среднем по 20 человек в год.

Анализ обнаруженных архивных документов показывает, что хадж 1976 г. стал для мусульман Северного Кавказа самым представительным по значимости включенных в список паломников лиц за все предыдущие годы, а также и по их количеству – три человека. Главой делегации советских мусульман был председатель Духовного управления мусульман Северного Кавказа, муфтий Хапиз Омарович Омаров. В дополнение к уже известной о нем информации, в архивном деле отмечено, что он был женат. Вторым паломником был секретарь ДУМСК Дакаев Ахмед Хамзатович, родившийся 27 марта 1927 г. в селе Виноградное Грозненского района Чечено-Ингушской АССР. Он был кумыком, состоял в браке и проживал в городе Буйнакск. Третьим представителем ДУМСК был уроженец Дербента Багиров Ниязи Алиевич, родившийся 7 февраля 1930 г. Из документов выяснено, что Н.А Багиров был азербайджанцем, имел жену, работал в торговле и жил в Махачкале. Эта группа, как и все предыдущие, курировалась Советом по делам религий при Совете Министров СССР. Ровно за 20 дней до прилета группы в Каир, 3 ноября 1976 г. заместитель председателя СДР В.Н. Титов

отправил послу СССР в Арабской Республике Египет В.П. Полякову список выезжающих и попросил оказать им всяческое содействие¹¹.

До 1990 г. ситуация с выездом в хадж советских мусульман оставалась стабильной – в группу обычно включали около 20 человек. Объяснением такого положения во многом служит вывод К.Е. Ворошилова, сделанный почти за 43 года до разрушения СССР: «Советские мусульмане были нами изолированы от окружающего их мусульманского мира, и только теперь Советское Правительство допускает и будет допускать, в тех случаях, когда оно это находит целесообразным, поездку мусульман в Мекку и Медину»¹². Такой подход не был монополией только К.Е. Ворошилова, им была пропитана вся партийно-государственная система СССР почти до развала государства.

Всё изменилось в 1990 г. Но по этому году данные о количестве выехавших на хадж очень сильно расходятся у разных исследователей. Председатель Совета Министров СССР Н.И. Рыжков подписал 16 июня 1990 г. Распоряжение № 922р13. В этом документе МВД СССР было поручено обеспечить по представлениям уполномоченных Совета по делам религий при Совете Министров СССР (СДР) первоочередное оформление выездных документов паломников. Было названо и количество паломников – 1500 человек. Но журнал «Мусульмане Советского Востока» в разных номерах говорит о 1400 и о 1500 паломниках, отправленных самолётами из Ташкента [8, с. 16; 9, с. 9]. Башкирский исследователь С.Г. Синенко утверждает: «... в хадж отправились около полутора тысяч человек ... Все одна тысяча четыреста паломников были объявлены гостями короля Королевства Саудовской Аравии, им было обеспечено бесплатное питание и проживание» [10, с. 245]. К сожалению, С.Г. Синенко не даёт ссылок на документы и никак не обосновывает свои данные о количестве паломников. По данным исследователя Нуриманова И.А., в 1991 г. из СССР выехали в хадж примерно 2500 человек, из них около 1000 из Дагестана [11].

К сожалению, в выявленных документах нет сведений о том, как жители Северного Кавказа совершали хадж-бадал¹⁴. О фактах его совершения представителями другого региона СССР говорят документы СДР. Например, в докладе уполномоченного СДР по Узбекистану М. Мирагзамова зафиксировано, что для этой цели каждый паломник из Узбекистана брал с собой от таких заочных паломников по 5 метров различных отрезков – всего 40 метров. После хаджа они вручали этим людям соответствующий документ¹⁵.

Анализ списков паломников показывает, что СДРК, СДР и другие органы власти Советского государства неукоснительно соблюдали правила отправки граждан в зарубежные поездки, главным из которых была преданность СССР. Как показывают

11. Список паломников-мусульман СССР в Саудовскую Аравию в 1976 г., от 3 ноября 1976 г., исходящий № 2884, подписанный заместителем председателя Совета по делам религий при Совете Министров СССР В.Н. Титовым на имя посла СССР в Арабской Республике Египет В.П. Полякову // ГАРФ. Р-6991. Оп. 6. Д. 918. Л.109–110.

12. Запись приема тов. Ворошиловым К.Е. Председателя Совета по делам религиозных культов тов. Полянского И.В. 12 февраля 1949 г. // ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 8. Л. 177.

13. Совет Министров СССР Распоряжение от 16 июня 1990 г. № 922р. Москва, Кремль // ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 6. Д. 4250. Л. 16–18.

14. Хадж-бадал – «заочное паломничество», при котором люди, которые не могли сами поехать в хадж, поручали это другому человеку. Из СССР многие желающие поехать в хадж были лишены такой возможности в силу господствующей в государстве идеологии. Реальный паломник совершал все обряды хаджа и получал соответствующий документ на имя такого невыездного гражданина. К сожалению, в архивных фондах не удалось обнаружить подлинники документов, которые в Саудовской Аравии получали для своих поручителей некоторые советские паломники. Но о таких документах руководству СДРК поступали доклады от уполномоченных Совета, работавших в Средней Азии.

15. Справка о поведении паломников после возвращения на родину // ГАРФ Р-6991. Оп. 6. Д. 262. Л. 143.

анкетные данные, многие паломники с честью воевали, трудились в годы Великой Отечественной войны и после неё.

Безусловно, перед исследователями хаджа возникает вопрос о том, что являлось причиной отправки в хадж от ДУМСК столь незначительного количества паломников. Вероятно, один из ответов заключается в том, что по территории ответственности оно было самым маленьким, более того – не включало в себя ни одной союзной республики и было создано последним из трёх образованных в годы Великой Отечественной войны ДУМ. Ещё один ответ на этот вопрос удалось обнаружить в решении СДРК. После того, как в 1956 г. Гамаль Абдель Насер был избран народом Египта на пост президента, председатели всех четырёх ДУМ подготовили в его адрес поздравления. Однако руководство СДРК приняло решение, что ДУМСК не должно его отправлять. Аргументами для такого странного решения были два момента: небольшой внешнеполитический вес ДУМСК и малое количество мусульман, замыкающихся на него¹⁶.

Тщательный анализ документов Государственного архива Российской Федерации, прежде всего фонда Ф. Р-6991 «Совет по делам религий при Совете министров СССР», описи 3 «Совет по делам религиозных культов при Совете министров СССР. 1944–1960 гг.», описи 4 «Совет по делам религиозных культов при Совете Министров СССР. Опись документальных материалов постоянного хранения за 1944-1965 гг.» и описи 6 «Совет по делам религий при Совете Министров СССР. 1966-1991 гг.» даёт возможность ответить на многие вопросы, связанные с хаджем советских мусульман с 1944 г. по 1991 г. включительно. Анализ распоряжений ЦК партии, Правительства СССР, руководящими органами регионов – союзных и автономных республик, документов, подготовленных центральными аппаратами СДРК и СДР, а также материалы их уполномоченных и документы, созданные в системе духовных управлений мусульман. Скрупулезное изучение этих документов и поиск ещё неизвестных специалистам и широкому читателю, прежде всего в фондах ГАРФ, помогает воссоздать картину ошибок и успехов Советской власти и духовных управлений мусульман советских граждан при подготовке, проведении и разборов итогов каждого состоявшегося выезда на хадж советских мусульман. Такая работа позволит в значительной мере обогатить отечественную и зарубежную науку, раздвинет представление ученых о системе организации хаджа в СССР.

Большое значение имеет объективный анализ причин и предлогов, по которым Советское государство запрещало выезд в хадж не только отдельным гражданам, но и уже собранным группам. Такой анализ является актуальным и востребованным, особенно на фоне ограничений, которые были наложены на паломничество в связи с пандемией COVID-19 и динамично растущего количества мусульман Российской Федерации выезжающих на хадж и умру.

16. Письмо председателя СДРК А. Пузина от 4 июля 1956 г. заведующему Отделом стран Ближнего и Среднего Востока Министерства иностранных дел СССР тов. Зайцеву Г.Т., исходящий № 15-114с // ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 134. Л. 16.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ro'i Y. *Islam in the Soviet Union: From the Second World War to Gorbachev* / Yaacov Ro'i. – London: Hurst & Company. 2000. – 764 p.
2. Кейн А. Российский хадж. Империя и паломничество в Мекку / Перевод с английского Р. Ибатуллин. М.: Новое литературное обозрение, 2021. – 296 с.
3. Ханбабаев К.М. ДУМД в условиях модернизации дагестанского общества // Традиционализм и модернизация на Северном Кавказе. Отв. ред. В.В. Черноус / Южнороссийское обозрение Центра системных региональных исследований и прогнозирования ИППК РГУ и ИСПИ РАН. Вып. 23. Ростов-на-Дону. Изд. СКНЦ ВШ. 2004 – 215 с.
4. Сулаев И.Х. Государство и мусульманское духовенство в Дагестане: история взаимоотношений (1917–1991 гг.). Махачкала: тип. ИП Тагиева Р.Х. «Формат», 2009. – 375 с.
5. Ахмадуллин В.А. Деятельность Советского государства и духовных управлений мусульман по организации паломничества (1944–1965): анализ исторического опыта и значение для современности: Монография. – М., 2016. – 208 с.
6. Конституция (Основной закон) Союза Советских Социалистических Республик: С изм. и доп., принятыми на шестой сессии Верховного Совета СССР пятого созыва. М.: Госюриздат, 1961. – 32 с.
7. Из жизни наших мусульман ... (Зарисовки с фотоиллюстрацией) // Мусульмане Советского Востока. Орган Духовного управления мусульман Средней Азии и Казахстана. 1990. № 3 (87). С. 13–17.
8. Мухаммад Шариф Жуман. Хадж в священные места // Мусульмане Советского Востока. Орган Духовного управления мусульман Средней Азии и Казахстана. 1990. № 4 (88). С. 9–11.
9. Синенко С.Г. Мусульманское духовное собрание. Художественно-документальное повествование. Уфа, «Государственное республиканское издательство «Башкортостан», 2008. – 271 с.
10. Нуриманов И.А. Хадж российских мусульман: сборник путевых заметок о хадже. Нижний Новгород: Медина, 2008.

Поступила в редакцию 26.02.2023 г.
Принята в печать 17.04.2023 г.
Опубликована 15.09.2023 г.

REFERENCES

1. Ro'i Y. *Islam in the Soviet Union: From the Second World War to Gorbachev*. London: Hurst & Company, 2000.
2. Kane A. *Russian Hajj. Empire and pilgrimage to Mecca*. Transl. from English by R. Ibatullin. Moscow: No-voe Literaturno Obozrenie, 2021. (In Russ.)
3. Khanbabaev KM. SAMD in the conditions of modernization of Dagestan society. *Traditionalism and modernization in the North Caucasus*. V.V. Chernous (ed.). South Russian Review of the Center for Systemic Regional Research and Forecasting of the Institute of Industrial Problems of the Russian Academy of Sciences of the Russian State University and ISPI RAS. Vol. 23. Rostov-on-Don: SKNTs VSh, 2004. (In Russ.)
4. Sulaev IKh. *The state and the Muslim clergy in Dagestan: the history of relationships (1917–1991)*. Makhachkala: Format, 2009. (In Russ.)
5. Akhmadullin VA. Activities of the Soviet state and spiritual administrations of Muslims in organizing pilgrimages (1944–1965): analysis of historical experience and significance for modern times: monograph. Moscow, 2016. (In Russ.)
6. *Constitution (Basic Law) of the Union of Soviet Socialist Republics: As amended. and additional adopted at the sixth session of the Supreme Soviet of the USSR of the fifth convocation*. Moscow: Gosyurizdat, 1961. (In Russ.)
7. From the life of our Muslims... (Sketches with photo illustrations). *Muslims of the Soviet East. Body of the Spiritual Administration of Muslims of Central Asia and Kazakhstan*. 1990, 3(87): 13-17. (In Russ.)
8. Muhammad Sharif Juman. Hajj to sacred places. *Muslims of the Soviet East. Body of the Spiritual Administration of Muslims of Central Asia and Kazakhstan*. 1990, 4(88): 9-11. (In Russ.)
9. Sinenko SG. *Muslim spiritual meeting. Fiction and documentary storytelling*. Ufa: Bashkortostan, 2008. (In Russ.)
10. Nurimanov IA. *Hajj of Russian Muslims: a collection of travel notes about the Hajj*. Nizhny Novgorod: Medina, 2008. (In Russ.)

Received 26.02.2023
Accepted 17.04.2023
Published 15.09.2023

АРХЕОЛОГИЯ

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH193743-758>

Исследовательская статья

Кизилов Андрей Сергеевич
к.пед.н, старший научный сотрудник
Субтропический научный центр РАН, Сочи, Россия
kiziloff2014@mail.ru

ДРЕВНИЕ КРЕПОСТИ И ПОСЕЛЕНИЯ ЧЕРНОМОРСКОГО И КАСПИЙСКОГО ПОБЕРЕЖИЙ КАВКАЗА: НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ЛОКАЛИЗАЦИИ, ИДЕНТИФИКАЦИИ И СОХРАННОСТИ

Аннотация. В статье отмечается, что за последнее десятилетие в результате активных изысканий, проведённых археологических разведок, перечень существовавших древних сооружений на побережье предгорной части Чёрного и Каспийского морей значительно расширился. В работе использован комплексный метод – анализ исторических карт эпохи Средневековья и переходных периодов имперских влияний на Чёрном и Каспийском морях, а также сопоставление и анализ расположения известных и вновь выявленных археологических памятников с упоминаемыми в письменных и картографических источниках населёнными пунктами. Автор на некоторых конкретных примерах обращает внимание на продуктивность такого сопоставления и корреляции данных картографии, письменных источников, топонимики. В статье отмечается, что на исследуемых участках древние прибрежные очаги урбанизации понесли значительные потери вследствие климатических изменений уровней морей, а также антропогенного воздействия, градостроительства особенно в конце XIX–XX вв. По причине несовершенства системы законодательства в области сохранения археологического историко-культурного наследия были утрачены не только сами памятники археологии, но и отражавшие факт их существования документы. При сопоставлении синхронно происходивших на побережьях Чёрного и Каспийского морей событий в разные эпохи просматриваются общие для регионов принципы локализации и генезиса исследуемых древних центров пересечения культур и этносов. Подчёркивается как важный вывод, что при наличии надлежащего мониторинга археологических объектов и законодательного обеспечения его эффективности, может быть выявлен и введён в научный оборот целый ряд памятников историко-культурного наследия.

Ключевые слова: Кавказ; Черноморское побережье; картография; Каспийское побережье; историко-культурное наследие; археологические памятники; законодательство о памятниках археологии

Для цитирования: Кизилов А.С. Древние крепости и поселения Черноморского и Каспийского побережий Кавказа: некоторые вопросы локализации, идентификации и сохранности // История, археология и этнография Кавказа. 2023. Т. 19. No 3. С. 743-758. doi.org/10.32653/CH193743-758

ARCHEOLOGY

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH193743-758>

Research paper

Andrei S. Kizilov,
Cand. Sci. (Pedagogy), Senior Researcher
Subtropical Scientific Center of RAS, Sochi, Russia
kiziloff2014@mail.ru

ANCIENT FORTRESSES AND SETTLEMENTS ALONG THE BLACK SEA AND CASPIAN COASTS OF THE CAUCASUS: LOCALIZATION, IDENTIFICATION, AND PRESERVATION CHALLENGES

Abstract. Over the past decade, extensive research and archaeological excavations have substantially expanded the catalog of ancient structures along the foothills of the Black and Caspian Seas. This work employs a multifaceted approach that involves analyzing historical maps from the Middle Ages and transitional periods marked by imperial influences along the Black and Caspian Seas. It also includes a comparison and analysis of the locations of both known and newly discovered archaeological sites with settlements documented in written and cartographic sources. Through specific examples, the author underscores the fruitfulness of this methodology, which combines cartographic data, written records, and toponymy. The article highlights the challenges faced by ancient coastal urban centers in the study areas, which have suffered substantial losses due to fluctuating sea levels brought about by climatic changes, as well as anthropogenic factors such as urban development, especially in the late 19th and 20th centuries. The imperfections in the legislative framework governing the preservation of archaeological historical and cultural heritage have not only resulted in the loss of these archaeological monuments but have also led to the disappearance of documents attesting to their existence. Comparing concurrent events that transpired on the Black and Caspian Sea coasts during different eras reveals common principles of localization and the genesis of these ancient centers where cultures and ethnic groups intersected. The author comes to conclusion that with vigilant monitoring of archaeological sites and the enactment of effective legislative measures for preservation, numerous historical and cultural heritage monuments can be identified and incorporated into scholarly discourse. This underscores the significance of preserving our rich archaeological heritage and promoting its study.

Keywords: Caucasus; Black Sea and Caspian coasts; cartography; historical and cultural heritage; archaeological sites; legislation on archeological sites

For citation: Kizilov A.S. Ancient Fortresses and Settlements Along the Black Sea and Caspian Coasts of the Caucasus: Localization, Identification, and Preservation Challenges. History, Archeology and Ethnography of the Caucasus. 2023. Vol. 19. N. 3. P. 743-758. doi.org/10.32653/CH193743-758

Введение

Рассматривая генезис древних крепостей Кавказа на побережье Каспийского и Чёрного морей, можно подчеркнуть ряд общих закономерностей в их возникновении, в топонимических особенностях, в степени их исследования, как объектов археологического, историко-культурного наследия, и в перспективах сохранения. В данном аспекте хотелось бы сразу обозначить территориальные рамки рассматриваемых объектов, поскольку ими являются фортификационные памятники, расположенные на участках плотного примыкания горных массивов к побережью. Именно на этих участках стратегическая значимость крепостей имела максимальное значение, так как природные факторы жёстко ограничивали рамки транспортного коридора.

Фортификационные объекты в исследуемых регионах по их функциям мы можем условно разделить на два типа:

1. Объекты фортификации, созданные для осуществления контроля над перевальными караванными маршрутами и защиты от вторжения соседей во время междоусобиц. Крепости и башни, контролировавшие караванные пути в горах традиционно располагались в труднодоступных местах, которые в большинстве случаев и по сей день не представляют большого интереса для расположения жилых посёлков. Это обстоятельство обезопасило их от тотального использования в строительных нуждах сельским населением. Немногочисленные жители горных районов нередко идентифицируют подобные развалины либо как курганы, либо как остатки недавних хозяйственных построек. Исключением в данной ситуации являются крупные крепости, которые сохраняли своё значение и были востребованы вплоть до XIX в.

2. Крепости, находящиеся на пересечении сухопутных маршрутов, приморских и пересекающих Кавказ, и каботажных морских торговых путей международного значения. Эту особенность расположения факторий колонистов отмечал ещё античный мыслитель Сократ, шутливо утверждая, что греки расселись вокруг моря, «словно ... лягушки вокруг болота (*Plato. Phaedo, 109b*).

Важной функцией этих фортификаций являлись контроль торговых путей и обеспечение безопасности провоза транзитного товара, а также сопротивление продвижению войск неприятеля по тесному маршруту между горным массивом и морем.

Серьёзной проблемой является то, что именно вторая группа крепостей оказалась максимально разрушена и зачастую бесследно полностью утрачена в период активной урбанизации побережья в XIX–XX вв.

Главной темой в обсуждаемом вопросе является факт наличия в зонах современной прибрежной урбанизации, но не выявленных на данный момент в полной мере архитектурно-археологических памятников в центрах пересечения античных и средневековых торговых маршрутов. Важно отметить, что с исторической точки зрения, именно эти крепости несут нам значительную часть информации о регионах, в которых они расположены. Подтверждающим и очевидным фактом этого является то, что в археологических слоях прибрежных крепостей содержатся факты материальной культуры, чётко маркирующие периоды их становления, расцвета и затухания, присутствия различных этносов, культур и государств.

Материалы и методы

В данном исследовании использованы методы комплексного подхода. С одной стороны, это анализ исторических карт, как эпохи Средневековья, так и переходных периодов имперских влияний на Чёрном и Каспийском морях Османской империи, а позже Российской. С другой стороны – сопоставление и анализ расположения известных и вновь выявленных археологических памятников с данными нарративных картографических источников с целью локализации и идентификации населенных пунктов, а также реконструкции дорожной сети.

Следует отметить, что карты Кавказа античного периода почти не дошли до наших дней (исключение – данные недошедшей карты Клавдия Птолемея, *Tabula Peutingeriana*), анализ же данных нарративных источников проводился в многочисленных научных работах. В рамках данной статьи рассматривается картографический материал, восходящий, очевидно, к византийскому периоду, а также более позднего времени. Как известно, еще во время Четвёртого крестового похода в 1204 г., императорская библиотека Константинополя была разграблена франками и венецианцами, и, очевидно, что основой генуэзских и венецианских карт более позднего периода являлись именно византийские карты. Воспользовалась византийскими картами и Османская империя.

Безусловно, что изыскания в этой области, представленные в работах таких исследователей, как И.К. Фоменко [1], В.А. Чирикба [2] и др., имеют большое значение. Тем не менее, детальное сопоставление уже неоднократно изученных средневековых портолан с морскими картами конца XVIII в. – начала XIX в. позволяет восполнить еще существующие пробелы в изучении побережья. Для более детального изучения интересующих участков автором были задействованы карты, размещённые в официальных интернет-источниках электронных библиотек. Причина тому в том, что карты, размещённые в публикациях предшественников, имеют низкое полиграфическое качество, которое не позволяет подробно сопоставлять береговую линию первоисточника и современное побережье.

По окончании русско-турецкой войны 1828–1829 гг., по Адрианопольскому мирному договору 1829 г. между Россией и Османской империей, к России отошло Черноморское побережье Кавказа. Изменившаяся политическая ситуация потребовала составления новых карт, которые были бы адаптированы для дальнейшей колонизации побережья. Важно отметить, что именно в этот короткий период на картах сочетаются как старые, так и новые названия топонимов и гидронимов, но при этом качество отображения береговой линии становится сопоставимо с существующими реальными очертаниями.

Использованные Россией турецкие и европейские карты имели между собой различия, как в названиях, так и в локализации объектов. Как результат исправления этого обстоятельства была составлена «Карта восточного берега Черного моря от мыса Таклы до реки Риона» из «Атласа Чёрного моря», изданного Черноморским гидрографическим депо в 1841 г. по описи капитан-лейтенанта Е. Манганари. Сравнивая созданную карту с предыдущими, нужно отметить высокий процент изменившихся наименований населённых пунктов и топонимов в целом. Имеющиеся на генуэзских

и османских картах названия, оставшиеся в наследие от Византии, отмечали важные торговые фактории на пересечении торговых маршрутов через перевалы Кавказа и морских купеческих каботажных линий. Именно эти транспортные узлы и являлись центрами возникновения урбанизации, строительства древних крепостей и храмов. При этом, именно по причине столь быстрой перемены в вопросах картографии черноморского побережья в XIX в., соответствие названий береговых объектов и их точная локализация были зачастую утеряны.

Для анализа нами использовались следующие карты:

«Карта Чёрного моря», созданная Пири Рейсом, 1525 г.;

«Карта северной части Османской империи. Кубанские татары. Джованни Антонио Рицци Заннони, 1774 г.;

Карта окрестностей Черного моря» Паоло Санти, 1776 г.;

Карта «Южная Часть европейской России или Точное изображение всех Провинций по детальному Атласу» Робера де Вогонди и Франсуа Сантини, 1784 г.

«Кара Дениз. Карта Черного моря и окрестностей Понта», 1820 г.;

«Карта Черкесских берегов», 1839 г.;

«Карта восточного берега Черного моря от мыса Таклы до реки Риона» из «Атласа Чёрного моря», изданного Черноморским гидрографическим депо в 1841 г. по описи капитан-лейтенанта Е. Манганари;

«Специальная карта Европейской России», созданная под руководством И.А. Стрельбицкого, 1865 г.;

«Карта Кавказских земель с частью Великой Армении», изданная С. Броневским к описанию Кавказа и составленная А. Максимовичем, 1883 г.

Для анализа использовалась ГИС археологических памятников Северо-восточного Причерноморья. Исследования с целью создания ГИС археологических памятников были начаты Институтом археологии РАН в 2001 г. и продолжаются поныне [3].

Безусловно, побережье Каспийского моря испытало более радикальную трансгрессию и регрессию моря, однако исторические процессы и периоды активной урбанизации на обоих побережьях во многом схожи, как, впрочем, и временные рамки имперских влияний как с южного, так и с северного направлений.

Результаты и обсуждение

Говоря о корреляции упоминаемых в картографических и нарративных источниках крепостей, необходимо отметить, что, начиная с первых исследований побережья в XIX в., фактор смены их названий отражает геополитическую ситуацию на Кавказе и чётко просматривается в картографии. Изменение вектора имперских влияний постепенно адаптировало под себя и названия стратегически важных населённых пунктов.

Противоречивым выглядит факт расположения на старинных картах побережья Чёрного моря между Пицундой и Адлером топонима Дербент. Этот ойконим отмечен на карте, составленной знаменитым османским мореплавателем и картографом Пири Рейсом ок. 1525 г. (рис. 1.1)¹,

1. Piri Reis map of the Black Sea, 1525 (16th Century, Maritime, Ottomans). Электронный ресурс. Доступно по ссылке: <https://ru.pinterest.com/pin/208784132713530771/>

на карте 1784 г. Робера де Вогонди и Франсуа Сантини (рис. 1.2)², на карте 1820 г. «Черное море и окрестности» (рис. 1.3)³ и др.⁴

Дербент, как известно, расположен на западном побережье Каспийского моря и приведенный выше картографический казус можно интерпретировать как ошибочный и, возможно, переписанный из неверных источников различными географами/картографами по непроверенной информации о точном расположении Дербента. Тем не менее, карта «Кавказских земель с частью Великой Армении», составленная А. Максимовичем и изданная С.М. Броневским в 1823 г.⁵ отмечает два Дербента – на побережьях Чёрного моря и Каспия (рис. 2). Следовательно, становится очевидным, что в позднее Средневековье и Новое время, согласно картографическим материалам, на Кавказе фиксируются два Дербента.

Топонимический словарь Кавказа сообщает, что название города Дербента, расположенного на кавказском побережье Каспия, в переводе с персидского языка означает дословно «узел, связь, запор ворот». Издревле разные народы именовали Дербент разными названиями. Эти названия отражали его характерное географическое положение и геополитическое значение. При этом перевод практически всех этих названий с различных языков в сути своей обозначает «ворота»⁶. И наименования «Запор/Узел ворот», «Ворота ворот» (араб.). «Железные ворота» (тюрк.), «Морские ворота» (груз.) и т.д., как обозначения Дербента, локализуемого на западном берегу Каспийского моря, абсолютно объективны. Но тогда о каких «воротах» на берегу Чёрного моря можно говорить? Объективными обстоятельствами для возникновения подобного названия могли бы стать не любые развалины древних фортификаций, а остатки древней крепости на пересечении морских и сухопутных торгово-стратегических путей, расположенной, как показано на картах, немного северо-западнее Пицунды. Рассматривая вопрос локализации Дербента на данном участке побережья нельзя не отметить, что и крепость на р. Махадыр, и крепость в Гаграх имели фактически равные позиции по своей значимости. Обе крепости находились на рубежах неприступного Гагрского карниза. Это приводит к выводу, что, вероятно, один из данных причерноморских населенных пунктов был известен и под названием Дербент.

Анализируя вышеизложенные сопоставления, можно отметить, что цитадель Дербента – крепость Нарын-кала, соединённая с Каспием двумя стенами, перекрывавшими сухопутный перешеек, Семендер и Тарки (совр. г. Махачкала), Суджук-кале (г. Новороссийск), Дузу-кале (п. Новомихайловка), Мамай-кале (г. Сочи), Трахея (г. Гагры), Питиунт (г. Пицунда), Анакопия (г. Новый Афон), Сухум-кале, Великая Абхазская стена, Кындыгская крепость (Крепость Сан-Томмазо) и ряд других крепостей на соответствующих участках побережий Каспийского и Чёрного морей имеют

2. Carte Des Environs De La Mer Noire. Venice 1776. Электронный ресурс. Доступно по ссылке: <https://www.davidrumsey.com/luna/servlet/detail/RUMSEY~8~1~285852~90058368:30--Carte-des-Environs-de-la-Mer-No>

3. Map of Black Sea and environs Pontos, Kara Deniz, Sew Tsov Created / Published Venice: [s.n.], 1820. Armenian and Ottoman Turkish. Library of Congress Geography and Map Division Washington, D.C. 20540-4650 USA dcu. Электронный ресурс. Доступно по ссылке: <https://www.loc.gov/item/2010589530/>

4. Автор благодарит К.П. Дашян (м.н.с. ФИЦ «Субтропический научный центр Российской академии наук») за переводы с армянского и Хассана Мохаммеда Мурада (Бюро «Перевод документов» Аль Мукайед, г. Сочи) за переводы с арабского, османского и турецкого языков.

5. Карта Кавказских земель с частью Великой Армении, изданная Семеном Броневским к описанию Кавказа. Составлена А. Максимовичем. СПб., 1823 г. Электронный ресурс. Доступно по ссылке: <https://www.adygi.ru/index.php?newsid=13799>

6. Топонимический словарь Кавказа. Электронный ресурс. Доступно по ссылке: https://kavkaz_toponyms.academic.ru/855/Дербент

между собой определенное сходство в их топографической ситуации.

Говоря о Черноморском побережье и его торговых путях, можно отметить ряд объектов, которые не были известны науке и не были локализованы. Так, близ пос. Архипо-Осиповка недавно была обнаружена и исследована башня, которая изменила представление о восточных границах влияния Боспорского царства [4, с. 26–27], выявлены башня на левом берегу р. Хоста [5, с. 81], крепость Сочи [6, с. 113], крепость Махадыр [7, с. 16–23], а также крепости Калеж и Солох-аул, которые числятся на учёте в реестре памятников Сочинского национального парка, но не введены в научный оборот.

Как наглядный пример исчезнувшей крепости можно рассмотреть ситуацию в пос. Ольгинка Туапсинского района. Удобную якорную стоянку в Ольгинке, закрытую от штормов подобно Геленджикской бухте, образуют два характерных мыса, известные ныне как мыс Агривия и мыс Грязнова. Рассматривая данный участок побережья, нужно отметить, что важным ориентиром для мореплавателей на данный момент возле бухты порта Туапсе отмечен мыс Кодош. Но на более старых картах на запад от Туапсе отмечается не мыс Кодош, а бухта Колдош, ограниченная не одним, а двумя мысами. Именно на северо-западном мысу указанной бухты отмечено расположение безымянной крепости в виде прямоугольника с угловыми башнями (рис. 3). Важно отметить, что на берегах бухты Туапсе никаких упоминаний о крепостях не зафиксировано. Этот факт отражает «Карта северной части Османской империи» 1774 г. Джованни Антонио Рицци-Дзаннони⁷. Объяснение сложившейся ситуации отчасти даёт «Карта Черкесских берегов» 1839 г.⁸ (рис. 4). На упоминаемой карте известный ныне мыс Агривия отмечен старым названием Агвия-ту или Кодос. Подтверждением того, что на карте не было допущено ошибки, является тот факт, что безымянная крепость, расположенная на отмеченном мысе, находится на правом берегу при впадении в бухту р. Ту.

Даёт объяснение сложившейся ситуации и «Специальная карта Европейской России», созданная в 1865 г. под руководством капитана Генерального штаба И.А. Стрельбицкого⁹. Именно на этой карте, созданной в переходный для Западного Кавказа период, отмечены находящиеся в непосредственной близости объекты: мыс Агривия-Ту (Кодос) и мыс Чардак (Кадаш) (рис. 5). На этой карте опять-таки на правом берегу реки Ту показана отмеченная условным значком крепость (рис. 5).

Многочисленные исследователи истории и археологии рассматриваемого участка побережья на данный момент интерпретируют остатки крепости возле мыса Гуавга как крепость Дузу-кале и локализуют здесь средневековую Никопсию. Крепость без названия, отмеченная на мысе Агвия-ту или Кодос, локализуется возле современного пос. Ольгинка. Характерно, что бухта, в которую впадает р. Ту, на «Карте восточного берега Черного моря от мыса Таклы до реки Риона» (рис. 6), составленной ок. 1905 г. капитан-лейтенантом Е.П. Манганари¹⁰, выделена как важная якорная стоянка.

7. Giovanni Antonio Rizzi Zannoni. Carte de la partie septentrionale de l'empire otoman. 1774. Tatares de Kuban. Электронный ресурс. Доступно по ссылке: https://commons.wikimedia.org/wiki/File:Giovanni_Antonio_Rizzi_Zannoni_Carte_de_la_partie_septentrionale_de_l%27empire_otoman_1774.Tatares_de_Kuban.jpg

8. Карта Черкесских берегов 1839 г. Электронный ресурс. Доступно по ссылке: https://drive.google.com/file/d/1BkZ09rGeCXg_zyzuX-zy-0ou4wrhi_33/view?fbclid=IwAR3zTGrhm_qF1DTdrraEuwamgEPZtVozAhnJ3nzcxAqIs42Tf_zKegwq-5Q

9. Специальная карта Европейской России, созданная под руководством Ивана Афанасьевича Стрельбицкого. Электронный ресурс. Доступно по ссылке: <http://www.etomesto.ru/map-karta-strelbickogo/>

10. «Карта восточного берега Черного моря от мыса Таклы до реки Риона» из «Атласа Чёрного моря» изданного

Там же отмечена и сохранившаяся крепость Дузу-кале, развалины которой находятся на левом берегу устья р. Нечепсухо.

В связи с изложенными фактами возникает закономерный вопрос – существовала ли древняя крепость возле пос. Ольгинка и как она могла называться? В этой связи заслуживает внимание распространённое на Кавказе использование в топонимических названиях арабского по происхождению слова кала, кале – «крепость» для обозначения важных населенных пунктов, городищ, крепостей, как существовавших, так и существующих. И здесь важно отметить, что К.Х. Меретуковым зафиксировано старое адыгейское наименование станицы Ольгинской (ныне пос. Ольгинка) – *Тумэ кьал* (Туме каль/кале), которое не поддаётся этимологизации и переводится как «Крепость Тумов» [8, с. 254]. Данный факт позволяет локализовать на данном месте названную крепость.

С большой степенью достоверности можно предполагать, что крепость Туме-кале была уничтожена так же, как и расположенная неподалёку от неё крепость Дузу-кале, которая в настоящий момент основательно разрушена. Годами местные жители использовали камень из древних стен, что привело к полному уничтожению памятников [9, с. 92]. Вероятно, что из развалин крепости Туме-кале был построен особняк в имении, известном как «Дача генерала Соколова» в пос. Ольгинка. При детальном осмотре окрестностей усадьбы на данный момент в качестве подъёмного материала встречаются фрагменты средневековой керамики.

Исследования не только нарративных источников, но и картографического материала Средневековья и Нового времени, дают непосредственные результаты по выявлению ныне утраченных археологических объектов.

Объективным тому подтверждением является обнаружение крепости Сочи. Выявленные остатки крепости в центре города Сочи, согласно имеющимся археологическим материалам, позволяют полагать, что она существовала и использовалась как фортификационный объект с античного времени и до Позднего Средневековья [6]. Схожа ситуация и с крепостью на р. Махадыр в пос. Цандрипш в Абхазии. По результатам камеральной обработки строительной керамики выяснилось, что плинфы башни крепости Великий Питуунт, которые согласно результатам Пицундской (Бичвинтской) археологической экспедиции датируются рубежом III–IV вв., «одинаковы с кирпичами из крепости Махадыр и Мамайки» [10, с. 221]. Выявленное сходство можно объяснить тем, что строительная керамика изучаемых крепостей производилась «одной артелью строителей – инженерными отрядами, состоявшими при римском легионе, размещенном в одном из укреплений Понтийского Лимеса» [7, с. 21].

Подробно отмечено и уничтожение крепости Мамай-кале в работах, описывающих развалины античной крепости на правом берегу устья р. Псахе в Центральном районе города Сочи. Первое исследование крепости было проведено археологом В.И. Сизовым в 1886 г. Согласно описаниям и составленному плану, крепость находилась на тот момент ещё полностью сохранившей свои основные архитектурные элементы – башни, стены, ворота, бойницы. Спустя полвека археолог Н.В. Анфимов при осмотре крепости констатировал факт практически полного разрушения объекта. А в 1979 г. археолог Ю.Н. Воронов после посещения Мамай-кале сообщал в своей книге: «В устье реки Мамайки до сих пор видны остатки угловой башни, которая принадлежала укре-

гидрографическим черноморским депо в 1841 году по описи капитан-лейтенанта Е. Манганари. Электронный ресурс. Доступно по ссылке: <https://geoportal.rgo.ru/record/3424>

плению, хорошо сохранившемся еще в конце XIX века. Как полагают, крепость впервые упоминается в римских источниках под именем Мохоры» [11, с. 80].

Нужно заметить, что на территории бывшей крепости наблюдается многообразие остатков строительной керамики, датируемой по своим параметрам Поздней Античностью и Средневековьем. Важно в данном контексте также отметить, что в кладке самой крепостной стены использован только один вариант плинфы. Сопоставляя строительные приёмы храмового зодчества на восточном побережье Чёрного моря, где помимо природного необработанного камня активно использовались обожженные кирпичи и обработанные блоки известняка, можно сделать предварительный вывод о том, что на территории древней крепости в византийское время существовал храм. По поводу использования обработанного строительного камня В.И. Сизов отмечал, что «между деревьями у крутого всхода с самого берега моря попадались большие отёсанные плиты известняка» [12, с. 6].

Некоторая диспропорция количества выявленных археологических памятников на равноценных по протяжённости рассматриваемых участках Черноморского и Каспийского побережий объясняется и дополнительными обстоятельствами. К этим обстоятельствам можно отнести как фактор значительного изменения уровня моря в результате трансгрессии, так и фактор древней и, что важно, непрерывной урбанизации побережья Каспия.

Изменение уровня Чёрного моря относительно береговой линии было не столь критично, как на Каспии. Если в зоне нулевых отметок современного уровня моря черноморского побережья мы наблюдаем факт сохранившихся объектов Античности, таких как Гюэнос, Себастополис, Питиунт и др., то многие объекты Поздней Античности и Раннего Средневековья побережья Каспия, очевидно, скрыты под водой.

Согласно исследованиям гидрографов, во время малого ледникового периода наблюдалось поднятие уровня Каспия, вызванное повышением интенсивности атмосферных осадков в бассейне р. Волги и, вероятно, сокращением их испарения; в летописях и других исторических источниках в этот период отмечаются факты учащения холодных снежных зим и дождливых летних сезонов на территории Восточной Европы, чаще упоминаются происходившие наводнения [13, с. 363]. При этом очевидно, что минимальный уровень Каспия, а, следовательно, и осушение прибрежных территорий совпадает с периодами Поздней Античности, когда наступил ксеротермический период, и Развитого Средневековья.

Со времени первых профессиональных гидрологических наблюдений (с 1830 г.) за уровнем Каспия перепад его колебаний составил около 4 м, от – 25,3 м абс. в 1880-х гг. до – 29 м абс. в 1977 г.¹¹ Происходящее понижение Каспийского моря в ближайшей перспективе может ещё дальше отодвинуть от береговой линии литораль и оголить скрытые для археологии остатки архитектурных археологических сооружений. В качестве свежего примера можно привести обнажившуюся кладку приморской поперечной стены Дербента середины VI в. н.э. [14]. Именно в этой связи требуется предварительная локализация в ГИС упоминаемых в Средневековье городищ.

Важным источником в данной ситуации является Каталонский атлас 1375 г., который отражает реалии первой пол. XIV в. В частности, на нем в дельте реки Эдиль (Волга), по правому берегу, без точных привязок к местности размещены следующие объекты:

11. Моря России – Каспийское море. Электронный ресурс. Доступно по ссылке: <https://geographyofrussia.com/morya-rossii-kaspijskoe-more/>

Пасгио, Адитархам, Бачанти, Мондаси, Котаба. Среди них однозначно локализуется лишь Адитархам, соответствующий Хаджитархану. Далее на юг, протянувшись вдоль кавказского берега Каспия до Дербента, без точных обозначений отмечены Фабинаги, Кубене, Тарки, Башциай, Цицие, Кобасо, Бурх, Барса, Абскиах, Сасах. Среди них отметить точную локализацию и идентификацию возможно лишь для Тарки, который однозначно соответствует Тарки (Таргу, Анжи, Семендер). Бурх – это, возможно, Булкар (Эндирей), и Абскиах – вероятно, Тюмень/Кизляр (древнее название – Абсиях, Абсияхкент)¹². Условная предварительная локализация упомянутых населенных пунктов, которые, видимо, были значимыми приморскими центрами, позволит сконцентрировать поиск археологических объектов на данных участках побережья.

Как показывает опыт выявления неизвестных ранее памятников на Черноморском побережье, большинство из них находилось на участках активной урбанизации, уничтожаясь и поглощаясь новыми застройками. В качестве примера можно привести случай с домом предпринимателей и меценатов Политиди постройки 1911 г. в центре Сочи, который был построен из стенового камня двух крепостей – форта Александрия, построенного в 1838 г., и остатков античной крепости [6, с. 113].

Таким образом, можно с уверенностью полагать, что на описываемых участках черноморского и каспийского побережий с высокой вероятностью будут выявлены новые древние крепости и городища. При этом нужно отметить, что касательно прибрежной линии Каспия подобного рода проявления могут быть неожиданны в любом районе, поскольку по причине отличных глубин на литоральях разновременные объекты могут обнажаться штормами из-под аллювиальных наносов весьма спонтанно. Как показывают подводные исследования в Дербенте, нахождение остатков стен может варьировать на глубине от 0,3–0,4 м и до 4–5 м, при этом имея удалённость от береговой линии до 300 м [15]. Учитывая вышеизложенные обстоятельства, всей прибрежной полосе Каспия в местах предполагаемого расположения древних поселений требуется регулярный мониторинг.

Однако при этом возникает закономерный вопрос – как скоро обнаруженные археологические памятники будут введены в научный оборот и взяты под охрану государства? Как свидетельствуют факты прошлых десятилетий, немало археологических находок и открытий на Черноморском побережье Кавказа и, особенно в Сочинском и Туапсинском районах, были сделаны местными краеведами. Яркие примеры в этом дает, например, деятельность археологов-краеведов Н.И. Гумилевского и И.К. Недоля [16, с. 87, 199].

Анализируя нормативные источники, касающиеся археологических объектов историко-культурного наследия, можно объективно отметить определённые недоработки, которые не способствуют делу сохранения археологических памятников. По результатам внесения целого ряда изменений в важные законодательные акты Российской Федерации в области пресечения незаконной деятельности в археологии (в редакции федеральных законов от 22.10.2014 № 315-ФЗ и от 28.12.2017 № 435-ФЗ) можно отметить, что визуальное обнаружение и выявление новых объектов историко-культурного наследия при отсутствии открытого листа на данный момент запрещено. При этом не оговорен и несогласован механизм получения новых данных от респондентов из среды местного населения, которые, как правило, и являются первоисточником информации для выявления археологических памятников.

12. Алиев К.М. Кумыки на европейских средневековых географических картах. URL: http://kumukia.ru/author?q=1853#_ftn16 [дата обращения: 12.08.2022].

Заключение

Анализируя вышеизложенное, можно констатировать, что, несмотря на уничтожение памятников археологии и архитектуры в процессе антропогенного воздействия и урбанизации, бывшее их наличие в определённых местах может быть отражено в исторических документах, в нарративных и картографических источниках, в топонимике и даже в фольклоре. Ситуация с выявлением новых объектов археологического наследия неоднозначна. Изменения в Федеральном законе «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» от 25.06.2002 г. № 73-ФЗ касательно археологии усложнили процесс получения открытых листов без учёта дифференциации их форм. И если жёсткий регламент для работ с раскопками достаточно обоснован, то ограничения на визуальные разведки и, особенно, на постановку памятников на первичный учёт с включением их в реестр выявленных памятников, по моему мнению, мотивировать как объективную необходимость затруднительно. Необходима разработка системы мониторинга археологических объектов, в которой на законных основаниях были бы задействованы подразделения ВООПИК, РГО, Российского общества историков-архивистов, Российского военно-исторического общества.

Как яркий пример можно привести дольмены Западного Кавказа, поскольку многие из них поставлены на учёт без раскопок – визуального осмотра специалиста с соответствующими обмерами вполне достаточно для определения наличия самого факта мегалитической конструкции.

Среди объектов Раннего Средневековья подобные случаи также имеются: это, например, Галицинский храм в Адлерском районе Большого Сочи, крепость в центре города Сочи и целый ряд крепостей на территории Сочинского национального парка. В результате город Сочи был включён в масштабный российский туристический маршрут «Золотое кольцо Боспорского царства», проходящий по местам, где располагались города античного государства, и который позиционирует Российскую Федерацию на международной арене в качестве одного из уникальных центров античной культуры и цивилизации¹³.

Выявление и использование в историческом туризме уникальных археологических объектов на берегах Чёрного и Каспийского морей, безусловно, повысит рейтинг имеющихся и формирующихся курортных зон, туристических центров. В связи с изменяющейся геополитической ситуацией вектор российского туризма активно смещается на отечественные курортные и природные зоны. Черноморское побережье и побережье Республики Дагестан уже сейчас ощутимо испытывают значительное увеличение потока туристов со всей России, и выявление новых уникальных объектов историко-культурного наследия в прибрежном кластере непременно повысит их привлекательность.

Финансирование. Публикация подготовлена в рамках реализации государственного задания ФИЦ СНГ РАН FGRW-2021-0014, № госрегистрации 122032300400-5.

Acknowledgments. The study was funded by the state assignment research of FRC SSC RAS FGRW-2021-0014, project No. 122032300400-5.

13. «Золотое кольцо Боспорского царства». Электронный ресурс. Доступно по ссылке: <https://www.russian-bospor.ru/sochi> [дата обращения: 12.08.2022].

Рис. 1. Фрагменты исторических карт с локализацией Дербента:
 1 - Карта Чёрного моря Пири Реиса 1525 г.; 2 - Карта окрестностей Черного моря Паоло Санти, 1776 г.; 3 - Кара Дениз, Карта Черного моря и окрестностей Понта. 1820 г.

Fig. 1. Fragments of historical maps with the localization of Derbent:
 1 - Piri Reis' Map of the Black Sea, 1525; 2 - Paolo Santi's Map of the Black Sea environs. 1776; 3 - Kara Deniz, Map of the Black Sea and the environs of Pontus, 1820

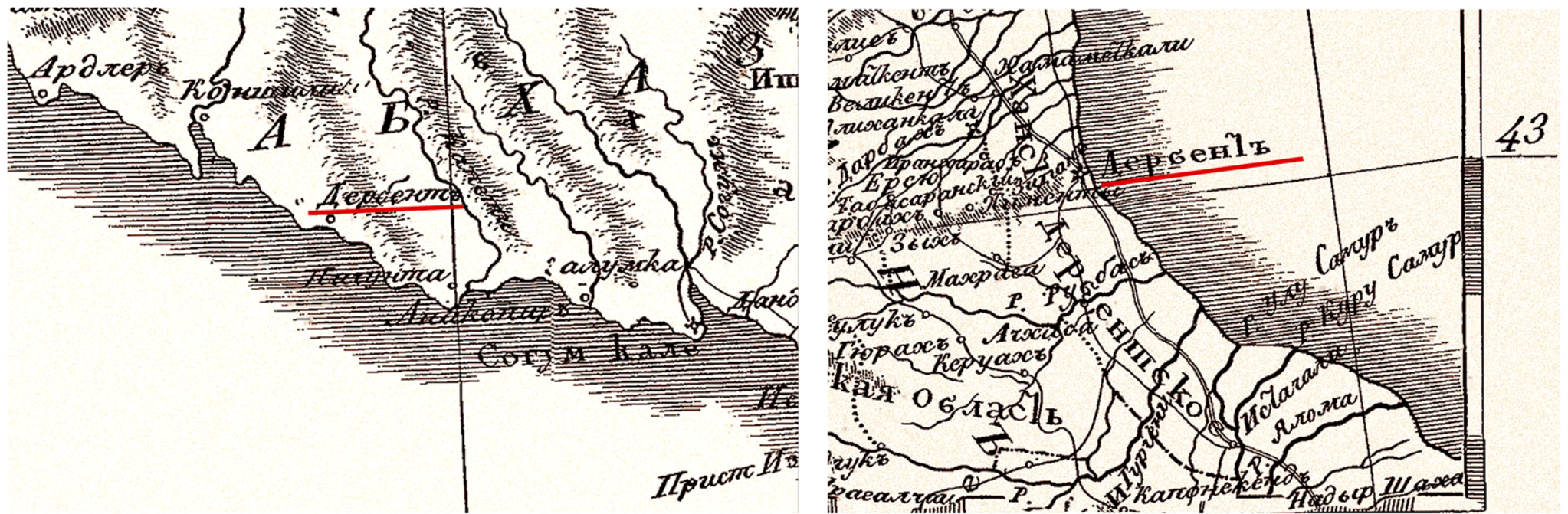

Рис. 2. Фрагменты Карты Кавказских земель с частью Великой Армении, изданной С. Броневским. Составлена А. Максимовичем. СПб., 1823 г. с указанием двух Дербентов

Fig. 2. Fragments of the Map of the Caucasian lands with a part of Great Armenia, published by S. Bronevsky. Compiled by A. Maksimovich. SPb., 1823 showing two Derbent

Рис. 3. Бухта Колдош. Фрагмент «Карты северной части Оттоманской империи. Татары Кубанские» Джованни Антонио Рици-Дзаннони, 1774 г.

Fig. 3. Koldosh Bay. Fragment of Giovanni Antonio Rizzi-Zannoni's "Carte de la partie septentrionale de l'empire otoman. Tatares de Kuban", 1774

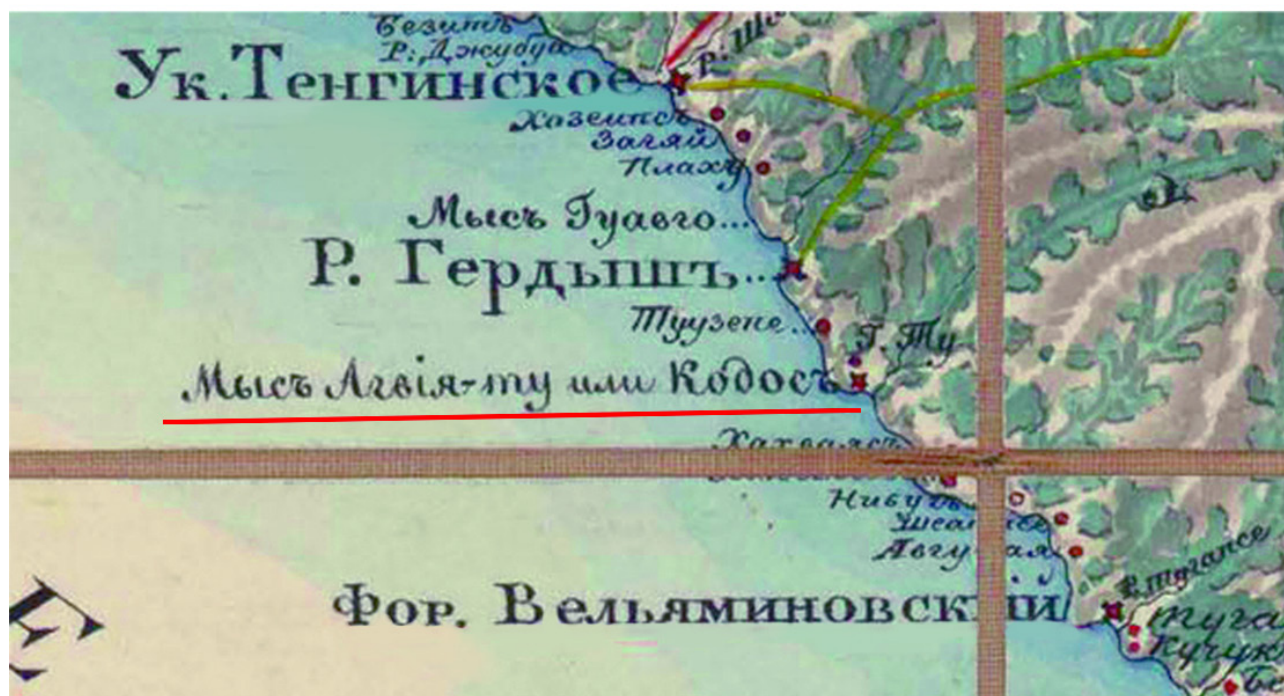

Рис. 4. Мыс Агвия-ту или Кодос. Фрагмент «Карты Черкесских берегов», 1839 г.

Fig. 4. Cape Agvia-tu or Kodos. Fragment of the «Map of the Circassian coasts», 1839

Рис.5. Фрагмент «Специальной карты Европейской России», созданной под руководством И.А. Стрельбицкого с указанием мысов Кадаш и Кодос

Fig. 5. Fragment of "Special map of European Russia", created under the leadership of I.A. Strel'bitsky showing Kadash and Kodos capes

Рис. 6. Бухта реки Ту (Ольгинка). Фрагмент «Карты восточного берега Черного моря от мыса Таклы до реки Риона» из «Атласа Чёрного моря», 1841

Fig. 6. Bay of the river Tu (Olginka). Fragment of the "Map of the eastern coast of the Black Sea from Cape Takla to the Rion River" from the "Atlas of the Black Sea", 1841

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Фоменко И.К. Образ мира на старинных портоланах. Причерноморье. Конец XIII–XVII в. Издание второе. М.: Изд-во «Индрик», 2011. – 424 с.
2. Чирикба В.А. Абхазия и итальянские города-государства (XIII–XV вв.). Очерки взаимоотношений. СПб.: Алетейя 2020. – 212 с.
3. Требелева Г.В., Глазов К.А., Юрков В.Г., Кизилев А.С. Археологическая ГИС Северо-Западной Колхиды: инструмент для сохранения и исследования объектов историко-культурного наследия // ИнтерКарто. ИнтерГИС. Геоинформационное обеспечение устойчивого развития территорий: Материалы Международной конференции. М.: Географический факультет МГУ, 2022. Т. 28. Ч. 2. С. 484–498.
4. Бонин А.В. Мелешко Б.В. Башня близ п. Архипо-Осиповка – восточный рубеж Боспорского царства // СΥΜΒΟΛΑ. Античный мир Северного Причерноморья. Новейшие открытия и находки. Вып.1. М.-Киев: ИА РАН, 2010. С. 26–27.
5. Кизилев А.С., Требелева Г.В. К вопросу об этимологии топонимов Дербент и Анакопия и их локализации на Черноморском побережье Кавказа // Проблемы региональной экологии. № 4. 2021. С. 72–82.
6. Кизилев А.С. Глазов К.А. Кудин М.И. К вопросу об античной датировке древней крепости в центре города Сочи // VII «Анфимовские чтения» по археологии Западного Кавказа. Материалы международной археологической конференции. Краснодар: ИП Смородин, 2017. С. 113–122.
7. Аргун А.В. Проблемы локализации пунктов из античных «периплов» в Северо-Восточном Причерноморье // Исторические, культурные, межнациональные, религиозные и политические связи Крыма со Средиземноморским регионом и странами Востока: материалы IV Международной научной конференции (6-10 октября 2020 г., Севастополь). Т. I. М.: ИВРАН, 2020. С. 16–23.
8. Меретуков К.Х. Адыгейский топонимический словарь. Майкоп: Качество, 2003. – 423 с.
9. Анфимов Н.В. Зихские памятники Черноморского побережья Кавказа // Северный Кавказ в древности и в средние века. М.: Наука, 1980. С. 92–113.
10. Аргун А.В. Историческая география Северо-Восточного Причерноморья по данным античных периплов Флавия Арриана и Псевдо-Арриана // Материалы международной научной конференции, посвященной 100-летию З.В. Анчабадзе. Сухум: АГУ, АБИГИ, 2020. С. 207–225.
11. Воронов Ю.Н. Древности Сочи и его окрестностей. Краснодар: Краснодарское книжное изд-во, 1979. – 124 с.
12. Сизов В.И. Восточное побережье Черного моря. Археологические экскурсии. Вып. II. Под редакцией графини Уваровой. М.: Типография А.И. Мамонтова и К°, 1889. – 183 с.

REFERENCES

1. Fomenko IK. *The image of the world on ancient portolans. Black Sea region. The end of the XIII – XVII century*. 2nd ed. Moscow: Indrik, 2011. (In Russ.)
2. Chirikba VA. *Abkhazia and Italian city-states (XIII–XV centuries). Essays on relationships*. Sankt Petersburg: Aleteyya, 2020. (In Russ.)
3. Trebeleva GV., Glazov KA., Yurkov VG., Kizilov AS. Archaeological GIS of North-Western Colchis: a tool for the preservation and study of objects of historical and cultural heritage. *InterKarto. InterGIS. Geoinformation support for sustainable development of territories: Proceedings of the International conference*. Т. 28. Part 2. Moscow: MSU, Faculty of Geography, 2022: 484–498. (In Russ.)
4. Bonin AV., Meleshko BV. Tower near the village of Arkhipo-Osipovka settlement – the eastern border of the Bosporan kingdom. *СΥΜΒΟΛΑ. Antique world of the Northern Black Sea region. Latest discoveries and finds*. Issue 1. Moscow – Kyiv: Institute of archaeology of RAS, 2010: 26–27. (In Russ.)
5. Kizilov AS., Trebeleva GV. To the question of the etymology of the toponyms Derbent and Anakopia and their localization on the Black Sea coast of the Caucasus. *Problemy regionalnoi ekologii*. 2021; 4: 72–82. (In Russ.)
6. Kizilov AS., Glazov KA., Kudin MI. On the issue of ancient dating of the ancient fortress in the center of Sochi. *The 7th “Anfimov Readings” on the archeology of the Western Caucasus. Proceedings of the International archaeological conference*. Krasnodar: Smorodin, 2017: 113–122. (In Russ.)
7. Argun AV. Problems of localization of points from the ancient “periplus” in the North-Eastern Black Sea region. *Historical, cultural, interethnic, religious and political relations of Crimea with the Mediterranean region and the countries of the East: Proceedings of the 4th International Scientific Conference (October 6–10, 2020, Sevastopol)*. Vol. I. Sevastopol: Institute of Oriental Studies, RAS, 2020: 16–23. (In Russ.)
8. Meretukov KKh. *Adyghe toponymic dictionary*. Maykop: Kachestvo, 2003. (In Russ.)
9. Anfimov NV. Zikh monuments of the Black Sea coast of the Caucasus. *North Caucasus in Antiquity and in the Middle Ages*. Moscow: Nauka, 1980: 92–113. (In Russ.)
10. Argun AV. Historical geography of the North-Eastern Black Sea region according to the data of ancient periplus Flavius Arrian and Pseudo-Arrian. *Proceedings of the International scientific conference dedicated to the 100th anniversary of Z.V. Anchabadze*. Sukhum, 2020: 207–225. (In Russ.)
11. Voronov YuN. *Antiquities of Sochi and its environs*. Krasnodar, 1979. (In Russ.)
12. Sizov VI. *Eastern coast of the Black Sea. Archaeological excursions. Issue II*. Ed. by Countess Uvarova. Moscow: A.I. Mamontov and Co. Publ., 1889. (In Russ.)
13. Monin AS., Shishkov YuA. *Climate history*. Leningrad: Gidrometeoizdat, 1979. (In Russ.)

13. Монин А.С., Шишков Ю.А. История климата. Л.: Гидрометеоздат, 1979. – 406 с.

14. Гаджиев М.С., Гаджиев Б.Х. Новые исследования прибрежной поперечной стены Дербента середины VI века // Морские исследования и образование (MARESEDU-2021). Труды X Международной научно-практической конференции. Тверь: ПолиПРЕСС, 2021. С. 397–401.

15. Кудрявцев А.А., Гаджиев М.С. Подводные археологические исследования в акватории Дербента // Проблемы истории, филологии, культуры. Вып. XII. 2002. С. 396–414.

16. Ткачёв А.Н. Археологи Кубани и Северо-Западного Кавказа (1917-1991 гг.). Биобиблиографический словарь-справочник. Краснодар: Тираж, 2016. – 346 с.

14. Gadzhiev MS., Gadzhiev BKh. New researches of the coastal transverse wall of Derbent of the mid-6th century. *Marine Research and Education (MARESEDU-2021). Proceedings of the X International Scientific and Practical Conference*. Tver: PoliPress, 2001: 397-401. (In Russ.)

15. Kudryavtsev AA., Gadzhiev MS. Underwater archaeological research in the water area of Derbent. *Problems of history, philology, culture*. 2002; 12: 396-414. (In Russ.)

16. Tkachev AN. *Archaeologists of the Kuban and the Northwestern Caucasus (1917-1991). Biobibliographic dictionary-reference book*. Krasnodar: Tirazh, 2016. (In Russ.)

Поступила в редакцию 29.09.2022 г.

Принята в печать 25.01.2023 г.

Опубликована 15.09.2023 г.

Recieved 29.09.2022

Accepted 25.01.2023

Published 15.09.2023

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH193759-775>

Исследовательская статья

Маммаев Мисрихан Маммаевич,
д.иск., главный научный сотрудник,
Институт истории, археологии и этнографии,
Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН,
Махачкала, Россия
Misrixan37@mail.ru

ВКЛАД ПРОФЕССОРА А.С. БАШКИРОВА (1885–1963) В ИЗУЧЕНИЕ ПАМЯТНИКОВ СРЕДНЕВЕКОВОГО ИСКУССТВА ДАГЕСТАНА

Аннотация. В статье освещаются вопросы научной деятельности проф. Алексея Степановича Башкирова в 20-е – начале 30-х годов XX в. по изучению памятников средневекового искусства Дагестана. Автор рассматривает его научные труды, отмечая при этом как ценные наблюдения относительно декоративных качеств исследуемых им произведений искусства, так и отдельные не совсем верные суждения о сюжетах и образах памятников резьбы по камню и дереву и не убедительные аналогии. А.С. Башкиров был первым кто, начал изучение памятников дагестанского искусства с искусствоведческих позиций. Ему принадлежит заслуга первого описания каменного надгробия в виде саркофага XIII в. из сел. Калакорейш, декорированного изобразительными сюжетами и орнаментом в сочетании с позднекуфической арабской надписью; деревянных дверей высокохудожественной отделки джума-мечети сел. Калакорейш; памятников петрографики Дагестана; каменных рельефов – деталей архитектурного декора из сел. Кубачи. Благодаря А.С. Башкирову были введены в научный оборот многие памятники камнерезного искусства Горного Дагестана. Опубликованная в 1931 г. основная исследовательская работа А.С. Башкирова «Искусство Дагестана. Резные камни» получила резко отрицательный отзыв Камиллы Васильевны Тревер (1892-1974). Впоследствии ее рецензия была использована как улика для обвинения искусствоведа в «контрреволюционной деятельности», 8 января 1935 г. он был арестован. Вместе с И.Н. Бороздиным и А.А. Захаровым А.С. Башкиров был сослан на 3 года в Казахстан. После возвращения из ссылки А.С. Башкиров и И.Н. Бороздин работали преподавателями высших учебных заведений, а А.А. Захаров в 1937 г. был расстрелян. Важным выводом статьи является признание вклада А.С. Башкирова в историю искусства Дагестана и его роли зачинателя дагестанского искусствознания.

Ключевые слова: профессор А.С. Башкиров; исследователь дагестанского искусства; Средневековье; резьба по камню и дереву; репрессии

Для цитирования: Маммаев М.М. Вклад профессора А.С. Башкирова (1885–1963) в изучение памятников средневекового искусства Дагестана // История, археология и этнография Кавказа. 2023. Т. 19. № 3. С. 759-775. doi.org/10.32653/CH193759-775

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH193759-775>

Research paper

Misrikhan M. Mammaev,
Dr. of Fine Arts, Principal Researcher
Institute of History, Archaeology and Ethnography
Dagestan Federal Research Centre of RAS, Makhachkala, Russia
Misrixan37@mail.ru

CONTRIBUTION OF PROFESSOR A.S. BASHKIROV (1885–1963) TO THE STUDY OF MEDIEVAL ART MONUMENTS OF DAGESTAN

Abstract. This article covers the academic life of Professor Alexey Stepanovich Bashkirov during the 1920s and early 1930s, emphasizing his pioneering work in the study of medieval art monuments in Dagestan. The author examines Bashkirov's scholarly contributions, acknowledging his valuable insights regarding the decorative qualities of the artworks he scrutinized. While recognizing the value of his observations, the article also highlights some of Bashkirov's less accurate judgments concerning the subjects and imagery of stone and wood carvings, as well as certain unconvincing analogies drawn in his work. A.S. Bashkirov was the first scholar to approach the study of Dagestan art from an art historical perspective. He is credited with the first description of a 13th-century stone tombstone in the form of a sarcophagus from the village of Kalakoreish, adorned with pictorial subjects and ornaments alongside a late Kufic Arabic inscription; wooden doors from the Juma mosque in Kalakoreish, renowned for their highly artistic embellishments; petrographic monuments of Dagestan and stone reliefs, specifically architectural decorations from the village of Kubachi. Bashkirov's efforts significantly expanded the scholarly understanding of stone-carving art in Mountainous Dagestan. In 1931, A.S. Bashkirov published his major work, "The Art of Dagestan: Carved Stones." The book received a vehemently negative review from Kamilla Vasilievna Trever (1892-1974). Later, her critique served as the basis for accusing Bashkirov of "counter-revolutionary activities," ultimately leading to his arrest on January 8, 1935. Alongside with I.N. Borozdin, he was exiled to Kazakhstan for three years, while A.A. Zakharov met a tragic fate with execution in 1937. This article not only acknowledges Bashkirov's indispensable contribution to the history of Dagestan art but also highlights his role as the foundational figure in the field of Dagestan art history.

Keywords: Professor A.S. Bashkirov; Dagestan art researcher; Middle Ages; stone and wood carving; repressions

For citation: Mammaev M.M. Contribution of Professor A.S. Bashkirov (1885–1963) to the Study of Medieval Art Monuments of Dagestan. *History, Archeology and Ethnography of the Caucasus*. 2023. Vol. 19. N. 3. P. 759-775. doi.org/10.32653/CH193759-775

© M.M. Mammaev, 2023

© Daghestan Federal Research Centre of RAS, 2023

Шестьдесят лет тому назад скончался крупный учёный археолог, историк и искусствовед, доктор исторических наук, профессор, действительный член Института народов Востока СССР Алексей Степанович Башкиров. Он внёс весомый вклад в изучение памятников средневекового искусства Дагестана и оставил заметный след в истории дагестанского искусства. Алексей Степанович был зачинателем дагестанского искусствознания, автором давно ставшей библиографической редкостью книги «Искусство Дагестана: резные камни» [1], а также большого количества статей.

Родился А.С. Башкиров 19 июля 1885 г. в г. Кукморе Казанской губернии (современный Татарстан). В 1913 г. он окончил историко-филологическое отделение Санкт-Петербургского университета и одновременно Санкт-Петербургский археологический институт. После окончания университета, по рекомендации своих учителей проф. Б.В. Фармаковского и М.И. Ростовцева, был направлен в качестве научного сотрудника в Русский историко-археологический институт в Константинополе (современный Стамбул), где получил трёхлетнюю командировку в Грецию, Италию, Францию, Англию и скандинавские страны для изучения античного и средневекового искусства [2, с. 316].

В начале 1917 г. А.С. Башкиров вернулся в Россию и начал работать в Петроградском (ныне Петербургском) университете. С тех пор и до конца жизни он вел научно-исследовательскую и педагогическую работу. С 1945 г. до конца 1962 г. он работал в Ярославском педагогическом институте заведующим кафедрой всеобщей истории, организовал более 50 историко-археологических экспедиций в Крым, на Северный Кавказ, в Закавказье, Поволжье и Среднюю Азию [2, с. 317]. В составе дагестанской этнолого-лингвистической и художественно-археологической экспедиций под руководством проф. Н.Ф. Яковлева А.С. Башкиров в 1923, 1924 и в 1927 гг. совершил научные поездки в Дагестан, где изучал памятники археологии, истории и искусства дагестанских народов [3, с. 233–240]. Им были обследованы сел. Кубачи, Амузги, Ицари, Калакорейш, Сулевкент, Гонода, Чох, Ругуджа, Корода, табасаранские селения Хурик, Ханак, Ругуч и другие, где было выявлено большое количество резных камней – деталей архитектурного декора, а также памятники художественной резьбы по дереву, описанию которых он посвятил несколько своих работ: «Средневековый памятник дагестанского аула Калакорейш» [4, с. 54–63,], «Деревянные двери дагестанского аула

Рис. 1. А.С. Башкиров. Фото

Fig. 1. Photo of A.S. Bashkirov

Калакорейш» [5, с. 118–130], «Скульптурные памятники дагестанского аула Кубачи» [6, с. 58–69], «Петрографика Аварии» [7, с. 123–133] и др.

В этих работах им впервые подробно рассматриваются в искусствоведческом плане и вводятся в научный оборот многие произведения средневекового искусства Дагестана. В вышедшей в 1931 г. в Москве книге «Искусство Дагестана: резные камни» [1, с. 1–118] А.С. Башкиров в систематизированном виде описывает большое количество средневековых каменных рельефов – деталей архитектурного декора, выявленных в селениях Кубачи, Калакорейш, Ицари, Гонода, Ругуджа, Чох, в г. Дербенте и других населённых пунктах Дагестана.

Выход этой книги (хотя и содержащей отдельные недостатки) имел неоспоримую научную значимость, так как в ней были приведены наиболее полная систематизация и подробное описание средневековых памятников камнерезного искусства Дагестана. Впоследствии это дало импульс дальнейшему, более углубленному, изучению искусства Дагестана.

Осмысление и обобщение результатов многолетнего изучения памятников искусства дагестанских народов даётся А.С. Башкировым в его содержательном очерке «Резьба по камню и дереву в Дагестане», опубликованном в 1931 г. в Москве в сборнике научных трудов «Художественная культура Советского Востока» [8, с. 103–115]. Им были написаны также статьи по искусству Дагестана для энциклопедических справочников [9, с. 166–170].

В ходе научных экспедиций в Дагестане, А.С. Башкиров, обладая большим исследовательским опытом, уделял значительное внимание изучению археологических памятников. Он обследовал городище Костель, Арменкала в Южном Дагестане и ряд домусульманских памятников в дельте Самура, курганы и остатки древних оборонительных сооружений в районе г. Махачкалы и сел. Тарки, древние поселения близ сел. Кубачи, оборонительные сооружения Дербента и т.д.

В 1945 г. А.С. Башкиров защитил докторскую диссертацию на тему «Антисейсмизм древней архитектуры (Восток, Греция, Италия, Юг СССР)», изданную в 1945–1948 гг. Рассматривая особенности монументального строительства Юга СССР и Переднего Востока, А.С. Башкиров много внимания уделил специфике строительного искусства в г. Дербенте [2, с. 316].

Необходимо отметить, что в существующей литературе не дана должная оценка трудам А.С. Башкирова, не отмечены его заслуги в изучении памятников средневекового искусства Дагестана. Безусловно, труды его вносят заметный вклад в историю искусства Дагестана, в дагестанское искусствоведение.

В 1935 г. Алексей Степанович был репрессирован. Вместе с ним были репрессированы видные учёные-археологи – Илья Николаевич Бороздин (1883–1959) и Алексей Алексеевич Захаров (1884–1937). В обвинительном заключении следствия, подписанном 21 июня 1935 г., указывалось, что «... арестованная группа научных работников гуманитарных наук (историки, археологи, этнографы), систематически занимавшая пропагандой к/р [контрреволюционных] националистических идей, ... Башкиров А.С., Бороздин И.Н. и Захаров А.А., в прошлом – до 1930 г., была тесно связана с представителями контрреволюционных националистических формирований реак-

ционных кругов профессуры и научных работников историко-археологических и этнографических наук... и на протяжении нескольких лет вела к/р работу... [Цит. по: 10, с. 128].

Основной уликой обвинения стала крайне отрицательная рецензия доктора исторических наук, проф. Камиллы Васильевны Тревер (1892-1974) на книгу А.С. Башкирова «Искусство Дагестана: резные камни» [11, с. 27–37]. Но К.В. Тревер не могла и предположить, что её рецензия будет использована таким образом. По распоряжению ОСО все трое учёных были сосланы на 3 года в Казахстан «за контрреволюционную деятельность» [10, с. 130]. В 1955 г. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда СССР полностью их реабилитировала [10, с. 130].

После возвращения из ссылки А.С. Башкиров работал в Калининском педагогическом институте, затем в Московском педагогическом институте им. Потёмкина. А с 1945 г. и до своей кончины 1 января 1963 г. был заведующим кафедрой всеобщей истории в Ярославском педагогическом институте [2, с. 316].

Его коллега А.А. Захаров в 1937 г. был расстрелян [10, с. 130]. Сосланный в Алмату И.Н. Бороздин работал в Казахском пединституте. В ноябре 1937 г. он был вновь арестован Тройкой управления НКВД Алма-Атинской области и приговорён к 10 годам исправительно-трудовых лагерей. В 1943 г. его досрочно освободили. В последующем И.Н. Бороздин работал в Ашхабадском пединституте, а с 1949 г. до его кончины в 1959 г. – в качестве заведующего кафедрой всеобщей истории Воронежского университета [10, с. 130].

Следует отметить, что А.А. Захарову принадлежат такие работы по древностям Дагестана как «Contributions to Caucasian Archaeology. A large barrow in Daghestan» [12] и «Materials for the Archaeology of the Caucasus. Anthropomorphic bronze statuettes» [13].

Материалы Большого Буйнакского кургана позднее обстоятельно исследовала археолог М.П. Абрамова [14, с. 54–73; 15, с. 115–143]. А культовая бронзовая скульптура малых форм с привлечением материалов А.А. Захарова и других авторов получила свое дальнейшее научное осмысление в трудах В.И. Марковина [16, с. 74–124], М.М. Маммаева [17, с. 24–26], О.М. Давудова [18.], О.А. Брилёвой [19] и др.

И.Н. Бороздин тоже затрагивал в своих работах произведения средневекового искусства Дагестана. В очерке «Проблемы изучения художественной культуры Советского Востока» он писал о том, какой «большой интерес представляют рельефы, обнаруженные в Дагестане и носящие следы древних культурных традиций. Некоторые из них, – отмечал он, – находятся под определенным сасанидским влиянием» [20, с. 16].

Памятники средневекового искусства Дагестана А.С. Башкиров начал изучать в 1924 г. Летом этого года в составе Дагестанской этнолого-лингвистической и художественно-археологической экспедиции под руководством проф. Н.Ф. Яковлева, организованной Наркомпросом ДАССР [3, с. 238], он посетил сел. Калакорейш, где зафиксировал каменное надгробие в виде саркофага (рис. 2-3). В вышедшей в 1926 г. статье «Средневековый памятник дагестанского аула Калакорейш» [4, с. 54–63. Табл. VII, рис. 2-3, VIII] А.С. Башкиров описал представленные на саркофаге изобра-

зительные сюжеты и орнаментальные композиции, датировав надгробие временем не позднее конца XII в. [4, с. 62].

А.С. Башкиров довольно бегло проанализировал представленные на саркофаге изобразительные сюжеты и орнаментальные композиции. Не совсем убедительны приводимые им аналогии композиции львов с орлом с рельефами из Армении (монастыря Айриванк) и из Испании (археологического музея в Мадриде) [4, с. 59–60]. Проводя параллели между калакорейскими сюжетами и рельефами церкви Покрова на Нерли и собора Юрьева Польского Владимиро-Суздальской Руси, А.С. Башкиров писал: «Владими́ро-Суздальские резные камни XIII века дают нам богатейший материал к изучению калакорейского надгробия» [4, с. 60]. Впоследствии это мнение А.С. Башкирова было подвергнуто критике известным исследователем рельефов владими́ро-суздальских храмов Г.К. Вагнером [21, с. 30].

Описывая фриз верхнего конца юго-западной продольной стороны саркофага, А.С. Башкиров элементы орнаментальной композиции рассматривал как «загадочные эпиграфические знаки, ... как орнамент буквенного порядка» [4, с. 56]. Фигура в виде монограммы, высеченная на северо-восточной продольной стороне саркофага, была им интерпретирована как «таврообразный знак – подобие инициальной вязи – своеобразной монограммы – усложнённой некоторыми орнаментальными элементами... Это – родовое или племенное клеймо (тавро-монограмма-печать) похороненного здесь человека...» [4, с. 57]. Однако доказать это трудно.

Подводя итоги исследованию саркофага из Калакорейша, А.С. Башкиров дал памятнику высокую оценку: «памятник материальной культуры древности приоткрывает нам любопытнейшую страницу богатой культурной жизни Кайтага в эпоху средневековья и ярким образом говорит нам своими художественными данными о том, что южный нагорный Дагестан жил общей культурной жизнью со средневековым Востоком...» [4, с. 62].

Статья А.С. Башкирова о калакорейском надгробии привлекла внимание и вызвала интерес к саркофагу ряда исследователей. Позднее его изучали Э.В. Кильчевская [22, с. 21–23, табл. II, 7–9; 23, с. 53–61. Рис. 21–23], Л.И. Лавров [24, с. 77, 179], А.Р. Шихсаидов [25, с. 129–132], М.М. Маммаев [17, с. 103–105. Рис. 176–179; 26, с. 176–181, рис. 142], П.М. Дебиров [27, с. 28], М.Г. Магомедов и А.Р. Шихсаидов [28, с. 44–45, 76–77, рис. 4–6].

В другой работе «Деревянные двери дагестанского аула Калакорейш [5, с. 118–130, табл. 10–12] А.С. Башкиров описал резные двустворчатые двери (рис. 4–5) восточного и западного входов (в северном фасаде) джума-мечети сел. Калакорейш. В статье и в монографии «Искусство Дагестана. Резные камни» [1, табл. 41–42] автор выясняет особенности декоративной отделки дверей, датирует их XII–XIII вв. В статье автор верно пишет, что «каждая пара дверей по своей орнаментике совершенно отлично одна от другой и своеобразна, но несмотря на разность сюжета, стиль их имеет много общего». Однако следует отметить, что в описании декора дверей некоторые существенно важные детали художественного убранства им отмечены не были. Для орнаментальных мотивов и изобразительных сюжетов, воспроизведённых на дверях, А.С. Башкировым были приведены не совсем убедительные

и слишком отдалённые и хронологически, и территориально, аналогии с памятниками декоративно-прикладного искусства (фаянс, ткани, металл) Ирана и монументального архитектурного декора Египта, Владимиро-Суздальской Руси и Западной Европы. Вместе с тем, он правильно отмечает близость сюжетных композиций с изображениями львов на восточной паре дверных створок и изображений птиц в геральдических композициях западной пары дверных створок к геральдическим сюжетным композициям средневековых каменных рельефов-архитектурных деталей сел. Кубачи.

Композицию с изображениями животных (львов), высеченную чуть ниже среднего участка левой створки восточной пары дверей А.С. Башкиров рассматривал как сцену терзания хищником (львом) копытного животного (лошади¹) [5, с. 122]. На самом деле, это своеобразная композиция с изображениями львов по диагонали квадрата с перекрещивающимися туловищами, но мордами, обращенными в противоположные стороны.

Западные двустворчатые двери калакорейшской мечети (рис. 5) по художественной отделке значительно отличаются от восточных дверей. На это указывал А.С. Башкиров. Обе створки покрыты сплошным ковром искусной резьбы в виде декоративного панно: от переплетающихся и соприкасающихся другу с другом стеблей отходят в стороны завитки.

В верхних частях створок дверей представлены геральдические изображения стилизованных пар птиц по сторонам плетёных узлов, т.н. «узлы счастья».

В оценке резных дверей мечети Калакорейша, А.С. Башкиров повторил сказанное им относительно надгробия каменного саркофага, что «означенные памятники материальной культуры древности приоткрывают страницу богатой культурной жизни Кайтага в эпоху средневековья». Двери мечети «ещё раз говорят о богатстве художественных форм, которыми жила данная область, и одновременно о твёрдо сложившейся традиции, тесно связанной с другими культурными странами» [5, с. 128].

В середине XX в. двери калакорейшской мечети были подробно исследованы П.М. Дебириным [29, с. 40–44, рис. 52–55] и М.М. Маммаевым [26, с. 203–212, 509, рис. 182–183] как высокохудожественные произведения декоративно-прикладного искусства средневекового Дагестана.

В 1930 г. А.С. Башкировым была издана статья «Петрографика Аварии» [7, с. 126–133]. В ней рассматриваются памятники петрографики в основном трех аварских селений – Тидиб, Ругуджа и Корода. Графическую резьбу по камню – петрографику – он охарактеризует как своеобразный вид народного искусства. Описывая технику графической резьбы по камню, А.С. Башкиров перечисляет инструменты резьбы, отмечает различные сорта камней – глинистый сланец, мелкозернистый известняк и песчаник, на которые нанесены различные рисунки. Он кратко рассматривает рисунки памятников петрографики – квадраты, ромбы, круги, меандры, кресты, лабиринты, кисти человеческой руки, спирали, некоторые из них, по мнению А.С. Башкирова, имели апотропеическое значение: «Кресты в петрографике Аварии встречаются в христианской иконографии византийского

1. Изображение льва, обращённого вправо, А.С. Башкиров считал изображением лошади.

и грузинского изводов» [7, с. 129].

Наряду с перечисленными рисунками им рассматриваются и сюжеты «реально-бытового характера» – сцены борьбы мужчин с копьями, сцены охоты на оленей (рис. 6), козлов и других животных.

Описывая каменные блоки различных размеров с изображениями различных рисунков, людей и животных, вставленные в стены домов, башен, и культовых зданий, А.С. Башкиров указывает на тесную связь петрографики с резьбой по дереву [7, с. 132].

В целом характеризуя памятники петрографики Аварии, А.С. Башкиров отмечает, что «в художественном отношении этот род искусства весьма посредственный, его рисунок отличается примитивностью и детской наивностью, но сюжетный багаж композиции разнообразный, а иногда и сложный, имеющий отчасти символическое значение, отчасти реально-бытовое, а часто и просто орнаментальное» [7, с. 126].

Время возникновения петрографики в Дагестане А.С. Башкиров верно относит к глубокой древности, а наибольший его расцвет – к средним векам.

Хотя статья написано несколько «тяжёлым» слогом, ценность её состоит в том, что она положила начало изучению петрографики Дагестана как своеобразного вида народного художественного творчества. Впоследствии петрографика Аварии и Дагестана нашла свое дальнейшее научное осмысление в работах археологов Д.М. Атаева и В.И. Марковина [30, с. 342–372], искусствовед П.М. Дебирова [27, рис. 16–32], архитектор Г.Я. Мовчана [31, с. 53, рис. 60, с. 61, рис. 70–71, с. 146, рис. 215, с. 164, рис. 239, с. 267, рис. 429], акад. С.О. Хан-Магомедова [32, с. 110–135, рис. 76–91].

Помимо памятников петрографики и монументального искусства (каковыми являются надмогильный памятник в виде каменного саркофага XIII в. из с. Калакорейш, резные деревянные двери XII–XIII вв. калакорейшской мечети, база каменной колонны XII–XIII вв. из с. Хунзах, каменная плита XIII в. из с. Гонода с различными изобразительными сюжетами и др.) А.С. Башкиров занимался изучением различных каменных архитектурных деталей из сел. Кубачи. Одна из них – рельеф середины XIV в. с фризовой композицией трёх мужских состязаний, хранящийся в трех частях в Государственном Эрмитаже, который Алексей Степанович исследовал подробно. Рельеф и его отдельные детали опубликованы в его книге «Искусство Дагестана: резные камни» [1, табл. 5, 6, 7, 12].

Изготовлен рельеф из местного камня – глинистого сланца твёрдой породы. Длина его 135 см, высота 33 см. Сохранился он в трёх обломках (частях). Где он первоначально находился трудно установить. Возможно, он входил в декоративное убранство (с учётом представленных на нём сюжетов) здания «Гулалла хьал» (в переводе с кубачинского – Дом молодых мужчин, парней). Здесь собирались члены кубачинского мужского союза «Гулалла акь букьун» – сообщества молодых неженатых мужчин, в состав которых входили члены дружины «батирте»². Как и здание дворцового типа «Хвала хьулбе» (Большие дома), где собирался «Чине» (Совет старейшин), дом «Гулалла хьал» был богато отделан рельефной фасадной каменной скульптурой

2. О кубачинских мужских союзах и батирте см.: [33, с. 147–186].

[26, с. 123–128].

На рассматриваемом рельефе изображены три относительно самостоятельных и в то же время взаимно связанных между собой сюжета [1, табл. 5, 6, 7].

1. На левой стороне рельефа находятся изображения двух конных всадников, скачущих навстречу друг другу.

2. В центре фризы представлена сцена единоборства двух мужчин.

3. На правой стороне рельефа расположена сцена стрельбы конного лучника в цель на скаку, полуобернувшегося назад. С левой стороны конного лучника изображён вертикально поставленный флаг с трезубчатым полотнищем. Ниже флага изображены круглый щит, колчан, налучье – вероятно, призы победителю.

А.С. Башкиров подробно анализирует представленные на рельефе сюжеты и приводит им слишком, на наш взгляд, широкие аналогии. К примеру, в качестве аналогии сюжету состязания конных всадников на кубачинском рельефе он приводит изображение скачущих всадников, воспроизведенные на рельефах Дмитриевского собора XII в. в г. Владимире, а также изображения конных святых воинов, высеченные на средневековых киевских рельефах [1, с. 25–26]. Однако рельефы скачущих всадников Дмитриевского собора отличаются от кубачинских и иконографически, и семантически: там изображены «святые воины (Фёдор, Тирон, Георгий и др.). Некоторые из них скачут, размахивая мечом, другие держат меч на плече. Многие же не имеют оружия» [21, с. 246–248, рис. 174–175]. На двух рельефах скачущих всадников южного фасада собора изображены князья Борис и Глеб [21, с. 246–248]. Но сцене с борцами Алексей Степанович верно приводит в качестве аналогии изображения борцов на тимпане двупроёмного окна XIV в. из сел. Кубачи [1, табл. 12–13], находившегося в то время в кладке стены западного фасада женской мечети («Хьунналла мишит») в нижнем квартале Кубачи, а ныне хранящемся в Дагестанском музее изобразительных искусств. В книге А.С. Башкирова «Искусство Дагестана: резные камни» представлены графические рисунки двух борцов и скачущих навстречу друг другу конных всадников [1, с. 14, рис. 1], заимствованные из «Атласа к путешествию Б.А. Дорна по Кавказу и южному побережью Каспийского моря» [34, табл. XIV, рис. 20, 25].

Статья А.С. Башкирова вызвала интерес исследователей к рельефу и представленным на нём сюжетам. Изучив его, Э.В. Кильчевская высказалась о возможной связи его сюжетов с сасанидскими наскальными рельефами III–IV вв. древнего Ирана (Накш-и Рустема), что на наш взгляд совершенно неубедительно и неприемлемо [23, с. 75, рис. 39].

Сюжеты трёх мужских состязаний рассматривал и этнограф М.А. Дибиров. В работе «Народные игры и спорт в Дагестане» он привлекает фризовые сюжеты кубачинского рельефа в качестве иллюстративного материала, показывающего развитие в эпоху Средневековья в Дагестане конноспортивных состязаний, единоборств и стрельбы из лука со скачущей лошади по цели, стоя в стременах и обернувшись назад [35, с. 45–66, 108–116].

Кратко описал рельеф и научный сотрудник отдела Востока Государственного Эр-

митажа А.А. Иванов [36, с. 122–123, илл. 94]. Он писал, что «этот один из знаменитых кубачинских рельефов привлёк внимание академика Б.А. Дорна ещё в 1861 г. во время его визита в селение [Кубачи]. На рельефе изображены военно-спортивные состязания» [36, с. 122–123].

Дальнейшее изучение сюжеты рельефа нашли в работе З.В. Доде [36, с. 66–71]. Рельеф этот автор отнесла к «монгольскому циклу кубачинских рельефов», а сюжеты рельефа интерпретировала как «сцены монгольского праздника Наадам», описанного в монголо-калмыцком эпосе «Джангар» [37, с. 66, 69].

Кубачинский рельеф с фризовой композицией трёх мужских состязаний подробно исследован и в специальной статье автора этих строк [38, с. 85–97]. В ней показана ошибочность толкования сюжетов З.В. Доде, которая, подгоняя изображения, воспроизведённые на рельефе, под содержание монголо-калмыцкого эпоса «Джангар» и утверждая, что на рельефе показаны эпизоды монгольского праздника «Наадам», описанного в «Джангаре», исказила смысловое значение сюжетов. В нашей статье сюжеты рельефа интерпретируются как изображения реально бытовавших в средние века в с. Кубачи военно-спортивных состязаний членов дружины батирте.

В работе А.С. Башкирова «Искусство Дагестана: резные камни» были тщательно описаны и систематизированы резные камни, выявленные автором в г. Дербенте, в селениях Кубачи, Калакорейш, Ицари, Амузги, Ругуджа, Чох, Хунзах, а также каменные рельефы из с. Кубачи, хранящиеся в Государственном Эрмитаже и Дагестанском Республиканском краеведческом музее (ныне Национальный музей Республики Дагестан им. А.А. Тахо-Годи). В этой же работе воспроизведены рисунки каменных рельефов из «Атласа к путешествию Б.А. Дорна по Кавказу и южному побережью Каспийского моря [34, табл. XIV–XVI]. В неё также включены памятники, которые были предварительно опубликованы самим А.С. Башкировым в его более ранней работе «Скульптурные памятники дагестанского аула Кубачи» [6, с. 58–69]. Характеризуя стиль и сюжеты средневековых резных камней, А.С. Башкиров прослеживает определённую общность их с памятниками Передней Азии и Средиземноморья. Однако в этой работе общая картина развития искусства Дагестана не обрисована. К тому же она содержит не совсем верные обобщения и выводы.

В кратком историко-этнографическом очерке «Дагестанское искусство», опубликованном в XX томе «Большой советской энциклопедии» [9 с. 166–170] освещается в основном средневековое искусство резьбы по камню и дереву. Они же рассмотрены исследователем в небольшом очерке «Резьба по камню и дереву в Дагестане» [8, с. 103–115]. Исходя из особенностей техники резьбы и трактовки изобразительных сюжетов, всё камнерезное искусство Дагестана он делит на две группы: на примитивную графику северных районов и пластическую резьбу южных. Причём последнюю А.С. Башкиров считает «достоянием инвентаря имущих классов», а «северная резьба примитивного рисунка» служила неимущим [8, с. 106–107]. Здесь же он отмечает связь орнаментики и техники резьбы по дереву с орнаментикой и резьбой по камню.

Резьбу по дереву в Дагестане он рассматривает как чисто орнаментальную и делит ее, как и резьбу по камню, на две разновидности: южную и северную, различающиеся, по мнению автора, по сюжету композиции и характеру орнаментальных мотивов. Для

южной резьбы по дереву А.С. Башкиров считает характерными «и геометрические, и растительные, и животные элементы орнаментики». В качестве образца он привлекает деревянные двери XII–XIII вв. калакорейшской мечети, а наиболее крупными очагами южной резьбы по дереву считает табасаранские селения Хурик, Ханак и Ругуч, обследованные им в 1927 г.

В заключение отметим, что несмотря на не всегда верные суждения об исследуемых произведениях средневекового искусства Дагестана, А.С. Башкиров в целом давал им высокую оценку, можно сказать, восхищался их высокими художественными качествами. Его труды отражали уровень развития дагестанского искусствознания того времени. Он положил начало истории искусства Дагестана, дал толчок дальнейшему изучению памятников дагестанского искусства. Дело его продолжили в последующем искусствоведы, историки, археологи, опираясь при этом на достигнутые Алексеем Степановичем успехи в искусствоведческих исследованиях и отталкиваясь от его трудов. Он побывал во многих дагестанских селениях (Кубачи, Амузги, Калакорейш, Ицари, Гонода, Тидиб, Корода, Ругуджа, Чох, Хунзах), в г. Дербенте, когда транспорт в республике не был развит и ему часто приходилось пешком добираться из селения в селение, чтобы исследовать памятники искусства.

А.С. Башкиров допускал в своих работах неточности (приводил не всегда убедительные аналогии) в интерпретации сюжетов и образов средневекового искусства Дагестана, сравнивая дагестанские произведения средневековой резьбы по камню и дереву с высокохудожественными произведениями Владимиро-Суздальской Руси, Западной Европы, стран Ближнего Востока. Но такие сравнения он делал, чтобы подчеркнуть высокие художественные качества произведений дагестанских мастеров резьбы по камню, дереву и др.

Неутомимый труженик проф. А.С. Башкиров относится к числу тех русских советских учёных, которые закладывали основы современной науки. Своим самоотверженным трудом, неиссякаемым энтузиазмом он внёс заметный вклад в изучение искусства дагестанских народов. Он был зачинателем дагестанского искусствознания. К его трудам обращаются и будут обращаться все те, кто посвятил себя изучению истории искусства и художественной культуры народов Дагестана.

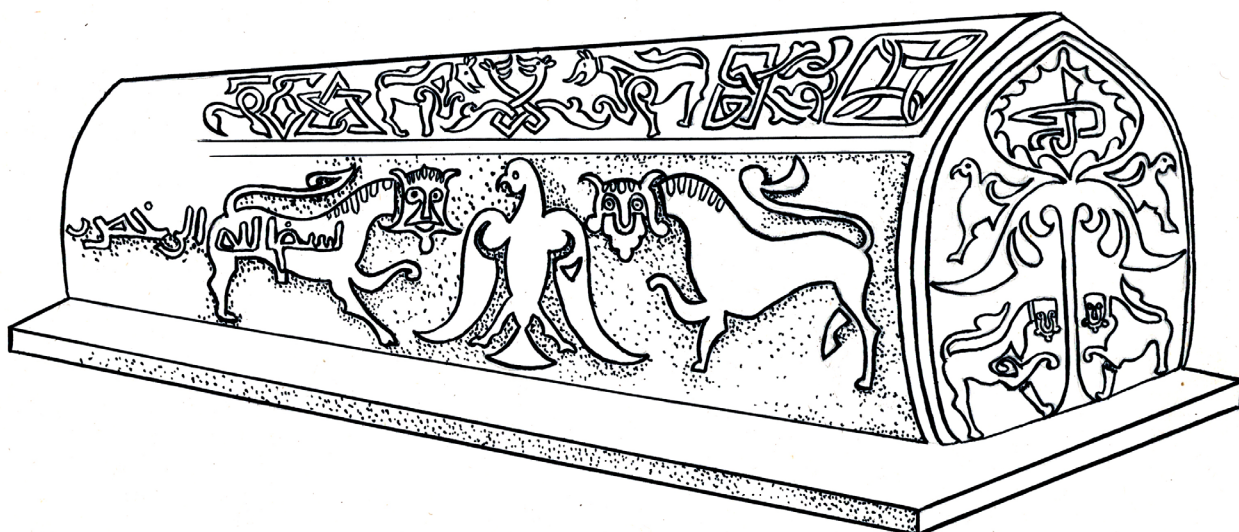

Рис. 2. Надгробие в виде каменного саркофага из сел. Калакорейш.
Общий вид. Длина 2 м, высота 0,58 м. XIII в.

Fig. 2. Tombstone in the form of a stone sarcophagus from the village of Kalakoreish.
General view. 2 m x 0.58 m. 13th century

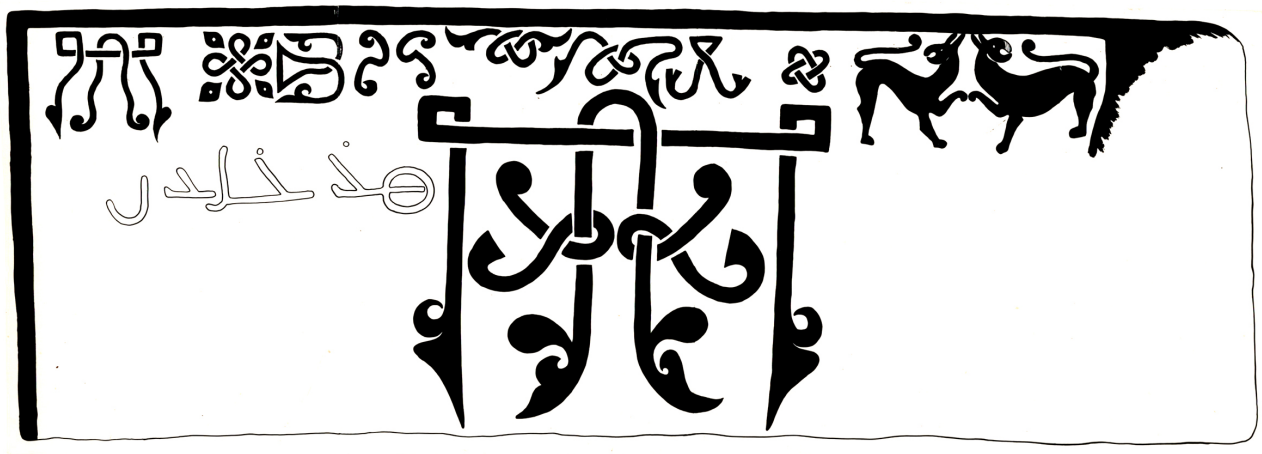

Рис. 3. Изображения, высеченные на северо-восточной стороне саркофага из сел. Калакорейш

Fig. 3. Images carved on the north-eastern side of the sarcophagus from the village of Kalakoreish

Рис. 4. Резные деревянные двери мечети в сел. Калакорейш. Восточная пара. XII–XIII в.
Национальный музей Республики Дагестан

Fig. 4. Carved wooden doors of the mosque in the village of Kalakoreish. Eastern pair. 12th–13th centuries.
National Museum of the Republic of Dagestan

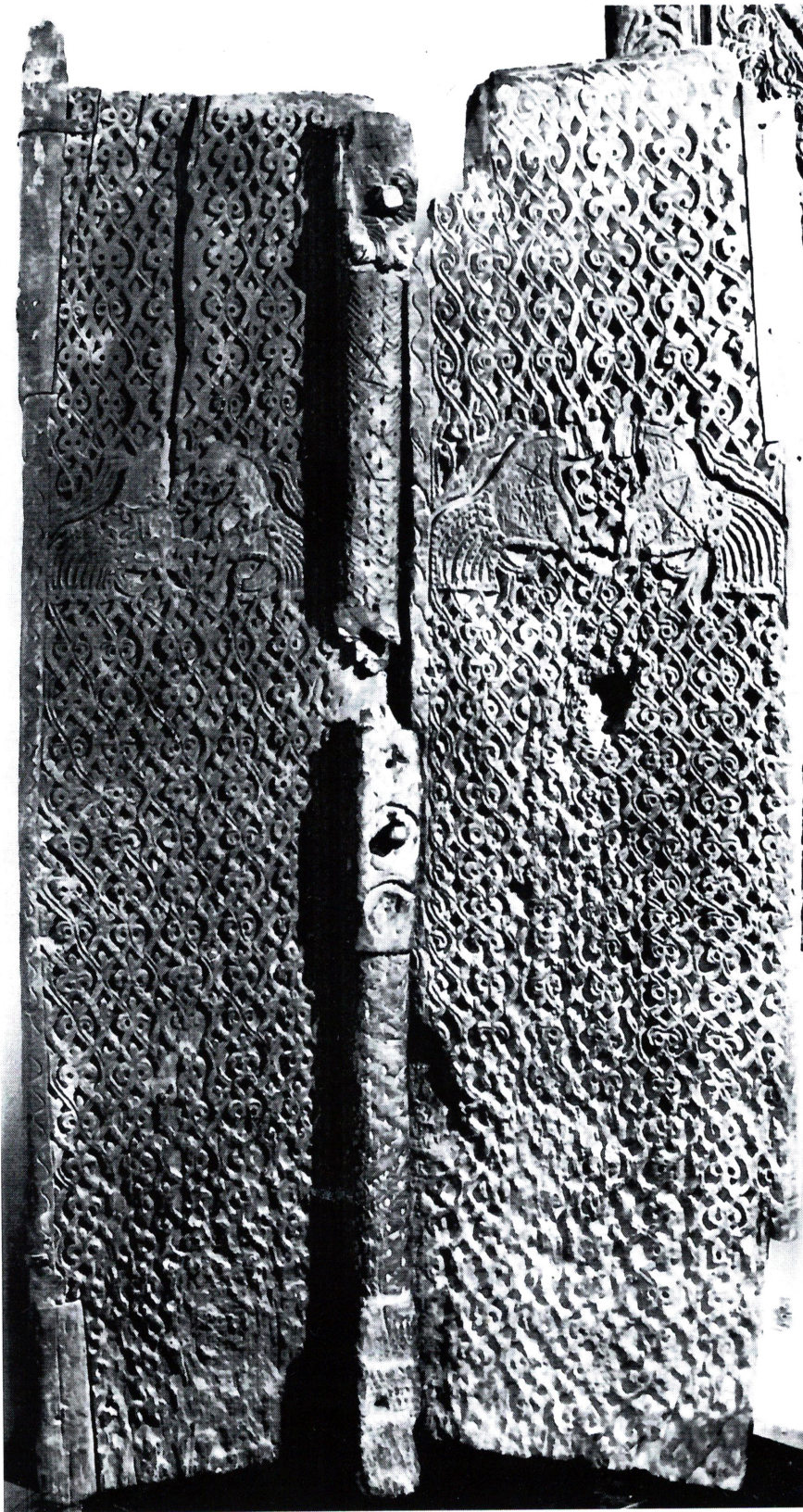

Рис. 5. Резные деревянные двери мечети в сел. Калакорейш. Западная пара XII–XIII вв.
Национальный музей Республики Дагестан

Fig. 5. Carved wooden doors of the mosque in the village of Kalakoreish. Western pair. 12th–13th
National Museum of the Republic of Dagestan

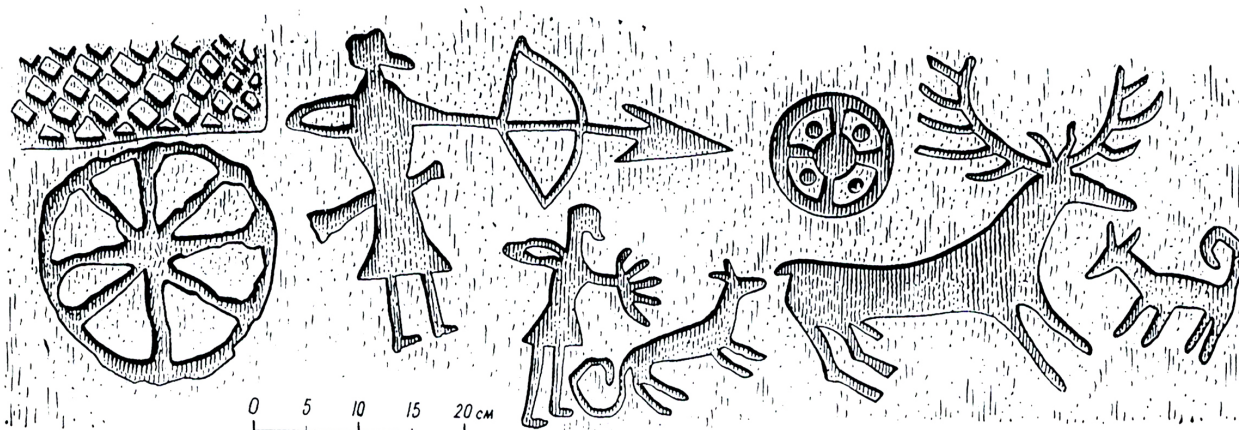

Рис. 6. Петроглиф со сценой охоты в кладке стены жилого дома в сел. Тидиб Шамильского района XVI в.

Fig. 6. Petroglyph with a hunting scene in the masonry of a wall of a residential building in the village of Tidib, Shamilsky region, 16th century

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Башкиров А.С. Искусство Дагестана: резные камни. М.: РАНИОН, 1931. – 118 с., 107 табл. илл.
2. Пятишева Н. А.С. Башкиров [некролог] // Советская археология. 1963. № 3. С. 316–317.
3. Башкиров А.С. Изучение памятников старины // ДС. Т. III. Махачкала, 1927. С. 233–240.
4. Башкиров А.С. Средневековый памятник дагестанского аула Калакорейш // Труды ОАИАИ РАНИОН. 1926. Вып. 1. С. 54–63. Табл. VII, 2–3, VIII.
5. Башкиров А.С. Деревянные двери дагестанского аула Калакорейш // Труды САИАИ РАНИОН. Вып. 2. М., 1928. С. 118–130. Табл. 10–12.
6. Башкиров А.С. Скульптурные памятники дагестанского аула Кубачи // Труды САИАИ РАНИОН. Вып. IV. М., 1928. С. 58–69.
7. Башкиров А.С. Петрография Аварии // Техника обработки камня и металла. Сб. статей. М.: РАНИОН, 1930. С. 123–133.
8. Башкиров А.С. Резьба по камню и дереву в Дагестане // Художественная культура Советского Востока. М.; Л.: Academia, 1931. С. 103–115.
9. Башкиров А.С. Дагестанское искусство // Большая советская энциклопедия. Издание 2-е. М.: Советская энциклопедия, 1930. С. 166–170.
10. Ватлин А.Ю., Канторович А.Р. Из истории отечественной археологической науки (несостоявшийся судебный процесс 1935 г.) // Российская археология. 2001. № 3. С. 123–131.
11. Тревер К.В. Олень с тоской во взоре и меланхолическая свинья (о книге А.С. Башкирова «Искусство Дагестана». М., 1931) // Известия ГАИМК, 1932. № 1-2. С. 27-37.
12. Zakharov A.A. Contributions to Caucasian Archaeology: A large barrow in Daghestan. // Eurasia Septentrionalis antiqua. Helsinki, 1930. Т. 5. P. 183–216

REFERENCES

1. Bashkirov AS. *Art of Dagestan: carved stones*. Moscow: RANION, 1931. (In Russ.)
2. Pyatisheva N. A.S. Bashkirov [obituary]. *Soviet archeology*. 1963, 3: 316-317. (In Russ.)
3. Bashkirov AS. Study of ancient monuments. *DS*. Vol. III. Makhachkala, 1927: 233-240. (In Russ.)
4. Bashkirov AS. Medieval monument of the Dagestan village of Kalakoreish. *Proceedings of SAIAI RANION*. 1926, 1: 54-63. Table VII, 2-3, VIII. (In Russ.)
5. Bashkirov AS. Wooden doors of the Dagestan village of Kalakoreish. *Proceedings of SAIAI RANION*. Vol. 2. Moscow, 1928: 118–130, Tables 10-12. (In Russ.)
6. Bashkirov AS. Sculptural monuments of the Dagestan village of Kubachi. *Proceedings of SAIAI RANION*. Vol. IV. Moscow, 1928: 58-69. (In Russ.)
7. Bashkirov AS. Petrographics of Avaria. *Technology of stone and metal processing*. Collected articles. Moscow: RANION, 1930: 123-133. (In Russ.)
8. Bashkirov AS. Stone and wood carving of Dagestan. *Artistic culture of the Soviet East*. Moscow; Leningrad: Academia, 1931: 103-115. (In Russ.)
9. Bashkirov AS. Dagestan art. *Great Soviet Encyclopedia*. 2nd ed. Moscow: Sovetskaya Encyclopedia, 1930: 166-170. (In Russ.)
10. Vatlin AYU., Kantorovich AR. From the history of Russian archaeological science (failed trial of 1935). *Rossiyskaya arheologiya*. 2001, 3: 123-131. (In Russ.)
11. Trever KV. A deer with longing in his gaze and a melancholic pig (about the book by A.S. Bashkirov "The Art of Dagestan". Moscow, 1931). *News of the State Historical and Cultural Museum*. 1932, 1-2: 27-37. (In Russ.)
12. Zakharov AA. Contributions to Caucasian Archaeology: A large barrow in Daghestan. *Eurasia Septentrionalis antiqua*. Helsinki, 1930. Vol. 5 :183-216
13. Zakharov AA. Materials for the Archaeology of the Caucasus. Anthropomorphic bronze statuettes. *Swiatowit*. Vol. XV, 1932/33. Warszawa, 1933: 65-115.

13. Zakharov A.A. Materials for the Archaeology of the Caucasus. Anthropomorphic bronze statuettes // Swiatowit. T. XV, 1932/33. Warszawa, 1933. P. 65–115.
14. Абрамова М.П. Большой Буйнакский курган // Археологические памятники раннесредневекового Дагестана. Сб. статей. Махачкала, 1977. С. 54–73.
15. Абрамова М.П. Буйнакский курган // Древние и средневековые археологические памятники Дагестана. Сборник статей. Махачкала, 1980. С. 115–143.
16. Марковин В.И. Культовая пластика Кавказа // Новое в археологии Северного Кавказа. Сб. статей. М.: Наука, 1986. С. 74–124.
17. Маммаев М.М. Декоративно-прикладное искусство Дагестана. Истоки и становление. Махачкала: Дагкнигоиздат, 1989. – 348с., 237 илл.
18. Давудов О.М. Антропоморфная пластика Северо-Восточного Кавказа. Махачкала: Алеф, 2016. – 157 с.
19. Брилёва О.А. Древняя бронзовая антропоморфная пластика Кавказа. XV в. до н.э.– X в. н.э. М.: Таус, 2012. – 424 с.
20. Художественная культура Советского Востока. Сб. статей / Под общей редакцией И. Бороздина. М.; Л.: Academia, 1931. – 115 с.
21. Вагнер Г.К. Скульптура Древней Руси. XII век. Владимир. Боголюбиво. М.: Искусство, 1969. – 480с.
22. Кильчевская Э.В. Декоративное искусство аула Кубачи. М.: Госиздат местной промышленности и художественных промыслов РСФСР, 1962. – 82с. XVI. табл. илл.
23. Кильчевская Э.В. От изобразительности к орнаменту. М.: Наука, 1968. – 208 с.
24. Лавров Л.И. Эпиграфические памятники Северного Кавказа на арабском, персидском и турецком языках. Часть первая. Надписи X–XVII вв. Тексты, переводы, коммент., введ. и приложения. М.: Наука, 1966. – 300с.
25. Шихсаидов А.Р. Новые эпиграфические памятники Дагестана // Вопросы истории Дагестана. Вып. 1. Махачкала: Издание Дагфилиала АН СССР, 1974. С. 124–132.
26. Маммаев М.М. Искусство Зирихгерана-Кубачи XIII–XV вв. и его место в системе художественных культур Востока и Запада. Махачкала: Зпоха, 2014. -592с., 307 илл.
27. Дебилов П.М. Резьба по камню в Дагестане. М.: Наука, 1966. – 208с.
28. Магомедов М.Г., Шахсаидов А.Р. Калакорейш (крепость курейшитов). Махачкала: Изд-во «Юпитер», 2000. – 168 с.
29. Дебилов П.М. Резьба по дереву в Дагестане. М.: Наука, 1982. – 240с., 345 илл.
30. Атаев Д.М., Марковин В.И. Петрография горной Аварии // УЗ ИИЯЛ ДагФАН СССР. Т. XIV. Махачкала, 1965. С. 342–372.
31. Мовчан Г.Я. Старый аварский дом в горах Дагестана и его судьба. По материалам авторских обследований 1945–1964 гг. М.: ДМК пресс, 2001. – 526 с.
32. Хан-Магомедов С.О. Дагестанские лабиринты. К проблеме автохтонности и типологии. М.: Изд-во «Ладья», 2000. – 266с.
33. Abramova M.P. Large Buynaksky Kurgan. *Archaeological monuments of early medieval Dagestan*. Collected articles. Makhachkala, 1977: 54–73. (In Russ.)
34. Abramova M.P. Buynaksky Kurgan. *Ancient and medieval archaeological monuments of Dagestan*. Collected articles. Makhachkala, 1980: 115–143. (In Russ.)
35. Markovin V.I. Cult plastic art of the Caucasus. *New in the archeology of the North Caucasus*. Collected articles. Moscow: Nauka, 1986: 74–124. (In Russ.)
36. Mammaev M.M. *Decorative and applied arts of Dagestan. Origins and formation*. Makhachkala: Dagkniгоizdat, 1989. (In Russ.)
37. Davudov O.M. *Anthropomorphic plastic art of the North-Eastern Caucasus*. Makhachkala: Aleph, 2016. (In Russ.)
38. Brileva O.A. *Ancient bronze anthropomorphic sculpture of the Caucasus. 15th century BC – 10th century AD*. Moscow: Taus, 2012. (In Russ.)
39. *Artistic culture of the Soviet East. Collected articles*. I. Borozdin (ed.). Moscow; Leningrad: Academia, 1931. (In Russ.)
40. Wagner G.K. *Sculpture of Ancient Rus'. 12th century. Vladimir. Bogolyubovo*. Moscow: Iskusstvo, 1969. (In Russ.)
41. Kilchevskaya E.V. *Decorative art of the village of Kubachi*. Moscow: State Publishing House of Local Industry and Arts of the RSFSR, 1962. (In Russ.)
42. Kilchevskaya E.V. *From pictorialism to ornament*. Moscow: Nauka, 1968. (In Russ.)
43. Lavrov L.I. Epigraphic monuments of the North Caucasus in Arabic, Persian and Turkish. Part I. Inscriptions of the X–XVII centuries. Texts, translations, commentary, introduction and appendix. Moscow: Nauka, 1966. (In Russ.)
44. Shikhsaidov A.R. New epigraphic monuments of Dagestan. *Questions of the history of Dagestan*. Vol. 1. Makhachkala: USSR Academy of Sciences Publ., 1974: 124–132. (In Russ.)
45. Mammaev M.M. *Art of Zirikhgeran-Kubachi XIII–XV centuries and its place in the system of artistic cultures of East and West*. Makhachkala: Epokha, 2014. (In Russ.)
46. Debirov P.M. *Stone carving in Dagestan*. Moscow: Nauka, 1966. (In Russ.)
47. Magomedov M.G., Shikhsaidov A.R. *Kalakoreish (The fortress of quraysheits)*. Makhachkala: Yupiter, 2000. (In Russ.)
48. Debirov P.M. *Wood carving in Dagestan*. Moscow: Nauka, 1982. (In Russ.)
49. Ataev D.M., Markovin V.I. *Petrography of the Mountainous Avaria*. UZ IYAL DagFAN USSR. Vol. XIV. Makhachkala, 1965: 342–372. (In Russ.)
50. Movchan G.Ya. *An old Avar house in the mountains of Dagestan and its fate. Based on materials from the author's surveys of 1945–1964*. Moscow: DMK press, 2001. (In Russ.)
51. Khan-Magomedov S.O. *Dagestan labyrinths. On the problem of autochthony and typology*. Moscow: Ladya Publ., 2000. (In Russ.)
52. Shilling E.M. *Kubachi people and their culture. Historical and ethnographic studies*. Moscow; Leningrad: USSR Academy of Sciences, 1949. (In Russ.)
53. *Atlas for the journey of B.A. Dorn along the Caucasus and the southern coast of the Caspian Sea*. Saint Pe-

33. Шиллинг Е.М. Кубачинцы и их культура. Историко-этнографические этюды. М.; Л.: Изд. АН СССР, 1949. – 224с.

34. Атлас к путешествию Б.А. Дорна по Кавказу и южному побережью Каспийского моря. СПб.: Изд. Русск. Археологического общества с предисл. В. Розена, 1895. – 9с., 26 л. табл.

35. Дибиров М.А. Народные игры и спорт в Дагестане. Махачкала: Дагучпедгиз. 1968. – 160с.

36. Иванов А.А. Культура Кубачи // Во дворцах и в шатрах исламский мир от Китая до Европы. Каталог выставки. Государственный Эрмитаж. Л.: С.-Петербург, 2008. – 432 с.

37. Додэ З.В. Кубачинские рельефы. Новый взгляд на древние камни // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Вып. 10. М.: Памятники исторической мысли; Ставрополь: ГУП «Наследие», 2010. – 248с.

38. Маммаев М.М. Каменный рельеф XV в. из с. Кубачи с фризовой композицией трёх мужских состязаний. История изучения и интерпретация сюжетов // Вестник Института истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН. 2013. № 3. С. 85–97.

tersburg: Russian Archaeological Society with a foreword by V. Rosen, 1895. (In Russ.)

35. Dibirov MA. *Folk games and sports in Dagestan*. Makhachkala: Daguchpedgiz, 1968. (In Russ.)

36. Ivanov AA. Kubachi culture. *In palaces and tents, the Islamic world from China to Europe. Exhibition catalogue*. State Hermitage Museum. Saint-Petersburg, 2008. (In Russ.)

37. Dode ZV. Kubachi reliefs. A new look at ancient stones. *Materials on the study of the historical and cultural heritage of the North Caucasus*. Vol. 10. Moscow: Monuments of historical thought; Stavropol: State Unitary Enterprise “Nasledie”, 2010. (In Russ.)

38. Mammaev MM. Stone relief from the 15th century from the village Kubachi with a frieze composition of three men’s competitions. History of study and interpretation of plots. *Bulletin of the Institute of History, Archeology and Ethnography*. 2013, 3: 85-97. (In Russ.)

Поступила в редакцию 21.02.2023 г.

Принята в печать 13.03.2023 г.

Опубликована 15.09.2023 г.

Received 21.02.2023

Accepted 13.03.2023

Published 15.09.2023

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH193776-794>

Исследовательская статья

Хомутова Татьяна Эдуардовна,
кандидат биологических наук, ведущий научный сотрудник,
Институт физико-химических и биологических проблем почвоведения
Пушкинский научный центр биологических исследований РАН, Пушкино, Россия
khomutova-t@rambler.ru

Чернышева Елена Владиславовна,
кандидат биологических наук, старший научный сотрудник,
Институт физико-химических и биологических проблем почвоведения
Пушкинский научный центр биологических исследований РАН, Пушкино, Россия
chernysheva1988@gmail.com

Потапова Анастасия Владимировна,
магистр биологических наук, младший научный сотрудник,
Институт физико-химических и биологических проблем почвоведения
Пушкинский научный центр биологических исследований РАН, Пушкино, Россия
anastassia4272@gmail.com

Ельцов Максим Витальевич,
кандидат биологических наук, старший научный сотрудник,
Институт физико-химических и биологических проблем почвоведения
Пушкинский научный центр биологических исследований РАН, Пушкино, Россия
m.v.eltsov@gmail.com

Пинской Виктор Николаевич,
аспирант, младший научный сотрудник,
Институт физико-химических и биологических проблем почвоведения
Пушкинский научный центр биологических исследований РАН, Пушкино, Россия
pinskoy@inbox.ru

Амирян Мариам Арменовна,
аспирант, младший научный сотрудник,
Институт археологии и этнографии
Национальная академия наук Республики Армения, Ереван, Армения
amiryanm@yandex.ru

Для цитирования: Хомутова Т.Э., Чернышева Е.В., Потапова А.В., Ельцов М.В., Пинской В.Н., Амирян М.А. Почвенно-археологическое исследование раннебронзового поселения Артаниш-9 (Республика Армения) // История, археология и этнография Кавказа. 2023. Т. 19. № 3. С. 776-794. doi.org/10.32653/CH193776-794

ПОЧВЕННО-АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ РАННЕБРОНЗОВОГО ПОСЕЛЕНИЯ АРТАНИШ-9 (РЕСПУБЛИКА АРМЕНИЯ)

Аннотация. В статье представлены результаты комплексных почвенно-археологических исследований поселения раннего бронзового века кура-араксской культуры Артаниш-9, расположенного на берегу озера Севан (Республика Армения). Исследован культурный слой внутри жилой постройки и в межжилищном пространстве. Проведен микроэлементный анализ культурного слоя. Для оценки интенсивности преобразования исходной почвы в результате жизнедеятельности древнего населения предложены коэффициенты «антропогенного привноса», которые отражают интенсивность поступления в почву материала антропогенной природы и рассчитываются как отношение содержания фосфора и серы как основных биогенных элементов к сумме содержания кремния и алюминия как основных литогенных элементов (соответственно, $P/(Si+Al)$, $S/(Si+Al)$). Локализован участок металлургического производства, что подтверждается найденными бронзовыми изделиями, тиглями и литейными формами. Культурный слой в этой локации характеризуется аномально высоким содержанием серы, что можно связывать с поступлением в почву гипса, который использовался при создании литейных форм. Согласно результатам химических анализов, культурный слой памятника преимущественно представлен глинистым материалом, что свидетельствует о наличии глинобитных стен и глиняной вымостки пола. Глина, используемая при строительстве, и глина в непосредственной близости от памятника абсолютно однотипны, что указывает на использование местного сырья. Выявлены участки культурного слоя с повышенной ферментативной активностью, что свидетельствует о поступлении в почву больших объемов органического материала антропогенной природы. Такие участки, предположительно, соответствуют местам накопления бытового мусора, что подтверждается высокой концентрацией артефактов и костей животных.

Ключевые слова: ранний бронзовый век; поселение; почвенно-биологические исследования; микроэлементы; хозяйственная деятельность; металлургия

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH193776-794>

Research paper

Tatiana E. Khomutova,
Cand. Sci. (Biology), Leading Researcher
Institute of Physico-Chemical and Biological Problems of Soil Science
Pushchino Scientific Center for Biological Research of the RAS, Pushchino, Russia
khomutova-t@rambler.ru

Elena V. Chernysheva,
Cand. Sci. (Biology), Senior Researcher
Institute of Physico-Chemical and Biological Problems of Soil Science
Pushchino Scientific Center for Biological Research of the RAS, Pushchino, Russia
chernysheva1988@gmail.com

Anastassiya V. Potapova,
MBiol, Junior Researcher
Institute of Physico-Chemical and Biological Problems of Soil Science
Pushchino Scientific Center for Biological Research of the RAS, Pushchino, Russia
anastassia4272@gmail.com

Maxim V. Yeltsov,
Cand. Sci. (Biology) Senior Researcher,
Institute of Physico-Chemical and Biological Problems of Soil Science,
Pushchino Scientific Center for Biological Research of the RAS, Pushchino, Russia
m.v.eltsov@gmail.com

Viktor N. Pinskyoy,
Postgraduate student, Junior Researcher,
Institute of Physico-Chemical and Biological Problems of Soil Science,
Pushchino Scientific Center for Biological Research of the RAS, Pushchino, Russia
pinskyoy@inbox.ru

Mariam A. Amiryan,
Postgraduate student, Junior Researcher,
Institute of Archeology and Ethnography of the NASRA, Yerevan, Armenia
amiryanm@ymail.com

For citation: Khomutova T.E., Chernysheva E.V., Potapova A.V., Yeltsov M.V., Pinskyoy V.N., Amiryan M.A. Soil-Archaeological Studies of the Early Bronze Age Settlement Artanish-9 (Republic of Armenia). *History, Archeology and Ethnography of the Caucasus*. 2023. Vol. 19. N.3. P. 776-794. doi: [org/10.32653/CH193776-794](https://doi.org/10.32653/CH193776-794)

SOIL-ARCHAEOLOGICAL STUDIES OF THE EARLY BRONZE AGE SETTLEMENT ARTANISH-9 (REPUBLIC OF ARMENIA)

Abstract. The paper presents the findings of comprehensive soil-archaeological investigations conducted at the Early Bronze Age settlement of Artanish-9, which belongs to the Kura-Araxes culture and is situated on the shores of Lake Sevan in the Republic of Armenia. The study encompasses an examination of the cultural layer both within residential structures and in the inter-residential spaces. Additionally, a microelement analysis of the cultural layer was undertaken.

To evaluate the extent of soil transformation resulting from the ancient population's activities, we propose "anthropogenic input" coefficients. These coefficients gauge the intensity of anthropogenic material introduced into the soil and are computed as the ratio of phosphorus and sulfur (the primary biogenic elements) to the combined content of silicon and aluminum (the primary lithogenic elements) – specifically, $P/(Si+Al)$ and $S/(Si+Al)$. Within the settlement, we have identified an area associated with metallurgical production, substantiated by the discovery of bronze artifacts, crucibles, and foundry molds. Notably, this location's cultural layer exhibits an unusually high sulfur content, likely attributed to the introduction of gypsum into the soil, a material frequently employed in the creation of foundry molds.

Chemical analyses of the site reveal that the cultural layer predominantly consists of clay, indicating the use of adobe walls and a clay-paved floor. The clay used in construction matches precisely with the clay found in the immediate vicinity of the site, signifying the utilization of locally sourced raw materials. Furthermore, areas within the cultural layer exhibiting heightened enzymatic activity suggest the deposition of substantial amounts of anthropogenic organic materials into the soil. These areas likely correspond to spaces where household waste accumulated, a hypothesis substantiated by the elevated concentration of artifacts and animal bones in these zones.

Keywords: early Bronze Age; settlement; joined historical-archaeological and soil-biological research; microelements; economic activity; metallurgy

Введение

Территория Республики Армения чрезвычайно богата доисторическими археологическими памятниками [1; 2]. Среди других регионов особенно выделяются окрестности озера Севан, на берегах которого находятся многочисленные памятники II–I тыс. до н.э. (средний бронзо-железный век) [3]. К примеру, на южном побережье находится эталонный памятник для изучения позднего бронзового века Южного Кавказа – Лчашен [4]. Восточное побережье изучено меньше [5; 6; 3], и только последние десять лет здесь проводятся активные работы, которые выявили большое количество памятников раннего бронзового века (середина IV тыс. – середина III тыс. до н. э.) [7–9] (рис. 1).

Эпоха ранней бронзы в Армении представлена однородной куро-араксской культурой, которая распространилась от Северо-Восточного Кавказа до горных хребтов Тавра и Загроса, охватив все Армянское нагорье. В настоящее время куро-араксская культура делится на два периода: Кур-аракс I (3500–2900 гг. до н.э.) и Кур-аракс II (2900–2500 гг. до н.э.). Первый представлен достаточно однородным керамическим комплексом, распространенным почти по всему Армянскому нагорью, а второй – локальными группами на первоначальной территории, а затем и за ее пределами [10]. Особыми чертами этой археологической культуры являются круглые жилища, построенные из сырцового кирпича; переносные и стационарные очаги, часто антропоморфные или зооморфные по стилю; широкий ассортимент чернолощеной керамики (с красно-оранжевой прокладкой) ручной работы, иногда со сложным орнаментом; костяные, обсидиановые, каменные, кремневые типичные орудия труда; глиняные стандартные фигурки быка и овцы; простой набор металлических предметов в основном из мышьяковистой бронзы [11]. В литературе принято считать, что в эту эпоху Армянское нагорье было заселено обществами с комплексной экономикой, хозяйственная модель которых включала земледелие, скотоводство, металлургию и торговлю. В это же время появляются первые ранние города [12].

В этом контексте раскопки памятника Артаниш-9¹ проливают новый свет на представления о раннебронзовом веке не только в бассейне Севан, но и на Южном Кавказе в целом [13]. Здесь же впервые археологические исследования были сопряжены с почвенно-археологическим анализом [14; 15]. Связующим звеном в этом выступает почва и ее «память» [16], т.е. способность почвы изменять свои свойства в результате антропогенного воздействия в прошлом и сохранять эти изменения до настоящего времени. Это касается, в частности, ее химического состава.

Несмотря на сложности интерпретаций полученных данных – сравнения химического состава культурных слоев с таковым локального фона, учета химических преобразований в связи с климатическими особенностями региона и пр., этот подход успешно используется в почвенно-археологических исследованиях [17–19]. Накопление различных макро- и микроэлементов в культурных слоях происходит в результате бытовой и производственной деятельности человека и позволяет выявлять назначение построек, характер деятельности и ее интенсивность внутри и вокруг археологических структур, места содержания животных, пределы сельскохозяйственных угодий и пр. [20–22].

Общепризнанным индикатором является такой химический элемент как фосфор, его содержание в почве используется при археологической разведке и определении границ поселений. Также выявлена группа химических элементов, накопление которых в культурных слоях характерно для многих археологических памятников. Так, маркерами антропогенного следа являются из макроэлементов – P, Ca, Mg и K, из микроэлементов – Cu, Zn и Sr, селитебные пространства характеризуются накоплением основных биогенных элементов – P, K, S, Zn и Cu, накопление серы связано с разложением органических материалов [19–22]. Однако признается, что при мультиэлементном анализе наряду с абсолютным содержанием химических элементов важным является их соотношение и корреляционные связи, а также соотнесение химических данных с археологическими контекстами [22; 23]. Для дифференциации отдельных пространств в пределах памятника интерпретация соотношений содержания различных химических элементов становится более сложной и зависит от конкретных объектов исследования и региональных почвенно-климатических условий. Повышенное содержание Ca, Mg, K служит показателем отложений золы и костных остатков, мест очагов, но также может указывать на использование штукатурки в строениях [21; 24], накопление Zn, Cu и Sr связано с жизнедеятельностью человека, присутствием животных и местами захоронений [18; 22], аномально высокое содержание Zn и Cu может указывать на производство металлических изделий [20; 24; 25]. Накопление Zn, Ba, Ca и Sr или K, Mg и Ca связано со сжиганием древесного угля [17], накопление Ba, P и Mn или P, K и Mg – с бытовыми отходами, а также с местами очагов [23]. Места обработки рыбы отличаются повышенным содержанием разных элементов, включая Na, Mg, P, K и Mn, при этом соотношения Ba/Sr Ba/Ca и Sr/Ca выделяют эти локации [23]. Для глинистых почв соотношение содержания одного из литогенных элементов (Al) и ряда биогенных макро- и микроэлементов оказалось полезным для выявления планировки конструкций [20].

Одной из сторон почвенной «памяти» является также ее биологическая составляющая [26], т.е. свойства и параметры почвенной микробиоты, в частности почвенных микробных сообществ, которые являются неотъемлемой составляющей любой почвы или грунта. Археологические объекты – поселения, погребения и др. являются экологическими нишами [27], заселенные микробными сообществами, которые в процессе жизнедеятельности выделяют в окружающую среду разнообразные ферменты, разлагающие органическое вещество, поступающее в почву/культурные слои во время функционирования памятника. Даже в случае частичного отмирания микробных сообществ, следы этой деятельности фиксируются в сорбированном в почве ферментном (энзиматическом) пуле [28; 29].

Целью настоящей работы была реконструкция особенностей антропогенной деятельности на разных участках поселения Артаниш-9 с использованием историко-археологических, геохимических и энзиматических методов.

Описание ключевого участка

Ключевой участок Артаниш-9 находится на полуострове Артаниш, расположенном на северо-восточном побережье оз. Севан (около 2000 м над уровнем моря).

Территория в природном отношении относится к сухостепной природной зоне с развитыми здесь каштановыми почвами. Среднегодовая температура участка равна 6° С, среднегодовое количество осадков составляет 350 мм.

Поселение раннего бронзового века Артаниш-9 расположено на плоском скальном останце высотой около 10 м и размером более чем 1 га. Абсолютная высота составляет 1950 м. Памятник представляет собой поселение раннего бронзового века и датируется 28–26 вв. до н.э. Поселение изучается с 2019 г. по настоящее время [9].

В почвенном покрове преобладают темногумусовые карбонатные средне-тяжелосуглинистые почвы разной степени смытости. Почвообразующие породы представлены элюво-делювием глин и песчаников.

Почвенно-археологические исследования, результаты которых представлены в данной работе, были проведены в северо-западной части поселения (раскоп «А», рис. 2). При раскопках здесь зафиксированы три сооружения (Структуры 5, 8 и 10). Образцы были отобраны внутри и вокруг Структуры 8. Это жилище в плане круглой формы, в центре которого располагался глиняный очаг. Пол глинобитный. Стены были глинобитные с каменными элементами, после забрасывания поселения они рухнули внутрь строения.

Культурный слой памятника весьма неоднородный. В пределах раскопа А можно выделить два основных типа культурного слоя. В районе развалов стен и внутри постройки культурный слой представлен довольно однородным светло-серым с желтоватым оттенком средним суглинком непрочной комковато-глыбистой структуры (Слой 1а). Этот участок, по сравнению с культурным слоем за пределами постройки, характеризуется низкой встречаемостью артефактов.

Культурный слой между постройками легкосуглинистый, серый, пылеватый, бесструктурный, отличается обилием артефактов (Слой 1). Такого рода морфологические свойства указывают на большую долю органического материала, который участвовал в формировании культурного слоя.

Образцы были взяты с глубины 70–80 см от нулевого репера в разных участках раскопа (образцы 1-1 – 1-6). Предположительно, этот уровень соответствует периоду финала существования памятника. Также отбирались образцы из построек на этой же глубине (образцы 1-7, 1-8). Отдельно приводился отбор грунта из стенок раскопа на глубине 30–40 см от нулевого репера (образцы 2-1 – 2-6). Этот уровень соответствует периоду разрушения и археологизации памятника.

Фоновым материалом послужили образцы почвообразующей породы на участке без следов антропогенного воздействия в 50 м к югу от раскопа, а также образцы почв со склонов южной и северной экспозиции горы Артаниш на высоте, близкой к положению поселения.

Методы

В отобранных почвенно-грунтовых образцах раскопа А поселения Артаниш-9 определяли валовое содержание химических элементов с помощью рентген-флу-

оресцентной спектроскопии (МАКС-GV, Центр коллективного пользования ИФ-ХиБПП РАН). При анализе данных рентген-флуоресцентного анализа нами были впервые разработаны и применены коэффициенты «антропогенного привноса», показывающие насколько сильно был преобразован культурный слой в результате антропогенного воздействия в прошлом по сравнению с исходной почвой. Коэффициенты антропогенного привноса характеризуются как отношение содержания фосфора и серы (основных биогенных элементов) к сумме содержания кремния и алюминия как основных литогенных элементов (соответственно, $P/(Si+Al)$, $S/(Si+Al)$, %). Чем интенсивнее в почву поселения поступали бытовые отходы, мусор, остатки пищи, экскременты и другие богатые фосфором и серой органические субстраты, тем выше коэффициент антропогенного привноса. При этом могло происходить одновременное поступление минерального материала (материковая глина, почва), но этот факт не оказывал заметного влияния на величину коэффициентов антропогенного привноса, так как содержание литогенных элементов в этом случае не будет существенно варьироваться.

Помимо рентген-флуоресцентного анализа содержание фосфатов определяли также методом Сандерса-Вильямса [30], позволяющим оценить не только его валовую величину ($P_{\text{вал}}$), но и отдельно минеральные ($P_{\text{мин}}$) и органические формы ($P_{\text{орг}}$). Метод включает два этапа, на первом из которых определяется содержание минеральных фосфатов ($P_{\text{мин}}$) после их экстракции из почвы 0.2 н серной кислотой и цветной реакции, дающей количественную оценку содержания фосфора. На втором этапе определяется содержание валового фосфора ($P_{\text{вал}}$): почвенные образцы прокаливаются в течение 3 часов при 525°C, в результате чего органические соединения фосфора переходят в растворимое состояние и затем наряду с минеральными формами экстрагируются 0.2 н серной кислотой, как описано ранее. Разница между величинами валового ($P_{\text{вал}}$) и минерального фосфора ($P_{\text{мин}}$) дает величину органического фосфора ($P_{\text{орг}}$) [31]. Источником минеральных фосфатов является зола и кости; источником органического фосфора являются растительные материалы, остатки пищи, экскременты скота и человека.

В работе использованы методы ферментного анализа. Мы исходили из предположения, что любой органический субстрат антропогенной природы, неспецифический для почвы, попадая в почву вызывает увеличение продуцирования почвенными микроорганизмами ферментов, участвующих в его разложении. В результате в почве может происходить накопление фермента, который образует сложные органоминеральные комплексы с минеральной частью почвы и может сохраняться до настоящего времени. Соответственно, чем выше активность фермента в почве, тем больше в почву поступало органических материалов, в разложении которых эти ферменты участвовали. Ферментативную активность в образцах определяли микропланшетным методом с использованием хромогенно меченного субстрата на основе п-нитрофенола (4-НФ) [32; 33]. Определяли активность двух фосфатаз – кислой (КФ) и щелочной (ЩФ), проявляющих активность в кислой и щелочной области pH, соответственно. Фосфатазы относятся к группе ферментов, участвующих в микробном разложении широкого спектра органических соединений растительного и животного происхождения, содержащих фосфор [34]. Полученные данные обрабатывали статистически с использованием программ Excel и Statistica.

Результаты и обсуждение

Анализ химического состава образцов поселения Артаниш-9 на раскопе А показал значительное варьирование содержания таких биогенных элементов как фосфор (коэффициент вариации здесь и далее, CV 85%) и цинк (CV 145%), а также серы (CV 229%), меди (CV 55%) и бария (CV 46%). Превышение коэффициентом вариации 33% на раскопе указывает на различную степень вовлеченности отдельных локаций поселения в хозяйственную деятельность в период функционирования памятника. Содержание фосфора как общепризнанного маркера антропогенной деятельности, соотношение его органических и минеральных форм, а также коэффициенты антропогенного привноса фосфора, рассчитанные как отношение содержания фосфора к сумме содержания кремния и алюминия как основных литогенных элементов, представлены на рис. 3 и в табл. 1.

Высоким содержанием фосфора (10–18 г/кг) и высокими коэффициентами антропогенного привноса (5–7%) отличались три образца, локализованные вдоль западной части Структуры 8: образцы 1-1, 1-3 и образец 1-7, взятый из расположенной рядом стенки и представляющий собой светлый сероватый легкий суглинок (Слой 1, коэффициент привноса 10%), а также образец 2-1 в северной части той же структуры, между тремя сооружениями (коэффициент привноса 6%).

Таблица 1. Археологические находки, коэффициенты антропогенного привноса фосфора, а также соотношение органических и минеральных форм фосфора (%)

Table 1. Archaeological findings, coefficients of anthropogenic input of the phosphorus and ratios of organic and mineral phosphorus (%)

	Образец	P/(Si+Al), %	$\frac{P_{\text{орг}}}{P_{\text{мин}}}$, %	керамика, шт.	кости, шт.	индивидуальные находки
Слой 1	1-1	5.0	23 / 77	550	90	2 обломка глиняного очага; 1 обсидиановое орудие; 1 каменное орудие; 2 бусины 1 литейная форма
	1-2	4.2	7 / 93			
	1-3	7.2	32 / 68			
	1-7	10.1	16 / 84			
	2-1	6.1	29 / 71	230	100	1 обсидиановое орудие; 1 лезвие серпа; 1 обломок глиняного очага

Слой 1 а	1-4	0.6	37 / 63	30	20	1 обломок глиняного очага
	1-5	2.9	18 / 82			
	1-6	2.4	9 / 91			
	1-8	0.5	35 / 65			
	2-2	2.7	0,3 / 99,7	0	0	нет
	2-3	1.2	12 / 88	50	10	нет
	2-4	1.4	60 / 40	20	0	фрагмент бронзового изделия, кости человека
	2-5	2.3	14 / 86			
2-6	2.2	3 / 97	50	5	тигель	

В образцах 1-1, 1-3 и 2-1 значительная доля фосфора была представлена его органическими соединениями (23–32%), в соседней стенке (образец 1-7) доля органического фосфора была меньше (16%). Несколько меньше было содержание фосфора в образце 1-2 (7.2 г/кг, коэффициент привноса 4.2, доля органических форм фосфора 7%). Умеренные величины содержания фосфора (3.7–4.7 г/кг), меньшие коэффициенты привноса (2–3%) были в образцах в внутренней части западной стены: 1-5 и 1-6, а также в образцах 2-2, 2-5 и 2-6 в северной части Структуры 8 (Слой 1а). При этом для образцов западной части стены доля органического фосфора составляла 18 и 9%, а в северной части сильно варьировала от практически следовых величин до 14%.

Еще меньше было содержание фосфора (2–1.6 г/кг) и меньшие коэффициенты привноса были в образцах северо-восточной части стены – 2-3 и 2-4 (Слой 1а). При низком содержании фосфора в образце 2-4 его значительная доля была представлена органическими формами (60%), поблизости от места отбора этого образца были найдены костные останки. Минимальное содержание фосфора (0.8–1 г/кг) и минимальные коэффициенты привноса были во внутренней части северо-западной стены (Слой 1а): образец 1-4 (доля органического фосфора 37%) и образец 1-8 (доля органического фосфора 35%), отобранный из стенки в южной части раскопа и представляющий собой суглинистый материал желто-коричневого цвета.

Слой 1 по своим свойствам резко отличается от Слоя 1а. Характерно, что во всех образцах из Слоя 1, которые отличаются светло-серой окраской и легкосуглинистым гранулометрическим составом, значения коэффициента антропогенного привноса были высокими, и значительная доля фосфора представлена его органическими формами. Именно этот слой содержит многообразный материал – различные артефакты и в особенности кости животных (табл. 2). Слой 1а представлен желтоватым глинистым материалом, источником которого являются развалы стен Структуры 8. Здесь содержание фосфатов было незначительным и встречаемость артефактов низкая.

Содержание серы представлено на рис. 4 и в табл. 2. В большинстве отобранных образцов содержание серы было весьма умеренным (0.7–2.2 г/кг, CV 38%), при этом один из участков раскопа отличался от всех остальных аномально высоким ее содержанием (образец 1-4: 28,6 г/кг, коэффициент антропогенного привноса

17.5). Как правило, высокое содержание серы сопровождалось низким содержанием фосфора и наоборот, однако статистическая корреляция проявлена не была. Распределение серы в поселении тесно коррелировало с распределением гипса ($r = 0.98$). Образец 1-4 наряду с аномально высоким содержанием серы характеризовался наибольшим содержанием гипса и низким содержанием фосфора. Этот образец был взят изнутри сооружения, где при раскопках была зафиксирована хозяйственная яма, вероятно, ее присутствие вызвало увеличенное содержание органических форм фосфора при его невысоком общем содержании. Причиной аномально высокого содержания серы является присутствие гипса, и эта особенность выделяет локацию образца 1-4 от остальных исследованных участков. Отличается повышенным содержанием гипса и серы также образец 2-6. Здесь был найден глиняный тигель, а Слой 1а отличается содержанием золы и следов обжига. К сожалению, пока невозможно дать точную идентификацию контекстов, так как раскопки здесь еще не завершены. Геохимические анализы и артефакты позволяют предполагать производственное назначение этого места: в поселении были найдены бронзовые изделия, тигли и литейные формы, накопление гипса также может быть связано с его включением в создание литейных форм [35]. Повышенное содержание гипса выявлено и в образцах 1-2, 1-5 и 1-7.

При сооружении стен была использована местная глина, так как контрольный образец глины, отобранный из близкого к поселению места, характеризовался повышенным содержанием серы, гипса и высоким коэффициентом антропогенного привноса серы, величина которого в данном случае связана с характеристикой самой глины.

Таблица 2. Содержание серы (S), гипса (SO_4^{2-}) и коэффициенты антропогенного привноса серы ($S/(Si+Al)$) в образцах раскопа А и местной глины

Table 2. The sulfur (S), gypsum (SO_4^{2-}) contents and the coefficients of the anthropogenic input of sulfur ($S/(Si+Al)$) in samples of the trench A

Образец	S, г/кг	$CaSO_4$, %	$S/(Si+Al)$, %
1-1	1.0	0.1	0.5
1-2	1.8	0.21	1.0
1-3	0.7	0.09	0.4
1-4	28.6	3.30	17.5
1-5	1.7	0.22	1.2
1-6	1.6	0.20	1.0
1-7	1.6	0.24	0.9
1-8	1.2	0.14	0.7
2-1	0.8	0.06	0.5
2-2	0.8	0.14	0.5
2-3	0.9	0.06	0.7
2-4	1.0	0.05	0.7
2-5	1.0	0.12	0.6
2-6	2.2	0.27	1.3
Глина Артаниш	6.3	1.40	4.5

Из других макро- и микроэлементов на объекте сильно варьировалось содержание цинка, бария и меди. Один из образцов отличается от остальных присутствием олова (образец 2-2). Содержание фосфора сильнее всего коррелировало с цинком ($r = 0.96$), слабее – с медью ($r = 0.48$), статистической связи фосфора с барием не выявлено.

В фоновых образцах содержание основных элементов было существенно меньше (табл. 3). Корреляция фосфора с цинком и повышенное содержание этих элементов в западной части раскопа за пределами Структуры 8 свидетельствует об активном вовлечении этой части в хозяйственную деятельность во время функционирования памятника. При этом внутри самой Структуры 8, а также на участке Структуры 10 содержание цинка минимально или он отсутствует. Следует отметить, что химический состав фоновой почвы и местной глины различается содержанием бария и цинка при близком содержании магния, калия и меди (табл. 4): в глине повышено содержание бария и отсутствует цинк, тогда как в образцах фоновой почвы обратная картина – при повышенном содержании цинка отсутствует барий. Это объясняется сорбцией бария глинами [36; 37] и связью цинка с органическим веществом почвы [36; 38]. Можно полагать, что присутствие бария в образцах раскопа указывает на использование глины при создании глинобитных полов, обмазке стен и пр. В образцах раскопа барий присутствует практически повсеместно, за исключением образцов 1-1, 1-6 и 2-6.

Таблица 3. Содержание химических элементов в образцах раскопа А, местной глины и фоновых почв

Table 3. The content of chemical elements in samples of the trench A, local background soil and clay

Образец	Mg	K	Ba	Cu	Zn
	г/кг		мг/кг		
1-1	10.1	12.9	21.0	33.0	129.0
1-2	9.0	12.1	167.3	28.0	77.0
1-3	7.2	9.2	139.3	25.0	125.0
1-4	6.0	12.7	161.8	14.0	0.0
1-5	6.2	11.1	162.6	22.0	26.0
1-6	7.1	12.0	13.0	23.0	20.0
1-7	7.8	9.8	165.1	47.0	344.0
1-8	6.7	13.4	135.9	14.0	0.0
2-1	8.4	10.2	178.0	28.0	104.0
2-2	8.3	11.2	144.6	69.0	36.0
2-3	5.6	9.3	144.6	12.0	0.0
2-4	7.1	11.5	158.6	21.0	1.0
2-5	8.4	11.3	174.4	22.0	13.0
2-6	8.6	14.3	30.0	22.0	22.0
Глина	5.5	8.6	60.0	11.0	0.0
Локальный фон	5.9	4.9	0.0	9.0	53.5

По соотношению содержания цинка и бария выделяется восточная часть раскопа А, где преобладание бария в образцах указывает на наличие штукатурки обрушившихся стен и глинобитного пола (рис. 5). В южной части (образец 1-6) и западной части раскопа А за пределами Структуры 8 нарастает содержание калия, цинка и меди. Увеличение относительной доли содержания цинка и меди в образцах 1-6 и 2-6, а также следы золы и обжига указывают на функционирование очагов и сжигание древесного материала, повышенное содержание меди (образцы 1-6 и 2-2), возможно, связано с производством металлических изделий [21–24].

Биологические свойства культурного слоя 1 и культурного слоя 1а заметно отличались, что указывает на разный характер хозяйственной деятельности. Фосфатазная активность связана с деятельностью почвенных микроорганизмов и отражает интенсивность поступления в почву разнообразных органических соединений растительного и животного происхождения, содержащих фосфатные группы. При этом в зависимости от кислотности почвы может доминировать либо кислая, либо щелочная фосфатаза. Значительное поступление материалов антропогенной природы стимулирует микробиологическую активность, приводит к их минерализации и накоплению минеральной формы фосфора, а по мере исчерпания субстрата фосфатазная активность уменьшается [30]. Анализ ферментативной активности образцов позволяет характеризовать ее как весьма умеренную (рис. 6), ее можно рассматривать как сохранившийся след органического вещества, накопленного за время функционирования памятника.

В пределах раскопа активность щелочной и кислой фосфатаз существенно варьировала (CV 52% и 35% соответственно). Повышенной ферментативной активностью отличались образцы 2-3 и 2-5. В этих образцах содержание общего фосфора было умеренным, при этом в образце 2-4 доля органических форм фосфатов была максимальной (60%). Все эти образцы отличались повышенным содержанием бария (штукатурка стен и глинобитный пол) и минимальным содержанием цинка. Можно предполагать, что в этой части раскопа в почву поступало значительное количество разнообразного органического материала, и характер хозяйственной деятельности отличался от других изученных локаций.

Заключение

Поселение Артаниш-9 представляет собой типичный памятник куро-араксской культуры первой половины III тыс. до н.э. на территории Армении. Археологические данные и состав орудий труда свидетельствуют о том, что местная община занималась земледелием, скотоводством, охотой и, возможно, металлообработкой.

Частота встречаемости артефактов и химический анализ образцов культурного слоя позволил локализовать жилую зону и межжилищное пространство в пределах раскопа и выявить основные количественные характеристики химических свойств и биологической активности почв в пределах каждой зоны. Культурный слой внутри постройки отличается низкими значениями коэффициента антропогенного привноса и низкими значениями биологической активности. Это указывает на то, что в период функционирования памятника внутри постройки поддерживалась чистота и не происходило накопление мусора. В межжилищном пространстве, напротив, все призна-

ки накопления бытового мусора и отходов проявляются довольно отчетливо.

Основным источником материала для формирования культурного слоя в пределах постройки является глина, из которой были сделаны стены и пол жилища (культурный слой 1). Коэффициент антропогенного приноса здесь 0.6–2.9. Следует отметить практически полную идентичность глин постройки и местной глины рядом с памятником. В межжилищном пространстве (культурный слой 1а) следов глины значительно меньше, здесь явно видны следы привноса почвенного материала с высокой долей органики. Коэффициент антропогенного привноса составляет 5–10.

Впервые для памятников этого типа выявлено накопление гипса в культурном слое постройки. Предположительно, гипс мог использоваться для изготовления форм при металлообработке.

Финансирование. Исследование выполнено при финансовой поддержке КН РА и РФФИ (РФ) в рамках совместной научной программы 20RF-141 и №20-59-05001, соответственно.

Acknowledgements. This study was funded by RFBR and SC RA as part of the joint scientific program No. 20-59-05001 and 20RF-141, respectively.

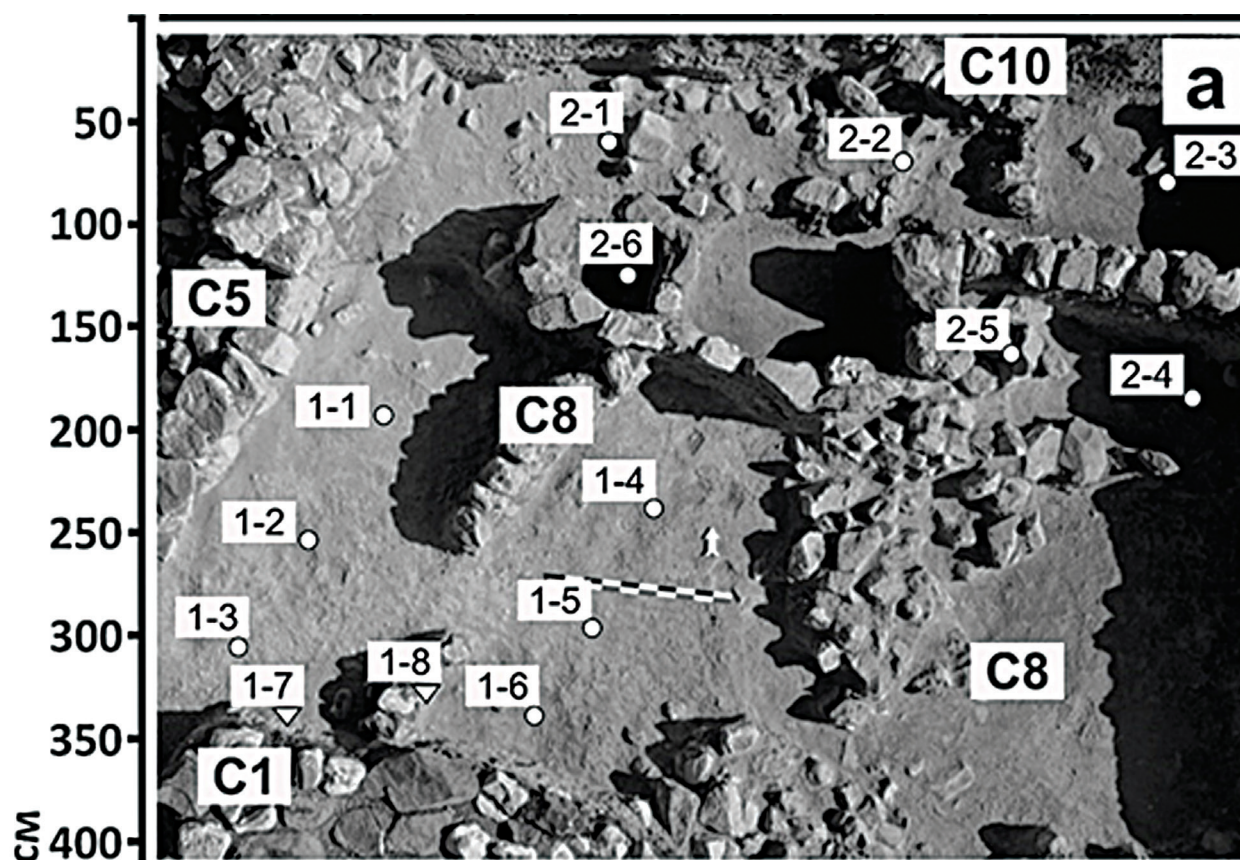

Рис. 1. Точки отбора образцов на раскопе А поселения Артаниш-9 (1-11-6, 2-1 2-6 – участки площадного отбора, 1-7 и 1-8 – отбор из стенок, С-5, С-8 и С-10 – номера структур)

Fig. 1. Sampling points in trench A of the Artanish-9 settlement (1-11-6, 2-1 2-6 sampling from the surface of cultural layer, 1-7 and 1-8 – sampling from the walls; C-5, C-8, and C-10 numbers of structures)

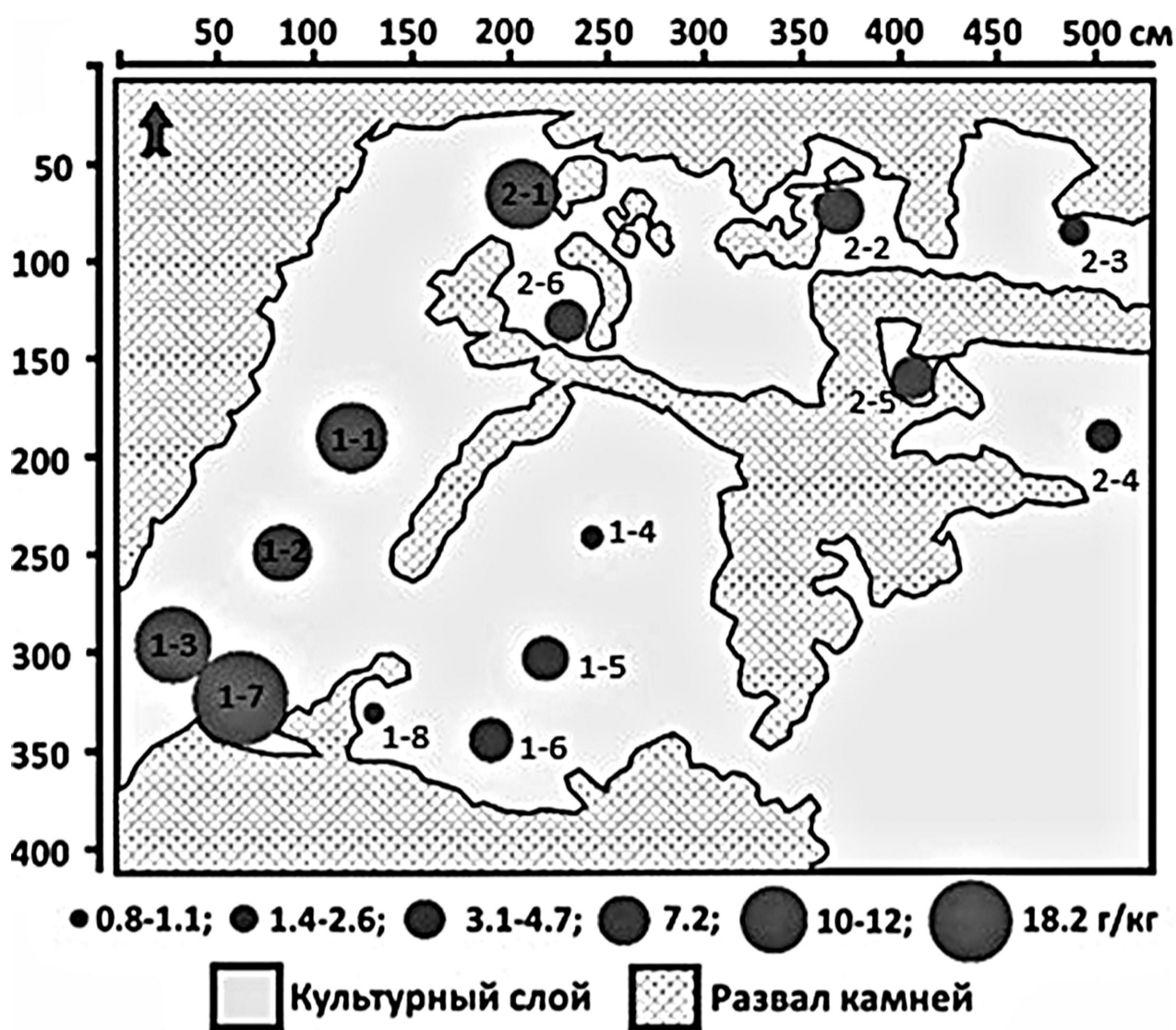

Рис. 2. Содержание фосфора в образцах культурного слоя раскопа А на поселении Артаниш-9

Fig. 2. The phosphorus content in the trench A of the Artanish-9 settlement

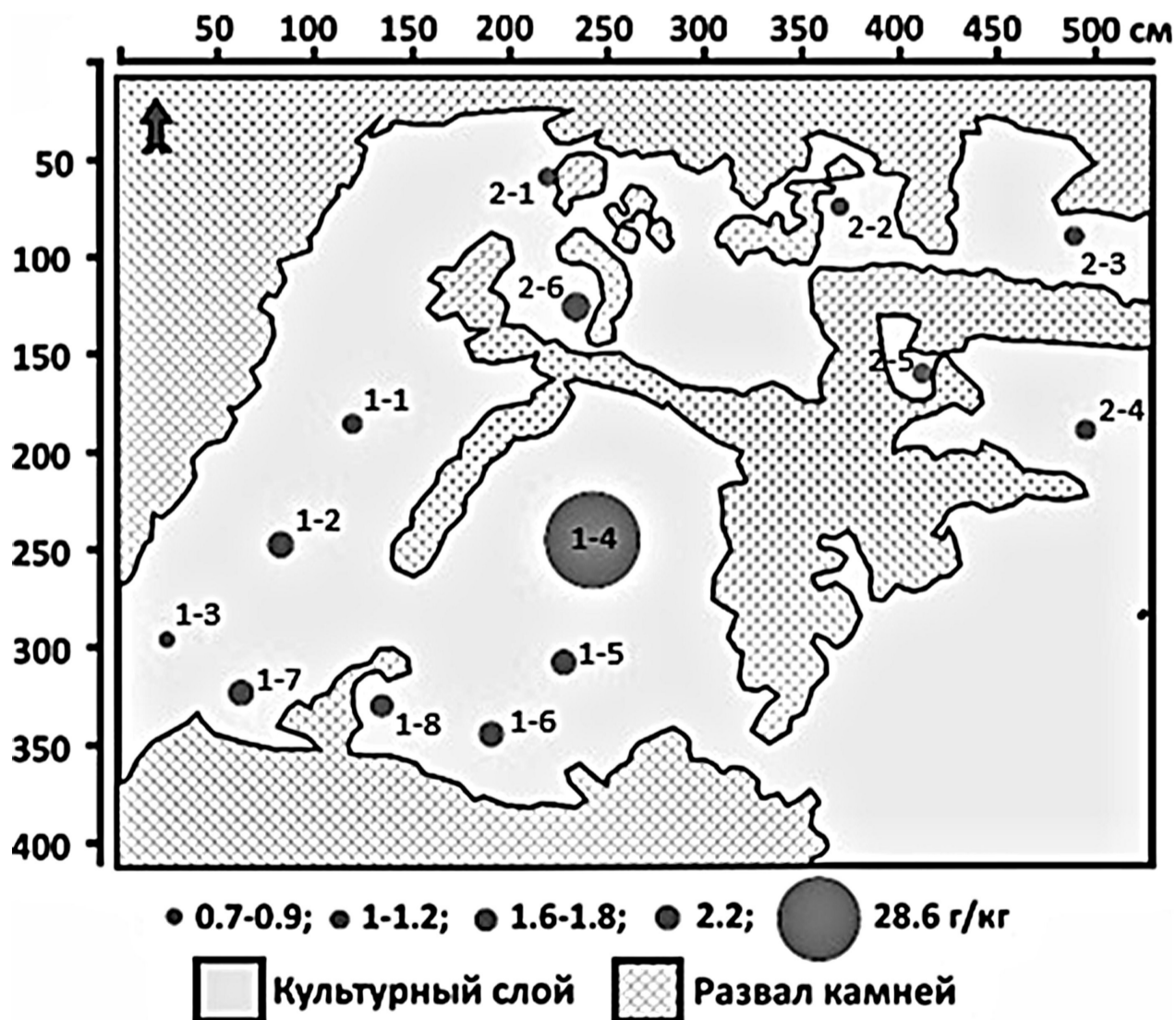

Рис. 3. Содержание серы в образцах культурного слоя раскопа А на поселении Артаниш-9

Fig. 3. The sulfur content in the trench A of the Artanish-9 settlement

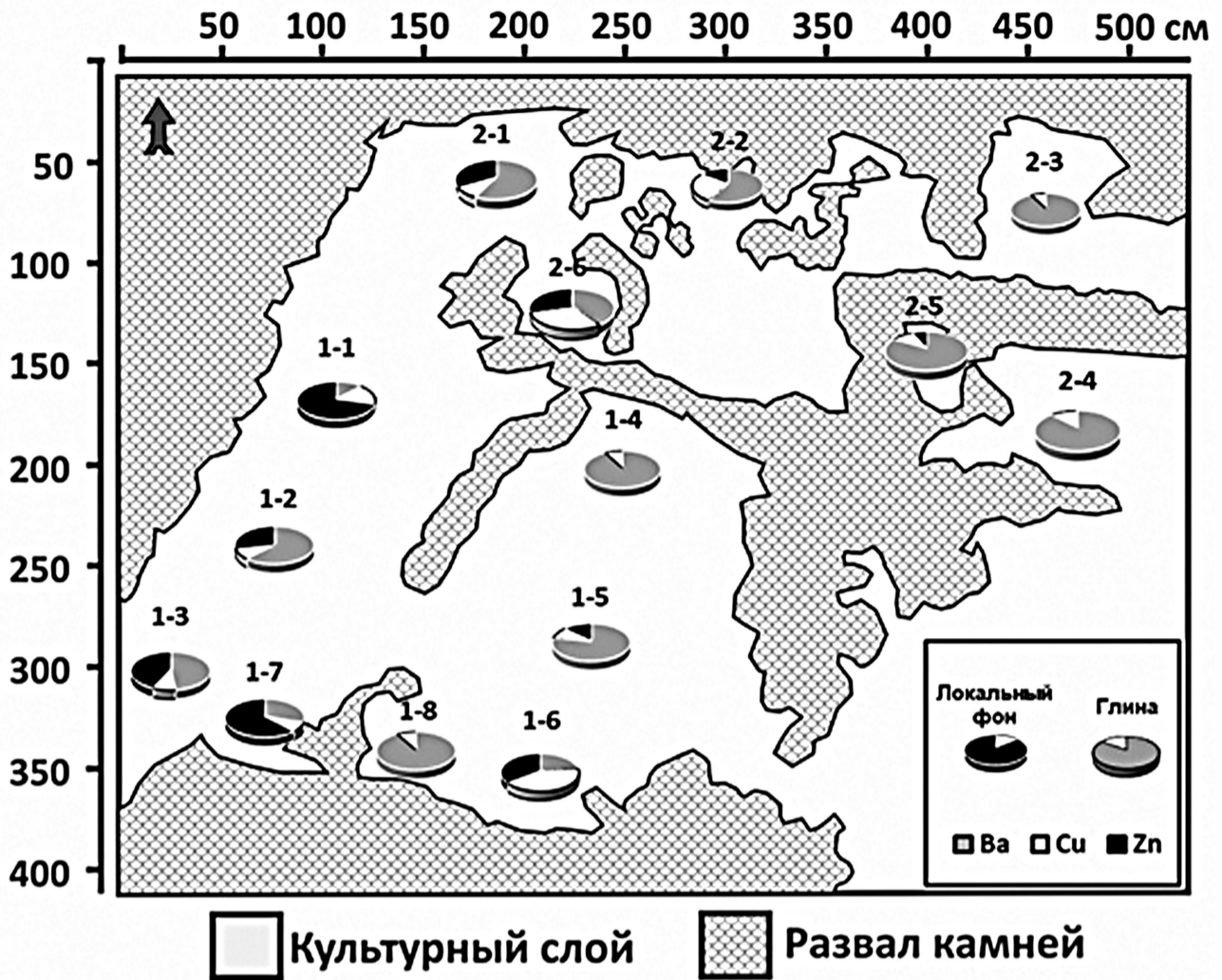

Рис. 4. Соотношение микроэлементов (мг/кг) в образцах раскопа А поселения Артаниш-9

Fig. 4. The ratios of trace elements (mg/kg) in the trench A of the Artanish-9 settlement

Рис. 5. Ферментативная активность на раскопе А поселения Артаниш-9: ЩФ – щелочная фосфатаза, КФ-кислая фосфатаза

Fig. 5. Enzymatic activity in the trench A of the Artanish-9 settlement: alkaline phosphatase (alk-P), acid phosphatase (acP)

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

REFERENCES

1. Мартirosян А. Армения в эпоху бронзы и ранне-го железа. Ереван: АН Арм. ССР, 1964. – 314 с.
2. Smith A., Badalyan R., Pavelavetisyan P., Greene A., Minc L. The Foundations of Research and Regional Survey in the Tsaghkahovit Plain, Armenia // The Archaeology and Geography of Ancient Transcaucasian Societies. Chicago: Oriental Institute Publications. Series I. Eds Schramer, T. Urban, K. I. Jonson. 2009. V 1. №134. – 410 p.
3. Bisicione R., Hmayakyan S., Parmegiani N. The North-Eastern Frontier: Urartians and Non-Urartians in the Sevan Lake Basin, I // The Southern Shores, Roma:

1. Martirosyan A. *Armenia in the Bronze and Early Iron Age*. Yerevan: AN Arm. SSR, 1964.
2. Smith A., Badalyan R., Pavelavetisyan P., Greene A., Minc L. The Foundations of Research and Regional Survey in the Tsaghkahovit Plain, Armenia. *The Archaeology and Geography of Ancient Transcaucasian Societies*. Chicago: Oriental Institute Publications. Series I. Schramer, T. Urban, K. I. Jonson (eds.). 2009. V 1. No. 134.
3. Bisicione R., Hmayakyan S., Parmegiani N. The North-Eastern Frontier: Urartians and Non-Urartians in the Sevan Lake Basin, I. *The Southern Shores, Roma: CNR*

CNR Istituto di studi sulle civiltà dell'Egeo e del Vicino Oriente. Series: Documenta Asiana. 2002. V. VII, – 474 p.

4. Петросян Л. Лчашенский некрополь // Археологические памятники Армении. Ереван, 2018. – 22 с. (На Армянском).

5. Микаелян Г.А. Циклопические крепости Севанского бассейна // Археологические памятники Армении. «Памятники эпохи бронзы». Ереван, 1968. Т. 1. Вып 2. С. 45-46. (На Армянском).

6. Есаян С.А. Древняя культура племен северо-восточной Армении (III–I тыс. до н.э.) / под ред. Б.Б. Пиотровского. Ереван: Издательство АН Армянской ССР, 1976. Т. 1 – 271 с.

7. Kunze R., Bobokhyan A., Meliksetian Kh., Pernicka E., Wolf D. Archäologische Untersuchungen zur Umgebung der Goldgruben in Armenien mit Schwerpunkt Sotk, Provinz Gegharkunik // Veröffentlichungen des Landesamtes für Denkmalpflege und Archäologie Sachsen-Anhalt-Landesmuseum für Vorgeschichte. 2011. V. 64. P. 17–49.

8. Kunze R., Bobokhyan A., Pernicka E., Meliksetian K. Projekt Ushkiani. Untersuchungen der Kulturlandschaft um das prähistorische Goldrevier von Sotk // Veröffentlichungen des Landesamtes für Denkmalpflege und Archäologie Sachsen-Anhalt-Landesmuseum für Vorgeschichte. 2013. V. 67. P. 49–88.

9. Bobokhyan A., Kunze R. Ushkiani-Project: Preliminary Archaeological Investigations in the Lake Sevan Region, Armenia // Praehistorische Zeitschrift. 2021. V. 96(2) P. 500–510. <https://doi.org/10.1515/pz-2021-0012>.

10. Badalyan R. From Homogeneity to Heterogeneity. The Periodization and Chronology of Kura-Araxes: The View from Armenia. 2001, The Caucasus: Bridge between the Urban Centres in Mesopotamia and the Pontic Steppes in the 4th and 3rd millennium BC // The Transfer of Knowledge and Technologies Between East and West in the Bronze Age, Proceedings of the Caucasus Conference/ Frankfurt am Main, November 28 – December 1, 2018. Giensch HVL, Hanse S, editors. Frankfurt: Schriftendes Archäologischen Museums. P. 211–222.

11. Kiguradze T., Sagona A.G. Origins of the Kura-Araxes Cultural Complex // Archaeology in the Borderlands: Investigation in Caucasia and Beyond, editors A.T. Smith, K.S. Rubinson. Los Angeles: Cotsen Institute of Archaeology, 2003. P. 38–94.

12. Аветисян П. Основные тенденции трансформации палеокультурной среды Армянского нагорья в эпоху ранней бронзы // Историко-филологический журнал. Ереван: «Гитутюн», 2012. №2. С. 3–19. (На Армянском).

13. Amiryany M., Kunze R., Hovhannisyan A., Melik-Adamyan H., Hovsepian R., Bobokhyan A. Eastern Shores of the Lake Sevan During the Early Bronze Age: Preliminary Reflections // “Badalyan Ruben and Perello Berengere (eds). The end of the Kura-Araxes Phenomenon. The Chrono-Cultural Aspect of the EB/MB Transition in the South Caucasus”. Brepols. 2022, *in press*.

14. Bobokhyan A., Khomutova T., Hovsepian R. “Soil memory” and “Cultural memory” of historical landscapes of Armenia: Launching of a multidisciplinary study of Bronze and Early Iron Age sites // Review of Armenian Studies. Yerevan: «Gitutyun», 2021. 2(26). P. 129–144.

Istituto di studi sulle civiltà dell'Egeo e del Vicino Oriente. Series: Documenta Asiana. 2002. V. VII.

4. Petrosyan L. Lchashensky necropolis. *Archaeological monuments of Armenia*. Yerevan, 2018. (In Armenian).

5. Mikaelyan GA. Cyclopean fortresses of the Sevan basin. *Archaeological monuments of Armenia. Monuments of the Bronze Age*. Yerevan, 1968; 1(2): 45-46. (In Armenian).

6. Yesayan SA. *Ancient culture of the tribes of north-eastern Armenia (III-I millennium BC)*. Ed. by B.B. Piotrovsky. Yerevan: Academy of Sciences of the Armenian SSR, 1976. Vol. 1.

7. Kunze R., Bobokhyan A., Meliksetian Kh., Pernicka E., Wolf D. Archäologische Untersuchungen zur Umgebung der Goldgruben in Armenien mit Schwerpunkt Sotk, Provinz Gegharkunik. *Veröffentlichungen des Landesamtes für Denkmalpflege und Archäologie Sachsen-Anhalt-Landesmuseum für Vorgeschichte*. 2011, 64: 17–49.

8. Kunze R., Bobokhyan A., Pernicka E., Meliksetian K. Projekt Ushkiani. Untersuchungen der Kulturlandschaft um das prähistorische Goldrevier von Sotk. *Veröffentlichungen des Landesamtes für Denkmalpflege und Archäologie Sachsen-Anhalt-Landesmuseum für Vorgeschichte*. 2013, 67: 49–88.

9. Bobokhyan A., Kunze R. Ushkiani-Project: Preliminary Archaeological Investigations in the Lake Sevan Region, Armenia. *Praehistorische Zeitschrift*. 2021, 96(2): 500–510. <https://doi.org/10.1515/pz-2021-0012>.

10. Badalyan R. From Homogeneity to Heterogeneity. The Periodization and Chronology of Kura-Araxes: The View from Armenia. 2001, The Caucasus: Bridge between the Urban Centers in Mesopotamia and the Pontic Steppes in the 4th and 3rd millennium BC. *The Transfer of Knowledge and Technologies Between East and West in the Bronze Age, Proceedings of the Caucasus Conference/ Frankfurt am Main, November 28 – December 1, 2018*. Giensch HVL, Hanse S. (eds.). Frankfurt: Schriftendes Archäologischen Museums: 211–222.

11. Kiguradze T., Sagona A.G. Origins of the Kura-Araxes Cultural Complex. In: A.T. Smith, K.S. Rubinson (eds.). *Archeology in the Borderlands: Investigation in Caucasia and Beyond*. Los Angeles: Cotsen Institute of Archaeology, 2003: 38–94.

12. Avetisyan P. Main trends in the transformation of the paleocultural environment of the Armenian Highlands in the Early Bronze Age. *Historical and Philological Journal*. Yerevan: Gitutyun. 2012, 2: 3–19. (In Armenian).

13. Amiryany M., Kunze R., Hovhannisyan A., Melik-Adamyan H., Hovsepian R., Bobokhyan A. Eastern Shores of the Lake Sevan During the Early Bronze Age: Preliminary Reflections. In: Badalyan Ruben and Perello Berengere (eds). *The end of the Kura-Araxes Phenomenon. The Chrono-Cultural Aspect of the EB/MB Transition in the South Caucasus*. Brepols, 2022. (*in press*).

14. Bobokhyan A., Khomutova T., Hovsepian R. “Soil memory” and “Cultural memory” of historical landscapes of Armenia: Launching of a multidisciplinary study of Bronze and Early Iron Age sites. *Review of Armenian Studies*. Yerevan: Gitutyun, 2021, 2(26): 129–144.

15. Hovsepian R., Khomutova T., Bobokhyan A. Prospects for the use of “soil memory” in archaeological research using the example of the Sotk and Artanish monu-

15. Овсепян Р., Хомутова Т., Бобохян А. Перспективы использования «памяти почв» в археологических исследованиях на примере памятников Сотка и Арганиша (методический обзор) // Сотк: культурная память земли. Ереван: Издательство ИАЭ, 2022. С. 34–41. (На Арм.).
16. Таргульян В.О., Бронникова М.А. Память почв: теоретические основы концепции, современное состояние и перспективы развития // Почвоведение. 2019. № 3. С. 259–275. DOI: 10.1134/S0032180X19030110.
17. Wilson C.A., Davidson D.A., Cresser M.S. Multi-element soil analysis: an assessment of its potential as an aid to archaeological interpretations // Journal of Archaeological Science. 2008. V.35. P. 412–424. DOI: 10.1016/j.jas.2007.04.006.
18. Gall M.J. It's elemental! A case study in the use of multi-element geochemical analysis as an aid in locating cultural features at the foundations site // Northeast Historical Archaeology. 2012. V. 41. P. 1–29.
19. Bintliff J., Degryse P. A review of soil geochemistry in archaeology // Journal of Archaeological Science: Reports. 2022. V. 43. 103419. DOI: 10.16/j.jasrep.2022.103419.
20. Oonk S., Slomp C.P., Huisman D.J. Geochemistry as an aid in archaeological prospection and site interpretation: current issues and research directions // Archaeological Prospection. 2009. V. 16. P. 35–51.
21. Entwistle J.A., Abrahams P.W., Dodgshon R.A. Multi-element analysis of soils from Scottish historical sites, interpreting land-use history through the physical and geochemical analysis of soil // Journal of Archaeological Science. 1998. V. 25. P. 53–68. DOI:0305-4403/98/010053+16 \$25.00/0/as970199.
22. Smeida L., Hejeman M., Horak J., Shai I. Ancient settlement activities as important sources of nutrients (P, K, S, Zn and Cu) in Eastern Mediterranean ecosystems The case of biblical Tel Burna, Israel // Catena. 2017. V. 156. P. 63–73.
23. Pastor A., Gallelo G., Cervera M.L., Guardia M. Mineral soil composition interfacing archaeology and chemistry // Trends in Analytical chemistry. 2016. V. 78. P.48–59.
24. Hjulstrom B., Isaksson S. Identification of activity area signatures in a reconstructed Iron Age house by combining element and lipid analyses of sediments // Journal of Archaeological Science. 2009. V.36. P. 174–183.
25. Александровский А.Л., Александровская Е.И., Долгих А.В., Замотаев И.В., Курбатова А.Н. Почвы и культурные слои древних городов юга Европейской России // Почвоведение. 2015. №11. С. 1291–1301.
26. Борисов А.В., Демкина Т.С., Каширская Н.Н., Хомутова Т.Э., Чернышева Е.В. Биологическая память почв об изменениях условий почвообразования и антропогенной деятельности в прошлом: микробная и ферментная составляющие // Почвоведение. 2021. № 7. С. 1–13. DOI: 10.31857/S0032180X21070029.
27. Margesin R., Siles J., Cajthaml T., Öhlinger B., Kistler E. Microbiology Meets Archaeology: Soil Microbial Communities Reveal Different Human Activities at Archaic Monte Iato (Sixth Century BC) // Microbial Ecology. 2016. V. 73(4). P. 925–938. DOI:10.1007/s00248-016-0904-8.
28. Peters S., Borisov A., Reinhold S., Korobov D., Thiemeyer H. Microbial characteristics of soils depending on the human impact on archaeological sites in the Northern Caucasus. *Quaternary International*. 2014, 324(4): 162–171. DOI: 10.1016/j.quaint.2013.11.020.
29. Chernysheva E., Korobov D., Khomutova T., Fornasier F., Borisov A. Soil microbiological properties in livestock corrals: An additional new line of evidence to identify (methodological review). *Sotk: cultural memory of the earth*. Yerevan: IAE Publ., 2022: 34–41. (In Armenian).
16. Targulyan VO., Bronnikova MA. Soil memory: theoretical foundations of the concept, current state and development prospects. *Pochvovedenie*. 2019, 3: 259–275. DOI: 10.1134/S0032180X19030110.
17. Wilson CA., Davidson DA., Cresser MS. Multi-element soil analysis: an assessment of its potential as an aid to archaeological interpretations. *Journal of Archaeological Science*. 2008, 35: 412–424. DOI: 10.1016/j.jas.2007.04.006.
18. Gall MJ. It's elemental! A case study in the use of multi-element geochemical analysis as an aid in locating cultural features at the foundations site. *Northeast Historical Archaeology*. 2012, 41: 1–29.
19. Bintliff J., Degryse P. A review of soil geochemistry in archaeology. *Journal of Archaeological Science: Reports*. 2022, 43. 103419. DOI: 10.16/j.jasrep.2022.103419.
20. Oonk S., Slomp C.P., Huisman D.J. Geochemistry as an aid in archaeological prospection and site interpretation: current issues and research directions. *Archaeological Prospection*. 2009, 16: 35–51.
21. Entwistle JA., Abrahams PW., Dodgshon RA. Multi-element analysis of soils from Scottish historical sites, interpreting land-use history through the physical and geochemical analysis of soil. *Journal of Archaeological Science*. 1998, 25: 53–68. DOI:0305-4403/98/010053+16 \$25.00/0/as970199.
22. Smeida L., Hejeman M., Horak J., Shai I. Ancient settlement activities as important sources of nutrients (P, K, S, Zn and Cu) in Eastern Mediterranean ecosystems. The case of biblical Tel Burna, Israel. *Catena*. 2017, 156: 63–73.
23. Pastor A., Gallelo G., Cervera M.L., Guardia M. Mineral soil composition interfacing archeology and chemistry. *Trends in Analytical chemistry*. 2016, 78: 48–59.
24. Hjulstrom B., Isaksson S. Identification of activity area signatures in a reconstructed Iron Age house by combining element and lipid analyzes of sediments. *Journal of Archaeological Science*. 2009, 36: 174–183.
25. Aleksandrovsky AL., Aleksandrovskaya EI., Dolgikh AV., Zamotaev IV., Kurbatova AN. Soils and cultural layers of ancient cities in the south of European Russia. *Pochvovedenie*. 2015, 11: 1291–1301.
26. Borisov AV., Demkina TS., Kashirskaya NN., Khomutova TE., Chernysheva EV. Biological memory of soils about changes in the conditions of soil formation and anthropogenic activity in the past: microbial and enzymatic components. *Pochvovedenie*. 2021, 7: 1–13. DOI: 10.31857/S0032180X21070029.
27. Margesin R., Siles J., Cajthaml T., Öhlinger B., Kistler E. Microbiology Meets Archaeology: Soil Microbial Communities Reveal Different Human Activities at Archaic Monte Iato (6th c. BC). *Microbial Ecology*. 2016, 73(4): 925–938. DOI:10.1007/s00248-016-0904-8.
28. Peters S., Borisov A., Reinhold S., Korobov D., Thiemeyer H. Microbial characteristics of soils depending on the human impact on archaeological sites in the Northern Caucasus. *Quaternary International*. 2014, 324(4): 162–171. DOI: 10.1016/j.quaint.2013.11.020.
29. Chernysheva E., Korobov D., Khomutova T., Fornasier F., Borisov A. Soil microbiological properties in livestock corrals: An additional new line of evidence to identify

on the human impact on archaeological sites in the Northern Caucasus // *Quaternary International*. 2014. V. 324(4). P. 162–171 doi: 10.1016/j.quaint.2013.11.020.

29. Chernysheva E., Korobov D., Khomutova T., Fornasier F., Borisov A. Soil microbiological properties in livestock corrals: An additional new line of evidence to identify livestock dung // *Journal of Archaeological Science: Reports*. 2021. V. 37. P. 103012. DOI: 10.1016/j.jasrep.2021.103012.

30. Saunders W.M., Williams E.G. Observations on the determination of total organic phosphorus in soils // *Journal of Soil Science*. 1955. V.6(2). P. 254–267.

31. Потاپова А.В., Пинской В.Н., Гак Е.И., Каширская Н.Н., Борисов А.В. Изменчивость свойств культурного слоя поселения эпохи бронзы Ксизово-1 в лесостепном Подонье // *Российская археология*. 2020. №1. С. 60–75.

32. Margenot A.J., Nakayama Y., Parikh S.J. Methodological recommendations for optimizing assays of enzyme activities in soil samples // *Soil Biology and Biochemistry*. 2018. V. 125. P. 350–360. DOI: 10.1016/j.soilbio.2017.11.006.

33. Schinner F., Kandeler E., Ohlinger R., Margesin R. *Methods in Soil Biology*. New-York: Springer-Verlag, Berlin, Heidelberg, 1996.

34. Nannipieri, P., Giagnoni, L., Landi, L., Renella, G. Role of Phosphatase Enzymes in Soil / Editors E. Bünemann, A. Oberson, E. Frossard. *Phosphorus in Action. Soil Biology*. Springer, Berlin, Heidelberg, 2011. V. 26. https://doi.org/10.1007/978-3-642-15271-9_9.

35. Словарь античности. М.: Прогресс, 1989. С.143.

36. Водяницкий Ю.Н. Тяжелые и сверхтяжелые металлы в загрязненных почвах. М.: ГНУ Почвенный Институт им. В.В. Докучаева, 2009. – 95 с.

37. Бабкина О.А. Гидрохимия стронция и бария в хлоридно-натриевых минеральных водах и рассолах бассейна среднего течения р. Хопер // *Вестник ВГУ, серия Биология*. 2011. Т. 31. С. 236–240.

38. Филобок М.Л. Динамика валового и подвижного цинка в системе агроландшафта: автореферат дисс. канд. биол. наук. Краснодар, 2006. – 24 с.

livestock dung. *Journal of Archaeological Science: Reports*. 2021, 37: 103012. DOI: 10.1016/j.jasrep.2021.103012.

30. Saunders W.M., Williams E.G. Observations on the determination of total organic phosphorus in soils. *Journal of Soil Science*. 1955, 6(2): 254–267.

31. Potapova AV., Pinsky VN., Gak EI., Kashirskaya NN., Borisov AV. Variability of the properties of the cultural layer of the Bronze Age settlement Ksizovo-1 in the forest-steppe Don region. *Rossiyskaya Arheologiya*. 2020, 1: 60–75.

32. Margenot AJ., Nakayama Y., Parikh SJ. Methodological recommendations for optimizing assays of enzyme activities in soil samples. *Soil Biology and Biochemistry*. 2018, 125: 350–360. DOI: 10.1016/j.soilbio.2017.11.006.

33. Schinner F., Kandeler E., Ohlinger R., Margesin R. *Methods in Soil Biology*. New-York: Springer-Verlag, Berlin, Heidelberg, 1996.

34. Nannipieri, P., Giagnoni, L., Landi, L., Renella, G. Role of Phosphatase Enzymes in Soil. In: E. Bünemann, A. Oberson, E. Frossard (eds). *Phosphorus in Action. Soil Biology*. Springer, Berlin, Heidelberg, 2011. V. 26. https://doi.org/10.1007/978-3-642-15271-9_9.

35. Dictionary of Antiquity. Moscow: Progress, 1989. P. 143. (In Russ.)

36. Vodyanitsky YuN. Heavy and superheavy metals in contaminated soils. Moscow: GNU Soil Institute, 2009. (In Russ.)

37. Babkina OA. Hydrochemistry of strontium and barium in sodium chloride mineral waters and brines of the middle reaches of the River Koper. *Vestnik of VSU, Biology series*. 2011, 31: 236–240. (In Russ.)

38. Filobok ML. Dynamics of gross and mobile zinc in the agricultural landscape system: abstract of PhD dissertation. Krasnodar, 2006. (In Russ.)

Поступила в редакцию 09.03.2023 г.

Принята в печать 27.05.2023 г.

Опубликована 15.09.2023 г.

Received 09.03.2023

Accepted 27.05.2023

Published 15.09.2023

Достиев Тарих Мейрут оглы
доктор исторических наук
Бакинский государственный университет, Баку, Азербайджан
dostiyev.tarikh@mail.ru;

ЗООМОРФНЫЕ МОТИВЫ НА ПОЛИВНОЙ ПОЛИХРОМНОЙ КЕРАМИКЕ СЕЛЬДЖУКСКОГО ПЕРИОДА ГЯНДЖИ И ШАМКИРА

Аннотация. В результате археологических раскопок на средневековых городищах Старая Гянджа и Шамкир, расположенных в западном регионе Азербайджанской Республики, была выявлена большая коллекция глазурованной керамики. Художественное оформление глазурованной керамики сельджукского периода существенно отличается от керамики раннеисламского периода приемами украшения, богатым декором, оригинальностью сюжетной композиции. Происходит трансформация стиля керамического декора, характерным для нового стиля становятся сочетание и гармония орнамента, каллиграфии и живописи. Особенно выделяется высокохудожественная глазурованная полихромная керамика с изобразительными мотивами, которая является неопровержимым вещественным источником для определения высокого профессионализма, тонкого вкуса местных мастеров-керамистов. В данной статье проведены систематизация и детальный анализ коллекции глазурованной полихромной керамики сельджукского периода с изображениями животных, представленной в основном столовой посудой открытой формы – чашами, блюдами, тарелками. В комплексном исследовании дается описание источника, рассматривается семантика фаунистических мотивов, применен сравнительно-сопоставительный метод. Эти керамические артефакты трактуются как образцы декоративно-прикладного искусства. В центре внимания исследования находятся их декоративные достоинства, семантика изображенных животных, философское осмысление этих художественных реликвий. Эти изделия декорированы гравировкой и полихромной раскраской под бесцветной, прозрачной поливой. Как правило, зооморфные изображения удачно сочетаются с растительными, геометрическими и эпиграфическими орнаментами. Для полихромной керамики этого периода характерна цветовая гамма, базирующаяся на трех цветах. Изображены как домашние, так и дикие животные. Лошадь, осел, коза, заяц, гепард, лев и т.д. становятся декоративными персонажами. Образы животных, очевидно, связывались с различными анимистическими и тотемистическими представлениями. Результаты данного исследования применимы в теоретических работах по глазурованной керамике и в целом декоративно-прикладному искусству сельджукского периода.

Ключевые слова: Старая Гянджа; Шамкир; Средние века; глазурованная керамика; декор; зооморфные мотивы

Для цитирования: Достиев Т.М. Зооморфные мотивы на поливной полихромной керамике сельджукского периода Гянджи и Шамкира // История, археология и этнография Кавказа. 2023. Т. 19. № 3. С. 795-810. doi.org/10.32653/CH193795-810

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH193795-810>

Research paper

Tarih M. Dostiyev,
Dr. Sci.
Baku State University, Baku, Azerbaijan
dostiyev.tarikh@mail.ru

ZOOMORPHIC MOTIFS ON POLYCHROME GLAZED CERAMICS OF THE SELJUK PERIOD OF GANJA AND SHAMKIR

Abstract. Archaeological excavations conducted at the medieval sites of Old Ganja and Shamkir in the western region of the Republic of Azerbaijan have yielded a substantial collection of glazed ceramics. Notably, the artistic characteristics of Seljuk period glazed ceramics differ significantly from those of the early Islamic period. These differences manifest in decoration techniques, the richness of ornamentation, and the originality of plot compositions. The Seljuk style exhibits a notable transformation in ceramic decor, marked by a harmonious blend of ornamentation, calligraphy, and painting. Of particular prominence are the highly artistic glazed polychrome ceramics adorned with figurative motifs. These artifacts serve as irrefutable evidence of the exceptional skill and refined taste of local ceramists. In this article, we present a systematic and in-depth analysis of the collection of glazed polychrome ceramics from the Seljuk period, primarily featuring images of animals. These images are predominantly found on open-shaped tableware such as bowls, dishes, and plates. Through a comprehensive examination, we provide a detailed description of these ceramic pieces, delve into the semantics of faunistic motifs, and apply a comparative approach. We interpret these ceramic artifacts as exemplary instances of the decorative arts. Our study focuses on their decorative attributes, the symbolic significance of the depicted animals, and the philosophical ideas embedded in these artistic relics. These ceramics are characterized by engraving and polychrome coloring under colorless, transparent glaze, often combining zoomorphic images with floral, geometric, and epigraphic ornaments. The polychrome ceramics of this period showcase a color palette primarily based on three colors. They feature depictions of both domestic and wild animals, including horses, donkeys, goats, hares, cheetahs, lions, and more. The images of the animals were obviously associated with various animistic and totemic ideas. The findings of this study hold relevance for theoretical research on glazed ceramics and, more broadly, for the study of decorative and applied arts during the Seljuk period.

Keywords: Old Ganja; Shamkir; Middle Ages; glazed ceramics; decor; zoomorphic motifs

For citation: Dostiyev T.M. Zoomorphic Motifs on Polychrome Glazed Ceramics of the Seljuk Period of Ganja and Shamkir. *History, Archeology and Ethnography of the Caucasus*. 2023. Vol. 19. N.3. P. 795-810. doi.org/10.32653/CH193795-810

Введение

Глазурованная керамика вошла в повседневную жизнь населения городов Азербайджана, в частности, Гянджи и Шамкира ещё в VIII–IX вв., а в XI–XII вв. она становится массовой и является важным атрибутом городского быта. Согласно археологическим данным, XII в., как и IX в., является поворотным в истории мусульманской керамики. Если прежде важнейшими центрами керамического ремесла были Самарра, Багдад и Фустат, то в рассматриваемый период ведущая роль принадлежала Северной Персии [1, р. 29]. В это время пользовалась известностью также красноглиняная поливная керамика Азербайджана, где особенно выделялись такие центры гончарного производства, как Зенджан, Бейлаган, Гянджа, Шамкир, Шабран и другие. Город Гянджа, развивавшийся с поразительной быстротой, занимал огромную площадь. Территория городища Старой Гянджи в пределах крепостных стен, то есть только площадь шахристана, составляла 250 га, а с учетом территории рабада и предместий достигала 810 га [2, с. 17; 3, с. 3]. Город раскинулся по обоим берегам р. Гянджа-чай и стал важным центром концентрации производственного, культурного и интеллектуального потенциала Азербайджана, важным очагом прогресса. Расцвет города приходится на сельджукский период. В городе были развиты все виды городского ремесла. Археологические раскопки дали значительное количество продуктов ремесленного производства, в частности, глазурованной керамики, отражающей уровень развития гончарства в городе.

Шамкир, стоящий *«от Гянджи на расстоянии одного дня пути и одиннадцати фарсахов»* был небольшим городом [4, с. 28]. Археологические данные свидетельствуют о достаточно высоком уровне развития ремесленного производства в городе. Культурные слои городища Шамкир насыщены образцами глазурованной и простой (столовой, тарной, кухонной) керамической посуды, керамики специального назначения, фрагментами стеклянных сосудов, предметами украшений, монетами и т.д. Шамкир славился как важный центр производства керамических изделий и качественных ножей. Высокий потенциал гончарного производства обеспечивал повышенный спрос на гончарную продукцию, которая служила не только для удовлетворения потребностей населения, но и являлась товарной продукцией с довольно широким ареалом распространения.

Образцы керамики Старой Гянджи и Шамкира, как глазурованная, так и простая, поразительно идентичны. В рассматриваемый период эти города были важными центрами Арранской керамической (гончарной) школы.

В результате археологических раскопок на средневековых городищах Старой Гянджи и Шамкира было обнаружено значительное количество образцов высокохудожественной глазурованной красноглиняной полихромной керамики сельджукского периода. Эта керамика изготовлена на гончарном круге из хорошо промешанной, отмученной, высококачественной глины, имеет равномерный обжиг. Черепок обычно плотный, в изломе имеет, в основном, розоватый или розовато-коричневый цвет.

Изобразительные мотивы, весьма характерные для сельджукского искусства, в XII – нач. XIII в. широко применяются в декоративно-прикладном искусстве Азербайджана, в частности в художественной глазурованной керамике Старой Гянджи и Шамкира.

В данной статье представлены образцы глазурованной полихромной керамики Старой Гянджи и Шамкира с изображениями животных, выполненными гравировкой в сочетании с полихромной расцветкой элементов декора.

Материалы и обсуждение

На глазурованной полихромной керамике Старой Гянджи и Шамкира изображены как домашние, так и дикие животные. Технические достижения керамического производства, в частности, прозрачность и чистота глазури, красочная палитра, базирующаяся на трех цветах, различные приемы декорирования позволяли гончарам создавать яркие фаунистические образы. Лошадь, осел, коза, газель, заяц, гепард, леопард, лев и т.д. становятся декоративными персонажами. Изделия с изображениями животных составляют около 10% глазурованной полихромной керамики сельджукского периода.

Конь/лошадь является одним из излюбленных персонажей на произведениях художественной керамики сельджукского периода. На обломке одной чаши из раскопок городища Шамкир тонкими гравированными линиями на растительном фоне изображена бегущая лошадь. Туловище животного окрашено желтой краской (рис. 1, 1). На некоторых обломках чаш как из Старой Гянджи, так и Шамкира, сохранился фрагмент изображения бегущей лошади на растительном фоне. Отсутствуют голова и хвост животного, что не позволяет уверенно, точно определить его вид. Туловище животного, в основном, окрашено бледно-желтой краской. Переход от туловища к шее выделен коричневой лентой (рис. 1, 2; 1, 4; рис. 2, 2). На небольшом обломке чаши из городища Старой Гянджи сохранился фрагмент изображения – голова, частично шея и грива лошади. Изображены также уздечные наборы [5, с. 107, рис. 92]. Обращает на себя внимание небольшой обломок стенки чаши с фрагментом изображения. Гравированные пряди гривы на фрагменте позволяют определить вид этого животного, т.е. лошади (рис. 1, 3).

Встречаются также изображения лошадей, размещенные в медальонах или в розетках на стенках чаш и тарелок. Так, на обломке стенки чаши из городища Старой Гянджи сохранился фрагмент схематичного изображения лошади, помещенного в розетку многоконечной формы (рис. 2, 2). На маленьких фрагментах двух чаш из Старой Гянджи от изображения сохранилась лишь шея с густой гривой, что служит основанием для включения их в круг лошадей (рис. 1, 5-6).

Следует отметить, что в исламе конь/лошадь олицетворяет прекрасные знамена Аллаха. В священном Коране говорится: «Клянись мчащимися, задыхаясь, и выбивающими искры...» [6, сура «Аль-Адият», аят 1–2]. В одном из хадисов Пророка говорится: «Ко лбу лошади привязано добро до Судного дня» (Бухари)¹.

В культуре тюркских народов образ коня/лошади глубоко уважаем и имеет особый статус. Он символизирует интеллект, мудрость, знатность, свет, динамичную силу,

бег времени. Этот образ является символом плодородия, мужества и мощной власти [7, s. 161-163; 8, с. 202; 9, с. 372; 10, с. 111–112]. Конь/лошадь считался также символом чести и достоинства своего владельца, что нашло отражение во многих пословицах, поговорках, притчах и *баятах азербайджанцев*: «Не оставляй в качестве залога своего коня и свою жену», «Не выпускай коня из рук, чтоб не утратить добрую славу», «Конь, папаха и жена – авторитет мужчины» [11, с. 502].

Осел. Изображения этого животного на средневековой керамике, в частности, на глазурованной керамике Старой Гянджи и Шамкира, встречаются реже. Заслуживает внимания обломок чаши, обнаруженный в цитадели городища Шамкир. Внутренняя поверхность чаши декорирована зооморфным мотивом – рисунком осла на растительном фоне. На обломке чаши сохранилась часть изображения, нанесенная тонкой гравировкой (рис. 2, 1). Изображение животного заполнено красителем желтого цвета, растительный побег на фоне расцвечен светло-зеленым цветом. Следует отметить, что в художественном оформлении керамики с фаунистическим мотивом в основном были использованы красители желтого, охристо-оранжевого, буро-фиолетового и зеленого цветов [12, с. 20]. Как правило, рисунок животного заполнен красителем либо желтого, либо охристо-оранжевого цвета.

Осел относится к тем домашним животным, которые в традициях мусульманского общества занимали двойственное положение. С одной стороны, осел ассоциируется с трудолюбием, выносливостью, терпением, а с другой – символизирует также упрямство, строптивость [13, с. 395–401; 14, с. 7].

В священном Коране и Сунне имеются любопытные высказывания относительно осла и петуха. Голос осла считается самым отвратительным, а крик петуха – благородным. В аяте 19 суры «Лукман» священного Корана сказано: «И соразмеряй свою походку и понижай свой голос: ведь самый неприятный из голосов – конечно голос ослов». В хадисе Пророка Мухаммада говорится: «Если вы услышали рев осла, произнесите: «Прибегаю к Господу от сатаны», и если услышите пение петуха, то просите Бога о Его благодетии, потому что он увидел ангела» [15].

Козел. На донной части чаши из городища Шамкир сохранился фрагмент изображения скачущего козла (?) с темно-коричневыми рогами на растительном фоне (рис. 2, 5). Голова, передние конечности отсутствуют. Тулово заполнено красителем охристо-желтого цвета. Элементы растительного фона выполнены зеленым красителем. На донной части чаши из городища Старой Гянджи также сохранился фрагмент туловища и темно-коричневые рога козла (рис. 3, 1).

Известно, что козел является тотемным животным в мировоззрении многих, в частности, тюркских народов. Он символизировал солнце, плодородие, весну, изобилие и расцвет жизненных сил природы, имел связь с водой и деревом жизни, а также защищал от сглаза [8, с. 219; 16, с. 117–118; 17, s. 16]. Следует отметить, что для Арранской керамической школы весьма характерны красноокрашенные кюпы, украшенные штампованными поясками с сюжетными изображениями. В различных композициях на этих поясках обычно доминируют изображения животных, в частности, изображения козла, часто животных пар перед деревом жизни [17, с. 129–130].

Газель. На одном обломке чаши из городища Старой Гянджи сохранилось изображение бегущей газели (джейрана). Оно помещено в розетку многоконечной формы,

поле вокруг газели заполнено плетением и крупными четырехлепестковыми пальметтами (рис. 2, 3). Вызывает интерес также стиль изображения: гончар-художник не окрашивал изображения животного красителем, а резервировал его на гладком белом фоне. Художник-керамист стремился передать этого тонконового джейрана в совершенной форме, а также в характерной для него позе [5, с. 67, рис. 98]. Газель считается символом естественной красоты, изящества и чистоты. Не случайно, что человека, имеющего привлекательность, стройность, гибкость, красоту сравнивают с газелью, джейраном [18, с. 127].

Заяц. Нередки изображения зайца на поливной керамике Азербайджана. В этой связи заслуживает внимания изображение зайца на донной части небольших чаш из Старой Гянджи. На чаше, обнаруженной в 1940 г., изображение зайца расположено в центре композиции, на растительном фоне (рис. 3, 2). Рисунок заполнен красителем желтого цвета, элементы растительного орнамента ислими – зеленым. Несколько иное изображение зайца сохранилось на фрагменте другой чаши. Как верно подметила Н.Н. Наджафова, изображение прыгающего зайца на растительном фоне на втором фрагменте передано более реалистично. Гончар-художник, несмотря на стилизацию изображения, смог реально передать повадки и природные особенности животного [5, с. 68, рис. 103]. Подобное изображение зайца с некоторыми отличиями известно на полихромной керамике из Бейлагана и Агкенда в Южном Азербайджане [19, табл. 71, 2]. Образ зайца, как представителя животного царства, неоднозначен, имеет двусмысленную репутацию. С одной стороны, образ зайца олицетворяет ловкость, быстроту, бдительность, плодовитость и даже магическую силу, но, с другой стороны, ему приписывают хитрость, лживость, трусость, вожделение и похоть. В мифологии тюркских народов заяц олицетворял плодовитость, удачу, благополучие [7, с. 178–179; 20, с. 29–51; 21, с. 49–54].

Кошачьи. Представители этого семейства на произведениях художественной керамики Азербайджана сельджукского периода встречаются довольно часто. К сожалению, эти образцы представлены в основном во фрагментированном состоянии. Целые экземпляры встречаются редко. В этой связи заслуживает внимание художественное оформление глубокого блюда из раскопок цитадели Шамкира (рис. 3, 4). В центре композиции тонкой гравировкой изображен гепард в прыжке-беге [22, с. 669]. Фон изображения заполнен орнаментом астрального характера – солнечными дисками, выполненными зеленой краской с марганцевыми точками вдоль краев. На стенке чаши, на узкой кайме чередуются белые, зеленые и желтые полосы, что усиливает декоративность блюда. Композицию завершает бордюр, состоящий из цветных прямоугольников и эпиграфического орнамента.

Гепард – представитель семейства кошачьих, самый быстрый бегун среди сухопутной фауны. Гепард – единственный представитель кошачьих, способный исполнять роль охотничьей собаки. Эти особенности гепарда с древних времен обусловили довольно широкое использование его для охоты. Известно, что охота с гепардами практиковалась на Кавказе, в Центральной Азии, Индии, Китае и Европе [23, с. 13–15].

Судя по фрагменту, в центре композиции, на донной части чаши из городища Старой Гянджи расположено изображение животного, видимо, гепарда или льва

на растительном фоне, голова зверя утрачена. Фон изображения оживлен сгруппированными по три марганцевыми точками (рис. 4, 2). Изображение раскрашено охристо-желтой краской, растительный орнамент – зеленой.

Обращает на себя внимание обломок блюда или чаши, обнаруженный на участке А городища Старая Гянджа в 1938 г. (рис. 3, 5). На донной части тонкой гравировкой нанесен небольшой медальон с растительными и геометрическими элементами, раскрашенными зеленой краской. Судя по фрагменту, вокруг медальона были симметрично расположены изображения трех животных в виде львов или гепардов. Грива короткая, что характерно для гепарда. Сравнительно хорошо сохранилось изображение лишь одного животного, у которого видны голова, шея, частично передние конечности. От изображения двух остальных животных различимы только некоторые следы, фон рисунка оживлен сгруппированными по три марганцевыми точками.

Сюжетная композиция в виде трех зверей, следующих по кругу и вокруг центрального круга или медальона, имеет множество параллелей как в мусульманском искусстве, так и в сасанидском художественном металле. Большую близость можно увидеть на глазурованной керамике городища Бяндован. В.А. Квачидзе эту сюжетную композицию связывает с астрологическим сюжетом [24, с. 273–275]. Подобным образом декорирован серебряный ковш X в. из коллекции Фонда Марджани: снаружи ковш украшен изображением трех хищников – гепардов, идущих по кругу против часовой стрелки [25]. Хотя, несмотря на несомненную близость сцены на серебряном ковше с мотивом на керамике, у них имеются и некоторые различия.

На фрагменте глубокого блюда из Старой Гянджи, в центре композиции тонкой гравировкой изображен хищник, скорее всего, лев на растительном фоне (рис. 4, 1). У него зубчатая грива, длинный хвост. Рисунок сохранился не полностью – отсутствуют голова и шея животного. Обращает на себя внимание зубчатая грива льва. Такое изображение гривы приводит к выводу, что представлен сильный и взрослый лев, так как с возрастом грива становится более пышной. Изображение дано охристо-желтым цветом. Растительные побеги зеленого цвета завершаются бутонами фиолетового оттенка. Фон оживлен марганцевыми точками.

Чаша с изображением льва (?), обнаруженная на раскопе VII на территории шахристана Шамкира, сохранилась на половину (рис. 4, 3). На внутренней поверхности чаши на кольцевом поддоне с радиально расходящимися стенками и высоким прямым бортиком, сохранилась часть стилизованного изображения на фоне растительности. Утрачены голова и шея животного. Изображение животного с загнутым кверху хвостом заполнено красителем желтого цвета, а растительные побеги фона раскрашены зеленым цветом. Фон оживлен марганцевыми точками, сгруппированными по три. Цветные концентрические круги на стенке чаши усиливают ее декоративность. Композицию завершает бордюр на венчике, состоящий из двойных коротких линий, дугообразных и трапециевидных фигур, нанесенных марганцевой росписью.

С древних времен изображение льва было популярным в декоративно-прикладном искусстве. Образ льва часто встречается также в различных видах исламского искусства. Известно, что лев, царь зверей, являл собой символ высшей божественной силы, мощи, храбрости, стойкости, власти и величия. Образ льва олицетворяет

также благородство, великодушие, бдительность, доблесть, справедливость, гордость, триумф [26, с. 579].

На небольшом обломке чаши из Старой Гянджи сохранился фрагмент изображения животного, очевидно, леопарда (?), на растительном фоне (рис. 3, б). У него непропорционально большая голова, высокая шея, передняя левая лапа поднята, туловище не сохранилось. Голова, передние конечности и, очевидно, туловище заполнены красителем охристо-желтого цвета, шея – зеленым. Переходы от туловища к шее, от шеи к голове, выделены белой полосой с марганцевыми точками. Глаз изображен крупным, круглым, с каштановым зрачком. Свободное пространство растительного фона на чаше оживлено марганцевыми точками, сгруппированными по три. Следует отметить, что сгруппированные по три марганцевые точки, помимо декоративной нагрузки, имели также какое-то смысловое, видимо, магическое значение, выступая оберегами [27, с. 92; 28, с. 89, рис. 7].

В коллекции глазурованных полихромных изделий как городища Старой Гянджи, так и городища Шамкир, присутствует значительное количество небольших обломков чаш и блюд, декорированных изображениями животных, но вследствие их фрагментарности и мелких размеров обломков реконструировать рисунок или определить вид животного невозможно (рис. 5).

В целом, характеризуя данную категорию художественной керамики, отмечу, что на глазурованной полихромной керамике средневековых городов Гянджи и Шамкира реалистично исполнены фигурные изображения как домашних, так и диких животных, художниками-керамистами умело переданы их образы, характерные черты.

Напомним, что ислам не одобрял изображение живых существ, в особенности, человека. Считалось, что человек, изображающий живые существа, посягает на прерогативу Аллаха, за что будет строго наказан в Судный день, хотя в Коране и нет прямого указания, запрещающего изображения людей и животных, но оно имеется в хадисах. Так, в сборнике хадисов «Сады праведных» (*Рийад ас-Салихин*), составленном известном богословом и факихом, имамом Мухйиддином ан-Навави (1233–1278), по этому поводу приводятся высказывания пророка Мухаммада: «В День воскресения наиболее суровому наказанию пред Аллахом подвергнутся те, кто (пытается) уподобиться Аллаху в творении!»; «На того, кто создаст (какое-либо) изображение в этом мире, в День воскресения будет возложена обязанность вдохнуть в него дух, а он не (сможет сделать этого никогда)!»; «Поистине, из всех людей наиболее тяжким мукам в День воскресения подвергнутся создающие изображения!» [29, гл. 305].

Вещественные источники, в частности, глазурованная керамика сельджукской эпохи, свидетельствуют, что запреты богословов на живопись оказывались малоэффективными. Утилитарное, бытовое назначение керамической посуды как бы исключало богопочтительное отношение к ним. Не случайно, что выдающийся мусульманский ученый, теолог и правовед Абу Хамид ал-Газали (1058–1111) в своем трактате «Воскрешение наук о вере» (*Ихйа улум ад-дин*) отмечал: «Что касается разукрашенных подушек и ковров с рисунками, то они не относятся к дурному, точно так же и рисунки на тарелках, блюдах и сосудах» [30, с. 135]. Видимо, это обстоятельство обусловило относительную терпимость к фигурным изображениям в художественном ремесле,

которые наряду с каллиграфическими и орнаментальными мотивами, особенно широко применялись в художественном оформлении керамических изделий.

Следует иметь в виду, что для «экологического кодекса» ислама характерна гармония и взаимозависимость существования человека и природы, доброе отношение человека к среде обитания [15]. Не случайно, что фаунистическая тематика в поэзии сельджукской эпохи, в частности, в творчестве Низами Гянджеви (ок. 1141–1209), в особенности в поэме «Лейли и Меджнун» занимает значительное место. Ученые концентрируют внимание «на теме любви и нежности к животным, характерной для Низами как представителя восточного гуманизма, и на проводимой его творчеством суфийской доктрине, согласно которой все сущее есть проявление бога» [31, с. 112]. В этой связи Й.Х. Бюргель отмечает: «Нежность Низами к животным происходит из его любви и уважения к каждому созданию. ... Он наделяет особыми мифическими либо магическими свойствами определенных зверей и дает сверхъестественное измерение отношениям между человеком и животным миром» [32, р. 19].

Заключение

Подытоживая вышеизложенное, можно констатировать, что керамика, украшенная фигурными изображениями на растительном фоне, выполненная гравировкой в сочетании с полихромной трехцветной росписью под бесцветной, прозрачной поливой, была высокохудожественным видом глазурованной керамики сельджукского периода. Проведённый анализ приводит к выводу, что фаунистический мотив был популярным в искусстве, и существовали определенные художественные каноны в отношении фигурных изображений, в частности, изображений животных на керамической посуде. Фигурные изображения животных, как правило, помещались на дне сосуда, занимали центральное место в композиции и окружались растительными элементами, чаще всего орнаментом *ислими* – растительным узором из гибких стеблей-вьюнков и побегов с листьями и соцветиями. Как правило, зооморфные изображения удачно сочетаются с растительным орнаментом. Разветвленные растительные орнаменты являлись фоном и компонентом общего замысла. Часто свободное пространство на растительном фоне оживлено марганцевыми точками, сгруппированными по три, которые имели не только декоративное значение, но и несли идейную нагрузку, являлись оберегом. Все фигурные изображения на керамике не представлены как самостоятельные изображения и, в основном, выступают как важный, часто центральный, компонент декора. Художественное оформление посуды с фигурными изображениями не только не вредило ее утилитарной значимости в быту, а наоборот придавало изделию парадный вид, делало его использование более желанным. К тому же, на керамике помимо художественного смысла, изображение животных, видимо, несло в себе также идейную нагрузку, сакральную функцию.

Рис. 1. Фрагменты глазурованных чаш с изображением лошади: 1, 4 – Шамкир; 2-3, 5-6 – Старая Гянджа
Fig. 1. Fragments of glazed bowls depicting a horse: 1, 4 – Shamkir; 2-3, 5-6 – Old Ganja

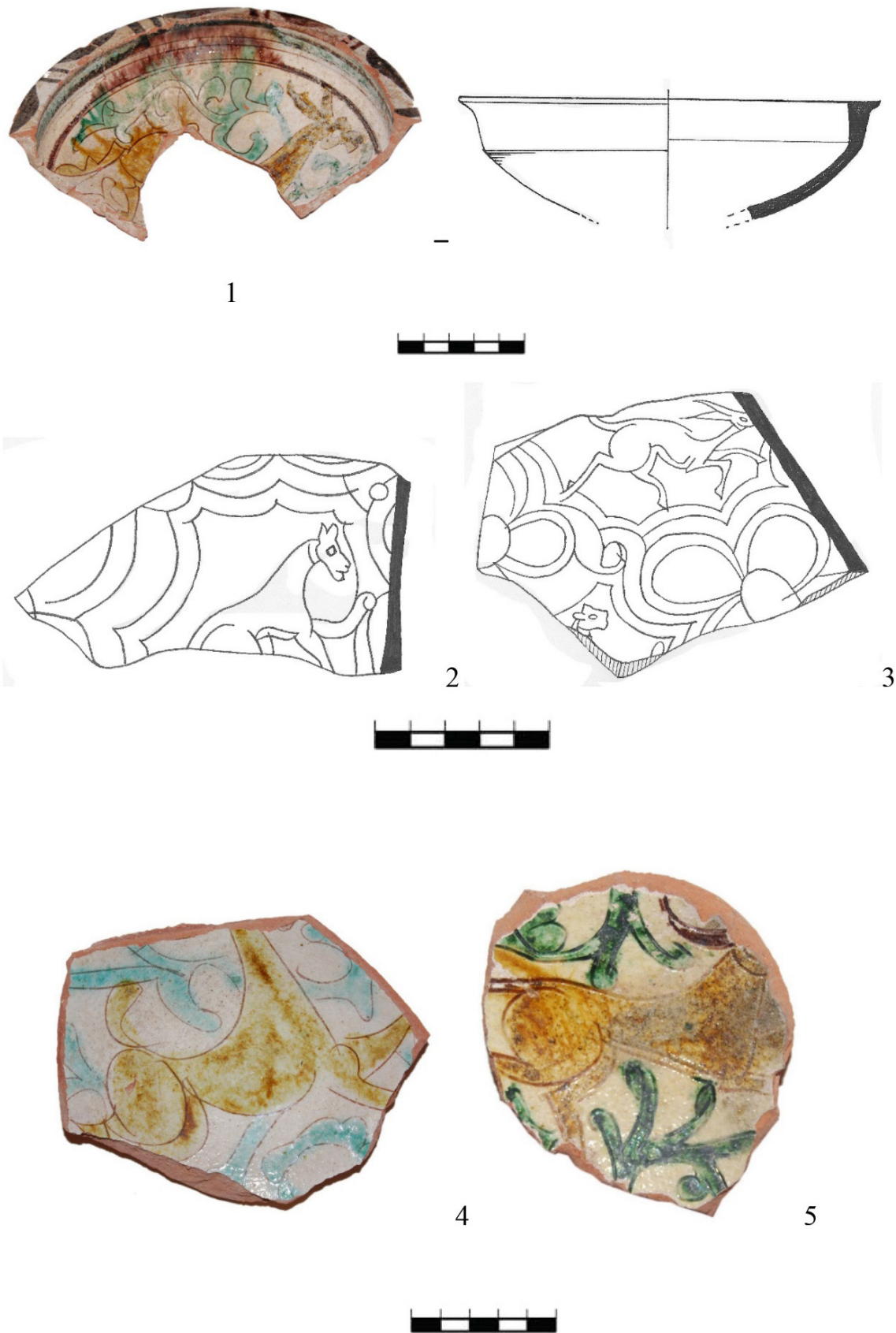

Рис. 2. Фрагменты глазурованных чаш с изображениями животных: 1, 4-5 – Шамкир; 2-3 – Старая Гянджа
Fig. 2. Fragments of glazed bowls with images of animals: 1, 4-5 – Shamkir; 2-3 – Old Ganja

Рис. 3. Образцы глазурованной посуды с изображениями животных:
1-3; 5-6 – фрагменты чаш (Старая Гянджа); 4 – глубокое блюдо (Шамкир)

Fig. 3. Samples of glazed dishes with images of animals:
1-3; 5-6 – fragments of bowls (Old Ganja); 4- deep dish (Shamkir)

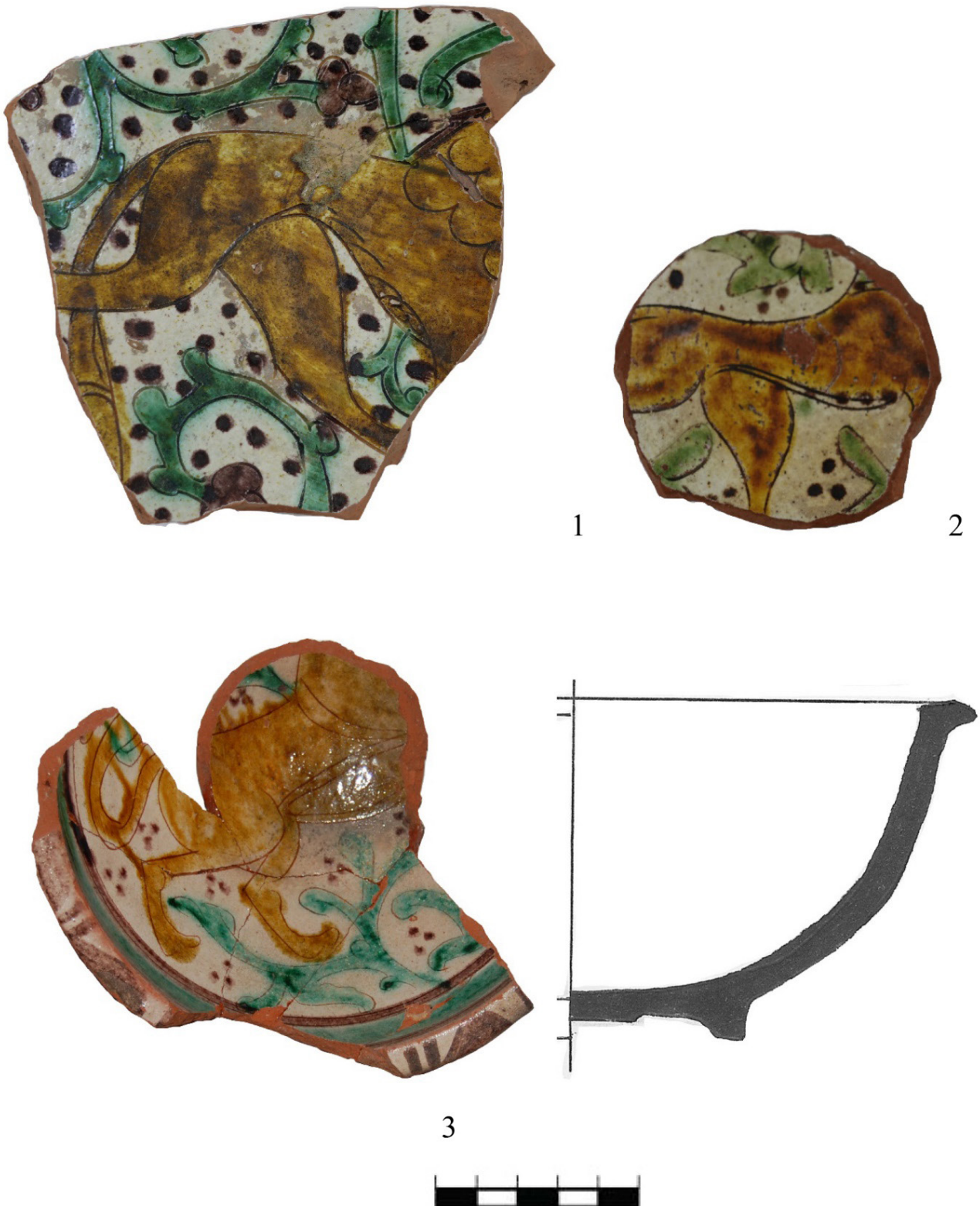

Рис. 4. Фрагменты глазурованной керамики с изображениями льва; 1-2 – Старая Гянджа; 3 – Шамкир
Fig .4. Fragments of glazed ware with images of a lion: 1-2 – Old Ganja; 3- Shamkir

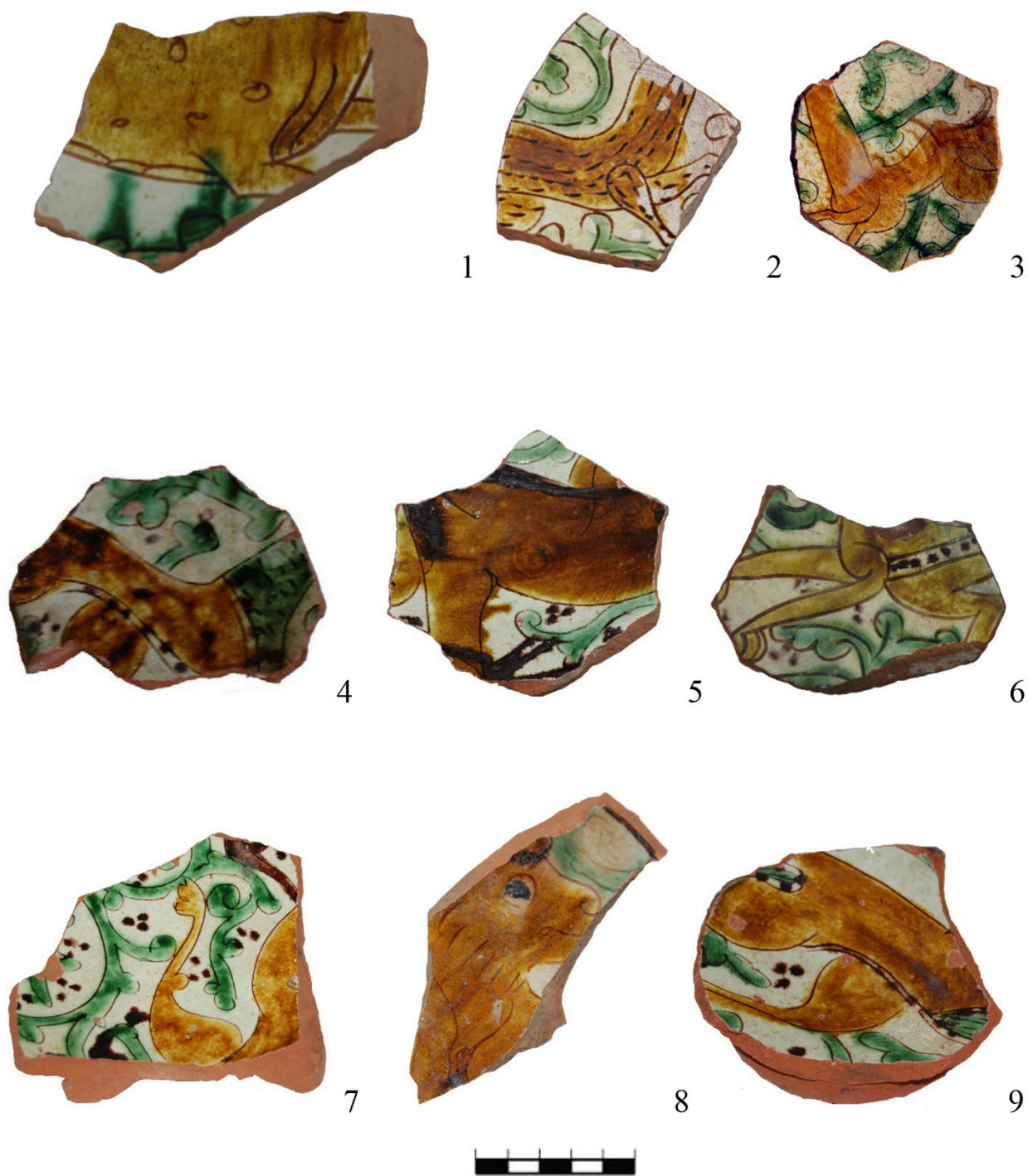

Рис. 5. Фрагменты глазурованных чаш: 1-2, 4-6 – Старая Гянджа; 3, 7-9 – Шамкир

Fig. 5. Fragments of glazed bowls: 1-2, 4-6 – Old Ganja; 3,7-9- Shamkir

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Lane A.A. Early Islamic Pottery: Mesopotamia, Egypt and Persia. London: Faber & Faber, 1947. – 148 p.
2. Джафарзаде И.М. Историко-археологический очерк Старой Ганджи. Баку: Изд-во АН Азерб. ССР, 1949. – 103 с.
3. Ахмедов Р.Д. Городище Гянджа. Из серии «Памятники материальной культуры Азербайджана». Баку, 1985. – 20 с.
4. Якут ал-Хамави. Му'джам ал-булдан (Сведения об Азербайджане) / Перевод с арабского З.М. Буниятова и П.К. Жузе. Баку: «Элм», 1983. – 34 с.
5. Наджафова Н.Н. Художественная поливная керамика Азербайджана XII-XV вв. Баку: Изд-во АН Азерб. ССР, 1964. – 141 с.
6. Коран / Перевод с арабского И.Ю. Крачковского. М.: СП ИКПА, 1990. – 512 с.
7. Çoruhlu Y. Türk mitolojisinin ana hatları. Kabalçı yayınevi, 2010. – 256 s. + ill.
8. Рзаева С.Ш. Древние культы и символика Азербайджана (доисламского периода). Баку: Элм, 2010. – 275 с.
9. Салимова А.Т. Архетипы коня и оленя в культуре Азербайджана // Баландинские чтения. Том XV. 2020. С. 371-379.
10. Шарьяфетдинов Р.Х. Мифопоэтический образ коня как отражение культуры тюркских народов в современной татарской литературе // Вестник ЧГПУ им. И.Я. Яковлева. Филологические науки. 2018. №4 (100). С. 111-116.
11. Азербайджанцы / отв. ред. А.Э. Мамедли, Л.Т. Соловьева. М.: Наука, 2017. – 708 с.
12. Левиатов В.Н. Керамика Старой Гянджи. Баку: Изд-во АзФАН, 1940, – 40 с.
13. Демидов С.М. Растения и животные в легендах и верованиях туркмен. Серия «Этнография туркмен». Вып. 1. М.: Старый сад, 2020. – 446 с.
14. Сафаралиева Г.М. Сопоставительное исследование зоонимов русского и азербайджанского языков. Автореф. дисс. докт. философии по филол. наукам. Баку, 2015, – 21 с.
15. Керимов Г.М. Шариат: закон жизни мусульман. Ответы Шариата на проблемы современности. СПб.: Издательство «ДИЛЯ», 2009. – 512 с.
16. Müseyibli N. Gəmiqaya. Bakı: Çasıoğlu, 2004. – 320 s.
17. Dostiyev T.M. Orta əsr Şəmkir şəhərinin keramikası. I hissə. Şirsiz saxsı məmulatı. Bakı: "Apostrof-A", 2020. – 224 s.
18. Сафаралиева Г.М. Зооморфная метафора как способ образной характеристики человека (на материале русского и азербайджанского языков) // Вестник Московского университета. Серия «Теория перевода». 2013. № 3. С. 121–128.
19. Azərbaycan arxeologiyası / Altı cildə. VI c. Bakı: "Şərq-Qərb", 2008. – 632 s.
20. Бурнаков В.А. Образ зайца в традиционных представлениях и фольклоре хакасов (конец XIX – середина XX в.) // Этнография. 2021. №2 (12). С. 29–51.
21. Илимбетова А.Ф. Заяц в фольклоре и религиозно-мистических воззрениях башкир // Известия АЛТГУ. Исторические науки и археология. 2021. №2 (118). С. 49–54.

REFERENCES

1. Lane AA. Early Islamic Pottery: Mesopotamia, Egypt and Persia. London: Faber & Faber, 1947.
2. Jafarzadeh IM. *Historical and archaeological sketch of Old Ganja*. Baku: Azerbaijan Academy of Sciences, 1949. (In Russ.)
3. Akhmedov RD. The ancient settlement of Ganja. *Monuments of the material culture of Azerbaijan*. Baku, 1985. (In Russ.)
4. Yakut al-Hamawi. *Mu'jam al-buldan* (Information about Azerbaijan). Translation from Arabic by Z.M. Bunyatov and P.K. Zhuze. Baku: Elm, 1983. (In Russ.)
5. Najafova NN. Artistic glazed ceramics of Azerbaijan of the 12-15th centuries. Baku: Azerbaijan Academy of Sciences, 1964. (In Russ.)
6. Koran. Translation from Arabic by I.Yu. Krachkovsky. Moscow: SP IKPA, 1990. (In Russ.)
7. Çoruhlu Y. *Türk mitolojisinin ana hatları*. Kabalçı yayınevi, 2010.
8. Rzaeva SSh. *Ancient cults and symbols of Azerbaijan (pre-Islamic period)*. Baku: Elm, 2010. (In Russ.)
9. Salimova A.T. Archetypes of the horse and deer in the culture of Azerbaijan. *Balandin readings*. Volume XV. 2020: 371-379. (In Russ.)
10. Sharyafetdinov RKh. Mythopoetic image of a horse as a reflection of the culture of the Turkic peoples in modern Tatar literature. *Bulletin of Chechen State Pedagogical University. Philological sciences*. 2018, 100(4): 111-116. (In Russ.)
11. *Azerbaijanis*. A.E. Mammadli, L.T. Solovyova (eds.). Moscow: Nauka, 2017. (In Russ.)
12. Leviatov VN. *Ceramics of Old Ganja*. Baku: AzFAN Publ., 1940. (In Russ.)
13. Demidov SM. Plants and animals in the legends and beliefs of the Turkmens. *"Ethnography of Turkmen" series*. Vol. 1. Moscow: Staryi Sad, 2020. (In Russ.)
14. Safaraliev GM. Comparative study of zoonyms in Russian and Azerbaijani languages. Abstract of PhD thesis. Baku, 2015. (In Russ.)
15. Kerimov GM. *Sharia: the law of life for Muslims. Sharia's answers to modern problems*. Saint Petersburg: DILYA Publ., 2009. (In Russ.)
16. Müseyibli N. Gəmiqaya. Bakı: Çasıoğlu, 2004. (In Azer.)
17. Dostiyev TM. Orta əsr Şəmkir şəhərinin keramikası. I hissə. Şirsiz saxsı məmulatı. Bakı: Apostrof-A, 2020. (In Azer.)
18. Safaraliev G.M. Zoomorphic metaphor as a way of figuratively characterizing a person (on the material of the Russian and Azerbaijani languages). *Bulletin of Moscow University. "Theory of Translation" series*. 2013, 3: 121-128. (In Russ.)
19. Azərbaycan arxeologiyası / Altı cildə. VI c. Bakı: Şərq-Qərb, 2008. (In Azer.)
20. Burnakov VA. The image of a hare in traditional ideas and folklore of the Khakass (late 19th – mid-20th c.). *Ethnography*. 2021, 12(2): 29-51. (In Russ.)
21. Ilimbetova AF. The hare in folklore and religious and mystical views of the Bashkirs. *News of Altai State University. Historical sciences and archeology*. 2021, 118(2): 49-54.

22. Достиев Т.М. Поливная керамика средневекового города Шамкир // Поливная керамика Средиземноморья и Причерноморья X–XVIII вв. Казань – Кишинев: Stratum Plus, Университет «Высшая антропологическая школа», 2017. С. 639–674.
23. Достиев Т.М. Изображения гепарда на средневековой керамике Азербайджана // *İrs/Наследие*. 2019. № 3 (99). С. 12–17.
24. Квачидзе В.А. Иранские реликты сюжетной композиции в средневековой художественной керамике Азербайджана // Азербайджан в многовековых многогранных культурных взаимосвязях. Сб. док. IV Бакинского международного симпозиума. Баку: «Насир», 1999. С. 273–276.
25. Торгоев А.И. Ковш // Путешествие ибн Фадлана: Волжский путь от Багдада до Булгара. Каталог выставки. М.: Издательский дом Марджани, 2016. С. 346–347.
26. Мифы народов мира. Энциклопедия. Электронное издание. М.: 2008. – 1147 с.
27. Эфенди Р. Эмблематика и символика в декоративно-прикладном искусстве Азербайджана // Известия АН Азерб. ССР. Серия «Язык, литература и искусство». 1967. № 2. С. 86–94.
28. Гаджиев М.С. Опыт интерпретации знаков строителей Дербента // Степы Восточной Европы в средние века. Сборник памяти С.А. Плетневой. М.: Издательство «Авторская книга», 2016. С. 81–118.
29. Имам ан-Навави. Сады праведных из слов господина посланников / Сост. Имам Мухйи-д-Дин Абу Закарийа бин Шариф ан-Навави. М.: Дом «БАДР», 2001. – 880 с.
30. Абу Хамид ал-Газали. Воскрешение наук о вере / Перевод с арабского, исследование и комментарий В.В. Наумкина. М.: Наука, 1980. – 376 с.
31. Байрамова А. Поэмы Низами Гянджеви в контексте взаимоотражения искусств. Баку: «Е. Л.», 2014. – 152 с.
32. Bürgel J.C. Nizami's World Order // A Key to the Treasure of Hakim. Artistic and Humanistic Aspects of Nizami's Khamsa. Ed. J.-C. Bürgel, C. Ryumbeke. Leiden University Press, 2011. P. 17–52.
22. Dostiyev T.M. Glazed ceramics of the medieval city of Shamkir. *Glazed ceramics of the Mediterranean and Black Sea region of the X-XVIII centuries*. Kazan – Chisinau: Stratum Plus, Higher Anthropological School, 2017: 639-674. (In Russ.)
23. Dostiyev T.M. Images of a cheetah on medieval ceramics of Azerbaijan. *İrs/Heritage*. 2019, 99(3): 12-17. (In Russ.)
24. Kvachidze V.A. Iranian relics of plot composition in medieval artistic ceramics of Azerbaijan. *Azerbaijan in centuries-old multifaceted cultural relationships. Collected articles. IV Baku International Symposium*. Baku: Nasir, 1999: 273-276. (In Russ.)
25. Torgoev A.I. Ladle. *Travel of Ibn Fadlan: The Volga route from Baghdad to Bulgar. Exhibition catalogue*. Moscow: Marjani Publ., 2016: 346-347. (In Russ.)
26. Myths of the peoples of the world. *Encyclopedia*. Electronic ed. Moscow, 2008. (In Russ.)
27. Efendi R. Emblems and symbolism in the decorative and applied arts of Azerbaijan. *News of the Academy of Sciences of Azerbaijan SSR. Series "Language, Literature and Art"*. 1967, 2: 86-94. (In Russ.)
28. Gadzhiev M.S. Experience in interpreting the signs of the builders of Derbent. *Steppes of Eastern Europe in the Middle Ages. Collection in memory of S.A. Pletneva*. Moscow: Avtorskaya Kniga, 2016: 81-118. (In Russ.)
29. Imam an-Nawawi. *Gardens of the righteous from the words of the lord of the messengers*. Comp. by Imam Muhyi d-Din Abu Zakariya bin Sharif an-Nawawi. Moscow: BADR, 2001. (In Russ.)
30. Abu Hamid al-Ghazali. *Resurrection of the Sciences of Faith*. Translation from Arabic, research and commentary by V.V. Naumkina. M.: Nauka, 1980. (In Russ.)
31. Bayramova A. *Poems of Nizami Ganjavi in the context of mutual reflection of arts*. Baku: E. L., 2014. (In Russ.)
32. Bürgel J.C. Nizami's World Order. *A Key to the Treasure of Hakim. Artistic and Humanistic Aspects of Nizami's Khamsa*. J.-C. Bürgel, C. Ryumbeke (eds.). Leiden University Press, 2011: 17-52.

Поступила в редакцию 03.05.2023 г.

Принята в печать 21.06.2023 г.

Опубликована 15.09.2023 г.

Received 03.05.2023

Accepted 21.06.2023

Published 15.09.2023

ЭТНОГРАФИЯ

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH193811-826>

Исследовательская статья

Штыбин Виталий Владимирович
аспирант

Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН, Москва, Россия
v.shtybin@yandex.ru

САКРАЛЬНЫЙ ЛОКУС ОЗЕРА ХУКО: РИТУАЛЬНО-ОБРЯДОВЫЙ КОМПЛЕКС, ЭТИМОЛОГИЯ И РЕЛИГИОЗНЫЙ СИМВОЛИЗМ

Аннотация. Ряд особенных ритуальных практик вызова дождя у причерноморских адыгов-шапсугов города Сочи Краснодарского края связан с локусом озера Хуко, расположенного на Большом Кавказском хребте у границы с Республикой Адыгея. В этой статье, на основе полевых исследований, этнографических и фольклорных материалов, сделана попытка исследовать эти практики во взаимосвязи с топонимической этимологией озера и его синкретическими религиозными символическими значениями. Наличие в обрядовых практиках и этимологии связи озера с морем и дельфином может указывать на наличие в них реликтовой символики раннего христианства в его «народной» форме. На это намекает и найденная рядом с озером «рыбная» символика, которая, тем не менее, требует тщательной проверки на предмет времени её появления. Все эти факторы позволяют нам провести анализ этимологии, символики и ритуально-обрядовых традиций, связанных с озером Хуко с целью раскрытия заложенных в них скрытых смыслов, как реликтовых представлений локальных версий народного христианства. В настоящей статье приводится анализ «морской» христианской символики применительно к сакральному нарративу озера Хуко путем раскрытия этимологической, символической и функциональной особенностей этого локуса причерноморских адыгов-шапсугов. Такой подход позволяет взглянуть на ритуальные практики локуса Хуко с позиций истории религии и функционального описания сакральных ландшафтов этнографической группы причерноморских адыгов-шапсугов. В результате анализа удалось выделить синкретические формы смешанных традиционных и христианских символов, скрытых в ритуально-церемониальном нарративе причерноморских адыгов-шапсугов, как существовавшие в прошлом, так и существующие по сей день в онтологических представлениях народа.

Ключевые слова: ритуальные практики; обряды; адыгский фольклор; адыги; черкесы; локус Хуко; символы христианства; символы Христа; этнография Кавказа; Сочи; причерноморские адыги-шапсуги; культурная антропология

Для цитирования: Штыбин В.В. Сакральный локус озера Хуко: ритуально-обрядовый комплекс, этимология и религиозный символизм // История, археология и этнография Кавказа. 2023. Т. 19. № 3. С. 811-826. doi.org/10.32653/CH193811-826

ETHNOGRAPHY

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH193811-826>

Research paper

Vitaly V. Shtybin,
Postgraduate Student
Institute of Ethnology and Anthropology of RAS, Moscow, Russia
v.shtybin@yandex.ru

THE SACRED SPACE OF LAKE KHUKO: RITUAL COMPLEX, ETYMOLOGY, AND RELIGIOUS SYMBOLISM

Abstract. Lake Khuko, located on the Greater Caucasus Range near the border with the Republic of Adygea, has been the site of numerous unique ritual practices of rainmaking among the Black Sea Circassians-Shapsugs of the city of Sochi, Krasnodar Territory. Based on extensive field research, ethnographic sources, and folklore materials, the article explores these ritual practices within the context of the toponymic origins of Lake Khuko and its syncretic religious symbolism. The examination of rituals and etymology reveals intriguing connections between the lake, the sea, and the dolphin. These connections may suggest the presence of remnants of early Christianity in its “folk” manifestation. This notion is further supported by the presence of “fish” symbolism near the lake, although its historical emergence requires further verification. The author meticulously analyzes the etymology, symbolism, and ritual traditions associated with Lake Khuko to unveil the hidden meanings embedded within them, representing local interpretations of folk Christianity. Moreover, he offers an in-depth exploration of the “sea” Christian symbolism in relation to the sacred narrative of Lake Khuko, elucidating the etymological, symbolic, and functional facets of this significant space within the Black Sea Circassians-Shapsugs’ cultural context. By adopting this approach, the study provides a comprehensive perspective on the Khuko site’s ritual practices within the broader framework of the history of religion and the functional portrayal of sacred landscapes among the Black Sea Circassians-Shapsugs. The analysis uncovers syncretic manifestations of traditional and Christian symbols, both historical and contemporary, embedded in the ritual and ceremonial narratives of the Black Sea Circassians-Shapsugs, thereby enriching our understanding of their ontological beliefs and practices.

Keywords: ritual practices; rites; Adyghe folklore; Adyghe people; Circassians; Lake Khuko; Christian symbolism; symbols of Christ; Caucasus ethnography; Sochi; Black Sea Adyghe-Shapsugs; cultural anthropology

For citation: Shtybin V.V. The Sacred Space of Lake Khuko: Ritual Complex, Etymology, and Religious Symbolism. History, Archeology and Ethnography of the Caucasus. 2023. Vol. 19. N.3. P. 811-826. doi. org/10.32653/CH193811-826

Озеро Хуко¹ расположено на высоте 1901,8 м над уровнем моря в водоразделе Главного Кавказского хребта между реками Пшехашха² и Шахе³ на границе Лазаревского микрорайона города Сочи и Майкопского района Республики Адыгея. Озеро расположено в 5 км к западу от Черкесского перевала и в 6 км к юго-западу от горы Фишт⁴ в Кавказском природном биосферном заповеднике, на территории, включённой ЮНЕСКО в список Всемирного наследия. Озеро образовалось в котловине, возникшей из тектонических трещин, в которых интенсивно происходили эрозия и морозное выветривание, разрушавшее горные породы в процессе замерзания воды и последующего таяния льда и снега⁵. На поверхности озера периодически наблюдаются небольшие водовороты, которые могут указывать на кратковременное просачивание вод через стенки водораздела, как это произошло с другим почти пересохшим озером неподалеку, воды которого постепенно ушли в бассейн реки Пшехашха, хотя изначально оно было больше, чем Хуко.

Озеро Хуко находится недалеко от пересечения горных дорог, которые в прошлом активно использовались местным населением, как основные пути от морского побережья в глубину континента. С одной стороны, это один из крупных маршрутов, проходивших с южных, и самых густонаселенных до середины XIX в., речных ущелий и приморских долин на северные равнины. В этом смысле он играл роль не только транспортного, но и торгового, и военного пути. С другой стороны, дорога к озеру Хуко по сей день представляет собой активный маршрут передвижения пастухов причерноморских адыгов-шапсугов, которые в летнее время выводят на высокогорные склоны стада мелкого и крупного рогатого скота, а также лошадей.

Локус озера Хуко представляет собой уникальный для региона Северо-Западного Кавказа локальный сакральный объект. Связанные с ним ритуальные практики вызова дождя у причерноморских адыгов-шапсугов сегодня потеряли актуальность, однако остаются в коллективной памяти общества важным фактором этнической и культурной идентичности.

Если обратиться к анализу этимологии названия озера и связанных с ним через ритуальные практики топонимов иных сакральных мест региона, мы можем обнаружить некоторую смысловую взаимосвязь реликтов через синкретические формы традиционных и христианских дискурсов. Однако, прежде чем перейти к их анализу, необходимо собрать воедино картину ритуальных практик, связанных с почитанием вод озера Хуко.

Ритуальные практики

Ритуально-обрядовые комплексы, связанные с вызовом дождя, были широко распространены в традиционных обществах по всему миру, в силу жизненной важности естественного увлажнения почвы для сельскохозяйственных работ. Отсюда и огромное количество исследований и публикаций, посвященных этому обряду в самых

1. Также известно, как Хико, адыг. «Хыкьо/Хыкьюэ»

2. Адыг. «КыыхьIуашхэ»

3. Адыг. «Шэхэ»

4. Адыг. «Фишт»

5. Озеро Хуко // Путешествия по Западному Кавказу: [сайт]. Электронный ресурс. Доступно по ссылке: <https://mountaindreams.ru/lake/catalog/ozera-lagonakskogo-nagorya/ozero-xuko/> (дата обращения: 21.04.2023).

Рис. 1. Озеро Хуко. Фотография участников интернет-форума «Дольмены Кавказа»
Image 1. Lake Huko. Photo of participants of the internet forum “Dolmens of the Caucasus”

разных обществах. На Северном Кавказе наличие похожего обряда отмечается в Дагестане, как в далеком прошлом, так в недавнее время [1; 2]. Об этом же в художественной форме писал классический русский писатель Александр Бестужев-Марлинский, известный своими этнографическими наблюдениями, который включил одну из форм такого обряда в рассказ «Мулла-Нур». Разница лишь в том, что его главный герой набирает воду в сосуд из талого снега на вершине священной горы Шах-Даг, а не из озера [3, с. 195–247].

В ритуальной практике причерноморских адыгов-шапсугов практиковались разные версии обряда вызова дождя, несколько различные по содержанию и ориентированности на сакральный объект, которых до середины XIX в. насчитывалось более 10 вариантов. До начала XXI в. сохранились лишь три из них – «Ханцэгуащэ», моление под священным деревом или у священной могилы и вынос воды из священного озера Хуко [4]. Однако, к настоящему времени эти обрядовые практики вышли из употребления в обществе, либо потеряли свой сакральный смысл.

Обряд «Ханцэгуащэ»⁶ долгое время был самой распространенной формой обряда вызова дождя среди адыгов (черкесов). В ходе полевых исследований, его в той или

6. Адыг. «Хьэнцэгуащэ»

иной форме с ностальгией вспоминали информанты старше 30 лет. Для них «Ханце-гуащэ» – важный маркер памяти, личного и этнического самосознания. Увидеть такой обряд можно и в современности, но сегодня его содержание десакрализовано и редуцировано до простой детской игры [5, с. 392].

Для проведения обряда на крестовую перекладину или на лопату для чистки снега зимой надевали чучело в женской одежде [6, с. 107]. Участники, в основном дети, иногда женщины, ходили с куклой по аулу или его части, от дома к дому. В пути они пели песню-молитву, в которой обращались к Ялле⁷ с просьбой послать им дождь. В каждом доме их встречали, обливая водой. После этого участникам раздавали подарки – в прошлом различные пирожки и вкусности, сегодня чаще дают деньги. Далее группа направлялась к реке, где куклу топили и иногда ломали [7, с. 90]. Молодежь плескалась в реке, обливала друг друга водой. Если появлялся прохожий, его старались затащить в реку, что в общих чертах представляет собой часть этого ритуала, связанного с образом Псыхогуащэ – покровительницы рек, озер и моря [6, с. 384–385; 8, с. 83]. В засушливое время такие ритуалы водили по десятку раз подряд до достижения эффекта, иногда приглашая соседей из других этнических групп, что придавало обряду гибридную форму.

Другие две версии обряда вызова дождя у причерноморских адыгов-шапсугов связаны с использованием священных деревьев, либо священных могил людей, убитых молнией. В обоих случаях использовались специальные пирожки «матаз» и «харып», которые участники либо съедали после молитвы о дожде, либо оставляли в складках коры дерева. В случае использования локусов могилы человека, который был убит молнией, центральным элементом обряда было ритуальное окропление речной водой камней на такой могиле; по другому варианту, кто-либо из родственников погибшего перемещал один из камней с поверхности могилы в реку. Через 3–7 дней, особенно если дождь не идёт, камень возвращали на место. При этом старались не потерять камень из виду, поскольку в случае его потери в реке считалось, что начнётся шторм или буря [6, с. 298, 393; 7, с. 87].

В версиях обрядов со священными могилами участвовали мужчины, которые приносили воду из реки или озера, плясали босыми и без шапок круговой танец «Уджь-хъ-урай»⁸ вокруг святых могил [8, с. 82]. Такой ритуал проводили «жрецы» из какого-либо рода, знающие молитвы и технику проведения обряда, при этом выступали в качестве ритуальных жрецов лишь представители из определенных родов. Они же организовывали действия участников, назначали роли, выясняли родственные связи, чтобы определить, кто имеет право переносить камни в реку и обратно на могилу. Например, обряды у могилы убитого молнией в урочище Жориштам к востоку от аула Тхагапш проводили жрецы из фамилии Тлиф⁹.

В более ранние времена в воду помещали череп крупного животного, например, коня, который считался оберегом [6, с. 387, 426]. Некоторые фольклорные экспедиции фиксировали у причерноморских адыгов-шаспугов, проживавших близко к берегу Черного моря, вариант обряда, при котором для вызова дождя совершали дополнительное действие – у морского берега в воду опускали цельные вороньи гнёзда.

7. «Святому Илье»

8. Русс. «Круговой танец».

9. Тлиф, А.: Информант, житель аула Тхагапш. – Записано со слов 06.11.2018.

Такой выбор объяснялся тем, что вороны по представлениям причерноморских адыгов-шапсугов, карканьем вызывали дождь или даже бурю, и опускание гнезда понуждало их громко и часто каркать [6, с. 387].

Был также «женский» вариант обряда. При молении женщин под священным деревом они брали кусочек его коры, чтобы принести на время в реку и позже вернуть обратно [7, с. 87].

В случаях, если обряды не производили ожидаемого эффекта и дождь не шёл, причерноморские адыги-шапсуги выбирали и отправляли посланцев к озеру Хуко. Посланцы набирали из озера воду и с нею возвращались в аулы. Считалось, что после ритуального выливания воды из озера в реку, по достижению ею морской воды, обязательно пойдёт дождь.

Информант Аис Тлиф из аула Тхагапш Лазаревского микрорайона Большого Сочи Краснодарского края также подтвердил, что в недавнем прошлом жители аула Тхагапш¹⁰ и расположенного через перевал аула Хаджико¹¹ ходили к священному озеру Хуко, о чем ранее в источниках не сообщалось. Тот же факт подтверждается словами жителя аула Хаджико Мурата Сизо¹².

Вот как описывает, по воспоминаниям, обряд похода к озеру Хуко житель аула Тхагапш Аис Тлиф: «В сухие времена, когда другие ритуалы не действовали, 3-е избранных обществом людей из аула отправлялись к озеру. Их отбирали по принципу хорошего поведения, уважения к ним в обществе, соблюдения всех мусульманских обрядов и народных обрядов¹³. Если им было тяжело, то их сопровождали молодые люди, но лишь до пределов границ земли у озера в прямой его видимости. К самому озеру избранные шли самостоятельно, делали намаз и с молитвой набирали в сосуд строго определенную меру воды, объем которой определялся устными преданиями. Воду из сосуда выливали в реку в верховьях реки Псезуапсе с молитвами и через сутки начинался дождь, который всегда шел 3 дня и прекращался вовремя, не доходил до стихийного бедствия» [12].

При проведении обряда соблюдался ряд строгих правил. Так, забрав воду из озера, нельзя было пролить ни капли, вылить воду в реку следовало в определенное время. Если же это сделать с нарушениями обрядов, начнется буря. По версии жителей аула Большое Псеушко, именно нарушение ритуала, когда посланец, пришедший вечером, не дожидаясь утра, сам вылил воду в реку, привело к разрушительному наводнению в 1992 г.¹⁴ Версии обряда в аулах разнятся – где-то просто опускают бутылку с водой в реку или в море, где-то выливают напрямую в море [9, с. 82–83].

Ныне обряд сохранился только в аулах долин рек Аше, Псезуапсе и Шахэ Лазаревского микрорайона города Сочи Краснодарского края. Но в последний раз он проводился в ауле Большой Кичмай Лазаревского микрорайона Большого Сочи Краснодарского края в 2013 г. представителями родов Гвашевых и Хушт. Однако, эта современная реконструкция имела выраженные гибридные формы, сочетая в себе элементы традиционной религии и общественно-политического активизма, направленного

10. Долина реки Псезуапсе.

11. Долина реки Аше.

12. Тлиф, А.: Информант, житель аула Тхагапш. – Записано со слов 27.03.2022; Священные деревья // СТОЛ: Электронный ресурс. Доступно по ссылке: <https://s-t-o-l.com/material/41030-svyashchennye-derevya/> (дата обращения: 21.04.2023).

13. При этом оговаривается словесная формула: «кто более привержен душой к Всевышнему».

14. О народных традициях шапсугов // Этнографика: Электронный ресурс. Доступно по ссылке: <https://youtu.be/frkFhM13N-Y> (дата обращения: 21.04.2023).

на популяризацию «народных традиций». Она так и осталась частной инициативой узкого круга этнических активистов, которая не превратилась в массовое явление в силу сложности обряда, предполагающей довольно длительный горный переход, и в силу отсутствия массового интереса к частным трактовкам адыгской (черкесской) традиционной религии в обществе причерноморских адыгов-шапсугов¹⁵.

Локальный характер обряда, наиболее вероятно, вызван дальностью расположения сакрального озера, которая ограничивала ареал его распространения внутри ближайших долин. Как и в прошлом, сегодня горные пути, проходящие мимо озера и связывающие маршруты сезонной миграции выпаса скота, ограничены тем же ареалом района Сочи Краснодарского края и расположенных в этом районе аулов причерноморских адыгов-шапсугов. Святость озера Хуко связывают с его происхождением «от удара молнии» [10, с. 275; 11, с. 215; 12, с. 51, 261], что роднит его с множеством других сакральных объектов адыгов (черкесов), которые использовались для обрядов вызова дождя – деревьев, рощ, камней, могил людей, убитых молнией или просто открытых мест, в которые, как считалось, попала молния. Немаловажное значение имело также то, что озеро находилось на пути сезонных миграций пастухов из долин рек Шахэ, Аше и Псезуапсе. Озеро соединяло общее пространство жизнедеятельности причерноморских адыгов-шапсугов из долин этих рек в едином сакральном смысле. Можно осторожно предположить, что и для коренных жителей других долин черноморского побережья района Сочи, от реки Аше на северо-западе и до долины реки Дагомыс на юго-востоке, до середины XIX в. озеро могло играть похожую роль, но информации об этом не сохранилось. В пользу этого предположения говорит существование в прошлом у убыхов и абазин центральной части Сочи обряда самошествующей Ахыновой коровы, который также соединял общее пространство жизнедеятельности приморских и горных общин на сакральной поляне в горах, где проводились финальные этапы этого обряда [13].

Заметим, что во многих случаях нарратив вод сакрального объекта в горах объединяет их с водами моря. Озеро Хуко в этом смысле не исключение и об этом явно говорит его название.

Этимология названия

Общепринятая версия значения названия озера Хуко – «дельфин». Она основана на адыгской (черкесской) этимологии «Хыкьо», составными элементами которой являются слова море («хы») и свинья («кьо»), то есть «морская свинья». Так называют обитающий в Черном и Азовском морях подвид дельфина, который в русском языке также известен, как «азовка». Однако, адыгское (черкесское) слово «кьо», можно перевести и как «сын», то есть значение слова «Хыкьо» может звучать как «сын моря», что напрямую намекает на легенду о связях озера с Чёрным морем, отраженную в ритуале вызова дождя причерноморских адыгов-шапсугов. В адыгейском языке слово дельфин сегодня звучит, как «хыкью», в котором лексема -кью относится к базовой для слова «сын». В кабардинском языке¹⁶ слово сын известно именно в такой форме «кью».

15. Шхалахов, А.: Информант, житель селения Цыпка. – Записано со слов 28.11.2018.

16. Согласно более современной концепции филолога М. Паштовой, кабардинский язык представляет собой восточное наречие единого черкесского (адыгского) языка.

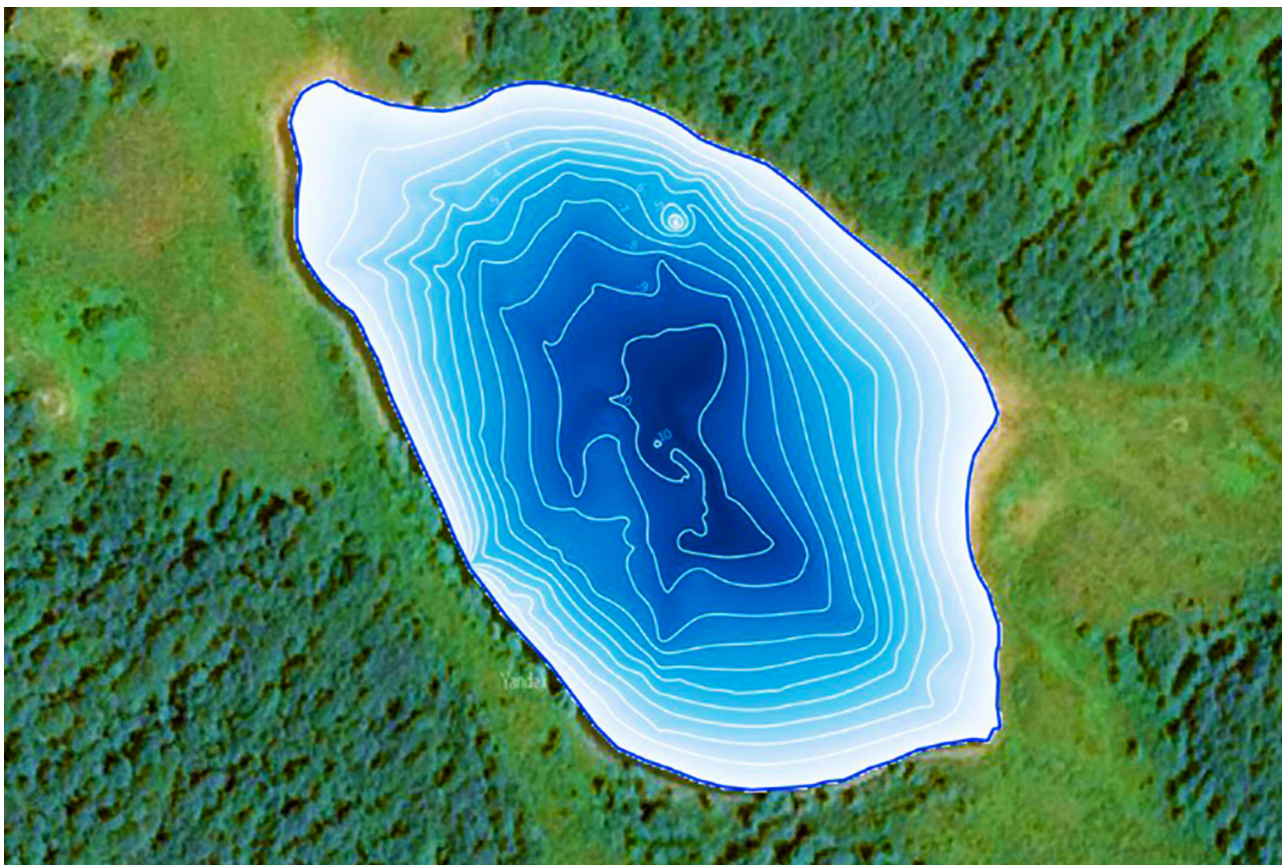

Рис. 2. Озеро Хуко. Вид в сервисе Google Maps с прорисовкой уровней глубины

Image 2. Lake Huko. View on Google Maps with depth levels depicted

Этнографическая экспедиция Евгения Шиллинга и Сергея Токарева в Причерноморской Шапсугии в 1939-м г. зафиксировала иное название озера – Хаджи, но располагалось оно на перевале Хыко, что по звучанию ещё ближе к оригинальной форме названия на адыгском (черкесском) языке [7, с. 90].

По одной из версий, название «дельфин» дано озеру из-за схожести форм с этим морским млекопитающим, которые действительно видны невооруженным глазом с ближайших возвышенностей [14, с. 214–215]. По другой версии, название озера может быть связано с морскими («рыбными») образами раннего христианства [15, с. 36–37].

Объяснение последней идеи потребует некоторого разъяснения. Для этого понадобится разобрать этимологию слова «Кодес», которым в прошлом адыги (черкесы), абазины и абхазы называли морского духа/божество и этим же словом маркировали сакральные локусы, которые использовались, в том числе, для ритуалов вызова дождя. Это же слово мы можем встретить в осетинском языке, как «Кодес» («Кодеш») в значении «святой», что говорит о его сакральном значении у народов Северо-Западного и Центрального Кавказа [16, с. 331].

По этому поводу учеными высказывались разные версии. Предполагается, что слово «Кодес» («Кодеш») еврейского происхождения, возможно, пришедшее из хазарской религиозной доктрины в Раннем Средневековье. Либо это слово было заимствовано через греческий язык, куда оно попало из семитских языков.

По мнению французского путешественника и ученого XVIII в. Шарля де Пейсонеля: «Этимология слова Кодош, означающего «святой» так же, как rangiassan¹⁷ происходит от греческого слова rapaghia, имя которое греки дают Святой деве». С другой стороны, Касим Меретуков в словаре адыгской (черкесской) топонимики высказывал версию о прямом переводе слова Кодес с адыгского языка, как «сидящие в долине»¹⁸, которая представляет собой сомнительное объяснение, более похожее на попытку дословного перевода заимствованных слов, столь популярную в народной лингвистике и которую можно часто увидеть в топонимических словарях [12, с. 112; 14, с. 73–74; 17, с. 172; 18, с. 138].

Морской символизм этого слова напрямую связан с этимологией и с реликтовыми ритуальными практиками причерноморских адыгов-шапсугов, сложившимися вокруг озера Хуко.

Символизм

В космогонии причерноморских адыгов-шапсугов Черноморского побережья Кавказа с водой были связаны духи/божества покровителей морей и рек – Хыгуаще и Псыхогуаще. К водным духам/божествам также причисляли Хепегуащэ – «деву вод морских», чьё почитание проводили ежегодно летом у берега моря с молитвенными обрядами и пляской ритуального кругового танца «удж хъурай». В культе, посвящённом Псыхогуащэ – «деве вод речных», молились о дожде, чаще всего весной [6, с. 241–247; 14, с. 68]. Молодежь обливала друг друга водой и плескалась в реке до тех пор, пока не наскучит, что в общих чертах представляет собой часть известного ранее ритуала вызова дождя «Ханцегуащэ» [6, с. 384–385; 8, с. 83].

Как мы уже отметили выше, покровителем Чёрного моря и его обитателей у причерноморских адыгов-шапсугов считался Кодес¹⁹, которого представляли в виде рыбы или дельфина. Считалось, что на его спине путешествует «дева речная» Псыхогуащэ, а помогает ему божество\дух морской стихии Хыгуащэ²⁰. Считалось, что Кодес удерживает море в пределах берегов, ему в старину молились перед рыбной ловлей, прося богатого улова. Путешественники сравнивали его с греческим Нептуном [11, с. 208; 14, с. 71–78; 19, с. 28].

Примечательно, что в абхазской мифологии эти же духи/божества сохранялись с теми же функциями, но с измененными ролями и гендером. Водная стихия у абхазов считалась вотчиной божеств/духов Хайта и Кодош. Их функции были связаны с локусами почитания моря у прибрежных рек, роц и отдельных деревьев²¹. Хайта считали повелителем морского царства, покровителем восхода и захода солнца, а его женским соответствием была Кодош, которой также присваивали функции помощи

17. У Пейсонеля знаменитое священное дерево черкесов (адыгов) в самом центре их земель.

18. От «кьо» – долина, «дэс» – он сидит.

19. Существуют также версии наименования Кордеш, Кодеш, Кодос, Коди и адыг. «Къодэс».

20. Она же Хепегуащэ и Хышхогуащэ. Вторым вариантом, вероятно, связан с родовой специализацией почитания этого покровителя у фамилии Хейшхо, которую некоторые этнографы считают убыхской и связывают с морским делом – торговлей и пиратством.

21. Топоним Кодош на карте Кубани // Заметки Географа: Электронный ресурс. Доступно по ссылке: <https://viktor-dnk.ru/toponimu/kodosh/> (дата обращения: 21.04.2023).

при деторождении, что символически повторяет функционал христианского образа Богородицы, известной на Кавказе в образе Мэрием²².

Христианская Богородица Мариям высоко почиталась у адыгов (черкесов) [20, с. 6]. Распространенный в молитвах образ Мэрием – матери Божьей (Святой Марии) прямо относится к христианскому влиянию, как и названия дней недели – среды, пятницы, субботы и воскресенья [20, с. 88; 21, с. 177; 22, с. 67, 107–108]. В честь Мэрием, кроме молитв, устраивались и отдельные праздники в конце августа во время уборки урожая [19, с. 28] и осенью во время зимнего солнцестояния [21, с. 127; 30, с. 304]. Исследователи связывают имя Мэрием со образом Божьей матери Святой Марии (Девы Марии) [6, с. 259–265; 11, с. 216–217; 19, с. 28, 32; 21, с. 87; 22, с. 109; 24, с. 58–59; 25, с. 41; 26, с. 32]. В ритуалах обращения к Богу за помощью «Тхатлеу»²³ видны измененные христианские молитвы Христу и Деве Марии, а также в прошлом наблюдался ритуал причащения, помазания кровью [6, с. 467–469, 475–478; 26, с. 54–56; 27, с. 41, 85–89].

В абхазском варианте мифологии видны зеркально перевернутые роли адыгских (черкесских) Псыхогуацэ и Кодеса²⁴. Символическая связь двух духов\божеств, вероятно, порождена народной адаптацией символизма Святой Марии (Богородицы) и Иисуса Христа²⁵, как двух базовых образов христианства. На это же намекает и ритуальный функционал, требующий, в большинстве случаев, выливания воды только в реку, которая должна отнести её в море, чтобы «отец-море услышал сына-озеро и послал ему свои слёзы-дождь», прослеживается христианская символика «отца и сына». Таким образом, в этой интерпретации абхазский вариант образов двух водных покровителей наиболее близок по смыслу народной христианской его интерпретации.

Известно также о наличии у кабардинцев («восточных адыгов (черкесов)») в прошлом части поминального обряда «Кадес». В течение 40 дней близкие родственники (чаще только жена) должны были посещать могилу умершего мужчины и некоторое время находиться рядом с могилой. Этот обряд был известен в русской интерпретации, как «надмогильное сидение» [28, с. 68].

В качестве гипотезы возможно предположить связь образа адыгского (черкесского) Кодеса, как дельфина, с принятыми в раннем христианстве образами-символами Иисуса Христа, как рыбы или дельфина [29, с. 42].

Существуют три символа, которые имеют высокий статус главных христианских символов: церковь, крест и символ рыбы [30, с. 3]. Символ Христа как рыбы происходит от греческого слова ἰχθῦς (ихтис или ихтус), что дословно означает рыба. Она стала религиозным символом для христиан во II в. и долгое время оставалась тайным знаком их идентификации, как группы. Слово «рыба» на греческом языке использовалось в качестве акронима для Ἰησοῦς Χριστὸς Θεοῦ Υἱὸς Σωτήρ (Иисус Христос, Сын Божий, Спаситель). Ранние христиане рисовали этот символ чаще, чем евреи или другие религиозные общины. Хотя христиане начали использовать его во II в., массовое использование символа началось только в III и IV вв. Христиане использовали его

22. Мерисса, Мериам, Мэрем или Мэрейм – Святая Мария. Версия слова Мэриам повторяет прямую этимологию имени на арамейском языке «Мирьям».

23. Адыг. тхэ – «бог», лэагу – «просить».

24. Впрочем, это не исключительный случай для адыгской (черкесской) мифологии. Сравним, например образ адыгского (черкесского) покровителя леса Мезитха и его женскую ипостась Мезгуацэ.

25. В классическом образе дельфина-спасителя, помогающего душам попасть в рай.

в своих катакомбах, связывая их с Евхаристией. Символ также появлялся в контексте крещения. Однако точное происхождение символа рыбы в христианстве остается предметом спора [30, с. 5-6]

В Новом Завете символика рыбы связывается с проповедью, в которой бывших рыбаков, а после апостолов, Христос называет «ловцами человеков»²⁶, а Царствие Небесное уподобляет «неводу, закинутому в море и захватившего рыб всякого рода»²⁷.

Что касается образа дельфина, его содержание связано с давними представлениями моряков о дельфинах, как избавителей от бед и спасителей. В греко-римских (и, в меньшей степени, еврейских) дохристианских представлениях, образ рыбы связывался со смертью, пасторальными мотивами, сексуальностью и пророчествами, астрологической идеей о том, что знак Рыб отмечает конец эпохи и начало новой. В этих представлениях божества превращаются в рыб, а у аристократии выработалась привычка держать рыб в качестве домашних животных. Рыба была одним из самых распространенных продуктов питания, а потребление больших рыб было признаком высокого статуса, в то время как рыболовство воспринималось, как занятие маргинальных слоев населения [31, с. 12-13]. В христианском нарративе, дельфины стали символом Иисуса Христа, переносящего души на берега рая [32, с. 1055; 33, с. 842].

Есть основания предполагать, что Кодес в прошлом имел большое значение в культуре адыгов (черкесов), абазин и абхазов, и именно с ним связано табу причерноморских адыгов-шапсугов на поедание морской рыбы²⁸, которое после Кавказской войны приобрело новый нарратив в культуре всех адыгских (черкесских) этнических групп. Французский консул в Крымском ханстве XVIII в. и исследователь Ксаверио Главани при описании священного дерева Пенекассан у адыгов (черкесов) упоминает о посвящении убитых молнией людей «богу Кодос», хотя по описанным функциям он больше напоминает громовержца Шибле. Термин Кодос относился к захоронениям убитых молнией людей и животных, к самим таким людям и животным, к священным деревьям, у которых оставляли бараньи головы после жертвоприношений, в том числе у абхазов [17, с. 172; 18, с. 138; 34, с. 43–44]. Постепенно образ водного божества видоизменился, но старое табу осталось.

В прибрежной топонимике Черноморского побережья Краснодарского края распространено наименование «Кодош» («Кодеш»), которым отмечали сакральные локусы, используемые в прошлом для ритуальных практик. С достоверностью можно установить это название в этимологии наименований: современного мыса Кодош, к северо-западу от города Туапсе, сакральную рощу которого описывал Шарль де Пейсонель [18, с. 138]; в названии реки Матросская щель²⁹ в XIX в.; в названии долины реки Джубги Туапсинского района Краснодарского края [35, с. 185; 36, с. 19]; в одном из имён реки у аула Малое Псеушхо и самого этого аула там же, как «место приношений Кодешу»³⁰ [11, с. 208; 12, с. 112]; в наименовании горы Кодо в междуречье рек Бекишей и Большой Наужи, правых притоков Аше Лазаревского микрорайона города Сочи. Одноименное название носил исчезнувший русский переселенческий посёлок в устье реки Большой Наужи в конце XIX – середине XX вв. Мыс Агрия и устье долины

26. Мф (Евангелие от Матфея) 4:19; Мк (Евангелие от Марка) 1:17.

27. Мф (Евангелие от Матфея) 13:47.

28. Возможно, как тела Христова.

29. Посёлок Головинка Лазаревского микрорайона города Сочи.

30. Адыг. «КуэдэщэхьыпI»

Рис. 3. Рисунок рыбы охрой на камне около озера Хуко.
Фотография участника интернет-форума «Дольмены Кавказа», Мадина Хушта. 2013 год

Image 3. Drawing of a fish in ochre on a stone near Lake Huko.
Photo of a participant in the Internet forum "Dolmens of Caucasus" Madin Khusht. 2013

реки Ту на месте расположения селения Ольгинка в Туапсинском районе Краснодарского края в прошлом носили второе название Кодос [37, с. 55, 84].

В прошлом «Кодоши» имели главный статус сакральных мест и трансформировались в культ вызова дождя, связанный с образом духа/божества молнии и грома Шибле, как и места почитания божества/духа моря Хыгуащэ [11, с. 203; 14, с. 18; 17, с. 146–147].

Возможно, с вышперечисленной символикой связан найденный на одном из природных камней у озера Хуко рисунок рыбы, выполненный охрой с белой обводкой.

О более мелких рисунках рыб внутри того же каменного завала у озера сообщали информанты в разное время³¹. Однако, без проведения экспертизы рисунка мы не можем до конца утверждать о времени его создания. По предварительным данным, белая обводка контура рыбы выполнена современной краской. Учитывая присутствие множества последователей эзотерических и мистических течений на Западном Кавказе, которые активно проявляли себя с конца 1980-х годов, а также существование множества символических изображений и объектов, созданных этими движениями, в том числе на археологических памятниках (например, Кудепстинский жертвенный камень), мы можем предположить, что происхождение этих рисунков относительно современно и вдохновлено доступными фольклорными и этнографическими материалами.

Сакральный локус озера Хуко исчез из ритуальных практик причерноморских адыгов-шапсугов, но остается маркером этнокультурной коллективной памяти. О его важности говорят попытки возрождения культовых практик в рамках переосмысленных гибридных форм традиционной религии. Вероятно, к этому же процессу можно отнести появление в окрестностях озера рисунков «рыб», если удастся установить их относительную новизну.

Этимология, ритуальные практики прошлого и символическое значение озера Хуко напрямую связаны с ритуалами вызова дождя, речными и морскими нарративами. Мы можем более-менее уверенно утверждать, что локус озера был связан в прошлом в некоторого рода систему сакральных локусов причерноморских адыгов-шапсугов, в которую входили также деревья, рощи, священные могилы и камни, реки и прибрежные места. Ключевыми мифологическими образами этой системы считались покровитель моря Кодес, изображавшийся в виде дельфина, и восседавшая на нём покровительница рек, морей и озер Псыхогуацэ. В абхазской мифологии мы находим их гендерно зеркальные образы в виде покровительницы моря, рек и деревьев Кодош и морского божества Хайта. В обеих версиях функциональные особенности Псыхогуацэ/Кодоши повторяют образ христианской Богородицы, известной у адыгов (черкесов), абазин и абхазов под именем Марием и широко почитаемой в культуре, сохранившей многочисленными ее упоминания в языке, молитвах, повседневных словах.

В то же время образ покровителя моря Кодеса, как дельфина, повторяет функциональные особенности и символизм древнего образа Иисуса Христа, как проводника душ на берега рая. Локус озера Хуко связан с ними через этимологию названия, которое в русском переводе означает либо «Сын моря», либо «Морская свинья»³². Озеро выступает в ритуальных практиках либо как прямой образ Христа, либо как переносный «сына Божьего».

Таким образом, через анализ ритуальных практик, этимологии и символизма сакрального локуса озера Хуко мы можем исследовать и наблюдать реликты некогда обширной системы фольклорно-мифологических представлений предков причерноморских адыгов-шапсугов, абазин и абхазов, напрямую связанные с синкретическими формами народного христианства, бытовавшими у них до глубокого проникновения ислама к началу-середине XIX века.

31. Озеро Хуко (самый высокогорный дольмен России) (1800 метров над уровнем моря) // Дольмены Кавказа: [сайт-форум]. – URL: <https://dolmen-kavkaz.ucoz.ru/forum/13-168-1> (дата обращения: 21.04.2023).

32. Подвид Черноморского дельфина

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гмыря Л.Б. «Диковинный» обряд вызова дождя в религиозной практике населения Прикаспийского Дагестана (652/653 год) // Известия Вузов. Северо-Кавказский регион. Ростов-на-Дону: Южный федеральный университет, 2009. №3. С. 58–62.
2. Гмыря Л.Б. Обряды вызова дождя в традиционной культуре тюркоязычных народов Прикаспийского Дагестана // Вестник Института истории, археологии и этнографии. 2010. №3. С. 103–124.
3. Бестужев-Марлинский А.А. Амалат-бек. Кавказские повести. СПб.: Издательство «Наука», 1995. – 701 с.
4. Кудин М.И. Обряды вызывания дождя у современных шапсугов Причерноморья // Сочинский краевед: Сборник статей. Сочи, 2000. Вып. 9. С. 17–21.
5. Штыбин В.В. Культ грома у Причерноморских адыгов-шапсугов в прошлом и современности // Сборник статей магистрантов факультета истории, социологии и международных отношений (ФИСМО) КубГУ. Краснодар: Кубанский государственный университет, 2020. С. 391–395.
6. Шортанов А.Т. Адыгская (черкесская) мифология и культы. Нальчик: Издательство М. и В. Котляровых, 2016. – 496 с.
7. Ботьяков Ю.М. Архивные и иллюстративные материалы Е.М. Шиллинга по традиционным верованиям адыгов из собрания МАЭ // Культурное наследие народов Центральной Азии, Казахстана и Кавказа: Сборник МАЭ РАН. СПб.: Издательство «Наука», 2006. Т. 52. С. 81–95. Библиогр.: с. 95.
8. Гутова Л.А. Обряд вызывания дождя в фольклоре и этнографии адыгов // Вестник Института гуманитарных исследований правительства Кабардино-Балкарской Республики и Кабардино-Балкарского научного центра РАН. 2013. №1 (20). С. 79–86.
9. Нагучев Д.М. Мой аул Хаджико. Майкоп: «Полиграф-Юг», 2009. – 194 с.
10. Коков, Дж.Н. Адыгская (черкесская) топонимия. Нальчик: Книжное издательство «Эльбрус», 1974. – 316 с.
11. Лавров Л.И. Избранные труды по культуре абазин, адыгов, карачаевцев, балкарцев. Нальчик: ГП КБР «Республиканский полиграфкомбинат им. Революции 1905 г.», 2009. – 556 с.
12. Меретуков К.Х. Адыгейский топонимический словарь. Майкоп: Издательство «Качество», 2003. – 423 с.
13. Агабабян А.Г. Культ Ахына // Археология и этнография понтийско-кавказского региона: Сборник научных трудов. Краснодар: Кубанский государственный университет, 2016. С. 37–77.
14. Святилища абхазов и святые места адыгов: сравнительно-типологическое исследование: монография / Гл. ред. А. Н. Соколова; Адыгейский государственный университет. Майкоп: Издательство «Магарин О.Г.», 2015. – 174 с.
15. Штыбин В.В. Священные места и гибридные культы причерноморских адыгов-шапсугов //

REFERENCES

1. Gmyrya LB. “An outlandish” rainmaking ritual in the religious practice of the population of Caspian Dagestan (652/653). *Izvestia Vuzov. North Caucasus region*. Rostov-on-Don: SFU. 2009, 3: 58-62. (In Russ.)
2. Gmyrya LB. Rainmaking rituals in the traditional culture of the Turkic-speaking peoples of the Caspian Dagestan. *Bulletin of the Institute of History, Archeology and Ethnography*. 2010, 3: 103-124. (In Russ.)
3. Bestuzhev-Marlinsky AA., Ammalat-bek. *Caucasian stories*. St. Petersburg: Nauka, 1995. (In Russ.)
4. Kudin MI. Rainmaking rituals among modern Shapsugs of the Black Sea region. *Sochinskiy kraeved: collected articles*. Sochi. 2000; 9: 17-21. (In Russ.)
5. Shtybin VV. The cult of thunder among the Black Sea Circassians-Shapsugs in the past and present. *Collection of articles by undergraduates of the Faculty of History, Sociology and International Relations (FISMO) of KubSU*. Krasnodar: Kuban State University, 2020: 391-395. (In Russ.)
6. Shortanov AT. *Adyghe (Circassian) mythology and cults*. Nalchik: M. and V. Kotlyarov Publ., 2016. (In Russ.)
7. Botyakov YuM. Archival and illustrative materials by E.M. Shilling on the traditional beliefs of the Circassians from the collection of the MAE. *Cultural heritage of the peoples of Central Asia, Kazakhstan and the Caucasus: Collection of the MAE RAS*. St. Petersburg: Nauka, 2006. Vol. 52. pp. 81–95. Bibliography: p. 95. (In Russ.)
8. Gutova LA. The rainmaking ritual in the folklore and ethnography of the Circassians. *Bulletin of the Institute for Humanitarian Research of the Government of the Kabardino-Balkarian Republic and the Kabardino-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences*. 2013, 20(1): 79-86. (In Russ.)
9. Naguchev DM. *My village Hadzhiko*. Maykop: Poligraf-Yug, 2009. (In Russ.)
10. Kokov JN. *Adyghe (Circassian) toponymy*. Nalchik: Book publishing house “Elbrus”, 1974; 316 p. (In Russ.)
11. Lavrov LI. *Selected works on the culture of the Abazins, Circassians, Karachais, Balkars*. Nalchik, 2009. (In Russ.)
12. Meretukov KKh. *Adyghe toponymic dictionary*. Maykop: Kachestvo, 2003. (In Russ.)
13. Agababyan AG. The cult of Akhyn. *Archeology and ethnography of the Pontic-Caucasian region: Collection of scientific works*. Krasnodar: Kuban State University, 2016: 37-77. (In Russ.)
14. *Sanctuaries of the Abkhazians and sacred spaces of the Circassians: a comparative typological study: monograph*. A. N. Sokolova (ed.); Adyghe State University. Maykop: Magarin O.G. Publ, 2015. (In Russ.)
15. Shtybin VV. Sacred spaces and hybrid cults of the Black Sea Circassians-Shapsugs. Final qualifying work (Master’s thesis). Krasnodar: Kuban State University, 2020. (In Russ.)
16. Abaev VI. *Ossetian language and folklore: Collection of articles*. Moscow, St. Petersburg: Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 1949. (In Russ.)
17. Glavani K. Description of Circassia of 1724. *Collection*

Выпускная квалификационная работа (Магистерская диссертация). Краснодар: Кубанский государственный университет, 2020. – 114 с.

16. Абаев В.И. Осетинский язык и фольклор: Сборник статей. М., СПб.: Издательство Академии Наук СССР, 1949. – 608 с.

17. Главани К. Описание Черкесии 1724 г. // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Тифлис, 1893. Вып. 17. – 44 с.

18. де Пейсонель Ш. Трактат о торговле на Чёрном море // Кавказ: европейские дневники XIII–XVIII веков / Составитель В. Аталиков. Нальчик: Издательство М. и В. Котляровых, 2010. Вып. III. С. 121–140.

19. Люлье Л.Я. Черкесия. Историко-этнографические статьи // Материалы для истории черкесского народа. Краснодар, 1927. Вып. 4. – 47 с.

20. Остапенко Р.А. Элементы христианства в культуре адыгов по данным этнографических, лингвистических и археологических источников // Наследие веков: Сборник статей. Краснодар, 2019. №1. С. 78–97.

21. Хан-Гирей С. Избранные труды и документы. Нальчик: ОАО «Полиграф-ЮГ», 2009. – 672 с.

22. Чамокова С.Т. Религиозные верования адыгов: генезис, динамика развития IV–XVI вв. (историко-социологический аспект). Майкоп: издательство Адыгейского государственного университета, 2013. – 188 с.

23. Белл Дж. Дневник пребывания в Черкесии: Перевод с английского / К. А. Мальбахов. Нальчик: Издательство М. и В. Котляровых, 2016. Т. 2. – 407 с.

24. Мижаев М.И. Мифологическая и обрядовая поэзия адыгов / Отв. ред. доктор филологических наук, проф. М. Я. Чиковани / Карачаево-Черкесский НИИ экономики, истории, языка и литературы. – Черкесск: Ставропольское книжное издательство. Карачаево-Черкесское отделение, 1973. – 208 с.

25. Дубровин Н.Ф. Черкесы (Адыге). М.: Издательство «В. Секачев», 2013. – 212 с.

26. Сивер А.В. Шапсути. Нальчик: Полиграфсервис и Т, 2002. – 216 с.

27. Лапинский Т. Горцы Кавказа и их освободительная борьба против русских. Описание очевидца Теофила Лапинского (Тэффик-бея) полковника и командира польского отряда в стране независимых горцев. Нальчик: Издательский центр «Эль-Фа», 1995. – 136 с.

28. Ногмов Ш. История Адыгейского народа. Составленная по преданиям кабардинцев. – Нальчик: «Эльбрус», 1994. – 232 с.

29. Aquilina M. Signs and Mysteries: Revealing Ancient Christian Symbols. – Huntington, USA: «Our Sunday Visitor», 2008. – 192 p.

30. Suprianto B., Alfian A., Kristanto D. Fish in Faith: Exploring Symbol as Survival Strategies in Christianity // Religious: Jurnal Studi Agama-Agama dan Lintas Budaya. Bandung, Indonesia: Universitas Gadjah Mada, 2022. – 293-304 pp.

31. Rasimus T. Revisiting the Ichthys: A Suggestion Concerning the Origins of Christological Fish Symbolism // Mystery and Secrecy in the Nag Hammadi Collection and Other Ancient Literature: Ideas and Practices. Leiden, Germany – Boston, USA: Koninklijke Brill NV, 2012. – С. 327–348.

of materials for the description of localities and tribes of the Caucasus. Tiflis, 1893. Issue 17. (In Russ.)

18. de Peysonel S. Treatise on trade on the Black Sea. In: V. Atalikov (comp.). *Caucasus: European diaries of the 13th–18th centuries*. Nalchik: M. and V. Kotlyarov Publ., 2010; 3: 121-140. (In Russ.)

19. Lyulye LYa. Circassia. Historical and ethnographic articles. *Materials for the history of the Circassian people*. Krasnodar, 1927. Issue. 4. (In Russ.)

20. Ostapenko RA. Elements of Christianity in the culture of the Circassians according to ethnographic, linguistic and archaeological sources. *Heritage of the Ages: Collection of articles*. Krasnodar, 2019, 1: 78-97. (in Russ.)

21. Khan-Girey S. *Selected works and documents*. Nalchik: Poligraf-Yug, 2009. (in Russ.)

22. Chamokova ST. *Religious beliefs of the Circassians: genesis, dynamics of development in the 4th–16th centuries (historical and sociological aspect)*. Maykop: Adygea State University Publishing House, 2013. (in Russ.)

23. Bell J. *Diary of a stay in Circassia: Translation from English*. Nalchik: M. and V. Kotlyarov Publ., 2016. T. 2.

24. Mizhaev MI. *Mythological and ritual poetry of the Circassians*. Doctor of Philology, prof. M. Ya. Chikovani (ed.). Karachay-Cherkess Research Institute of Economics, History, Language and Literature. Cherkessk, 1973. (in Russ.)

25. Dubrovin NF. *Circassians (Adyghe)*. Moscow: V. Sekachev Publ., 2013. (in Russ.)

26. Siver AV. *Shapsugs*. Nalchik: Poligrafservis i T, 2002. (in Russ.)

27. Lapinsky T. Mountaineers of the Caucasus and their liberation struggle against the Russians. Description of eyewitness Teofil Lapinsky (Teffik Bey), colonel and commander of the Polish detachment in the country of independent highlanders. Nalchik: El-Fa Publishing Center, 1995. (in Russ.)

28. Nogmov Sh. History of the Adykey people. Compiled according to the legends of the Kabardians. Nalchik: Elbrus, 1994. (in Russ.)

29. Aquilina M. Signs and Mysteries: Revealing Ancient Christian Symbols. Huntington, USA: Our Sunday Visitor, 2008.

30. Suprianto B., Alfian A., Kristanto D. Fish in Faith: Exploring Symbol as Survival Strategies in Christianity. *Religious: Jurnal Studi Agama-Agama dan Lintas Budaya*. Bandung, Indonesia: Universitas Gadjah Mada, 2022; 293-304.

31. Rasimus T. Revisiting the Ichthys: A Suggestion Concerning the Origins of Christological Fish Symbolism. *Mystery and Secrecy in the Nag Hammadi Collection and Other Ancient Literature: Ideas and Practices*. Leiden, Germany Boston, USA: Koninklijke Brill NV, 2012; 327-348.

32. Esler F. *The Early Christian World*. 2nd Edition. Milton Park, Great Britain: Routledge, 2021.

33. Harvey S.A., Hunter D. *The Oxford Handbook of Early Christian Studies (Oxford Handbooks)*, 1st Edition. Oxford, Great Britain: Oxford University Press, 2010.

32. *Esler F.* The Early Christian World. 2nd Edition. – Milton Park, Great Britain: «Routledge», 2021. – 1280 p.
33. *Harvey S.A., Hunter D.* The Oxford Handbook of Early Christian Studies (Oxford Handbooks), 1st Edition. – Oxford, Great Britain: «Oxford University Press», 2010. – 1048 p.
34. *да Лукка Дж.* Отчет святой конгрегации // Кавказ: европейские дневники XIII–XVIII веков / Составитель В. Аталиков. – Нальчик: Издательство М. и В. Котляровых, 2010. – Выпуск III. – С. 40–44.
35. *Лонгворт Дж. А.* Год среди черкесов. – Нальчик: Издательский центр «Эль-Фа», 2002. – 540 с.
36. *Кузнецов И.В.* Материалы к каталогу святых мест Западного Кавказа. Краснодар: Кубанский государственный университет, 2014. – 32 с.
37. *де Монпере, Ф. Дюбуа.* Путешествие вокруг Кавказа у черкесов и абхазов, в Колхиде, Грузии, Армении и Крыму: Перевод с английского / В. М. Аталикова. – Нальчик: Издательский центр «Эль-Фа», 2002. – С. 84–264.
34. *da Lucca J.* Report of the holy congregation. In: *V. Atalikov (comp.). Caucasus: European diaries of the 13th–18th centuries.* Nalchik: M. and V. Kotlyarov Publ., 2010; 3: 40-44. (in Russ.)
35. *Longworth J.A.* *A year among the Circassians.* Nalchik: El-Fa, 2002. (in Russ.)
36. *Kuznetsov I.V.* *Materials for the catalog of sacred spaces of the Western Caucasus.* Krasnodar: Kuban State University, 2014. (in Russ.)
37. *de Montpere, F. Dubois.* *Travel around the Caucasus among the Circassians and Abkhazians, in Colchis, Georgia, Armenia and Crimea: Translation from English.* Nalchik: El-Fa, 2002; 84-264. (in Russ.)

Поступила в редакцию 05.05.2023 г.

Принята в печать 15.06.2023 г.

Опубликована 15.09.2023 г.

Received 05.05.2023

Accepted 15.06.2023

Published 15.09.2023

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH193827-841>

Исследовательская статья

Магомедов Амирбек Джалилович
д.и.н., главный научный сотрудник
Институт языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы
Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН, Махачкала, Россия,
amirbek.49@mail.ru

Юсупов Хизри Абдулмаджидович
к.ф.н., заведомом лексикологии и лексикографии
Институт языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы
Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН, Махачкала, Россия,
h-yusupov@mail.ru

ТРАДИЦИИ НАРОДНОГО ИСКУССТВА ОБРАБОТКИ КАМНЯ В СОВРЕМЕННОМ ДАГЕСТАНЕ (ПО МАТЕРИАЛАМ ДАРГИНЦЕВ)

Аннотация. Целью статьи является изучение современных традиций промыслов обработки камня в Дагестане на материале даргинцев. Методика работы основана на использовании опубликованных материалов исследователей по теме, собственных материалов авторов статьи, полученных в ходе полевых работ, опросов, изучения архитектурных сооружений, произведений искусства резного камня. Промыслы обработки камня и промыслы каменщиков Дагестана в научной литературе Дагестана изучены слабо. В этнографической литературе представлена информация о таких промыслах в связи изучением материальной культуры даргинцев, развитием строительных работ, изготовления резных изделий, мемориальных памятников, родников. Выделяются в этом плане работы исследователей П.М. Дебирова и М.О. Османова, где показан ряд особенностей промыслов обработки камня у даргинцев. В них также приводятся материалы об обрядовой практике промыслов домостроительства (обычай взаимопомощи). Формирование традиций обработки камня имеет глубокую историю (к наиболее ранним относятся и наскальные изображения), но особое развитие они получили с середины XX – начале XXI в. В Новое время популярность получили и новые промыслы даргинского с. Новые Викри. В последние десятилетия в связи с ростом строительства особняков, развитием промышленных технологий в добыче камня и камнеобработке спрос на промыслы камнеобработки вырос. Обработка камня являлась одним из известных народных промыслов у даргинцев. Особое развитие в камнеобработке получили: заготовка камня для домостроительства и облицовки фасадов, строительства мостов, родников, изготовление из камня вставок в стены, декоративных обрамлений окон, парапетов, мощения дворов и др.

Ключевые слова: традиционные промыслы и ремесла; каменщик; домостроительство; резьба по камню; Кубачи; Сутбук; Харбук; Новые Викри

Для цитирования: Магомедов А.Дж., Юсупов Х.А. Традиции народного искусства обработки камня в современном Дагестане (по материалам даргинцев) // История, археология и этнография Кавказа. 2023. Т. 19. № 3. С. 827-841. doi.org/10.32653/CH193827-841

© Магомедов А.Дж., Юсупов Х.А., 2023

© Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН, 2023

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH193827-841>

Research paper

Amirbek Dj. Magomedov
Dr. Sci., Chief Researcher
Tsadasy Institute of Language, Literature and Art
Dagestan Federal Research Center of RAS, Makhachkala, Russia,
amirbek.49@mail.ru

Khizri A. Yusupov
Cand. Sci., Head of the Department of Lexicology and Lexicography
Tsadasy Institute of Language, Literature and Art
Dagestan Federal Research Center of RAS, Makhachkala, Russia
h-yusupov@mail.ru

CONTEMPORARY STONE PROCESSING TRADITIONS OF DAGESTAN ON THE EXAMPLE OF THE DARGINS

Abstract. The article aims to investigate modern-day stone processing crafts within Dagestan, with a specific focus on the Dargin ethnic group. The research methodology draws upon published materials by scholars specializing in the subject, alongside original data collected during fieldwork, surveys, examinations of architectural structures, and analyses of stone-based artworks. Despite the rich tapestry of stone processing trades and crafts practiced by Dagestani masons, scant attention has been dedicated to this topic within Dagestani scientific literature. Ethnographic literature offers insights into these crafts as part of the broader examination of Dargin material culture, encompassing construction practices, the creation of intricate carvings, commemorative monuments, and springs. Notable contributions from researchers such as P.M. Debirov and M.O. Osmanov shed light on distinctive facets of Dargin stone processing crafts, further elucidating the customs of mutual assistance inherent to house-building rituals. The roots of stone processing traditions in Dagestan delve deep into history, with early manifestations found in rock carvings. However, these traditions experienced significant development from the mid-20th century into the early 21st century. Modern times have witnessed the emergence of novel stone processing crafts in one of the Dargin villages of Novyie Vikri, notably catalyzed by increased demand arising from mansion construction, advancements in industrial stone quarrying and processing technologies. Stone processing, long celebrated as a prominent folk craft among the Dargins, exhibited particular prowess in the preparation of stones for house construction, facade cladding, bridge and spring construction, as well as the fabrication of stone inserts for walls, decorative window frames, parapets, and courtyard pavements, among other applications.

Keywords: traditional trades and crafts; mason; house building; stone carving; Kubachi; Sutbuk; Harbuk; Novyie Vikri

For citation: Magomedov A.Dj., Yusupov Kh.A. Contemporary Stone Processing Traditions of Dagestan on the Example of the Dargins. *History, Archeology and Ethnography of the Caucasus*. 2023. Vol. 19. N.3. P. 827-841. doi.org/10.32653/CH193827-841

Введение

Традиции добычи и обработки камня в Дагестане, как показывают исследования, имеют многовековую историю. Известно, что фасады домовладений в прошлом часто украшались узорчатым камнем, камнями с петроглифами. К наиболее ранним традициям декоративной обработки камня относятся наскальные изображения. Отдельные дагестанские наскальные изображения датируются II тысячелетием до н.э. Они выполнены гравировкой или красной охрой [1, с. 6]. Есть сведения о том, что первые наскальные изображения Дагестана относятся к еще более раннему времени – к IV тыс. до н.э. [2; 3]¹.

Как писал один из основоположников дагестанского искусствоведения, исследователь П.М. Дебиров, не только камнедобыча, но и «камнерезное искусство могло развиваться на всей территории Дагестана, где камня везде много» [1, с. 7]. Особое развитие в камнеобработке получила как простая заготовка камня для строительства различных сооружений, так и изготовление из камня строительных деталей (вставки в фасады стен, межэтажные резные карнизы, декоративные обрамления оконных рам, парапетов и др.).

Использование камня в быту можно разделить на карьерную камнедобычу с последующей формовкой камня для строительства жилых и общественных сооружений и названную выше декоративную обработку камня (нанесение петроглифов, орнамента и др.). Интересна также историческая эволюция техник, приемов обработки камня. Так, в начале XX в. получила популярность точечная и плоскошлифованная формовка «лица» камня для фасадов зданий. Во второй половине XX в. стали осваиваться промышленные способы добычи и обработки строительного камня.

В промыслах обработки камня особо выделялись строительные промыслы (домостроительство, строительство башен, культовых зданий, мостов, родников, дорог и др.). Их можно отнести к числу наиболее массовых народных промыслов прошлого [4]. Кладка стен жилья, сооружение башен, мостов, родников и других сооружений была одной из ответственных работ каменщика. Особо выделялись мастера, которые умели строить мосты и родники.

В Дагестане с эпохи Средневековья получила широкое развитие и декоративная обработка камня при изготовлении надмогильных плит. Другим направлением таких промыслов было изготовление бытовых изделий (подставки под стойки прялок, ступки, архитектурные вставки) (Рис. 1, 6). Отметим также, что содержание понятия «каменщик» исторически менялось, что отражается и в исследовательской практике. Так, археологи Дагестана каменщиками называют всех мастеров по обработке камня, включая мастеров, изготавливающих мелкую пластику, бытовые изделия, и т.д. с линейной резьбой (петроглифы и др.) [5].

В Дагестане промыслы камнеобработки, связанные с украшением фасадов зданий, стали развиваться еще со времен строительства первых джума-мечетей в крупных населенных пунктах, к ним можно отнести порталные (П-образные, арочные)

1. Каталог дагестанского камня. Электронный ресурс. Доступно по ссылке: <https://akustone.ru/katalog-dagestanskogo-kamnya/> / URL: <https://www.kamnedag.ru/?yadclid=94234680&yadordid=163743541&yclid=12996586894446297087> (дата обращения 8.06.2022).

каменные обрамления для деревянных ворот Кала-Корейшской (XII-XIII вв.), Тпигской (XIII-XIV вв.), Ричинской (XVII-XVIII вв.) мечетей, частных домов в селах Кужник, Хив, Гурхун, Тураг, Урада и др. (XVIII-XIX вв.).

Художественные особенности, инокультурные влияния на ассортимент, декор резного камня Дагестана на сегодня слабо изучены. Дагестанские музеи отстранились от собирательских практик по таким промыслам. Наибольшее их количество было собрано в первой трети XX в. Именно тогда многие резные камни из Дагестана (в основном из Кубачи) попали в крупнейшие мировые музеи (Лувр, Метрополитен-музей и др.) (Рис. 2). Сегодня ознакомиться с этими работами можно по материалам исследований искусствоведов и этнографов. Благодаря публикациям П.М. Дебиров, М.О. Османова, М.М. Маммаева, З.В. Доде мы можем составить представление о средневековых традициях обработки камня и изготовления различных изделий из него в Дагестане. Однако некоторые резные камни, которые в последние десятилетия через чёрный рынок попали в зарубежные страны, так и остаются вне поля зрения исследователей. Здесь же отметим, что в 2022 г. в Кубачи усилиями энтузиастов в одном из помещений восстановленной мечети в старой части села создан своеобразный народный музей камня, где собраны резные камни, до этого находившиеся под открытым небом².

Более поздние традиции обработки камня связаны с изготовлением различных вставок для украшения фасадов домов, каминов (Рис. 3). Все такие изделия по своему назначению П.М. Дебиров разделил на три группы. Это камни-украшения наружных стен, художественная отделка надмогильных плит и культовых сооружений (Рис. 5), а также цельно каменные, украшенные резьбой или скульптурно выточенные предметы, необходимые в повседневном быту (подставки под прялочные стойки, ступки для толчения чеснока, корытца, чаши, другие изделия) [1, с. 7-8].

В последние десятилетия XX в. в Дагестане возросли объемы работ по облицовке стен декоративным и формованным камнем, укладке такого камня во дворах, домашних пристройках (Рис. 4). Эти промыслы в прошлом были слабо развиты. Все большее развитие получают промышленные приемы добычи и обработки камня (Рис. 7), особенно карьерная добыча известняка (с нарезкой на «кубики»), других сортов строительного камня.

Что касается современных промыслов обработки камня, то они еще плохо изучены, хотя в интернете есть немало материалов на эту тему [2]³. Так, поисковик Яндекс при вводе словосочетания «дагестанский камень» откликается 2 млн результатов. Среди них около тысячи своеобразных каталогов работ, выполненных мастерами современных промыслов⁴.

Промыслы камнеобработки даргинцев

Этнокультура добычи и обработки камня у даргинцев в какой-то мере изучена. Особое внимание исследователи обращали на изучение камнерезного искусства.

2. Магомедов А. Дж., Юсупов Х. А. Полевой материал авторов. 2022 г.

3. Прикладное искусство Дагестана. Изделия из камня // Атлас декоративного искусства народов Северного Кавказа. Электронный ресурс. Доступно по ссылке: <http://www.kavkazoved.info/news/2014/12/25/prikladnoe-iskusstvo-dagestana-izdelija-iz-kamnja.html> (дата обращения 8.06.2020).

4. Яндекс. Поиск на выражение «Дагестанский камень». URL: Яндекс (yandex.ru) (дата обращения 26.06.2022).

В изучение данного вопроса свой вклад внесли не только дагестанские исследователи (П.М. Дебиров, М.М. Маммаев, М.О. Османов, Д.А. Дагирова и др.), но и российские ученые. В статье «Вклад советских ученых в изучение культуры Кубачи», мы уже отмечали вклад в исследование камнерезного искусства таких известных ученых как Е.М. Шиллинг, Н.Б. Бакланов, А.С. Башкиров, И.А. Орбели, Р.О. Шмерлинг, Э.В. Кильчевская, А.А. Иванов [6, с. 55–69].

Как отмечает М.О. Османов, широкое развитие промыслы каменщиков получили в даргинских районах. Здесь работали как местные мастера, так и приходящие из соседних районов. В начале XIX в. многие даргинские аулы, граничащие с аварскими селами (Согратль, Телетль, Кутиша), приглашали каменщиков-аварцев. А в части предгорных даргинских селений жители привлекали мастеров из горных даргинских селений (Акушинский и Сюргинские участки), в кайтагских аулах нередко работали мастера из Табасарана [3, с. 87].

В числе важных строительных специальностей всегда были каменщики, плотники, столяры и др. Такие специальности были развиты как на любительском, так и на профессиональном уровне. Возможно, с этим связано и то, что для названия промыслов обработки камня у даргинцев кроме общего названия для строительной специальности кьаркъала уста «каменщик» (букв. «мастер камня»), бытует и выражение лацла уста «каменщик» (букв. «мастер стены») [7, с. 322–323; 8, с. 513].

Следует отметить исторически сложившееся разделение труда в данном промысле. Если ремесленники одних центров обработки камня занимались изготовлением орнаментальных надмогильных плит и других резных вставок и изделий (Сутбук, Калакорейш, Усиша, Акуша), то в других центрах (Меусиша, Мулебки, Харбук, Мекеги, Дейбук) в основном занимались строительным делом. Так, по данным Посемейных списков 1886 года, наибольшее количество каменщиков было в трех населенных пунктах даргинцев: Меусиша – 20, Мулебки – 15, Харбук – 6 [9, с. 120].

Среди наиболее известных каменщиков прошлого можно назвать имя строителя-мостовика Шахбанова Гамзата из Харбука. Гамзат и его сыновья Газимагомед, Сулайбан и Курбан в начале XX в. «в районах республики построили 19 арочных мостов, в т. ч. в селениях Гуладты (Дахадаевский район), Куркли (Акушинский район), Урахи (Сергокалинский район), Теркеме (Дербентский район), в старом Герга (Сергокалинский район), Харбуке – ГъвирцIа ккуби «Узкий мост» (над пропастью высотой около 20 м.)» [9, с. 125].

С установлением советской власти значительно изменилось положение народных мастеров частных промыслов. Особенно пострадали ювелирные и оружейные промыслы, которые были запрещены. В 1930-е годы на полулегальное положение перешли промыслы мастеров по изготовлению надмогильных камней. Это было связано с мерами по ликвидации духовенства как социального слоя дагестанского общества, закрытию мечетей и распространению воинствующего атеизма в общественной жизни. Изготовление религиозной атрибутики в этих условиях не поощрялось, хотя директивных решений власти на эту тему нам выявить не удалось. На дагестанских кладбищах очень мало орнаментированных и крупных по размерам памятников, установленных в 1930-1950-е годы.

Каменщики боялись запретов на частные промыслы. Получение ими предписывающих различными постановлениями разрешительных справок (патент и др.) на

производство и торговлю ремесленными изделиями в районных финотделах в реальных условиях было затруднено.

Послеоктябрьская (послереволюционная) эпоха привела к обнищанию населения и резкому сокращению промыслов мастеров, обслуживающих как строительство мечетей, так и крупное домостроительство усадебного типа. Ситуация стала меняться лишь с конца 1960-е годов, когда в республике стала развиваться добыча и обработка камня (известняки) промышленными способами. В это время идет в основном добыча строительного камня.

В 1960-е годы начинается постепенное возрождение ряда промыслов. В частности, возрождается изготовление традиционных надмогильных памятников. Оживляется экономика, развивается система рай-, горпромкомбинатов бытового обслуживания, пришедшая на смену заглохшим промыслам народных мастеров. Особо активно стали развиваться традиционные промыслы в постсоветский период. Свобода частной торговли и развитие рынков различных товаров способствует их развитию.

Массовое домостроительство, развернувшееся в 1970-е и последующие десятилетия в Дагестане, вызвало спрос не только на строительные и кровельные работы. Например, мастера переселенческого сел. Новое Викри в новых условиях стали работать с резным камнем. Они изготавливают фонтаны, «родники» для дворовых кранов, «водопады» и др., плиты для облицовки фасадов ворот, калиток, лестниц, балясины различных оград и др.⁵ (Рис. 7).

История же начиналась с того, что с 1970-х годов по всему Дагестану возросло число мастеров, занятых обработкой камня. Мастерами был заброшен ряд традиционных промыслов. Так, например, в эти годы изменилась ситуация в традиционном кузнечном промысле Харбука. Подавляющее большинство кузнецов села еще в первое послевоенное десятилетие перестали активно работать.

В новых условиях в силу трудоемкости ремесла многие кузнецы старались дать своим детям другую, более перспективную специальность (каменщик, сварщик). Каждый второй отходник из выезжавших на заработки мастеров в 1950-е годы и позже из Харбука, осваивал профессию каменщика [9, с. 125].

Восстановление народного хозяйства страны, завершившееся в первую послевоенную пятилетку, широкое домостроительство, развернувшееся в Дагестане, стимулировали развитие соответствующих промыслов. В это же время в городском строительстве начали возрождаться и многие почти забытые в первые десятилетия советского времени приемы изготовления точенных балясин, балюстрад, перил, облицовочных плит, декоративных вставок в фасады зданий. Развитие технологий обработки камня с помощью угловых шлифмашин («болгарка») и алмазных дисков способствовала развитию таких промыслов. В России и в Дагестане эти технологии начали активно развиваться еще в 1970-е годы.

В 1990-е годы и в более поздний период началась добыча и облицовочного, и укладочного камней, размерных плит для изготовления из них надмогильных памятников. По оценке специалистов, дагестанский фасадный камень добывают сегодня на морских побережьях (Дербент и др.) или в горах (Леваши, Мекеги, Бакни и др.).

5. Якуб-строй: фонтаны, родники, водопады из дагестанского камня. Электронный ресурс. Доступно по ссылке: <https://yakub-stroi.ru/portfolio/fontany-rodniki-vodopady-iz-dagestanskogo-kamna/> (дата обращения 8.06.2022).

Его можно использовать как для отделки фасадов домов, так и для украшения дверных и оконных проемов, облицовки каминов и заборов⁶.

Здесь же следует отметить и то, что промышленные способы добычи и обработки камня в России начались давно. Считается, что в России камнерезное дело зарождается в начале XVIII в. на Урале, когда царь Пётр I в 1720 г. назначил В.Н. Татищева первым горным начальником уральских и сибирских заводов, а размах строительства в Петербурге и его окрестностях обусловил заказы на архитектурные детали, предметы интерьеров и декора из камня. Примерно в то же время в XVIII в., следом за Уралом, активное развитие обработки камня зародилось и в самом Петербурге. Впоследствии здесь была открыта Петергофская гранильная фабрика⁷.

Бурное развитие промыслы «дагестанского камня» пережили в постсоветские годы, особенно в экономически удачные нулевые годы, когда в стране наступила экономическая стабильность. Примерно с 2003 г. у сел. Новое Викри в Дагестане действует большой рынок изделий из точенного и резного камня. Сегодня здесь изготавливают и продают декоративные вставки в фасады стен, балясины, другие изделия из резного камня («родники», камины, фонтаны и др.).

Со временем обогатился дизайн изделий из камня. Огромный мировой опыт каменного строительства, доступные мастерам через интернет альбомные публикации и материалы по этой теме, рост уровня художественного образования мастеров способствуют развитию промысла. Говорить о ярко выраженной самобытности не приходится, налицо появление новых способов обработки камня. Тем не менее, существует и определенная связь с историческими традициями кузнечных, слесарных промыслов и даже ювелирных (орнамент) промыслов камнеобработки Дагестана. Да и то, с какой легкостью мастера из традиционных промыслов Викри и Харбука освоили мировой дизайн изготовления распашных секционных ворот, различных изделий с резьбой по камню говорит о «мастеровом гене», сохраняющемся и сегодня в Дагестане.

Сегодня сформировался популярный бренд – «дагестанский камень». Чаще всего «дагестанским камнем» называют следующие его виды: гелинбатанский; акушинский; мекегинский; дербентский; рукельский; чиринский; фригский; каякентский. Названия указывают на места их добычи. Научные названия иные. Например, называемый в народе «мекегинским камнем» с точки зрения геологов является доломитом. Этот камень в последние годы широко используется для отделки цокольных этажей зданий, т.к. доломит – твердая порода с низкой водопроницаемостью. Дагестанский доломит является самым прочным и устойчивым из данной категории камней. Другие дагестанские породы камня также имеют свои характеристики, определяющие сферу их применения⁸.

Остановимся на опыте работы в новых условиях мастеров одного из известных центров обработки камня – сел. Сутбук. Здесь в последние десятилетия успешно возрождаются ремесленные промыслы. В условиях массового домостроительства развивается добыча камня для продажи жителям соседних сел, а также изготовление орнаментальных надмогильных плит. Основные заказчики – кубачинцы, причем как

6. Каталог дагестанского камня. Электронный ресурс. Доступно по ссылке: <https://akustone.ru/katalog-dagestanskogo-kamna/> / URL: <https://www.kamnedag.ru/?yadclid=94234680&yadordid=163743541&yclid=12996586894446297087> (дата обращения 8.06.2022).

7. Камнерезное искусство. Электронный ресурс. Доступно по ссылке: <https://stonecarvers.ru/камнерезное-искусство/> (дата обращения 8.06.2022).

8. Магомедов А. Дж., Юсупов Х. А. Полевой материал авторов. 2022 г.

жители села, так и выходцы из него, проживающие в Махачкале, Каспийске, Дербенте, Избербаше.

Сутбукские надмогильные плиты заказывают жители сел района и ряда сел соседних районов (например, жители сел. Нахки Акушинского района заказывают плиты меньшего размера и в исполнении с менее насыщенным узором, чем у кубачинцев).

Мастера Сутбука изготавливают камни для оформления традиционных кубачинских каминов, а также каминов для городских особняков в европейском стиле. Кроме мрамора они используют вставки из песчаника, добываемого в Сутбуке. В последние годы сутбукским мастерам стали заказывать и резные орнаментальные вставки для фасадов домов, столешницы, узорчатые камни для сборки различных декоративных фризов. Им заказывают и небольшие предметы – традиционные чесночницы с узорами и пестиком. Заготовочные камни для работ мастера берут в карьерах у своих соседей, в сел. Бакни, т.к., по их словам, у них камень лучше.

В последние десятилетия соседи сутбукцев – жители сел. Бакни – заготавливают камень для продажи городским строительным фирмам. Серый песчаник сегодня используется в городах как строительный камень (для кладки), как облицовочный материал, применяется для мощения дворов и других целей.

В последние десятилетия практически все сутбукские мужчины вовлечены в добычу камня и домостроительство. Число строителей-сутбукцев растет с последних десятилетий советского времени и по сей день.

Назовем современных мастеров-резчиков камня сел. Сутбук. Это братья Шахбановы (Рамазан, Асадулла, Мажид); Гасангусейн Рабаданов, Магомед Айвазов; Магомед Магомедов, Гусейн Магомедов (он окончил художественно-графический факультет ДГПУ). Мастера-резчики живут не только в самом Сутбуке (их там 7-8 человек), но и в селе Кубачи, в городе Избербаше.

Один из наиболее одаренных резчиков – Курбан Рабаданов, 1970 г.р., работающий в родном селении (Сутбук). В своей мастерской, оснащенной в том числе и станком с числовым программным управлением, он изготавливает работы, снискавшие ему славу мастера. В частности, он автор выразительного памятника на могиле профессора Юсупа Шамова⁹. Памятник был установлен в 2015 г. на верхнем кладбище старого Кубачи. Мастер Курбан работал над памятником Ю. Шамову почти восемь месяцев.

Надмогильные памятники он всегда продает дешевле других его работ, принимая во внимания печальные обстоятельства, в которых приходят к нему заказчики. Цена резных камней иного назначения у этого мастера соответствует той высокой художественной работе, которую он выполняет. Надмогильные памятники, изготовленные Курбаном Рабадановым, можно встретить и в Махачкале, и Дербенте, и в селах Агульского, Акушинского районов. Среди работ мастера – обрамление камина в виде скульптурного изображения головы волка, выполненное из орнаментальных камней. Данная работа была изготовлена мастером для заказчика из Тамбова. В Чечне украсила портал местного медресе другая работа мастера в виде архитектурных вставок с арабскими надписями.

Выполняет Курбан и более мелкие изделия. Блюдо «хинкал» сегодня стало дагестанским брендом, и его готовят не только живущие в республике дагестанцы, но и те,

9. Шамов Ю.А. (1927-2015?), врач-инфекционист, д.м.н., профессор Дагмединститута.

кто давно покинул пределы республики. В связи с этим стали частыми заказы на изготовление каменных ступок традиционного типа для толчения чеснока, с которым подают это блюдо.

После развала колхозов и совхозов в 1990-е годы начался отток трудоспособного населения из многих дагестанских сёл в города. Кто-то уезжал на сезон, а кто-то — навсегда. Жители села Новые Викри Каякентского района Дагестана поступили иначе и сделали свое село одним из центров по художественной обработке камня и металла¹⁰.

Для камнеобрабатывающего промысла важно качество камня. Специалистами признана устойчивость дагестанского камня к низким температурам. Этот показатель дагестанской продукции сделал ее привлекательной для заказчиков с Урала, Сибири и других северных регионов России. Большинство пород ракушечника и песчаника из Дагестана отлично применяются в регионах, где зимняя температура опускается до минус 50 градусов. Среди городов, куда регулярно поставляется плитка и изделия из дагестанского камня, Екатеринбург, Челябинск, Казань, Санкт-Петербург, Уфа, Новосибирск и даже Якутск¹¹.

Сегодня в Новом Викри действуют восемь цехов по изготовлению железных ворот, калиток, решёток, и два цеха по обработке камня. Численность мастеров в этих цехах в зависимости от объема заказов колеблется от 60 до 100. По рассказам мастеров, в селе «все началось 20 лет назад с обработки камня. Работали по своим эскизам, что-то брали из журналов и каталогов. Со временем к ним потянулись молодые ребята». Так методом самообучения выучились мастерству пятеро камнерезов. Из пиленого камня в Новое Викри сегодня вытачивают родники, балясины, колонны, карнизы, каминные, различные облицовки, другие художественные изделия¹².

Заказы приходят не только из разных регионов страны, но даже из Казахстана и Эстонии. Заинтересовались творчеством викринских умельцев гости из Турции и Ирана.

Нововикринцы в последние годы преуспели в развитии художественного отделочного камня. Раньше Дагестан был популярен такими товарными брендами, как «дагестанские ковры», «кубачинское серебро», «балхарская керамика» и другими. Сегодня интернет, строительные торговые площадки, выставочные павильоны стройматериалов пестрят брендами «дагестанского камня». Многие работают индивидуально, семейными, родственными группами, имеют свои интернет-страницы, ведут блоги, размещают каталоги работ, организуют рекламные кампании.

Высокопроизводительный камнеобрабатывающий завод «Алькасар», расположенный в Дагестане, обеспечивает бесперебойную поставку необходимого сырья, блоков, а также всех видов элементов фасадного декора. Высокие производственные

10. Якуб-строй: фонтаны, родники, водопады из дагестанского камня. Электронный ресурс. Доступно по ссылке: <https://yakub-stroi.ru/portfolio/fontany-rodniki-vodopady-iz-dagestanskogo-kamnya/> (дата обращения 8.06.2022).

11. Дагестанский камень. Электронный ресурс. Доступно по ссылке: <http://dageskam.ru/nedostatki> (дата обращения 8.06.2022); Доставка дагестанского камня. Электронный ресурс. Доступно по ссылке: http://доставка-дагестанского-камня-по-рф-и-снг.рф/?utm_source=yandex&utm_medium=%7Bsearch_type%7D&utm_campaign=20807890&utm_content=Дагестанский%20камень%20Сочи&utm_term=none&yadclid=12898041&yadorid=10766642&yclid=15058389966492794879 (дата обращения 6.06.2022).

12. Магомедов А.Дж., Юсупов Х.А. Полевой материал авторов. 2022 г.

возможности, внутренний контроль качества и оптимизация логистических схем, позволили значительно сократить сроки производства и доставки камня в любой регион России¹³. Более 90% работ по обработке природного камня осуществляется с помощью современного оборудования и станков ЧПУ. Но эксклюзивные заказы, барельефы и художественные панно из камня изготавливаются вручную. На предприятиях республики обрабатываются около 30 пород камня, ассортимент изделий составляет около 600 предметов. Обработанный камень доставляется и монтируется по желанию заказчика во все регионы России¹⁴.

Заключение

Обработка камня являлась одним из популярных народных промыслов в Дагестане. Особое развитие в камнеобработке получила как простая заготовка камня для домостроительства, так и изготовление из камня разных строительных деталей (вставки-вкладки в фасады стен, декоративные обрамления оконных рам, парапетов и др.), изготовление бытовых изделий из камня (ступки, каминные плиты), мемориальных памятников (надмогильные камни, заупокойные мавзолеи для религиозных авторитетов и др.).

В первые десятилетия советского времени традиции обработки камня ослабли. С 1960-х и особенно с 1970-х годов началось возрождение этих ремесел. В последние десятилетия в связи с развитием особнячного домостроительства в Дагестане получили широкое развитие и промыслы обработки камня на новой технологической базе (использование «болгарки», алмазных дисков). Интенсивно стали развиваться промыслы с токарной обработкой строительных деталей (балясины и др.), заготовкой облицовочных плит, обрабатывающие местный декоративный камень. В республике сегодня различные предприятия обрабатывают около 30 пород камня, из которых изготавливается около 600 изделий. Ярким примером современных новаций стали дагестанские промыслы с. Новое Викри по обработке природного камня.

Обработанный камень пользуется широким спросом не только в Дагестане и поставляется в десятки регионов России. Ранее нетрадиционный для многих регионов России, дагестанский камень прочно вошел в тренды отделки фасадов и строительства домов российских городов. Дагестанский камень в Краснодаре, например, стал популярным строительным материалом, символом качества и стильного дизайна, чему способствуют высокая прочность и богатый внешний вид дагестанских пород. Многие изделия из дагестанского камня можно уверенно называть произведениями искусства обработки камня.

13. Камнеобрабатывающий завод в Дагестане. Алькасар. с. Гурбуки. Электронный ресурс. Доступно по ссылке: <https://alkasar05.ru/contacts/stores/362/> (дата обращения 9.06.2022); Изделия из камня в Махачкале. Найдено 44 предприятия. Электронный ресурс. Доступно по ссылке: <https://ruscatalog.org/makhachkala/category-izdelija-iz-kamnja/> (дата обращения 9.06.2022).

14. Дагестанский камень в Краснодаре. Электронный ресурс. Доступно по ссылке: <http://dageskam.ru/krasnodar> (дата обращения 12.06.2022).

Фото 1. Фасадная стена здания со скульптурным изображением.
Селение Урцаки. Дахадаевский район, Республика Дагестан. Съемка 2016 г.

Photo 1. Facade wall of a building with a sculpture.
Village Urtsaki. Dakhadaevsky district, Republic of Dagestan. Photo of 2016

Фото 2. Обработка камня в Дагестане
Резная вставка с изобразительным сюжетом средневекового времени. Кубачи.

Photo. 2. Stone processing in Dagestan.
Carved inset stone with a graphical plot of medieval ages. Kubachi

Фото 3. Кубачинский очажный камень. XVIII в. Дом А.Дж. Магомедова

Photo 3. Kubachi hearth stone. 18 c. House of A.Dj. Magomedov

Фото 4. Традиционный родник-колодец. Современная реставрация

Photo 4. Traditional spring-well. Modern restoration

Фото 5. Резные надгробные камни. Конец XX в. Мастера с. Сутбук. Кладбище с. Кубачи
Photo 5. Carved tombstones. End of the 20th century. Stone-cutters of Sutbuk. Kubachi cemetery

Фото 6. Резной камень-вставка с родового поселения Юсупхаджи. Конец XVII в. Селение Харбук
Photo 6. Carved stone inset from the ancestral settlement of Yusuphaji. End of the 17th village Harbuk

Фото 7. Изделия с использованием промышленных способов обработки камня в промыслах.
Селение Новые Викри. 2016 г.

Photo 7. A piece made with using industrial methods of stone processing of the village of Novyie Vikri. Photo of 2016

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

REFERENCES

1. Дебиров П.М. Резьба по камню в Дагестане / отв. ред. Р.О. Шмерлинг. М.: Наука, 1966. 208 с.
2. Марковин В.И. Наскальные изображения предгорий Дагестана / научный ред. Х.А. Амирханов. М.: Наука, 2006. 209 с.
3. Османов М.О. Жилище даргинцев в XIX–XX веках (Этапы развития) / отв. ред. О. М. Даудов. Махачкала, 2009. 276 с.
4. Абдулкеримова З.З. Исторические особенности в домостроении дагестанцев в XIX–XX вв. (На материале полевых исследований) // Вестник Дагестанского государственного университета. Серия 2. Гуманитарные науки. 2019. Том 34. Вып. 2. С. 21–26.
5. Гаджиев М.Г. Камнеобработка в Дагестане в эпоху ранней бронзы // Древние промыслы и ремесла древнего и средневекового Дагестана. Сб. статей / отв. ред. А.А. Кудрявцев. Махачкала, 1988. С. 7–21.
6. Магомедов А.Дж., Магомедова М.А. Вклад советских ученых в изучение культуры Кубачи // Евгений Шиллинг и его наследие. Статьи, материалы научно-практической конференции: Сборник статей. Махачкала: ИЦ «Мастер» (ИП Дидковская Н.В.), 2019. 152 с.
7. Темирбулатова С.М. Диалектологический словарь даргинского языка / отв. ред. Х.А. Юсупов. Махачкала: ИЯЛИ ДФИЦ РАН, 2022. 576 с.
8. Юсупов Х.А. Даргинско-русский словарь. Около 40 тыс. слов и фразеологических выражений / отв. ред. С.А. Шапиева, Г.К. Курбанов, Ф.Х. Мухамедова. М.: «Перо», 2017. 1136 с.
9. Юсупов Х.А., Муталимов М.А. Харбуццы: история, культура. Махачкала: АОЗТ «ИПО «Юпитер», 1997. 592 с.

1. Debirov PM. *Stone carving in Dagestan*. R.O. Shmerling (ed.). Moscow: Nauka, 1966. (In Russ.)
2. Markovin VI. *Rock art of the foothills of Dagestan*. H.A. Amirkhanov (scientific ed.). Moscow: Nauka, 2006. (In Russ.)
3. Osmanov MO. *Dwelling of the Dargins in the 19th–20th centuries (Stages of development)*. O.M. Daudov (resp. ed.). Makhachkala, 2009. (In Russ.)
4. Abdulkerimova ZZ. Historical features in house-building of Dagestanis in the 19th–20th centuries. (Based on field research). *Bulletin of the Dagestan State University. Series 2. Humanities*. 2019, 34(2): 21–26. (In Russ.)
5. Gadzhiev MG. Stone processing in Dagestan in the Early Bronze Age. *Ancient crafts and crafts of ancient and medieval Dagestan. Collected articles*. A.A. Kudryavtsev (resp. ed.). Makhachkala, 1988: 7–21. (In Russ.)
6. Magomedov AJ., Magomedova MA. The contribution of Soviet scientists to the study of Kubachi culture. *Evgeny Shilling and his legacy. Articles, materials of the scientific and practical conference: Collection of articles*. Makhachkala: IC “Master” (IP Didkovskaya N.V.), 2019. (In Russ.)
7. Temirbulatova SM. *Dialectological dictionary of the Dargin language*. H. A. Yusupov (resp. ed.). Makhachkala: IHLL DFRC RAS, 2022. (In Russ.)
8. Yusupov HA. *Dargin-Russian dictionary. About 40 thousand words and phraseological expressions*. S.A. Shapieva, G.K. Kurbanov, F.Kh. Mukhamedova (eds.). Moscow: Pero, 2017. (In Russ.)
9. Yusupov KhA., Mutalimov MA. *Kharbuk people: history, culture*. Makhachkala: JSC IPO Yupiter, 1997. (In Russ.)

Поступила в редакцию 06.02.2023 г.
Принята в печать 12.05.2023 г.
Опубликована 15.09.2023 г.

Received 06.02.2023
Accepted 12.05.2023
Published 15.09.2023

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH193842-855>

Исследовательская статья

Айба Тамара Гурамовна
младший научный сотрудник
Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН,
Санкт-Петербург, Россия
tamar.ayba@gmail.com

ОСОБЕННОСТИ ПРОВЕДЕНИЯ МОЛЕНИЯ АЖЬЫРНЫХӘА В СОВРЕМЕННОЙ АБХАЗИИ И У ТУРЕЦКИХ АБХАЗОВ

Аннотация. В статье автор анализирует трансформацию праздника *Ажьырныхәа*, который отмечают в Абхазии в честь наступления «абхазского Нового года» в ночь с 13 на 14 января. *Ажьырныхәа* является одним из древних и основных традиционных абхазских праздников, сохранившихся до настоящего времени. У абхазов данный культ сохранился, поскольку производство предметов из металла было развито на высоком уровне. Важная роль металлических орудий и оружия в жизни людей не могла не отразиться на их мировоззрении и религиозных верованиях. Особая сила металла, давшая огромный сдвиг развитию человечества, была отмечена и возведена в культ, выраженный в поклонении и жертвоприношениях. В связи с тем, что выплавка металла и первоначальный способ его обработки были весьма сложными, почти недоступными, людям казалось, что эта работа связана с какими-то сверхъестественными, необъяснимыми силами. Праздник *Ажьырныхәа* сопровождается ежегодными молениями с жертвоприношениями. Так, по всей вероятности, происходил процесс формирования культа кузни, кузнечного ремесла и покровителя этого ремесла *Шьашәы*. Автор проводит анализ этнографических исследований и собранных данных, исследуя произошедшие изменения в ритуале моления в постсоветский период. В статье также приведены полевые материалы по реконструкции турецкими абхазами традиционного абхазского праздника *Ажьырныхәа* в рамках диаспорального пространства, который стал одним из средств выражения самобытной абхазской традиционной культуры за рубежом.

Ключевые слова: Ажьырныхәа; Абхазия; культ; кузня; Ажира; традиции; праздник; турецкие абхазы; трансформация

Для цитирования: Айба Т.Г. Особенности проведения моления Ажьырныхәа в современной Абхазии и у турецких абхазов // История, археология и этнография Кавказа. 2023. Т. 19. № 3. С. 842-855. doi/10.32653/CH193842-855

© Айба Т.Г., 2023

© Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН, 2023

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH193842-855>

Research paper

Tamara G. Ayba,
Junior Researcher
Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography of RAS, Saint Petersburg, Russia
tamar.ayba@gmail.com

FEATURES OF THE AZHYRNYXƏA PRAYER CEREMONY IN CONTEMPORARY ABKHAZIA AND AMONG TURKISH ABKHAZIANS

Abstract. This article examines the evolution of the Azhyrnyhwa (*Azhyrnyxəa*) festival, an Abkhazian tradition celebrated on the night of January 13-14 in honor of the “Abkhazian New Year.” *Azhyrnyxəa* stands as one of the ancient and enduring cultural festivals within Abkhazia. This reason for cult’s preservation can be attributed to the historical significance of metal production among the Abkhazians, which played a key role in shaping their worldview and religious beliefs. The extraordinary potency associated with metal, marking a pivotal advancement in human development, elevated it to a position of veneration and worship. The *Azhyrnyxəa* festival annually incorporates prayer and sacrificial rituals. These traditions, over time, likely contributed to the emergence of the cult of the forge, the blacksmith’s craft, and the patron deity of this craft, *Shashvy*. Drawing upon ethnographic research and collected data, the author analyzes the transformations that have taken place in the prayer ceremony during the post-Soviet era. Additionally, this article provides insights into the efforts made by Turkish Abkhazians to revive and reconstruct the traditional *Azhyrnyxəa* festival within the diaspora context. This endeavor serves as a means of preserving and expressing original Abkhaz cultural heritage beyond the borders of Abkhazia, highlighting the enduring significance of this ancient festival in the contemporary world.

Keywords: Azhyrnyhwa; Abkhazia; cult; smithy; Azhira; traditions; festival; Turkish Abkhazians; transformation

For citation: Ayba T.G. Features of the *Azhyrnyxəa* Prayer Ceremony in Contemporary Abkhazia and among Turkish Abkhazians. *History, Archeology and Ethnography of the Caucasus*. 2023. Vol. 19. N.3. P. 842-855. doi.org/10.32653/CH193842-855

Существование у абхазов культа кузни и кузнечного ремесла в этнографической литературе достаточно хорошо освещено. Известный кавказовед Г.Ф. Чурсин отмечал, что «абхазы сохранили много пережитков пройденных ступеней культурного развития, представляющих драгоценный материал для истории культуры не только народов Кавказа, но и всего человечества вообще» [1, с. 4]. Также автор отмечает, что «ни у одного из народов Кавказа не наблюдается такого высокого почитания кузни, кузнечного дела и кузнецов, как у абхазов» [1, с. 67]. Подробное и детальное описание зарождения культов и ритуальных жертвоприношений с конца XIX в. можно встретить в работах А. Введенского [2], С.Т. Званба [3], а также весь XX в. Н.С. Джанашиа [4]. С конца 50-х гг. XX в. целая плеяда этнографов обращает свой исследовательский интерес к религиозным верованиям абхазов. Прежде всего это Д.И. Гулиа «Культе козла у абхазов», «Божество охоты и охотничий язык у абхазов» [5], Ш.Д. Инал-ипа «Религиозные верования и культы» [6; 7]; И.А. Аджинджал «Кузнечное ремесло и культ кузни и железа у абхазов» [8]; Л.Х. Акаба «Архаические корни архаических ритуалов абхазов» [9], Ю.Г. Аргун «Традиционная календарная обрядность и современные народные праздники» [10]; А.Б. Крылов «Религия и традиции абхазов» [11], Р.М. Барцыц «Абхазский религиозный синкретизм в культовых комплексах и современной обрядовой практике» [12], «Семь святилищ Абхазии» [13]. Работы вышеперечисленных ученых дают возможность исследовать эволюцию культа кузни, железа и кузнечного ремесла.

Важная роль металлических орудий и оружия в жизни людей не могла не отразиться на их мировоззрении и религиозных верованиях. У абхазов это было отмечено возведением кузнечного дела в культ, выражавшийся в поклонении и жертвоприношениях. Выплавка металла и первоначальный способ его обработки были весьма сложными, почти недоступными, и людям казалось, что эта работа связана с какими-то сверхъестественными, необъяснимыми силами. На кузнеца смотрели как на человека, обладающего божественными силами. Так, по всей вероятности, происходил процесс формирования культа кузни, кузнечного ремесла и покровителя этого ремесла *Шъашэы*. Следует отметить, что культ кузни, металлов и кузнецов встречался у всех народов, у которых это ремесло было развито. У абхазов данный культ сохранился в силу его высокого уровня развития на данной территории.

В настоящей статье автор ставит перед собой цель проследить трансформацию моления в честь праздника *Ажъырныхъа*. В исследовании рассматриваются истоки происхождения культа кузни и кузнечного ремесла. Автор провела собственные полевые исследования в сел. Мугудзыхва с 2016 по 2022 гг. и в сел. Отхара с 2012 по 2022 гг. в Республике Абхазия. Также в данной статье приведены полевые материалы по реконструкции традиционного абхазского праздника-*Ажъырныхъа*, который отмечают в Абхазии в честь наступления «абхазского Нового года» в ночь с 13 на 14 января, собранные в 2022 г. Это один из самых сакральных абхазских праздников, сохранившийся до наших дней.

Истоки культа кузни и железа

Согласно фольклорным источникам, первые жители, которые когда-то расселились на территории нынешней Абхазии, не имели средств к существованию, оружия и орудий производства. Вследствие чего они оказались совершенно беспомощными в борьбе за существование и обречёнными на гибель. Но среди них нашёлся человек, который владел кузнечным ремеслом и необходимыми инструментами. Кузнец немедленно начал ковать все необходимое, чтобы выжить. Первого человека, который снабдил их оружием и орудиями труда и тем самым уберег от неминуемой гибели, называли Ажиа – Кузнецом. Люди были поражены необычными, сверхъестественными навыкам кузнеца и решили, что такими знаниями обладает только один бог, которого и назвали *Шъашэы*, что означает остывшая кровь Ашъа – кровь, ашэы – остывшая. *Шъашэы* – тот, который может остановить кровь, убить, уничтожить, он всемогущий. Так как поселенцы находились на грани остывания крови, балансируя между жизнью и смертью, они называли божество, спасшее их, тем же состоянием, в котором они находились или которое они испытывали. *Шъашэы* сочли за помощника высшего, единого бога Анцэаду по части кузнечного ремесла. *Шъашэы* передал свои знания первому кузнецу по кузнечному ремеслу вместе с орудиями труда: молотом, наковальней и щипцами, известными у абхазов под названием хнапык – три руки [8, с. 233].

Поселенцы считали первого кузнеца-ажьи не просто человеком, а посредником между божеством кузни *Шъашэы* и людьми. В результате кузнеца-ажьи стали считать служителем божества кузни, его мастерскую-кузню ажъира – святым местом, «святыней», где пребывает божество кузни *Шъашэы*. В знак благодарности за спасение поселенцы принесли в жертву кузни *Шъашэы* холощенного козла [4, с. 106]. *Шъашэы* в представлении абхазов был таким же мощным и всемогущим, как и следующие семь икон или святынь: Святой Георгий, Святой Соломон, *Суджин*, *Кулишкар*, *Ельыр-ныха*, *Дыдрытш-ныха* и *Ажирн-ныха*. Святые Соломон и Георгий больше почитались у мингрельцев, нежели абхазов, также, как и понятие иконы, которое не употреблялось абхазами [3, с. 234].

«Самурзаканские кузнецы не знают Шасшу или Шашва, а признают своим покровителем Соломона, которого считают мастером 365 ремесел (число ремесел равно числу дней года). К Соломону и обращаются во время молений в кузне. Здесь мы имеем дело с вытеснением абхазского покровителя кузнечного дела сравнительно новым патроном, принесенным сюда из Мегрелии» [1, с. 68].

По одному из преданий, первые поселенцы обожествляли не только первого кузнеца, но и первую мастерскую ажъира, и ее основные атрибуты – молот, наковальню, щипцы, которые являются неприкосновенными для посторонних лиц. В «Абхазских легендах и сказаниях», например, в «Сказаниях о 101 Нарте» часто упоминается кузнец Аинаржьи. У Н.С. Джанашиа, мы встречаем упоминание о кузнеце Айнаре: «В старину, когда люди-богатыри вели борьбу с дивами, а особенно в славное время Нартов, жил кузнец по имени Аинаржьи. Его стальные колени служили наковальнею, правый кулак – чугунным молотом, а левая рука – щипцами. Он делал исключительно

медные изделия. Также он клал медную заплату на череп или на другие кости скелета, когда людям-богатырям дивы наносили перелом костей. Вот почему в пещерах гор до сих пор находят черепа с медной заплатой» [14, с. 676].

В абхазских сказаниях находит отражение тот период, когда человек научился плавить руды и делать из металла молот, наковальню и щипцы. *Айнар* – не просто свободный ремесленник, он художник-творец. Это он по просьбе Сатанеи-Гэашья выдолбил из скалы Сасрыкэа, закалил его в огне своей кузни и сделал непобедимым [15, с. 8].

Несомненный интерес представляют заклинания, которые приведены в работе Ш.Д. Инал-ипа «Памятники абхазского фольклора» [6, с. 50]. В качестве примера можно привести заклинание, записанное народным поэтом Абхазии Б.В. Шинкуба в с. Члоу (Абжуйская Абхазия) в 1948 г.:

*Кузнец Инар (Айнар) находится (кует) в железной кузне,
Держит железный лук
С железной стрелой.
Он тянет – натягивает,
Я же ударом расслабляю,
Маслом закаляю,
Сахарным дыханием дую!*

Как видим, кузнец Айнар закаляет железную вещь в масле, а не в воде. При такой технике закаливания сталь получается достаточно крепкой, но гибкой, что было важно было кузнецу для изготовления железного лука.

*Или же второе заклинание:
Дую на тебя железным ветром,
Вдуваю в тебя железный ветер!
Пошел в кузницу Айнар,
Выковал железный лук,
И сделал стрелу Айнар!
Пошел к Шашвам и принес их стрелу,
Закалил ее смырской (египетской) водой;
Дую на тебя сахарным дуновением [16, с. 51-52].*

О том, какое значение придавали закалке родственные абхамам адыги и кабардинцы, известный этнограф Л.И. Лавров писал, что в Шапсуги женщины приносили в кузницу своих детей, и кузнец погружал их в корыто с водой, которая служила для закалки железа, а беременных женщин просто обливали этой водой, но смешанной с углями от горна [17, с. 55].

Говоря о закалке, нужно упомянуть, что *Тлеши* (кузнец в кабардинском варианте нартского эпоса) семь раз окунал Сасрыкэа, и семь раз закипала вода, и он закалял до тех пор, пока тело не превратилось в булат. В абхазском нартском эпосе наряду с образом кузнеца Аинара нередко упоминается железо и сталь, а также эпитеты, связанные с этими металлами. У Сасрыкэа – металлические ноги (левая – железная, правая – стальная); железные щипцы; стальные усы *Нарцъхьоу*; пищей для Сасрыкэа и его коня *Араша* был расплавленный металл; добела раскаленный железный плуг, который проглотил великан для «отогревания сердца»; железные наконечники для стрел; мечи; огромная железная скамья, железный столб, железное седло Сасрыкуа,

железная перекаладина, железные ворота и т.д. А когда нужно выковать люльку, кузнец Аинар говорит не о простом, а об особом огне, в котором нужно расплавить не простое, а особое железо [18, с. 264].

Следует обратить внимание на одну важную особенность представления абхазов о железе, как о металле, происходящем с неба. Метеоритные тела абхазы называют *афырхы*, а кузнеца считали «осколком *Афы*», что подтверждается выражением «*Ажыра Афы иакъырчахоуп*», то есть «*Ажыра – часть Афы*». Производство железа и связанные с ним культы у современных абхазов и адыгов можно рассматривать как продолжение традиции, существовавшей у древних хаттов [19, с. 269].

Обряд моления *Ажъырныхъа*

В настоящее время не установлена точная датировка начала зарождения традиции празднования Нового года (по-старому стилю 13 января), посвященное божеству кузни и кузнечного ремесла *Шъашъы*. Легенда гласит, что моления совершалось с жертвоприношением в кузне у наковальни, так как кузнец изготовил первые орудия именно в кузнице и на наковальне.

Моление *Шъашъы Ажъыр-ныхъа* – «моление кузне» – совершается почти исключительно кузнецами или лицами, имеющими кузню. Совершают данное моление один раз в год в канун нового года по старому стилю (13-14 января). Проведение обряда носит вариативный характер, эти отличия четко прослеживаются как в Бзыбской, так и Абжуйской Абхазии.

Для сравнения автор приводит полевые материалы Аджинджал. И.А. конца 60-х – начала 70-х гг. XX в. для дальнейшего анализа эволюции данного моления [8, с. 326-328]. Традиция празднования *Ажъырныхъа* имеет свои региональные особенности [20, с. 33]. Моление и жертвоприношение божеству кузни *Шъашъы* совершалось внутри одного рода. Обряд моления проводил кузнец, который выполнял роль жреца. Жертвенным животным являлся холощенный козел. Только отдельные семьи в Самурзакане и Абжуйской Абхазии приносили свинью или поросенка. Жертвенного козла приобретал или сам кузнец-жрец, или он был куплен за общий счет. Главы семей ко дню моления приносили с собой за каждого члена своей семьи по одному круглому плоскому или конусообразной формы варенику – *акъакъар*, *ахъажэ*, *агъазал* из чистой просяной муки, начиненному свежим сыром, и по одной восковой свече. Все принесенные свечи объединяли в одну общую свечу и зажигали в кузне во время совершения моления.

Вечером под новый год после захода солнца и после того, как все участники родового культа кузни собирались, глава семьи или рода (жрец), взяв за рога жертвенное животное, вел его к кузне; за ним следовали все остальные участники моления. Подходя к кузне, он останавливался, снимал свой головной убор, держа одной рукой козла за рога. Участники моления становились на колени пред кузней с обнаженными головами, обращенными на восток. Жрец произносил молитву, которую заканчивал следующими словами: «Сейчас мы представляем предназначенное тебе животное, потом его сердце и печень». Затем молещик, трижды повернув козла вокруг самого

себя, валил его на траву и с помощью молящихся закалывал, либо животное живым отводили в кухню и закалывали.

Жрец снимал шкуру с заколотого животного, разделывал его тушу и варил мясо в медном котле. Женщины готовили все необходимое для совершения обряда моления. Когда все было готово, жрец выкладывал на большое деревянное блюдо асаара сердце и печень, а также и другие сакральные куски жертвенного животного. Остальные участники обряда моления несли свои лепешки и свечи. В Бзыбской и Абжуйской Абхазии могли приносить в жертву и жареных петухов. Шествие возглавлял кузнец-жрец. Он входил в кузню первым, за ним – все остальные, кроме женщин – кровных родственниц и невесток. В помещении молящиеся становились перед наковальной на колени. Жрец ставил свое блюдо на столик, помещенный перед наковальной, а затем (в Абжуйской Абхазии) молельщик, нагнувшись к глиняному кувшину с вином, зарытому в кузнице, очищал круглую и плоскую каменную или деревянную его крышку от глины и из узкого горлышка кувшина, с плоским и расширенным краем, вычерпывал стаканчик вина, который ставил тут же на расширенный край кувшина. Далее жрец бросал ладан на раскаленные угли жаровни, брал свечи молящихся (за исключением свечей замужних женщин) и скручивал их в одну общую свечу, в знак происхождения этого рода от одного общего предка. Зажигая эту общую свечу и прилепляя ее к наковальне, жрец произносил следующую молитву: «Великий и золотой владыка Шъашэы семиликый, по примеру наших предков, зарезав жертвенного животного и приготовив все необходимое, чистосердечно служим тебе; ниспошли благодать и теплоту твоих глаз на нас, на всех однофамильцев – и малых, и больших; сохрани нас от всякого зла, ниспошли нам благодать и впредь. Избавь нас от всяких недугов, пошли нам здоровья и сохрани всю нашу фамилию, как дома, так и вне дома, в пути, в лесу, в горах, где бы они не находились!» – *«Шъашэы – ахъахду, абжъныха, зхэа, неиуа, зу-ылицуа! Абар умартху кацаны: ашьтэа агуи агуацэеи, акуакуаркуеи, ахуажэакуеиб ацэашькуеи, хабацэа ишахдырбаз еити, ушьапы хк'уеит. Улыпха хат! Хажэлантэ зегъы иахъынзеибаркык, дхучы-дду, абна ика, а ны ика, ага ика, ашьха ика, азы акны, ацла акны, ам а акны, иахъыказаалакь зегъыниъара хаза-хахъча, ацэгъара хзааумган, абзиара хат, ахаз ыдара хат, хъыт-кут халоумгалан. Хухэоит Шъашэы абжъныха, зхэа нену, зу-ылицуа!»*

Далее старший в семье – жрец – совершал обряд моления в кузне, предварительно расставив перед наковальной всех членов своей семьи за исключением женщин. Несмотря на то, что женщины входили в число членов данного рода, они не могли присутствовать во время моления в кузне. Вышедшие замуж девушки вовсе исключались из состава числа молящихся рода, по совершении предварительного разрешительного моления о выходе из числа молящихся.

Совершив общее моление, жрец брал блюдо с варениками акэакэаркэа, обводил его над головами молящихся, произносил: «Да даст вам *Шъашэы* столько лет и столько счастья, сколько зернышек пошло на приготовление этих акэакэаркэа!». Взяв шкуру козла и обводя ее над головами молящихся, произносил: «Да даст вам *Шъашэы* столько счастливых дней и обильных урожаев, сколько волос на этой шкуре!». Наконец, он отрезал кусочки от сердца, печени и акэакэаркэа, обливал их вином и клал на балку или закидывал на крышу кузни (в Бзыбской Абхазии) или в жаровню с углями

(в Абжуйской Абхазии). Далее молельщик произносил: «пока я не накормлю и не напою этими кусочками и этими каплями вина всех *Ачбеи Чачбеи*¹, пусть никакая болезнь не посетит вас!»

По совершении моления и всех связанных с ним обрядом, жрец давал каждому присутствовавшему отведать по кусочку от сердца, печени и акэакэаркэа и отпить вина. Потом все возвращались в родовой дом с яствами и принимались за ужин.

Жрецом являлся старший представитель рода. После смерти кузнеца-жреца его обязанности по служению божеству *Шьашэы* переходили к старшему сыну, по закону старшинства. Если в семье кузнеца-жреца не было сыновей, его обязанности переходили к ближайшему старшему в роде, избранному родом. Новый жрец *Шьашэы* должен был принести две жертвы: одну в кузне умершего кузнеца, где закалывал пятигодовалого холощенного козла, прося у *Шьашэы* разрешения принять его на смену умершему кузнецу. Другую – в своей кузне, где закалывал трехгодовалого холощенного козла, прося у *Шьашэы* разрешения совершать моления у себя в кузне и уверяя последнего том, что он будет ему искренне служить. Совершение этих молений приурочивалось к одному из кузнечных дней. Существование у абхазов подобного порядка перехода обязанностей умершего кузнеца-жреца к его старшему сыну, а в случае отсутствия в его семье мужчины – к ближайшему в роде отмечает Г.Ф. Чурсин [24, с. 92].

Во время совершения общего моления жрец произносил точно такую же молитву, как и при совершении родового моления. Однако многие жрецы, особенно из Бзыбской Абхазии, к вышеприведённому тексту родового моления добавляли следующее: «Золотой владыка *Шьашэы*, избавь нас от всех тех случайностей, которые могут произойти с нами в любое время от всех исходящих от тебя железных предметов. Да будет нам только одно благо от всех видов оружия и орудий труда, к помощи которых мы часто прибегаем. Да будет нам от них большая польза, избавь нас от их вреда!» – «*Уара цумпыцуа аихапсыху амашэыр хацэыхъча, алыпха хат, абиьар хкыр ихакуманиэзалахо, аусуга аихаматэахукуа зда ххуартам иахк'уа ихуартадуны ихаутарцы, машэыр хазнамуа хкоуцарцы хухэоит Шьашэы – ахъахду!*».

В современной Абхазии автором было зафиксировано несколько обрядов моления. Одно из них проводят в семье Джикирба, проживающей в сел. Мгудзырхва, относящейся к Бзыбской Абхазии. Приготовление к обряду моления начинается утром 13 января, все члены семьи Джикирба съезжаются в родовой дом в сел. Мгудзурха. Предварительно распределив обязанности, принимаются к подготовке самого моления. Белого холощенного козла закалывают до захода солнца.

Закалывает козла мужчина, на которого возложены функции жреца [26, с. 18]. Животное выводят из хозяйственной постройки и ведут в специально отведённое место на заднем дворе. Вслед за ним идут все члены семьи, включая девушек и детей. Жрец, смотря сторону восхода солнца, произносит молитву и закалывает животное.

1. По мнению некоторых исследователей, это совместное упоминание Ачба и Чачба связано с тем, что вначале цари происходили из рода Ачба, а затем – Чачба [21, с. 174–175]. Однако привлекает к себе внимание следующий ряд фактов. По-видимому, оба имени связаны с одной и той же основой Ачба и Ачачба (вероятно, редупликация). Кроме того, известны сообщения Сталя [22, с. 67], что «в прочих черкесских народах дворянство ведет свой род, по преданиям, от двух братьев Аче и Чаче...» и Ш.Б. Ногмова [23, с. 112], что прародитель кабардинских князей Инал «оказывал свои милости опским или абазинским князьям Аше и Шаше». Сопоставив эти свидетельства, Л.И. Лавров [24, с. 265] пришел к выводу, что «в обеих версиях имеются в виду две старейшие и наиболее сильные княжеские фамилии, управлявшие Абхазией, именно Ачба и Чачба.

После того, как козла умертвили, из хозяйственной постройки выносят подожжённое полено с дымом и кладут на то место, где пустили кровь. Далее мужчины разделяют тушу животного и готовят мясо к подношению *ажьира*. Все остатки, внутренности животного, собирают, заворачивают в шкуру и закапывают на задней части двора. Затем жрец закалывает жертвенных петухов, на каждого члена семьи, кроме своей доли. Мясо жертвенного козла считается долей «молельщика» для кузни. В процессе закалывания жертвенных петухов жрец произносит молитву за каждого члена семьи, поимённо обращаясь к *Анцэа*-Всевышнему.

Далее женщины начинают готовить мясо петухов к жертвенному столу, пекут один большой *Ачашэ* – пирог с сыром для *Ажьира* и маленькие – для каждого члена семьи. Молодые члены семьи мужского пола изготавливают свечи из натурального воска на каждого члена семьи. Также они изготавливают одну большую и семь маленьких свечей для святыни. В процессе подготовки к молению, молодые мужчины изготавливают ветки из дерева, так как части жертвенных животных нанизывают на ветки орешника.

Для жреца изготавливают ветку из орешника с двумя большими отростками – *араса и́ды*². На нее насаживают козлиные сердце, печень, семь ребер и челюсть. На каждого члена семьи изготавливают одну ореховую ветку, на которую насаживают петушиные сердце, печень, желудок. К подношению в кузне необходимы также кувшин красного вина, белая соль. Когда вся жертвенная пища готова, члены семьи направляются в кузню. Предварительно они обязательно умываются. Моление происходит после захода солнца, в 19–20 часов. Собравшись всей семьёй, кроме невесток, жрец берет заготовленную ореховую ветку, на которой нанизаны сердце, печень, семёрка ребер, челюсть. Члены семьи берут деревянный поднос – *асаара*, на котором лежат: *ачашэ*³, ореховые веточки, на которые нанизаны сердце, желудок и печень петуха на каждого члена семьи. Члены семьи мужского пола все перечисленное относят в кузню. За ними идут незамужние девушки семьи и дети. Войдя в кузню, члены семьи не заходят за наковальню и жреца, мужчины снимают головные уборы, и все соблюдают тишину.

Жрец, переступив порог *ажьира*, начинает произносить молитву: «*О, ули́ха хат, угэ́и́ха хат. Аныхахэ́ы хаманы хаузааит. Идууп х́хэ́ом, ихэ́ычуп х́хэ́ом, изла́халшоз ала хау́тааит, иа́хзымды́руа х́та́уми́ан*». Одновременно с этим члены семьи начинают обставлять пространство кузни принесёнными жертвенными блюдами.

Жрецу наливают вино в стакан, после чего он обращается к Богу-*Анцэа* со следующими словами: «*Уа Анцэ́а уы́ли́ха х́ат, абра иа́хья́ х́ахы́неибы́шьтраку́ та́хца́ара хау́зааит х́хы́ х́ақэ́ны́хэ́ари. Ари, аныха́қэ́а ирцы́ркъо́ ны́хахуп. Изла́халшоз ала хау́зааит, х́аңхья́а х́ака́ра х́ацло́, айы́йра́ х́аманы́ агэ́абзи́ара х́аманы́, Анцэ́а и́х́та́эшья́. Ама́шды́р х́кэ́ыга́зааит, А́һсны́ иа́хынза́-на́заазо́ ула́иш х́хы́зааит. Абри́ х́аба́ца́а х́абду́ца́а ишы́карц́оз, иша́хды́рбаз еи́иш абра́ хау́зааит, иа́хзымда́руа Анцэ́а х́та́уми́ын. Шэ́ызде́гыы́ «еа́аны́бзи́ала и́неи́ааи*». Мужчины зажигают одну большую и семь маленьких свечей. Жрец во время молитвы делает пару глотков, затем остальные члены

2. *Араса ай́эа* – веточка из орехового дерева.

3. *Ачашэ* – пирог с сыром.

семьи, включая девушек, пробуют вино по старшинству из этого же стакана. Каждый должен произнести маленькую молитву перед тем, как пригубить вино.

Далее жрец последовательно разрезает жертвенное мясо, печень, семерку ребер, разламывает *ачаиш* на мелкие части, чтобы все члены семьи смогли отведать жертвенную пищу. Жрецу наливают еще один стакан вина, и он начинает произносить молитву за каждого члена семьи по старшинству и поименно. При этом в одной руке он держит стакан вина, в другой – нанизанные на ореховую веточку сердце, желудок, печень петуха. Во время произношения молитвы один из мужчин семьи зажигает свечу для того члена семьи, за которого произносится молитва. Произнеся молитву, жрец даёт возможность отведать жертвенную пищу всем членам семьи и пригубить вина. Перед тем, как выпить вина из того же стакана, из которого пил жрец, каждый должен произнести молитву с благодарностью Всевышнему. Вся пища, которая приносится в жертву, должна быть отведена всеми членами семьи в кузне. По завершению моления жрец поздравляет всех с праздником *Ажьырныхәа*, желает семье изобилия, всяческих благ и т.д. Совершив общее моление, жрец отрезает кусочки от сердца, печени и пирогов и, облив их вином, кладёт на балку кузни, и далее произносит: «*Еааныбзиала шәгәырғәо шәнеиааит зегьы. Хәиҗа зымчу улахь ххызааит, хәхыҗазаалакгьы аныхәаҗақәа шәдыкылазааит зегьы. Иаҳзымдыруа Анцәа хәтәумҗан ухышьаргәыйҗа сакәхшоуп*». Оставшиеся ореховые веточки кладут между балок. После того, как все вышли из кузни, кто-то из мужчин делает пару выстрелов из ружья в воздух.

Обряд моления на этом не заканчивается. Завершается же он после того, как жрец помолится за невесток. На крыльце дома ставят стол, накрывая его жертвенной пищей, и ставя на него по одной свече за каждую женщину. Жрец молится за каждую невестку, обращаясь лицом к востоку. Старшая невестка подходит к жрецу с тарелкой, на которой лежит пирог, поверх него – ореховая ветка с нанизанными на нее сердцем, желудком, печенью петуха и рядом стоящей свечкой. Повторяется тот же обряд моления, только вне кузни. Жрец берет стакан вина, поздравляет невесток и выпивает вино. После завершения молитвы мужчины вновь стреляют в воздух из ружья. Далее все идут в дом и начинают праздновать *Ажьырныхәа*. Рано утром жрец должен принести в дом ветку плюща, повесить ее у входа в дом и вновь всех поздравить с праздником. После этого начинается застолье, соседи ходят в гости, поздравляя друг друга с Новым годом⁴. В данном обряде моления примечательно то, что редко, где можно встретить в Абхазии желудок животного, как часть сакральной жертвы для кузни.

Следующий вариант обряда моления зафиксирован автором в сел. Отхара в Бзыбской Абхазии. Обряд совершается в семье Баграта Айба. Данная семья сохранила моление не в обычной – *Ажьира* кузне, а в *Ахира* – кузне по производству золотых изделий. Жрецов *Ахира* можно считать ювелирами. В иерархии кузней *Ахира* стоит выше остальных.

Существенных различий в выполнении обряда не наблюдается. Мы можем выделить несколько расхождений. Для жреца также изготавливают ореховую ветку, на которую нанизаны козлиные сердце, печень, челюсть, но отсутствует семерка ребер. Изготавливая свечи для моления, члены семьи Айба делают только одну большую свечу

4. Полевой материал автора.

и маленькие на каждого члена семьи, не изготавливая при этом дополнительную семёрку маленьких свечей. Жертвенные части петуха не нанизывают на ореховую веточку, а полностью несут в кузню. Благодарственная молитва членами семьи произносится по желанию. После общего моления жрец также отрезает кусочки от сердца, печени и пирога, облив их вином. В Отхаре он добавляет соль и после этого кладёт все это на балку кузни. В молении фамилии Джикибра жрец должен принести в дом ветку плюща, повесить ее у входа в дом и вновь поздравить всех с днём сотворения мира. В семье Айба ветку плюща может принести любой мужчина из членов семьи и ставит кувшин воды. После этого начинается празднование Нового года⁵.

Реконструкция обряда моления в Стамбульском абхазском культурном центре

Одним из способов сохранения этнической идентичности и исторической памяти в условиях ассимиляции для турецких абхазов стало празднование знаменательных дат и традиционных праздников. Такие праздничные торжества стали средством выражения самобытной абхазской традиционной культуры зарубежом.

Традиция празднования *Ажьырныхәа–Ажурниһи* в Стамбульском абхазском культурном центре сформировалась совсем недавно, примерно с 2015 г.⁶ Празднование проходило 14 января в виде застолья с традиционной кухней, народными танцами, игрой на национальных инструментах, исполнением абхазских народных песен в здании центра. В 2019 г. коллективным решением членов Стамбульского абхазского культурного центра было решено проводить не только праздничное застолье, но и предшествующее ему моление.

Ввиду отсутствия святыни – кузни *ажьира*, члены центра ежегодно сооружают импровизированный алтарь. Его наполняют предметами, которые по мнению членов центра ассоциируются с кузней и имеют сакральный смысл. Основной набор предметов на алтаре состоит из наковальни, молотка, клещей, ножа, кинжала, элементов конского снаряжения, папахи, бутылке красного вина, бокала для вина, сырой тушки петуха, четырёх свечей 2019 г.⁷

«Молельщика» выбирают из числа мужчин старшего возраста, который по мнению турецких абхазов справится с этой ролью. Перед молением организаторы празднования предварительно рассказывают членам центра об *Ажьырныхәа*, знакомят с историей этого праздника и его значимости среди абхазов, живущих на исторической родине. Затем приглашают «молельщика», передают ему нанизанные на ветку сердце и печень быка, а также два куска хлеба. После этого он произносит следующую молитву: «*Улыңха ҳат, угдыңхара ҳат, абри ажьы иалыыз, ажьира жьы иалыыз, иахьа уажэы аихамға иқәу, аддыгба ухәа, азы ихьу азба ухәа, аероплан ухәа, машьына ухәа, абарт рыла имғасуа адунеи иқәу ажәлар машьырк итүмгалааит. Хаитра ақдамзааит ҳыасқәуа, иахьымдыруа ҳатәимйааит, абасала исныхәоит*». Далее «молельщик» пробует кусочек мяса и выпивает бокал вина, произнося слова: «*Ажьырныхәа*

5. Полевой материал автора.

6. Полевой материал автора.

7. Полевой материал автора.

еааныбзиалаҳәа ишәдысныҳәалоит гәык-ңсыкала. Абасгьы кайашьак иҕон, аңсгьери иара ахала ажьаҳәала уасыр иахәтазам, акы ықәйаны уасроуп хәа – «Пустую наковальню бить нельзя, надо что-то положить и только потом стукнуть». После этого он берет клещи, кладёт их на наковальню и бьёт молоточком. На этом обряд моления заканчивается и начитается традиционное праздничное застолье⁸.

Заключение

Ежегодно во многих абхазских семьях в Абхазии проводится молитва у культовой кузни *Ажыра* с жертвоприношением. Сам факт сохранения абхазами древней религии своих предков является историческим феноменом, значение которого выходит за рамки, собственно, абхазоведения и кавказоведения и представляет огромный интерес с точки зрения мирового религиоведения [27, с. 6].

Ажьырныхәа по сей день не утратил своей актуальности и является одним из самых главных праздников в календарной обрядности абхазов. С 1994 г. он входит в число государственных праздников. В начала 2000-х гг. название праздника унифицировали. Если прежде у бзыбских абхазов достаточно часто можно было встретить такое название как *Хечхуама* [20, с. 33], то теперь это исключительно Ажьырныхәа. Выросло новое поколение, которое уже не знает иного названия.

Со временем традиция празднования трансформировалась, сформировав новый нарратив. Кузню больше не используют как мастерскую, она выполняет лишь функцию святилища, храма. Переступая порог кузни во время моления, запрещается заходить за «молельщика» и наковальню – своего рода алтарь. Мужчины снимают головные уборы, все соблюдают тишину. В понимании абхазов кузня все также остаётся частью *Анцәа*, в настоящее время в Бзыбской Абхазии, в привычной молитве практически невозможно услышать молитву богу кузни *Шьашәы*, мы больше не видим посредника в виде *Шьашәы*. Сопоставление молитв показывает, что точно установленного стандартного текста моления не существовало, за исключением отдельных фраз и выражений, в которых обращение исключительно к *Анцәа*. Каждый «молельщик» молится по-своему, в меру своих способностей. Также стоит отметить, что помимо региональных особенностей, имеют место и различия непосредственно внутри села или деревни. Например, это может быть иной набор жертвенных блюд, степень вовлечения женской части семьи в процесс моления и сам регламент обряда. Также обращает на себя внимание изменение в способе выбора жреца, обсуживающего кузню. Если в обычной практике жрецом по умолчанию был старший в семье, то в настоящее время мы можем наблюдать иную картину. Взять, к примеру, моление в семье Джикирба, которое описано автором выше. Жрецом является тот член семьи мужского пола, который физически проживает в доме предка, который не является страшим по возрасту и не является старейшиной рода.

8. Полевой материал автора.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Чурсин Г.Ф. Материалы по этнографии Абхазии. Сухуми: Абхазское государственное издательство, 1957. – 265 с.
2. Введенский А. Религиозные верования абхазцев // ССКГ. Вып. V. Тифлис, 1871.
3. Званба С.Т. Обряд жертвоприношения святому Георгию, совершаемый ежегодно в Абхазии // Этнографические этюды. Сухуми: Алашара, 1955. – 58 с.
4. Джанашия Н. Религиозные верования абхазов // Христианский Восток. Т. IV. В. 1. 1915. С. 72–112.
5. Гулия Д.И. Божество охоты и охотничий язык у абхазов (К этнографии Абхазии). Сухум: Типо-Литография ВСНХ им. Ленина, 1926. – 20 с.
6. Инал-Ипа Ш.Д. Абхазы (историко-этнографические очерки) Сухуми: Абгосиздат, 1960. – 448 с.
7. Инал-Ипа Ш.Д. Абхазы (историко-этнографические очерки) / второе переработанное, дополненное издание. Сухуми: Алашара, 1965. – 695 с.
8. Аджинджал. И.А. Из этнографии Абхазии. Сухуми: Алашара, 1969. – 538 с.
9. Акаба Л.Х. Исторические корни архаических ритуалов абхазов. Сухуми, 1984.
10. Аргун Ю.Г. Традиционная религиозная обрядность и современные народные праздники // Абхазы. М.: Наука, 2007, изд. второе: М.: Наука, 2012.
11. Крылов А.Б. Религия и традиции абхазов. М., 2001.
12. Барцыц Р.М. Абхазский религиозный синкретизм в культовых комплексах и обрядовой практике. Сухум, 2010.
13. Барцыц Р.М. Семь святынь Абхазии // Сакаральное пространство в современной культуре абхазов и адыгов. Майкоп, 2013.
14. Инал-ипа Ш.Д., Шинкуба Б.В., Шакрыл К.С. Приключение Сасрыквы и его девяносто девяти братьев. Сухуми: Алашара, 1988. – 258 с.
15. Инал-ипа Ш.Д. Памятники абхазского фольклора. Сухуми: Алашара, 1977. – 181 с.
16. Религиозные верования народов СССР. Сборник этнографических материалов. Т. II. М-Л., 1931. – 392 с.
17. Инал-ипа. Ш.Д. Героический эпос абхазского народа // Литературная Абхазия. №3(8). Сухуми, 1958. – 264 с.
18. Крупнов Е.И. Древняя история Северного Кавказа. М.: Издательство Академии наук СССР, 1960. – 520 с.
19. Ардзинба В.Г. К истории культа и кузнечного ремесла (почитание кузнецы у абхазов) // Древний Восток: этнокультурные связи. 1988. С. 263–306.
20. Зельницкая (Шларба) Р.Ш. Трансформация проведения моления кузнеца или «старого» Нового года у абхазов // Религиоведение. 2016. № 2. С. 32–39.
21. Инал-Ипа Ш.Д. О содержании термина «апсха» – «царь Абхазии» // Труды АИЯЛИ. Т. XXXIII–XXXIV. Сухуми, 1963.
22. Сталь К.Ф. Этнографический очерк черкесского народа. Составил генерального штаба подполковник барон Сталь в 1852 году // Кавказский сборник. Том 21. 1900.

REFERENCES

1. Chursin GF. *Materials on the ethnography of Abkhazia*. Sukhumi: Abkhaz State Publ., 1957. (In Russ.)
2. Vvedensky A. Religious beliefs of the Abkhazians. SSKG. Vol. V. Tiflis, 1871. (In Russ.)
3. Zvanba ST. The ritual of sacrifice to St. George, performed annually in Abkhazia. *Ethnographic studies*. Sukhumi: Alashara, 1955. (In Russ.)
4. Janashia N. Religious beliefs of the Abkhazians. *Christian East*. Vol. IV. V. 1., 1915: 72–112. (In Russ.)
5. Gulia DI. *The deity of hunt and the hunting language among the Abkhazians (On the ethnography of Abkhazia)*. Sukhum, 1926. (In Russ.)
6. Inal-Ipa ShD. Abkhazians (historical and ethnographic essays) Sukhumi: Abgosizdat, 1960. (In Russ.)
7. Inal-Ipa ShD. *Abkhazians (historical and ethnographic essays)*. Second ed., revised and expanded. Sukhumi: Alashara, 1965. (In Russ.)
8. Ajinjal IA. *From the ethnography of Abkhazia*. Sukhumi: Alashara, 1969. (In Russ.)
9. Akaba LH. *Historical roots of archaic rituals of the Abkhazians*. Sukhumi, 1984. (In Russ.)
10. Argun YuG. Traditional religious rituals and modern folk holidays. *Abkhazians*. Second ed. Moscow: Nauka, 2012. (In Russ.)
11. Krylov AB. *Religion and traditions of the Abkhazians*. Moscow, 2001. (In Russ.)
12. Bartsyts RM. *Abkhazian religious syncretism in cult complexes and ritual practice*. Sukhumi, 2010. (In Russ.)
13. Bartsyts RM. Seven sanctuaries of Abkhazia. *Sacred space in modern culture of Abkhazians and Circassians*. Maykop, 2013. (In Russ.)
14. Inal-ipa ShD., Shinkuba B.V., Shakryl K.S. *The adventure of Sasrykva and his ninety-nine brothers*. Sukhumi: Alashara, 1988. (In Russ.)
15. Inal-ipa ShD. *Monuments of Abkhaz folklore*. Sukhumi: Alashara, 1977. (In Russ.)
16. *Religious beliefs of the peoples of the USSR. Collection of ethnographic materials*. Vol. II. Moscow-Leningrad, 1931. (In Russ.)
17. Inal-ipa. Sh.D. Heroic epic of the Abkhaz people. *Literaturnaya Abhaziya*. Sukhumi, 1958, 3(8). (In Russ.)
18. Krupnov E.I. *Ancient history of the North Caucasus*. Moscow: Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 1960.
19. Ardzinba V.G. On the history of the cult and blacksmith craft (veneration of blacksmiths among the Abkhazians). *Ancient Orient: ethnocultural connections*. 1988, pp. 263–306.
20. Zelnitskaya (Shlarba) RSh. Transformation of the blacksmith's prayer or the "old" New Year among the Abkhazians. *Religiovedenie*. 2016, 2: 32–39.
21. Inal-Ipa ShD. On the content of the term "apskha" – "king of Abkhazia". *Proceedings of AYALI*. Vol. 33–34. Sukhumi, 1963. (In Russ.)
22. Stal KF. Ethnographic sketch of the Circassian people. Compiled by Lieutenant Colonel Baron Stal of the General Staff in 1852. *Caucasian collection*. Volume 21, 1900. (In Russ.)
23. Nogmov Sh.B. *The history of the Adyghe people, compiled according to the legends of the Kabardians*. Nalchik: Elbrus, 1994. (In Russ.)

23. Ногмов Ш.Б. История адыгейского народа, составленная по преданиям кабардинцев. Нальчик: Эльбрус, 1994.

24. Лавров Л.И. Историко-этнографические мелочи // Сборник статей по этнографии. Майкоп, 1975.

25. Чурсин Г.Ф. Культ железа у кавказских народов // Известия Кавказского историко-археологического института в Тифлисе. Т. VI. Тбилиси, 1927. С. 92–93.

26. Бигвава В.Л. Ритуальный мир традиционной религии абхазов. М.: МАКС Пресс, 2018. – 336 с.

27. Крылов А.Б. Постсоветская Абхазия. М.: ИВ РАН, 1999. – 265 с.

24. Lavrov L.I. Historical and ethnographic details. *Collection of articles on ethnography*. Maykop, 1975. (In Russ.)

25. Chursin G.F. The cult of iron among the Caucasian peoples. *News of the Caucasian Historical and Archaeological Institute in Tiflis*. Vol. VI. Tbilisi, 1927: 92-93. (In Russ.)

26. Bigvava V.L. *The ritual world of the traditional religion of the Abkhazians*. Moscow: MAKS Press, 2018. (In Russ.)

27. Krylov A.B. *Post-Soviet Abkhazia*. Moscow: IV RAS, 1999. (In Russ.)

Поступила в редакцию 13.03.2023 г.

Принята в печать 12.07.2023 г.

Опубликована 15.09.2023 г.

Received 13.03.2023

Accepted 12.07.2023

Published 15.09.2023

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH193856-875>

Исследовательская статья

Албогачиева Макка Султан-Гиреевна
д.и.н, заведующая отделом этнографии Кавказа
Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН,
Санкт-Петербург, Россия
albmasc@mail.ru

Муков Мурат Исмаилович
аспирант, руководитель Международного объединения содействию
и развитию абазино-абхазского этноса «Алашара»
Кабардино-Балкарский государственный университет, Нальчик, Россия
abaza_2005@mail.ru

ЭТНОПРОЕКТ «ИГРЫ НАРОДА АБАЗА»: ПРАЗДНИК СПОРТА И ЕДИНЕНИЯ

Аннотация. В статье рассмотрен зародившийся в 2014 г. в Абазинском районе Карачаево-Черкессии этнопроект «Игры народа абазы». Исторически игры занимали важное место в культуре народов. Не является исключением и народ абазы, имеющий давние игровые традиции в национальной культуре. В них нашли отражение и народные игры, и современные спортивные соревнования, которые не только служат воспитанию физически здорового поколения, но выступают и как способ консолидации общества, единения разрозненного в географическом пространстве абазинского и абхазского народа. Многие соотечественники, покинувшие в середине XIX в. историческую родину, приезжают в Карачаево-Черкессию из различных концов мира, чтобы принять участие в «Играх народа абазы». Таким образом разделенный народ находит пути единения и дальнейшего совместного развития. Отсутствие научных публикаций, из которых можно было бы узнать особенности современных игровых практик, подвигли авторов заполнить создавшийся научный пробел своим исследованием. Мы осознаем, что в одной статье невозможно сделать целостный анализ игр за все годы их бытования, и поэтому поставили своей целью отразить историю игр: когда и кем был задуман этнопроект «Игры народа абазы», кем он реализуется, каков возрастной и социальный статус участников игр, его роль для консолидации народа абазы независимо от места проживания. Проведенное исследование позволяет сделать вывод, что этнопроект может претендовать на универсальность и быть рекомендован для реализации в других регионах страны и мира. В ходе работы широко использовались современные методы историко-этнологического описания, необходимые для понимания смысла культурных явлений.

Ключевые слова: абазы; игры народа абазы; соревнования; спорт; физкультура; проекты; малочисленный народ

Для цитирования: Албогачиева М.С.-Г., Муков М.И. Этнопроект «Игры народа абазы»: праздник спорта и единения // История, археология и этнография Кавказа. 2023. Т. 19. № 3. С. 856-875. doi/10.32653/CH193856-875

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH193856-875>

Research paper

Makka S-G. Albogachieva
Dr. Sci., Head of Dep. of Ethnology of the Caucasus
Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) of RAS
Saint-Petersburg, Russia
albmac@mail.ru

Murat I. Mukov
Post-Graduate, Head of the International Association for the Promotion of
and the Development of the Abazin-Abkhaz ethnic group “Alashara”
Kabardino-Balkarian State University, Nalchik, Russia
abaza_2005@mail.ru

ETHNO-PROJECT “GAMES OF THE ABAZA PEOPLE”: FESTIVAL OF SPORTS AND UNITY

Abstract. The paper discusses the ethno-project known as the “Games of the Abaza People,” which was initiated in 2014 within the Abaza region of Karachay-Cherkessia. Historically, games have held a significant position within the cultural traditions of various peoples, and the Abaza people, with their longstanding gaming heritage, are no exception. These games encompass both traditional folk activities and contemporary sports competitions. Their purpose extends beyond the promotion of physical well-being, as they also serve as a means to foster unity among the geographically dispersed Abaza and Abkhaz communities. Remarkably, this initiative draws compatriots who, having left their historical homeland during the mid-19th century, return from various corners of the world to partake in the “Games of the Abaza People.” This convergence of individuals from different regions not only symbolizes the reconnection of a divided people but also signifies their collective progress. Given the lack of scholarly publications that elucidate the intricacies of contemporary gaming practices, the authors of this article seek to bridge this academic gap through their research. While recognizing that a single article cannot comprehensively analyze the entirety of the games’ history, the authors aim to reveal the inception of the ethno-project “Games of the Abaza People.” They explore the project’s origins, the individuals behind its realization, the age groups and social strata of its participants, and its role in consolidating the Abazin people, irrespective of their current place of residence. The research findings indicate that this ethno-project exhibits a level of universality and can serve as a model for implementation in other regions within the country and beyond. The study employed contemporary historical and ethnological research methods to decode the cultural significance and broader implications of this cultural phenomenon.

Keywords: Abazins; Games of the Abaza People; competitions; sports; physical culture; projects; small-numbered people

For citation: Albogachieva M.S-G., Mukov M.I. Ethno-Project “Games of the Abaza People”: Festival of Sports and Unity. *History, Archeology and Ethnography of the Caucasus*. 2023. Vol. 19. N.3. P. 856-875. doi.org/10.32653/CH193856-875

Введение

В 2000 г. Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН стал участником программы фундаментальных и прикладных научных исследований по теме «Этнокультурное многообразие российского общества и укрепление общероссийской идентичности», в рамках которого существует проект «Коренные малочисленные народы России: этнокультурные проекции» (рук. А.В. Головнёв). Программа рассчитана на 2020–2022 гг. В поле нашего исследовательского интереса — малочисленные народы России, к числу которых официально на Кавказе относятся только абазины и шапсуги. Часть абазин в середине XIX в. была вынуждена покинуть историческую родину и эмигрировать в Турцию. В результате этого переселения абазины оказались разбросанными по различным уголкам мира, и только их меньшая часть осталась на территории родины. Именно эта часть народа и представляла для нас научный интерес. Для изучения различных этномаркирующих признаков абазинского народа нами проводились полевые исследования в Абазинском районе Карачаево-Черкесской республики. В ходе проведенной работы нам удалось выявить, что в последние десять лет наблюдается всплеск интереса к национальной идентичности абазин. Во многом это связано с созданной 25 февраля 2011 г. в Санкт-Петербурге меценатом, ученым, общественным и государственным деятелем, этническим абaziном Муссой Хабальевичем Экзековым автономной некоммерческой организации «Международное объединение содействия развитию абазино-абхазского этноса „Алашара“» (АНО «Алашара»). В обществе стали происходить значительные изменения, связанные с инициативами «Алашары» и жителей, направленные на сохранение уникальной и самобытной культуры народа абазы¹. Важные для сохранения любого народа этномаркирующие признаки стали лидировать во всех новых проектах, связанных с сохранением языка, традиций и культуры народа. Активное использование современных информационных технологий для реализации проектов позволило объединить разделенный народ, представители которого проживают в различных уголках мира. В данной статье мы не будем рассказывать о многочисленных этнопроектах «Алашары» и остановимся только на одном из них — «Игры народа абазы», который до сегодняшнего дня не изучен исследователями, чем и определяется актуальность заявленной темы.

В 2022 г. сотрудники МЭ РАН присутствовали как почетные гости и в то же время как исследователи на «Играх народа абазы» в сел. Кубина Абазинского района Карачево-Черкесской Республики. Это мероприятие вызывало исследовательский интерес, и ввиду этого мы собирали в предыдущие годы полевые материалы², касающиеся подготовки и проведения этих игр. Живое общение с организаторами и участниками игр позволило нам увидеть все особенности этого праздника, начиная от подготовки игр до торжественного закрытия этого яркого мероприятия, в котором прослеживается не только игра, но и процесс единения народа абазы.

1. Абаза – эндоэтноним абхазов и абазин.

2. Полевые материалы авторов (далее ПМА). (Записи 2020–2021.)

Новизна данной статьи определяется полным отсутствием опубликованных материалов по заявленной теме. К нашему разочарованию, в научной литературе не нашлось сколь-нибудь значимых работ по абазинским играм. Безусловно, есть общие работы, касающиеся игры в целом. Это фундаментальные труды Й. Хейзинги [1], Е. Финка [2], В. Бычкова [3], Ю. Башкирцевой [4] и многих других авторов. Среди работ кавказоведов самое большое и значимое место занимают работы Б. Бгажнокова [5], С. Мафедзева [6], О. Вахания [7] в которых дан всесторонний анализ национальных игр, которые в чем-то сходны с абазинскими. К великому сожалению, даже в коллективной монографии «Абазины» [8], в работе над которой участвовали именитые ученые из федерального центра и местные этнографы, тема абазинских игр затронута только в контексте праздничной обрядности и занимает две страницы. Из современных исследователей нужно отметить статьи Л. Цековой [9], М. Комбачековой [10], где описаны правила некоторых народных игр, их этнические названия, особенности их бытования. Некоторые сведения об игровой культуре содержатся в работах Л. Кунижевой [11], М. Тхайцухова [12], Т. Муртазова [13] и др. Этими работами ограничивается имеющийся по данной теме корпус опубликованных научных статей.

Основная часть

С глубокой древности игра и игровая культура занимали важное место в социальной жизни общества. Игра сопровождала все праздники и различного рода увеселения народа, создавая дух состязания и эмоциональный всплеск. В состязаниях менялись роли игроков, отличаясь от их функций в повседневной жизни. Слабый и, казалось бы, без какой-либо инициативы и харизмы человек в игре мог преобразиться и быть совершенно другим. Трансформируясь и приспосабливаясь к различным изменениям, происходящим в жизни общества, игра модифицируется и адаптируется к условиям эпохи и нуждам народа. Со временем одни игры исчезают, другие трансформируются во что-то новое с сохранением некоторых элементов традиционной национальной игры, а некоторые игры появляются на злобу и отвечают потребностями времени. Такие модификации существовали в обществе всегда, и современной реальности не чуждо это явление. Естественно, на современном этапе даже национальные игры имеют новую форму воспроизведения. Это и условия игры, и ее атрибутика, и форма одежды участников игры. Вместе с тем это не является примером вырождения национальной игры, это только ее новая форма проявления.

Выдающийся кавказовед Б. Бгажноков, подробно и всесторонне изучив черкесские игрища, пришел к следующему выводу: «Игра вступает в действие, когда социум стоит перед лицом какого-либо нового события, находится в состоянии кризиса. В таких случаях общность производит такие структурные изменения или превращения, которые повышают ее жизнестойкость, способность противостоять дестабилизирующим, дезорганизирующим факторам. Игра — способ преодоления

кризиса, такая инструментовка или аранжировка человеческого существования, которая позволяет группе выжить, с честью выйти из трудных, проблемных ситуаций и положений. Игровая культура во всех ее проявлениях призвана создать условия, при которых оркестр жизни звучал бы стройно, торжественно, уверенно, чтобы у людей не оставалось бы и тени сомнения в возможности преодоления препятствий на трудном пути к удаче» [5, с. 12–13]. Как отмечено выше, на критических этапах истории народы изобретают различные способы, необходимые для дальнейшего роста и развития. Все зависит от поставленной цели. Примером подобного рода является абазинский этнопроект «Игры народа абаза». Для тех, кто живет за пределами Карачаево-Черкесии, они малоизвестны, но для жителей региона они стали значимым, важным и очень ярким событием. В играх участвуют не только жители региона — абазинские и родственные им абхазы, но и оставшиеся за пределами исконной родины их соплеменники. Здесь же отметим, что в играх может принимать участие любой желающий независимо от его национальной и конфессиональной принадлежности.

Народные игры занимали важное место в духовной культуре народа абаза издревле. Как и в любой национальной культуре, особое место в воспитании детей занимали детские развивающие игры. Были игры, в которые играли только мальчики или только девочки, но в большинство игр играли совместно, без гендерного разделения. Безусловно, с возрастом игры менялись, и для каждой половозрастной группы они были разными.

Не утратили игры своего значения и в настоящее время. Как и в прошлые исторические периоды, игры остаются в абазинском обществе значимым социальным институтом [11, с. 222].

В период «Игр» в Черкесск приезжают потомки мухаджиров, покинувших историческую родину в XIX в. Многие из них утратили свои этномаркирующие признаки (знание языка, традиций, обычаев своего народа), тем не менее, часть из них желает вернуться на историческую родину или просто приехать погостить. Этими мыслями живут и местные абхазы, и абазинские, родственники которых живут за пределами России. Для их объединения 7–8 октября 1992 г. в селе Лыхны Республики Абхазия был создан Всемирный конгресс абхазо-абазинского народа³. Его цель сплочение абхазо-абазинского народа (абаза), представители которого проживают в более чем 50 странах мира. В 2018 г. был открыт информационный портал Конгресса, который рассказывает о культуре, истории, выдающихся деятелях, оставивших след не только в истории своего народа, но и в мировой истории, и новости из стран проживания [14, с. 63]. На этой платформе размещается информация о предстоящих мероприятиях, в том числе и «Играх». Каждый желающий может приехать и принять в них участие. Связь с исторической родиной и согласование приезда на «Игры» осуществляется через культурные центры, созданные в странах их нынешнего проживания.

3. В декабре 2017 г. председателем Высшего совета Всемирного абхазо-абазинского Конгресса был избран М.Х. Экзекв.

Подготовка к играм

Участники «Игр народа абаза» из Карачаево-Черкессии видят в проведении турниров в Абазинском районе возможность вызвать интерес абазинской и абхазской молодежи к своей идентичности, истории и культуре.

Каждый год организацией игр занимается инициативная группа, в которую входят и участники команд от населенного пункта, в котором будут проходить праздничные мероприятия. Подготавливается игровое поле, обозначаются его границы и разметки, необходимый игровой инвентарь, костюмы.

«Игры народа абаза» – национальный праздник, а, следовательно, такое мероприятие несет в себе некий эстетический заряд, где важна не только победа, но и внешний вид игроков. Выступая перед абазинским народом, перед своей референтной группой, участники-игроки должны быть ориентированы в своем поведении на публику, от которой зависит их признание и успех. Это можно наблюдать и во время игры. Хочется отметить, что у спортсменов каждого абазинского селения есть костюм, который они разработали с учетом своих интересов. Им важна как эстетическая составляющая костюма, так и узнаваемость участников. Чаще всего на футболках имеется надпись населенного пункта, который они представляют – «Кубина», «Эльбурган» и др.

Победа каждого участника дает возможность не только показать свое умение, но и вывести свой населенный пункт на первое место среди других абазинских сел. Среди мотивов, которые движут участниками крупных спортивных соревнований, есть стремление достигнуть высоких результатов для того, чтобы стать более успешными и попасть в полуфинал, финал или в сборную страны, получить различного рода дивиденды за свой труд и достижения.

Спортсмены из абазинских сел ставят и другие цели. Участие в играх дает им очень важный шанс заявить о себе в абазинском обществе, лично подняться на более высокую ступень, привлечь внимание к своей малой родине. Ведь победа в этих играх дает им возможность провести следующие игры именно в своем родном селе. Это большая честь для всех жителей данной местности. Они готовятся к спортивному мероприятию очень основательно.

Финансовую поддержку участники «Игр» получают от главного мецената – Муссы Экзекова, который спонсирует развитие физкультуры и спорта. Благодаря его деятельности в населенных пунктах Абазинского района и в различных уголках Абхазии появились спортивные школы, секции, спортивные комплексы.

Успешный пример этнопроекта «Игры народа абаза» показывает, что для реализации поставленной задачи недостаточно только финансирование, необходим совместный труд всех участников – и инициативных групп, и жителей абазинских аулов. «Игры» мобилизуют – силами участников проекта и местного населения реставрируются дороги, дома культуры, парки, спортивные площадки, необходимый инвентарь и многое другое. В обсуждение проектов проведения очередных игр вовлекаются старшие, обладающие авторитетом, члены общины. Мы стали

свидетелями, как помогало участникам проекта старшее поколение жителей селения Кубина. Они собирались и обсуждали будущий сценарий, продумывали, как и где сделать площадки для того или иного вида спорта. Младшие прислушивались к советам старших и старались выполнять все рекомендации. Они готовили игровое поле под футбол, ставили разметки, обозначали границы, готовили необходимый инвентарь для национальных видов спорта и закупали различные игровые предметы, необходимые для участников соревнований.

Примечательно, что большая часть работы проводится силами жителей того села, где будет проходить очередной турнир. Активное участие в подобного рода мероприятиях принимают женсоветы Абазинского района, которые готовят еду, шьют одежду, помогают в благоустройстве населенного пункта. Это активная и сознательная часть общества, которая трудится на благо своего народа. Нужно отметить, что члены женсоветов – это женщины, обремененные семьями и заботами о быте, но они всегда находят время и для общественно значимой работы, без которой не мыслят своего будущего⁴.

«Игры народа абаза» формируют специфический национальный дискурс, в основе которого лежит образ аутентичных традиций народа, недоступных для сообщества на современном этапе и оттого еще более ценных для сохранения национальной культуры» [17, с. 130]. Игры выполняют очень важную интегративную функцию, так как во время проведения игр в абазинском обществе царит дух единения и солидарности, вызывая у участников чувство гордости за свой народ. Игры демонстрируют жителям всего региона новую модель социальной коммуникации и здорового образа жизни.

История «Игр народа абаза»

Этнопроект «Игры народа абаза» – спортивные соревнования, которые с 2014 г. ежегодно проводятся в Карачаево-Черкесской Республике в рамках культурно-спортивного фестиваля «Абаза». Праздник начинается с открытия «Игр народа абаза». Соревнования проходят не только по современным видам спортивных игр, но и старинным, традиционным народным играм: перетягиванию каната, лазанию на столбы, прыжкам в длину с разбега, броску камня, бегу на 100-метровую дистанцию, стрельбе по мишеням и многим другим. Проводя такие конкурсы, абазины и близкородственные абхазы пытаются сохранить свои старинные игры и поддержать дух соревнования, который царит в обществе во время этого зрелищного мероприятия [15, с. 44].

Организатором этих масштабных спортивных мероприятий является Автономная некоммерческая организация «Международное объединение содействия развитию абазино-абхазского этноса “Алашара”». «Игры народа абаза» сравнительно молоды. Инициатором их проведения стал чемпион мира по вольной борьбе Расул Чуков, который является руководителем отдела развития физкультуры и спорта АНО «Алашара».

Его идея была поддержана руководителем «Алашары» М. Экзековым, и «Игры»,

4. ПМА 2022. Н. Джеммакулова. Черкесск, 2022.

Фото. 1. Участники игр из селения Псыж на играх народа абазы, сел. Кубина, Карачаево-Черкесия, 2022 г. Фото Р. Алиева

Fig. 1. Participants of the games from the village of Psyzh at the “Games of the Abaza people.” Kubina village, Karachay-Cherkessia, 2022. Photo by R. Aliyev

Фото. 2. Активистки женсовета Абазинского района КЧР. Черкеск 2022 г. Фото М.С.-Г. Албогачиевой

Fig. 2. Activists of the women’s council of the Abazin district of the Karachay-Cherkessia. Cherkessk, 2022. Photo by M.S.-G. Albogachieva

как главное спортивное мероприятие общественной организации, были включены в программу Дня культуры народа абазы.

Изначально они назывались «Абазинскими играми» и были рассчитаны на состязания между абазинскими аулами в различных видах спорта. Первые «Игры» прошли в 2014 г. в административном центре Абазинского муниципального района — ауле Инжич-Чукун. В них приняли участие команды пяти аулов, еще два аула были представлены в индивидуальных соревнованиях отдельными спортсменами. По итогам состязаний в девяти видах спорта (эстафета, толкание ядра, толчок двух гирь по 24 кг, бросок камня, армрестлинг, стрельба из пневматической винтовки, волейбол, шахматы, перетягивание каната) общекомандную победу (по наибольшему числу первых и призовых мест) одержала команда Казмы.

Здесь же отметим, что бросок камня, перетягивание каната, борьба на руках существовали и в далеком прошлом. А в настоящее время они включены в абазинские игры. Игры народа абазы стали настоящим спортивным праздником, собирающим сотни спортсменов-любителей и тысячи зрителей. Игры посещают государственные и общественные деятели Карачаево-Черкесской Республики, других регионов России и зарубежья.

Самым зрелищным и незабываемым событием первых «Игр» стало перетягивание каната между жителями Кубины и Казмы, в котором участники дважды рвали канат, не желая уступить друг другу первенство.

Согласно положению о соревнованиях, команда, которая набрала большее количество баллов, получает право проводить следующие игры. По итогам первых «Абазинских игр» право проведения в 2015 г. следующих получило селение Казма.

На II «Играх» состав участников расширился: кроме абазинских аулов, в них приняли участие команды города Черкесска и Республики Абхазия, а также команды представителей абазино-абхазских диаспор зарубежных стран — Турции, Сирии, Иордании, Саудовской Аравии и др.

Произошли некоторые изменения и в программе соревнований: вместо шахмат и толкания ядра в нее были включены мини-футбол и стрельба из лука.

Популяризации стрельбы из лука АНО «Алашара» начала уделять особое внимание не только потому, что лук был древним оружием абазин, как и многих других народов, но и в память о выдающемся представителе абазин — главном тренере сборной СССР по стрельбе из лука, заслуженном тренере СССР, четырехкратном олимпийском чемпионе и многократном чемпионе мира и Европы Арсене Шугаиловиче Балове.

Победителем II «Абазинских игр» стала команда села Красный Восток [16, с. 93].

К III «Играм» готовились очень вдумчиво и основательно: учитывая опыт прошлых лет, инициативная группа изучила все плюсы и минусы соревнований и выступила перед руководством «Алашары» с просьбой заказать кубок победителей. По личному эскизу М. Эзекова в Санкт-Петербурге в 2016 г. был изготовлен специальный переходящий кубок для команды-победительницы в общем зачете, а сами соревнования получили официальное название «Игры народа абазы».

Еще одним новшеством стало определение победителя в общекомандном зачете по наименьшей сумме мест во всех видах соревнований.

Фото. 3. Расул Чуков на играх народа абазы. Сел. Кубина, Карачаево-Черкессия, 2022 г.
Фото Р. Алиева

Fig. 3. Rasul Chukov at the "Games of the Abaza people." Kubina village, Karachay-Cherkessia, 2022.
Photo by R. Aliyev

В Красный Восток приехали представители почти всех абазинских аулов и города Черкесска, но победителем стала команда Инжич-Чукуна.

В программе IV «Игр народа абазы», прошедших в 2017 г. в ауле Инжич-Чукун, впервые появились соревнования по прыжкам в длину и лазанию на столб.

Эти виды соревнований были свойственны абазинам и абхазам исстари. Они были включены в соревнования как национальные виды спорта. Таким образом, командам предстояло состязаться в 11 видах спорта. С учетом того, что в отдельных видах участники разделены по весовой категории и половому признаку, было разыграно 17 комплектов наград. Соревнования по армрестлингу впервые обслуживали профессиональные судьи.

Что примечательно, впервые на этих играх были представлены все без исключения абазинские аулы Карачаево-Черкесской Республики. Также впервые свою команду привезла Московская абазино-абхазская диаспора. Участие же команд Абхазии и Черкесска к этому времени уже стало традиционным.

Во второй раз подряд общекомандную победу на «Играх» одержали жители Инжич-Чукуна, которые показали высокие результаты.

Юбилейные V «Игры народа абазы» снова прошли в Инжич-Чукуне. Состав участников пополнился спортсменами Ставропольского края и Кабардино-Балкарии

Фото. 4. На культурно-спортивном фестивале абазин.
Сел. Кубина, Карачаево-Черкессия, 2022 г.
Фото М.С.-Г. Албогачиевой

Fig. 4. At the Abaza cultural and sports festival.
Kubina village, Karachay-Cherkessia, 2022.
Photo by M.S.-G. Albogachieva

Фото 5. Традиционное перетягивание каната. Команда аула Кубина на «Играх народа абазы». Сел. Кубина, Карачаево-Черкесия, 2022 г. Фото Р. Алиева

Fig. 5. Traditional tug of war. Kubina village team at the “Games of the Abaza People.” Kubina village, Karachay-Cherkessia, 2022. Photo by R. Aliyev

и увеличился до 16 команд, а к судейству по всем видам спорта были привлечены профессиональные судьи во главе с известным легкоатлетом, участником Олимпийских игр 2000 года в Сиднее Дмитрием Тенцем. Также в 2018 г. впервые на «Играх» была организована альтернативная площадка для соревнований среди зрителей.

Лучшей на турнире стала команда аула Эльбурган, которая посвятила победу своему бессменному капитану, четыре года ведущему ее к этому достижению, но не дожившему до триумфа своих земляков, – спортсмену и организатору спорта Азамату Ионову. На правах победителя в 2019 г. Эльбурган. принял VI «Игры народа абазы», на которых он снова лидировал.

Учитывая, что последние четыре турнира выигрывали две команды, и исходя из желания, чтобы спортивный праздник прошел во всех абазинских аулах, организаторы изменили порядок определения места проведения следующих Игр. И VII «Игры» было решено провести не на территории победителя предыдущего турнира, а в ауле Кубина, чья команда заняла на VI «Играх» второе место. При этом было также отмечено, что Кубина становилась призером всех прошедших «Игр народа абазы». И именно команде Кубины эльбурганцы вручили специально приготовленную

Фото 6. Стрельба из лука на играх народа абазы.
Сел. Кубина, Карачаево-Черкесия, 2022 г. Фото Р. Алиева

Fig. 6. Archery at the “Games of the Abaza people.”
Kubina village, Karachay-Cherkessia, 2022. Photo by R. Aliyev

халву (хІалыуахъылпа), тем самым передав эстафету проведения главного для абазин спортивного события года. Это стало традицией во время «Игр».

Но принять «Игры» Кубине довелось лишь в 2022 г. – они не проводились в 2020 и 2021 гг. из-за ковидных ограничений.

Более 300 спортсменов и почти 4000 зрителей собрали VII «Игры народа абазы». Соревнования по командным игровым видам спорта, которые требуют значительного времени, в этот раз решили проводить в два этапа, и групповые турниры по футболу и волейболу прошли днем раньше. В этот раз Кубок «Игр народа абазы» был отдан участникам игр из селения Кубина, которая показала высокие результаты.

Выбор судей

Нужно отметить, что очень важная роль в оценке участников отводится судьям, которых выбирают заранее. В профессиональных видах спорта это именитые спортсмены из местного общества или приглашенные лица, а в национальных видах спорта – опытные участники игр, которые детально знают их правила. Быть судьей в подобных мероприятиях очень почетно и вместе с тем очень ответственно. Судить и не быть предвзятым к участникам из своего села достаточно сложно. Каждая сторона болеет за своих односельчан, так как это престижно и почетно получить признание всего общества, что именно твои односельчане заняли призовые места. Ведь известно, что, даже будучи только зрителем, человек в иллюзорной форме переживает состояние успеха, признания и победы, идентифицируя себя с участниками игры. Бывали случаи, когда в некоторых соревнованиях возникали претензии к судьям, которые, с точки зрения участников, нечестно оценивали их. По правилам игр, как участник, так и судья может быть подвергнут остракизму в случае нарушения конституирующих правил, но такого еще не было.

Рекордсмены игр народа абаза

За время проведения «Игр народа абаза» было отмечено немало высоких результатов. Рекордсменом «Игр» по количеству наград и по самому высокому результату в гиревом спорте стал Сослан Ксалов. Он принимал участие во всех семи «Играх» и все семь раз занимал первое место в этом виде состязания и становился победителем и призером в соревнованиях по броску камня и перетягиванию каната. Трехкратным победителем «Игр народа абаза» по армрестлингу является Азамат Ковпсергенов из Кубины. Арсену Ламкову из Кара-Паго принадлежит действующий рекорд «Игр» в беге на 100 метров – 11,4 секунды, а Андрею Бачекурию из Эльбургана – в лазании на столб – 2,23 секунды. Лучшие результаты по прыжкам в длину у Ахмеда и Амалии Пазовых из Кубины. Здесь же нужно отметить и команду волейболисток из Абхазии, которые не проиграли ни одного турнира на «Играх народа абаза». Абхазская женская команда волейболисток является четырехкратным победителем «Игр».

Конечно, до мировых и российских рекордов жителям сел не дотянуть, но для сельских спортсменов-любителей результаты достаточно впечатляющие.

Наряду с призерами местных игр хочется отметить и инициатора абазинских игр Р. Чукова, работа которого по достоинству была оценена на федеральном уровне. Ежегодно с 2010 г. Министерством спорта Российской Федерации проводится Всероссийский смотр-конкурс среди организаторов физкультурно-спортивной работы в сельской местности, городской среде и по месту работы. В 2019 г. ответственный за организацию и проведение Игр народа абаза Р. Чуков получил Национальную

Фото 7. Переходящий кубок для команды-победительницы в общем зачете.
Сел. Кубина, Карачаево-Черкесия, 2022 г. Фото Р. Алиева

Fig. 7. Challenge cup for the winning team in the overall standings.
Kubina village, Karachay-Cherkessia, 2022. Photo by R. Aliyev

Фото 8. Лазание на столб на «Играх народа абазы». Сел. Кубина, Карачаево-Черкесия, 2022 г. Фото Р. Алиева

Fig. 8. Pole climbing at the “Games of the Abaza people.” Kubina village, Karachay-Cherkessia, 2022. Photo by R. Aliyev

спортивную премию России как «Лучший организатор физкультурно-спортивной деятельности в сельской местности»⁵.

Примечательно, что за звание лучшего в 11 номинациях боролись представители спортивного сообщества из разных регионов страны, и только 18 из них удостоились высшей награды. Одним из троих номинантов стал Расул Нурбиевич Чуков. Эта оценка была очень значима не только для самого победителя, но и для всего абазинского народа, который с еще большим рвением стал готовиться к новым играм.

Награждения участников

Любые соревнования, как и положено, заканчиваются награждением спортсменов в различных номинациях. По устоявшейся традиции награждают участников почетные гости, выдающиеся спортсмены, авторитетные члены местного общества.

В общей сложности процесс вручения призов занимает около часа или более, что также свидетельствует о том, какое важное значение приобрела эта церемония для всех присутствующих. Окончание игр завершается передачей кубка победителям. После получения этой награды село-победитель будет готовиться к новым играм. С. Башкирцева, посвятившая свое исследование игровой культуре, подчеркивает, что «Периодичность игры, по сути; «задерживает» человека в особом игровом времени, которое нельзя рассматривать с позиций обычной временной последовательности и континуальности. Неотъемлемое свойство игры — ее темпоральность. Речь идет о положении игры в историческом времени, а также о специфических чертах времени игрового» [4, с. 34]. Жизнь участников «Игр» имеет цикличность и заставляет абазинское общество двигаться дальше, не останавливаясь в своем развитии.

В абазинских играх нет гендерного неравенства, как в других мусульманских регионах мира. В играх принимают участие и женские и мужские команды. Следует подчеркнуть, что в некоторых играх принимали участие смешанные группы, а в волейбольной команде даже были девочки, одетые в хиджабы, но это им не мешало принимать участие в соревнованиях. Внутри игрового пространства они ощущают себя единой спортивной ячейкой, у которой одна цель — победить. Мы акцентировали на одежде небольшое внимание, так как в обществе существует предвзятое отношение к женщинам в хиджабе, взгляд на них как на обособленную, замкнутую и консервативную часть социума. Мы видим, как в абазинском обществе игра объединяет людей независимо от идеологических, социальных, религиозных и иных установок, связывая представителей различного возраста, пола, социального статуса, делая общение более раскрепощенным и эмоционально насыщенным. Если учитывать общее количество участников игр, женщин среди них, конечно, меньше. Но они принимают активное участие во всех видах соревнований, начиная от бега, баскетбола и заканчивая стрельбой из лука.

5. Положение о Всероссийском смотре-конкурсе среди организаторов физкультурно-спортивной работы в сельской местности, городской среде и по месту работы // <https://rulaws.ru/acts/Polozhenie-o-Vserossiyskom-smotre-konkurse-sredi-organizatorov-fizkulturno-sportivnoy-raboty-v-sels/> (дата обращения 02.02.2023).

Фото 9. Праздничная халва на играх народа абазы. С. Кубина, Карачаево-Черкесия, 2022 г. Фото Р. Алиева Фото. 2022

Fig. 9. Festive halva at the “Games of the Abaza people.” Kubina village, Karachay-Cherkessia, 2022. Photo by R. Aliev

Благодаря «Играм» из года в год стало расти самосознание народа. Участие в «Играх народа абазы» добровольное, никто никого не принуждает. Участники игры не имеют возрастных ограничений, но самая значительная часть участников — молодые люди от 15 до 30 лет. Социальный статус большинства участников — служащие, студенты и учащиеся школ. Игры выполняют в обществе коммуникативную функцию, способствующую поддержанию взаимоотношений между различными группами людей и объединению соотечественников не зависимо от места проживания.

Заключение

Подводя итоги проведенного исследования, хочется подчеркнуть, что этнопроект «Игры народа абазы» конструируют некую новую одухотворенную реальность, позволяющую поднять народ абазы на новую ступень своего развития. Традиционные «Игры народа абазы», оставаясь прежними по алгоритму их проведения, изменяют смысл, становясь знаками иной реальности, вписанной в новый контекст, тем самым изменяя и отношение к ним участников игрового действия. В результате этого и традиционные, и спортивные игры, вплетенные в канву «Игр народа абазы», приобретают новизну и создают позитивный настрой для всего народа. Этнопроект «Игры народа абазы» служат единению народа, подъему его физического и духовного потенциала, поскольку приносят настоящую радость и удовлетворение от того, что люди

Фото 10. Волейбольная команда из Абхазии на играх народа абаза.
С. Кубина, Карачаево-Черкесия, 2022 г. Фото Р. Алиева

Fig. 10. Volleyball team from Abkhazia at the “Games of the Abaza people.”
Kubina village, Karachay-Cherkessia, 2022. Photo by R. Aliyev

сами являются и инициаторами, и участниками этого игрового действия, к которому готовятся на протяжении всего года. Игра дает разрядку от того напряжения, которое накапливалось в ходе подготовки, в результате действий неигрового характера. Участие в соревнованиях позволяет каждому ощутить на себе дух состязания и подъем сил. Эти эмоции хочется испытать опять и опять на новых играх.

Полностью соглашаемся с высказыванием Б. Бгажнокова, который писал: «Перед нами особая форма социальной рефлексии. Праздник функционирует не только как посредник между отдельными социальными группами, обществом и личностью, обществом и природной средой. Он выполняет еще одну архиважную функцию — функцию анализа наличного состояния социума, степени его готовности к решению постоянно возникающих перед ним новых задач и проблем. В ходе игр вывлялась нравственная, социальная сила и энергия общности, устанавливались потенциальные возможности отдельных групп и личностей» [5, с. 14]. Эти концепты игры актуальны и для современного народа абаза. Игра несет в себе общий духовный подъем и настрой, существенно отличающий ее от норм обычной, повседневной жизни. Подготовка к игре заставляет думать о новых достижениях и победах своего народа. Мы видим, как благодаря «Играм» в абазинском обществе в последние годы сформировалась новая форма коммуникации, которая формирует в подрастающем поколении любовь к своему народу, к национальным обычаям и традициям, к родной земле,

отечеству. Традиции общества воспитывают в молодежи дух единения и созидания новой реальности, при этом игры культивируют любовь к родине, к ее традиционным ценностям.

Проект «Игры народа абаза» превратился в национальный праздник спорта и единения народа абаза. К сожалению, подобных этнопроектов у других народов нет, но его модель может быть рекомендована для всех регионов страны не только как универсальное средство для развития физкультуры и спорта, но и как социально значимый институт, в котором нашла себе прочную опору игровая культура народа абаза.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Хёйзинга Й. Homo ludens. Человек играющий. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2011. 416 с.
2. Финк Е. Основные феномены человеческого бытия // Проблема человека в западной философии. М.: Прогресс, 1998. С. 357–403.
3. Бычков В.В. Игра // Новая философская энциклопедия. В 4 т. Т. 2. М.: Мысль, 2001. С. 67–70.
4. Башкирцева Ю.С. Игровые начала культуры. Диссертация ... канд. филос. наук. Калининград, 2004. 163 с.
5. Бгажноков Б.Х. Черкесское игрище. Нальчик: Культурный центр «Адыгская энциклопедия», 1991. С. 188. 191 с.
6. Мафедзев С.Х. О народных играх адыгов (XIX – начало XX в.). Нальчик: Эльбрус, 1986. 232 с.
7. Вахания О. Абхазские народные игры. Сухуми, 1959. 119 с.
8. Абазины: историко-этнографический очерк. Черкесск: Карачаево-Черкесское отделение Ставропольского книжного издательства, 1989. – 240 с.
9. Цекоева Л.И. Игра как феномен традиционной культуры абазин // Социально-культурная и историческая общность Карачаево-Черкесии и Кабардино-Балкарии: традиции, современность, перспективы развития: материалы межрегион. науч.-практ. конф. с междунар. участием. Черкесск; Карачаевск: КЧГУ, 2019. С. 409–412.
10. Камбачокова М.Ю., Мирзоева С.Г., Бунькова Ю.В. Традиционные принципы воспитания подрастающего поколения у абхазо-адыгов (на абазинских материалах) // Современные проблемы науки и образования. 2014. № 6. С. 1–7.
11. Кунизжева Л. Народные игры // Абазины: историко-этнографический очерк. Черкесск: Карачаево-Черкесское отделение Ставропольского книжного издательства, 1989. С. 221–223.
12. Тхайцухов М.С. Очерки истории абазин конца XVIII–XIX вв. (Этнокультурные связи с народами Северо-Западного Кавказа). Сухум: Алашара, 1992. – 196 с.
13. Муртазов Т.А. Атабаски, абаски, баски. Абхазо-абазинский язык сино-кавказской макросемьи в аспектах палеолингвистики. Пятигорск: Рекламно-информационное агентство на Кавминводах, 2013. – 401 с.

REFERENCES

1. Huizinga J. *Homo ludens. A playing man*. St. Petersburg: Ivan Limbach Publ., 2011. (In Russ.)
2. Fink E. Basic phenomena of human existence. *The problem of man in Western philosophy*. Moscow: Progress, 1998: 357-403. (In Russ.)
3. Bychkov VV. Game. *New philosophical encyclopedia*. In 4 volumes. Vol. 2. Moscow: Mysl, 2001: 67-70. (In Russ.)
4. Bashkirtseva YuS. *The gaming principles of culture*. Candidate's dissertation, 2004. (In Russ.)
5. Bgazhnokov BKh. *Circassian game*. Nalchik: Cultural Center "Adyghe Encyclopedia", 1991: 188. (In Russ.)
6. Mafedzev SKh. About the folk games of the Circassians (XIX – early XX centuries). Nalchik: Elbrus, 1986. (In Russ.)
7. Vakhania O. Abkhazian folk games. Sukhumi, 1959. (In Russ.)
8. *Abazins: historical and ethnographic essay*. Cherkessk: Karachay-Cherkess branch of the Stavropol book publishing, 1989. (In Russ.)
9. Tsekova LI. Game as a phenomenon of traditional Abazin culture. *Socio-cultural and historical community of Karachay-Cherkessia and Kabardino-Balkaria: traditions, modernity, development prospects: materials from the interregional scientific-practical conference with international participation*. Cherkessk; Karachaeusk: KChGU, 2019: 409-412. (In Russ.)
10. Kambachokova MYu., Mirzoeva SG., Bunkova YuV. Traditional principles of education of the younger generation among the Abkhaz-Adyghe (on Abaza materials). *Sovremennyye problem nauki i obrazovaniya*. 2014, 6: 1-7. (In Russ.)
11. Kunizheva L. *Folk games. Abazins: historical and ethnographic essay*. Cherkessk: Karachay-Cherkess branch of the Stavropol book publishing, 1989: 221-223. (In Russ.)
12. Thaytsukhov MS. *Essays on the history of the Abazins of the late 18th-19th centuries (Ethnocultural relations with the peoples of the North-West Caucasus)*. Sukhumi: Alashara, 1992. (In Russ.)
13. Murtazov TA. *Athabaskan, abasque, basque. The Abkhaz-Abaza language of the Sino-Caucasian macrofamily in aspects of paleolinguistics*. Pyatigorsk: Advertising and information agency on Kavminvody, 2013. (In Russ.)

14. Тания К.В. Общественная организация «Всемирный абхазо-абазинский конгресс»: планы, проекты, реализация // Кавказ: перекресток культур. Том Выпуск 3. Санкт-Петербург: Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, 2021. С. 62–84.

15. Албогачиева М.С.-Г. Опыт сохранения традиционной культуры абазинского народа // Этнография. 2022. №3 (17). С. 33–48.

16. Муков М.И. Проблема абазинской диаспоры и пути ее решения // Кавказ: перекресток культур. Вып. 3. СПб.: МАЭ РАН, 2021. С. 85–93.

17. Албогачиева М.С.-Г. Кавказский опыт: судьба абазин // Головнёв А. В., Албогачиева М.С.-Г., Белорусова С.Ю., Беляева-Сачук В.А., Киссер Т.С., Перевалова Е.В. Коренные малочисленные народы России: этнокультурные проекции. СПб.: МАЭ РАН, 2022. С. 130.

14. Taniya KV. Public organization “World Abkhaz-Abaza Congress”: plans, projects, implementation. *Caucasus: crossroads of cultures*. Vol. 3. St. Petersburg: Museum of Anthropology and Ethnography named after. Peter the Great (Kunstkamera) of the RAS, 2021: 62-84. (In Russ.)

15. Albogachieva MS-G. Experience of preserving the traditional culture of the Abaza people. *Etnografiya*. 2022, 17 (3): 33-48. (In Russ.)

16. Mukov MI. The problem of the Abaza diaspora and ways to solve it. *Caucasus: crossroads of cultures*. Vol. 3. Saint-Petersburg: MAE RAS, 2021: 85-93. (In Russ.)

17. Albogachieva MS-G. Caucasian experience: the fate of the Abazins. In: Golovnev A.V., Albogachieva M.S.-G., Belorussova S.Yu., Belyaeva-Sachuk V.A., Kisser T.S., Perevalova E.V. *Indigenous peoples of Russia: ethnocultural projections*. Saint-Petersburg: MAE RAS, 2022: 130. (In Russ.)

Поступила в редакцию 03.04.2023 г.

Принята в печать 14.07.2023 г.

Опубликована 15.09.2023 г.

Received 03.04.2023

Accepted 14.07.2023

Published 15.09.2023

ЭКСПЕДИЦИИ

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH193876-903>

Научный отчет

Малашев Владимир Юрьевич,
к.и.н., старший научный сотрудник,
Институт археологии РАН, Москва, Россия,
malashev@yandex.ru

Гаджиев Муртазали Серажутдинович,
д.и.н., профессор, зав. отделом археологии,
Институт истории, археологии и этнографии
Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН, Махачкала, Россия
murgadj@rambler.ru

Сайпудинов Мурад Шахбанович
младший научный сотрудник,
Институт истории, археологии и этнографии,
Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН, Махачкала, Россия
haosta@mail.ru

Абдулаев Абдула Магомедович,
младший научный сотрудник,
Институт истории, археологии и этнографии
Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН, Махачкала, Россия
realhigh87@mail.ru

Абиев Аскерхан Камалович,
научный сотрудник,
Институт истории, археологии и этнографии
Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН, Махачкала, Россия
abiev-ak@yandex.ru

Будайчиев Арсен Лахманович
научный сотрудник,
Институт истории, археологии и этнографии
Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН, Махачкала, Россия
arseneihae@yandex.ru

Шаушев Кыдырали Байрамгазыевич,
научный сотрудник
ООО «НПЦ туризма и краеведения», Махачкала, Россия
kadyralishaushev@yandex.ru

Для цитирования: Малашев В.Ю., Гаджиев М.С., Сайпудинов М.Ш., Абдулаев А.М., Абиев А.К., Будайчиев А.Л., Шаушев К.Б. Исследования одиночного кургана Учкент IV эпохи средней бронзы // История, археология и этнография Кавказа. 2023. Т. 19. No 3. С. 876-903. doi: [org/10.32653/CH193876-903](https://doi.org/10.32653/CH193876-903)

ИССЛЕДОВАНИЯ ОДИНОЧНОГО КУРГАНА УЧКЕНТ IV ЭПОХИ СРЕДНЕЙ БРОНЗЫ

Аннотация. В 2019 г. совместная археологическая экспедиция ООО «Научно-производственный центр туризма и краеведения», Института истории, археологии и этнографии Дагестанского федерального исследовательского центра РАН и Института археологии РАН провела охранно-спасательные раскопки Одиночного кургана Учкент IV, расположенного в зоне реконструкции магистрального нефтепровода «Грозный – Баку» в Кумторкалинском районе Республики Дагестан. Под насыпью кургана были выявлены внешняя каменная вымостка в форме полумесяца, каменная наброска вокруг и над погребением 1, окруженная кромлехом, и два погребения в каменных гробницах (погребения 1 и 2). Погребальный обряд и сохранившийся после ограбления погребальный инвентарь позволяют относить основное погребение 1 и время возведения кургана к эпохе средней бронзы. Впускное погребение 2 также относится к эпохе средней бронзы, однако почти полное отсутствие погребального инвентаря не позволяет уточнить его хронологию. Одиночный курган Учкент IV имеет наиболее близкие параллели с курганами Таулар-гол в Прикаспийском Дагестане, с которыми, возможно, составляет одну хронологическую и культурную группу, связанную с присулакской культурой. Особый интерес представляют выявленные детали курганной архитектуры и погребальной обрядности, выразившиеся в сочетании солярной (кромлех) и лунарной выкладок вокруг центрального погребения в гробнице, окруженной плотной каменной наброской, имитировавшей круглую насыпь. Древнейшие подобные, каменные и земляные, выкладки на Кавказе относятся к эпохе энеолита и спорадически встречаются в курганных погребальных памятниках майкопской культурно-исторической общности раннего бронзового века, а также в памятниках среднего бронзового века. Можно полагать, что солярно-лунарные конструкции обусловлены религиозными представлениями о жизни и смерти, отражающими какие-то космогонические бинарные представления носителей этой, иногда встречающейся обрядности (архаичные мифологические сюжеты о солнце и луне).

Ключевые слова: Дагестан; курган; средний бронзовый век; погребальный обряд; каменная насыпь; кромлех; лунарная вымостка

EXPEDITIONS

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH193876-903>

Scientific report

Vladimir Yu. Malashev,
Cand. Sci, Senior Researcher
Institute of Archeology of RAS, Moscow, Russia
malashev@yandex.ru

Murtazali S. Gadjiev,
Dr. Sci. (History), Prof., Head of Dept. of Archeology
Institute of History, Archeology and Ethnography
Dagestan Federal Research Center of RAS, Makhachkala, Russia
murgadj@rambler.ru

Murad Sh. Saypudinov,
Junior Researcher
Institute of History, Archeology and Ethnography
Dagestan Federal Research Center of RAS, Makhachkala, Russia
haosta@mail.ru

Abdula M. Abdulaev,
Junior Researcher
Institute of History, Archeology and Ethnography
Dagestan Federal Research Center of RAS, Makhachkala, Russia
realhigh87@mail.ru

Askerkhan K. Abiev,
Researcher,
Institute of History, Archeology and Ethnography
Dagestan Federal Research Center of RAS, Makhachkala, Russia
abiev-ak@yandex.ru

Arsen L. Budaichiev,
Researcher,
Institute of History, Archeology and Ethnography
Dagestan Federal Research Center of RAS, Makhachkala, Russia
arseneihae@yandex.ru

Kydyrali B. Shaushev,
Researcher at NPC Tourism and Local History LLC,
Makhachkala, Russia
kadyralishaushev@yandex.ru

For citation: Malashev V.Yu., Gadjiev M.S., Saypudinov M.Sh., Abdulaev A.M., Abiev A.K., Budaichiev A.L., Shaushev K.B. Excavation of a Single Kurgan Uchkent IV of the Middle Bronze Age. *History, Archeology and Ethnography of the Caucasus*. 2023. Vol. 19. N.3. P. 876-903. doi. org/10.32653/CH193876-903

EXCAVATION OF A SINGLE KURGAN UCHKENT IV OF THE MIDDLE BRONZE AGE

Abstract. In 2019, a joint archaeological expedition comprising the Scientific and Production Center for Tourism and Local Lore, the Institute of History, Archeology, and Ethnography of the Dagestan Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences, and the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences conducted a rescue excavation of the solitary kurgan Uchkent IV. Situated within the reconstruction zone of the Grozny-Baku oil pipeline in the Kumtorkala district of the Republic of Dagestan. The excavation uncovered an outer stone crescent-shaped pavement, a stone arrangement surrounding and covering Burial 1, which was enclosed by a cromlech, as well as two burials within stone tombs (designated as Burials 1 and 2). The preserved funeral rites and burial artifacts enabled us to date the principal burial, Burial 1, and the construction of the kurgan to the Middle Bronze Age. Burial 2 also corresponds to the Middle Bronze Age, but due to the nearly complete absence of burial artifacts, its precise chronology remains uncertain. Kurgan Uchkent IV shares remarkable parallels with the Taular-gol kurgans in Caspian Dagestan, suggesting the formation of a single chronological and cultural group associated with the Sulak (Prisulak) culture. Of particular interest are the architectural elements and funerary practices revealed at the kurgan. These include a combination of solar (cromlech) and lunar pavements encircling the central burial in a tomb enclosed by a dense stone structure that simulates a rounded embankment. Notably, the earliest instances of similar stone and earthen pavements in the Caucasus can be traced back to the Eneolithic period, found in burial mounds associated with the Maykop cultural and historical community of the Early Bronze Age, as well as in the kurgans of the Middle Bronze Age. These solar-lunar constructions likely reflect religious beliefs about life and death, embodying cosmogonic binary concepts that are intertwined with archaic myths concerning the Sun and the Moon.

Keywords: Dagestan; kurgan; Middle Bronze Age; funeral rite; stone embankment; cromlech; lunar pavement

Одиночный курган Учкент IV был выявлен летом 2018 г. в ходе археологических разведок ООО «НПЦ туризма и краеведения» в зоне реконструкции магистрального нефтепровода «Грозный-Баку» на территории Кумторкалинского района Республики Дагестан¹. В феврале–марте 2019 г. совместная археологическая экспедиция ООО «НПЦ туризма и краеведения», ИИАЭ ДФИЦ РАН и ИА РАН на средства ТРУМН АО «Черномортранснефть» провела охранно-спасательные раскопки кургана, попавшего в зону реконструкции данного нефтепровода (рис. 1).

Одиночный курган Учкент IV располагался на Предгорной террасированной равнине с новейшей складчатой структурой на позднехазарской (80-метровой) морской террасе (МИС 5). Курган находился в 0,8 км к СВ от восточной окраины сел. Учкент и в 0,25 км к СВ от автомагистрали Р-217 «Кавказ» (рис. 1), на землях сельскохозяйственного назначения. Курган располагался на поле, которое активно используется для сельскохозяйственного производства (регулярная распашка). Насыпь кургана не распаивалась, ее поверхность была задернована и покрыта травянистой растительностью; западная и восточная полы частично нарушены распашкой. На поверхности насыпи местами фиксировались камни, относящиеся к подкурганам конструкциям.

Насыпь овальной в плане формы, размерами 32×26 м, была вытянута длинной осью широтно; тах. высота ее составляла 1,39 м от уровня современной дневной поверхности у северо-восточной полы (рис. 2), естественно понижающейся в сторону моря. Все нивелировки и привязки осуществлялись от репера – центра кургана. Насыпь снималась с оставлением двух перпендикулярно пересекающихся бровок, ориентированных по сторонам света и проходящих через предполагаемый центр кургана. Учитывая сходную стратиграфию (рис. 3), приведем описание южного фаса профиля запад – восток (рис. 3, Б).

Протяженность профиля – 32 м. Верх профиля занимал гумусный слой – суглинок темно-коричневого цвета толщиной 20–25 см. Слой насыпи фиксировался в центральной части профиля и выклинивался на участке Ц–З на 11 м и на участке Ц–В – на 9 м; мощность слоя – до 90 см. Структура насыпи – неоднородная, отражает особенности ее конструкции. В центральной части насыпь была сложена из суглинка серо-коричневого цвета с каменной крошкой и карбонатами, представлявшего плодородный слой, собранный с окружающей курган территории (слой 1). По краям к нему примыкал слой суглинка серовато-желтого цвета с вкраплениями суглинка светло-коричневого цвета и большим количеством карбонатов (слой 2) толщиной до 75 см; он выклинивался на участках Ц–З на 9,3 м и Ц–В на 5,5 м. За пределами описанных слоев фиксировался суглинок серовато-желтого цвета (слой 4) мощностью до 0,5 м, который подстилал и частично перекрывал выкладку внешней каменной вымостки в виде полумесяца с утонченными концами (рис. 3А). Размеры этой вымостки в профиле по внутреннему контуру составляют 13,6 м, по внешнему – 17,5 м. По краям профиля прослеживался суглинок коричневого цвета (слой 5) толщиной от 20 до 40 см, являющийся плодородным слоем, образовавшимся после сооружения кургана. Насыпь лежала на слое погребенной почвы толщиной 15 см (слой 6). Верхняя часть (5–6 см) погребенной почвы – супесь серого цвета, являющаяся результатом эоловых процессов (?), нижняя (8–10 см) – суглинок светло-коричневого цвета с небольшим количеством мелких камней. Слои 1, 2, 4 и каменная вымостка в виде полу-

1. Шаушев К.Б. Отчет об археологических разведках на территории Кизилюртовского и Кумторкалинского районов Республики Дагестан в 2018 г. Махачкала // Архив ООО «НПЦ “Туризма и краеведения”».

месяца (рис. 3) маркируют границы древней насыпи, размер которой в широтном направлении ориентировочно составлял около 20 м. Материк – суглинок желтого цвета с редкими включениями камней (песчаника) – фиксировался на глубине от -130 до -180 см от репера с понижением в восточном направлении (в сторону моря).

В центральной части профиля находилась каменная наброска вокруг и над погребением 1, окруженная кромлехом размером в рамках профиля около 7,8 м (камни кромлеха и погребения 1 отмечены светло-серой заливкой) (рис. 3, А), которые были выложены на поверхности погребенной почвы. Высота каменной наброски вокруг погребения 1 достигала 1 м. Там же, из-под пахотного слоя, прорезая насыпь, фиксировалась грабительская яма над погребением 1, заполненная мешаным затечным суглинком желтовато-серого цвета (слой 3) (рис. 3, Б, В). Дно погребения 1 было незначительно заглублено в погребенную почву.

Под насыпью кургана были выявлены внешняя каменная вымостка в виде полумесяца, центральная конструкция, включающая наброску из камней вокруг и над погребением 1, имитирующую насыпь и окруженную кромлехом, а также два погребения в каменных гробницах (рис. 3). Все каменные конструкции, за исключением кромлеха, находились под гумусным слоем, местами выходя на поверхность насыпи.

Внешняя каменная вымостка на периферии насыпи

Каменная вымостка в виде полумесяца охватывала по периметру периферию насыпи и была разомкнута в юго-западном секторе; протяженность разрыва контура составляла 9,7 м (рис. 3, А; 4). Внешний диаметр вымостки – 19,5–20,0 м, внутренний – 15,0–15,5 м. Ширина ее варьирует в пределах 2,5–3,0 м. В юго-западном секторе обе оконечности кольца существенно утоньшаются, придавая вымостке вид лунного серпа с островатыми вершинами-«рогами». Камни вымостки в этом секторе были выложены на древнем горизонте (на погребенной почве). Во всех остальных секторах камни кольца выкладывались на поверхность оконечности насыпи с понижением от центра к периферии и перепадом по высоте до 40 см – от -80-110 см до -120-150 см от репера. Полумесяц по внутреннему контуру был укреплен аккуратно выложенными камнями более крупных размеров. Наружный контур, вследствие естественных процессов смыва с поверхности насыпи и, вероятно, распашки имел менее четкие очертания.

В северо-восточном секторе кургана, при расчистке внешнего каменного кольца, был обнаружен желвак из черного кремня (размерами 6,3×5,0×2,7 см) с окатанными сколами (рис. 12, № 8).

Центральная конструкция: наброска из камней, окруженная кромлехом

В центральной части кургана находилась плотная каменная наброска округлой в плане формы вокруг и над погребением 1 в каменной гробнице, возведенная на древнем горизонте (погребенной почве) (рис. 4–6). Наброска имитировала небольшую насыпь и состояла, в том числе, из подработанных камней (песчаник), более или менее аккуратно уложенных в нижней и средней по высоте ее части по периметру гробницы

и, очевидно, служивших опорой стенок; поверхность наброски была перекрыта более мелкими необработанными камнями, лежавшими достаточно хаотично. Юго-восточная часть наброски была нарушена впускным погребением 2, также представлявшим гробницу, сооруженную на древнем горизонте (рис. 5; 6). Высота каменной наброски составляла 80–90 см, диаметр по основанию – около 5,5 м. В центре наброски располагалось основное погребение 1, к продольной стороне которого с ВЮВ перпендикулярно ей примыкало погребение 2.

Каменную наброску окружал кромлех, выложенный из необработанных камней крупных и средних размеров (песчаник) на древнем горизонте (погребенной почве) (рис. 4–6). На части его контура в западном и юго-западном секторах камни лежали в один ряд; на остальной части – в 2–3 горизонтальных ряда с наброской сверху. Кромлех округлой в плане формы, его размер по оси север-юг составлял 8 м, по оси запад-восток – 8,5 м.

Внутри северной части конструкции, при расчистке камней кромлеха, были обнаружены кремневый отщеп (на глубине -123 см от репера) и ребра крупного рогатого скота (на глубине -95 см от репера). Отщеп из серого кремня (рис. 12, № 7), размерами 1,5×1,5×0,4 см, с сильно замытыми (окатанными) сколами.

Внутри кромлеха и наброски были выявлены два погребения, совершенные в каменных гробницах: основное (погребение 1) в центре наброски и впускное (погребение 2) – в ее юго-восточной части.

Погребение 1

Погребение было совершено в каменной гробнице прямоугольной в плане формы, размерами по дну 2,6×1,3 м, ориентированной длинной осью по линии ССВ-ЮЮЗ (рис. 5–9). Погребение подверглось ограблению, вследствие чего перекрытие не сохранилось.

Торцевая северо-северо-восточная стенка была сооружена из крупной, поставленной на ребро плиты песчаника размерами 1,55×0,9×0,3 м (рис. 6; 7а; 9, А-В). Плита не заглублена и находится на уровне погребенной почвы. Наклонное внутрь положение плиты, по все видимости, обусловлено результатом нарушения гробницы в древности и, как следствие, давлением камней наброски и разрушением прилегающей части восточно-юго-восточной стенки.

Торцевая юго-юго-западная стенка (рис. 6; 7а; 9, А, Б, Д) состоит из крупного хорошо обработанного блока в форме параллелепипеда (песчаник) размерами 0,85×0,55×0,25 м, лежавшего плашмя, на котором находилась необработанная плита песчаника размерами 1,15×0,75×0,35 м, частично сместившаяся в результате ограбления.

Боковая продольная западо-северо-западная стенка имеет комбинированную конструкцию (рис. 6; 8; 9, А-В). В юго-юго-западной части она состоит из трех крупных хорошо обработанных и подогнанных друг к другу блоков песчаника, поставленных на торец и вкопанных в дно на глубину от 5 до 25 см; размеры блоков: высота – 0,9–0,75 м, ширина – 0,85–0,5 м, толщина – 0,2–0,15 м. Сверху на них были положены необработанные плитки песчаника средних размеров и мелкие камни, на которые устанавливались плиты перекрытия. В северо-северо-восточной части стен-

ка сложена кладкой (4 ряда) насухо из частично подработанных камней (песчаник), установленных на уровне погребенной почвы. Щели между крупными камнями были забутованы мелкими. Этот участок стены в плане имеет небольшой скос, вследствие чего реконструируемая ширина по дну у северо-северо-восточной стенки составляет около 1 м.

Боковая продольная юго-юго-восточная стенка (рис. 6; 7; 9, А, Б, Г) почти полностью разрушена впускным погребением 2, на сооружение которого были использованы, в том числе, и камни погребения 1. *In situ* сохранился обработанный блок (песчаник) размерами 0,7×0,7×0,35 м в средней части стенки, установленный на торце и вкопанный в дно на глубину около 10 см (рис. 7, б). Еще один обработанный блок (со следами обработки) размерами 0,8×0,55×0,2 м был отвален в сторону и находился на боку в южном углу гробницы. Третий блок был использован в конструкции юго-восточно-восточной стенки погребения 2. По всей видимости, конструкция боковых продольных стенок была одинакова: она состояла в юго-юго-западной части из трех вкопанных в дно и притертых друг к другу обработанных блоков, в северо-северо-восточной части, примыкая к северо-северо-восточной стенке, конструкция представляла собой кладку из нескольких рядов слегка подработанных камней.

Часть пространства вдоль восточно-юго-восточной стенки занимала плита перекрытия из песчаника размерами 1,2×1,1×0,12 м, стоявшая наклонно и смещенная в результате ограбления (рис. 7). Еще одна плита перекрытия, вероятно, была использована в конструкции северо-северо-восточной продольной стенки погребения 2.

Дно могилы ровное, практически горизонтальное, было незначительно углублено в погребенную почву. Глубина погребальной камеры составляла, судя по верхним отметкам хорошо сохранившейся северо-северо-западной стенки, около 90 см. Дно располагалось на отметке -134 см от репера.

В заполнении были встречены фрагменты костей взрослого мужчины² и сохранившиеся после ограбления предметы инвентаря. Вследствие ограбления положение и ориентировка погребенного точно не восстанавливаются. Предположительно, исходя из размеров погребальной постройки (2,6×1,3 м), погребенный мог быть положен в вытянутом положении головой на ЮЗ.

В заполнении были обнаружены следующие предметы:

- фрагменты верхней части лепного сосуда оранжевого цвета с редкими пятнами светло-коричневого цвета, отогнутым наружу венчиком (диаметром 20 см), отделенным слабовыраженным уступом от плечиков (рис. 12, № 1); плечики орнаментированы резным пояском в виде двойной линии зигзага;
- фрагменты стенок сероглиняного лепного сосуда;
- фрагменты бронзового двулезвийного ножа с асимметричным черенком (рис. 12, № 2);
- бронзовые бусы шаровидной формы, диаметром 0,5 см и высотой 0,4 см (рис. 12, №№ 3, 5);
- отщеп из серого кремня (рис. 12, № 4) с сильно окатанными сколами, размерами 2,8×1,9×0,9 см.

2. Здесь и далее антропологические определения к.и.н. С.Ю. Фризена (ИЭА РАН).

Погребение 2

Погребение было совершено в каменной гробнице прямоугольной в плане формы, размерами по дну $1,8 \times 0,8$ м, ориентированной длинной осью по линии СЗЗ-ЮВВ (рис. 5; 6; 10; 11). Гробница располагалась также в центре кургана, вплотную примыкая к погребению 1. Она также подверглась ограблению. Сохранились остатки перекрытия из сравнительно тонких необработанных плит песчаника у восточно-юго-восточной стенки и в западо-северо-западной части гробницы.

Торцевая западо-северо-западная стенка не сохранилась, очевидно, вследствие ограбления. Ее внутренний контур, видимо, маркируют край каменного блока восточно-юго-восточной стенки погребения 1 и край плиты, образующей северо-северо-восточную стенку погребения 2 (рис. 5; 6; 10).

Торцевая восточно-юго-восточная стенка состоит из крупного хорошо обработанного блока в форме параллелепипеда (песчаник) размерами $0,85 \times 0,7 \times 0,3$ м, использованного из восточно-юго-восточной стенки гробницы погребения 1 и установленного на уровне погребенной почвы (рис. 5; 6; 10; 11, А, Г).

Боковая продольная северо-северо-восточная стенка была сооружена из крупной, поставленной на ребро плиты песчаника размерами $1,8 \times 0,65 \times 0,2$ м, очевидно, изначально относившейся к перекрытию гробницы погребения 1 (рис. 5; 6; 10, а; 11, А, В). Плита не была заглублена в грунт и находилась на уровне погребенной почвы. Для компенсации неровного контура плиты в нижней части по краям под нее были поставлены небольшие камни.

Боковая продольная юго-юго-западная стенка имеет комбинированную конструкцию (рис. 5; 6; 10, б; 11, А, Б). В западном углу гробницы был установлен крупный обработанный блок песчаника, размерами $0,65 \times 0,65 \times 0,2$ м, поставленный торцом на уровне погребенной почвы и, возможно, имевший отношение к конструкции гробницы погребения 1. Остальная часть стенки сложена кладкой насухо из трех рядов частично подработанных плит песчаника, установленных на уровне погребенной почвы. Щели между крупными камнями были забутованы мелкими. Сверху на стенку были положены необработанные плитки песчаника средних размеров и мелкие камни, на которые устанавливались плиты перекрытия.

Дно ровное, с незначительным понижением к восточно-северо-восточной стенке, было немного углублено в погребенную почву. Глубина погребальной камеры, судя по верхним отметкам хорошо сохранившейся северо-северо-западной стенки, составляла около 80 см. Дно располагалось на отметках -137-140 см от репера.

В заполнении были встречены фрагменты костей взрослого мужчины. Скелет погребенного почти полностью был разрушен при ограблении. *In situ* у северо-северо-восточной стенки сохранились кости предплечья правой руки и несколько ребер правой половины грудной клетки. Судя по их положению, погребенный мог находиться в вытянутом положении на спине головой на ВЮВ.

В северо-западной части гробницы на дне была обнаружена бронзовая пластинчатая подвеска размерами $0,8 \times 0,5 \times 0,3$ см (рис. 11, № 1).

Этапы сооружения кургана, погребальные конструкции, хронология

Под насыпью Одиночного кургана Учкент IV были выявлены внешняя каменная выкладка в форме полумесяца, центральная конструкция (наброска из камней вокруг и над погребением 1, окруженная кромлехом), и два погребения в каменных гробницах – основное (погр. 1) и впускное (погр. 2), но совершенные, очевидно, в один хронологический период, на что может указывать их определенное сходство в погребальной конструкции. В пользу того, что погребение 2 было впускным и было совершено позже основного погребения 1, свидетельствуют: 1) его иная ориентировка (широтная); 2) периферийное положение со смещением от центра и разрушением каменной наброски в восточной ее части при сооружении гробницы; 3) отсутствие стандартизации в конструкции стенок по сравнению с погребением 1 (в том числе, не вкопанные в дно блоки); 4) использование части конструктивных деталей погребения 1 (блоков и одной из плит перекрытия) в конструкции стенок погребения 2. Оба погребения были разграблены, очевидно, в XIX в., судя по полученной радиоуглеродной дате³.

Каменные гробницы были сооружены на древнем горизонте из крупных обработанных и необработанных блоков и камней песчаника и изначально перекрыты каменными плитами. Камень, очевидно, доставлялся с передового хребта Нарат-тюбе, сложенного из чокракских и караганских песчаников и расположенного в 5–6 км к ЮЗ от кургана. Плиты конструкции устанавливались на выровненную поверхность на уровне погребенной почвы; отдельные блоки стенок гробницы погребения 1 заглублялись в грунт на 5–25 см. Сооружение погребальных конструкций не в яме, а на уровне древней дневной поверхности, было обусловлено характером материкового грунта, представляющего чрезвычайно плотную и твердую каштановую карбонатную глинистую почву, очень плохо поддающуюся рытью. Подобное явление наблюдалось и на ряде других памятников Прикаспийского Дагестана (курганы Таулар-гол и др.).

Постройка гробницы погребения 1 с последующим захоронением в ней взрослого мужчины представляла первый этап сооружения погребального памятника. Второй этап включал в себя создание вокруг и над гробницей плотной каменной наброски, имитировавшей каменную насыпь. На третьем этапе был устроен концентрический кромлех, окруживший гробницу и каменную наброску. На четвертом этапе была сделана земляная насыпь, перекрывшая гробницу, каменную наброску и кромлех. И, наконец, на заключительном пятом этапе по внешнему контуру насыпи была создана каменная выкладка в виде полумесяца.

Подобные погребальные конструкции, представлявшие гробницу (или каменный ящик), возведенную на древней дневной поверхности и окруженную плотной каменной насыпью, известны на территории Дагестана и относятся к эпохе среднего бронзового века. Наиболее близкими аналогами являются курганы 1–4 могильника Таулар-гол [1,

3. Радиоуглеродное датирование проводилось в ЦКП «Лаборатория радиоуглеродного датирования и электронной микроскопии» Института географии РАН и Центре прикладных изотопных исследований Университета Джорджии (IGANAMS 7695). Анализам подверглись кости животного из насыпи (коллаген, образец Б19-18), которые, видимо, находились в заполнении грабительской ямы и давшие даты 110±35 ВР (1σ) и средние вероятные даты 1835 г. и 1905 г.

с. 134–138; 2, р. 159–176]⁴, расположенного в той же геоморфологической зоне в Прикаспийском Дагестане в 55 км к ЮВ от Учкента. Здесь курганы 2 и 3 также имели кромлехи, окружавшие плотно обложенные каменной наброской гробницы, а курган 4, вероятно, имел лунарную выкладку по периферии насыпи. Отличие курганов Таулар-гол, относящихся к эпохе средней бронзы по диагностирующим находкам полированного грушевидного каменного навершия булавы (кург. 1) и характерной бронзовой дисковидной подвесочки с концентрическими окружностями на лицевой стороне (кург. 2), состоит в том, что, вероятно, первоначально они представляли каменные насыпи, которые впоследствии в результате естественных процессов были затянуты грунтом.

Использование каменных конструкций в виде подкурганых округлых плотных набросок-насыпей, окружавших погребальное сооружение и часто дополнительно обложенных каменными кольцами-кромлехами представляет характерную черту погребальной обрядности курганов позднего этапа майкопской культурно-исторической общности [3, с. 183, табл. 45]. Как отмечал Р.М. Мунчаев, «погребения в них совершены не в крупных могильных ямах, как в раннемайкопских курганах, а в большинстве случаев непосредственно под каменным сооружением – на уровне древнего горизонта» [3, с. 183, табл. 45], что мы наблюдаем и в курганах Учкент IV, Таулар-гол эпохи средней бронзы и др., расположенных в Прикаспийском Дагестане. Каменные наброски и кромлехи представлены в курганных захоронениях так называемой северокавказской культурно-исторической общности эпохи средней бронзы [4, с. 261, 269]. Характерны они и для присулакской культуры среднебронзового века Северо-Восточного Кавказа [5, с. 35, 39, 40, 52, 54, 56; 6, с. 60, 66, 75, 77, рис. 2, 4, 10; 7, с. 145, 146, рис. 1; см. также: 8], к памятникам которой тяготеет исследованный курган Учкент IV.

Особый интерес вызывает хорошо сохранившаяся каменная выкладка в форме полумесяца, окаймлявшая насыпь кургана Учкент IV. Древнейшие подобные, каменные и земляные, выкладки на Кавказе относятся к эпохе энеолита [9, с. 27; 10, с. 108; 11, р. 104]. Спорадически они встречаются в курганных погребальных памятниках майкопской культурно-исторической общности [10, с. 108, рис. 88, 2, 89–91]. Яркие примеры – хорошо известные Кишпекский курган № 1 [9, с. 16, 22, 26–28, рис. 1, 7; 12, с. 16, 22, 26–28, рис. 3] и курган № 1 Сунженского могильника [13, с. 11–177, рис. 18, II]. На Южном Кавказе – это курганы финала эпохи ранней бронзы (сер. III тыс. до н.э.) Хачбулаг № 1 [14, с. 37], Кюдурлу № 2 [15, с. 94, рис. XXXII] и Амили № 2, датирующийся в диапазоне 2560–2350 гг. до н.э., Амили № 3 [11, р. 100–103, fig. 2, 3, 2] и др.

Известны выкладки в форме полумесяца или дуги, окружающие центральное захоронение, и в памятниках среднебронзового века. Как лунарные выкладки, вероятно, следует рассматривать выложенные камнем полукольца или дуги в курганах №№ 1, 3, 4, 8 группы III Миатлинского могильника [5, с. 52, 54; 16, с. 88, 99, 102, 111, 112, рис. 1а, 8, 10, 20] – одного из центральных памятников присулакской культуры средней бронзы, расположенного на расстоянии около 20 км к ЮЗЗ от кургана Учкент IV. Обращает внимание, что они окаймляют центральные погребения с северо-восточной, восточной стороны, что, возможно, как и в кургане Учкент IV, указывает направление на восход солнца, тогда как противоположная сторона на закат. Для миатлинских и чиркейских курганных захоронений характерна ориентировка погребальной камеры и самого захоронения в направлении ЮЗ-СВ, с положением погребенного головой на ЮЗ [7, с. 151], что фиксируется в основном погребении кургана Учкент IV.

4. Гаджиев М.С. Отчет об охранно-спасательных раскопках могильника Таулар-гол в 2005 г. Махачкала, 2006 // Научный архив Института истории, археологии и этнографии ДФИЦ РАН. Ф. 3. Оп. 3. Д. 982.

Учитывая отмеченное выше сходство погребальной обрядности и конструктивных особенностей кургана Учкент IV с курганами средней бронзы Таулар-гол и Миатлы, его следует отнести к этому же периоду. Конкретизировать датировку вследствие ограбленности кургана и почти полного отсутствия погребального инвентаря не представляется возможным. Полученная радиоуглеродная дата по кости животного дала указание на XIX в. (см. выше), что, очевидно, отражает время ограбления кургана – период, характеризующийся массовым разграблением курганных могильников Прикаспийского Дагестана.

Некоторые хронологические заключения возможны на основе изучения фрагментов керамических сосудов из основного погребения кургана.

Результаты технико-технологического анализа образцов керамики кургана Учкент IV (см. Приложение) позволили выделить две гончарные технологические традиции в изготовлении глиняной посуды (глина + шамот, глина + шамот 2 видов + органический раствор) и сравнить их с сопредельными территориями, а именно с гончарными традициями изготовления керамики Ирганайского поселения I эпохи средней бронзы в Горном Дагестане (высота над уровнем моря 530 м).

Сравнение традиций изготовления керамики показало, что на начальном этапе функционирования Ирганайского поселения I фиксируется незначительная часть посуды, где в качестве исходного пластичного сырья использовались сильнозапесоченные слабожелезненные глины (5,6% от общего количества рассмотренных образцов). Изучение рецептур формовочных масс керамики Ирганайского поселения I показало, что рецепт «глина + шамот» использовался в 9,6%, а рецепт «глина + шамот + органический раствор» в 15,1% рассмотренных сосудов [17, с. 285–288]. Наличие в керамике кургана Учкент IV, образца № 2, в котором использовалась засоренная сильнозапесоченная сильножелезненная «горная глина», в формовочной массе которой фиксировался шамот, в шамоте которого был шамот из слабожелезненной глины (рис. 13, 5), демонстрирует сходство с традицией гончарства Ирганайского поселения I раннего этапа существования. Это позволяет заключить, что носители гончарных традиций, оставивших курган Учкент IV, оказали влияние на раннем этапе на формирование традиции керамического производства Ирганайского поселения I, относящегося к локальному варианту гинчинско-гатынкалинской (гинчинской – по Р.Г. Магомедову) культуры эпохи средней бронзы и фиксирующей связи и продвижение носителей этой традиции с равнины в горы. Это в определенной мере позволяет синхронизировать нижние слои Ирганайского поселения I с датировкой кургана Учкент IV. Ранее нижние слои поселения специалисты относили к XVIII–XVII вв. до н.э. [18, 171–173, 375, рис. 135]. Недавно полученные радиоуглеродные даты нижних слоев Ирганайского поселения (раскоп VIII, 1991 г., кв. г-16, шт. 10; раскоп VIII, 1991 г., кв. г-13, шт. 12; коллаген, кости животных), дали средние калиброванные значения 2274 BC и 2347 BC⁵. В соответствии с этими датировками можно предварительно датировать этим же периодом, т.е. XXIV–XXIII вв. до н.э., и курган Учкент IV.

5. Коллаген выделен в лаборатории археологического почвоведения Института физико-химических и биологических проблем почвоведения РАН (зав. лаб., к.б.н., в.н.с. А.В. Борисов). Радиоуглеродный анализ образцов (лаб. № ИМК-ЭС-14С2010, лаб. № ИМКЭС-14С2035) проведен в аналитическом центре изотопных исследований Института мониторинга климатических и экологических систем СО РАН (рук., к.т.н., в.н.с. Г.В. Симонова) жидкостно-сцинтилляционным методом с помощью спектрометра-радиометра Quantulus (ТомЦКП СО РАН). Калибровка радиоуглеродного возраста в календарный возраст произведена с помощью программы CALIB REV -8.2. Радиоуглеродные датирования выполнены по проекту РФФИ № 19-29-05205\19, рук. проекта: к.г.н., в.н.с. И.А. Идрисов, ИГ ДФИЦ РАН).

Заключение

Исследованный курган Учкент IV расширил наши представления о духовной культуре и погребальном обряде населения Прикаспийского Дагестана среднего бронзового века. Особый интерес, конечно, представляют выявленные детали курганной архитектуры и погребальной обрядности, выразившиеся в сочетании солярной (кромлех) и лунарной выкладок вокруг центрального погребения в гробнице, окруженной плотной каменной наброской, имитировавшей округлую насыпь. Можно полагать, что солярно-лунарные конструкции исследованного кургана обусловлены религиозно-идеологическими представлениями о жизни и смерти, отражающими какие-то космогонические бинарные представления носителей данной обрядности (архаичные мифологические сюжеты о солнце и луне). В этой связи упомянем курган-святилище (курган № 1) курганного могильника Олелитюбе эпохи средней бронзы, расположенного в Прикаспийском Дагестане в 63 км к ЮВ от кургана Учкент IV и имевшего полукруглые (лунарные) кромлех и ровик, разомкнутые с северной стороны [19, 66–68, рис. 1, 1].

Определить место Одиночного кургана Учкент IV среди археологических памятников и культур Дагестана рассматриваемого времени (присулакская культура или манасская группа памятников) затруднительно. Но вновь отметим, что этот курган имеет наибольшие параллели с курганами Таулар-гол, с которыми, возможно, составляет одну хронологическую и культурную группу, связанную с присулакской культурой.

Приложение. Техничко-технологическая характеристика фрагментов керамики из погребения 1 Одиночного кургана Учкент IV.

Обнаруженная в заполнении погребения 1 керамика была проанализирована в рамках историко-культурного подхода к изучению древнего гончарства, созданного А.А. Бобринским [19]. Данный подход позволит выделить технико-технологические особенности изготовления керамической посуды Одиночного кургана Учкент IV. Рассмотрены 7 фрагментов верхней части лепного сосуда и 1 фрагмент стенки темно-серого лепного сосуда. Для определения степени ожелезненности глинистого сырья и более четкой фиксации естественных и искусственных примесей в сырье и формовочных массах образцы были обожжены в муфельной печи до температуры 850°C в условиях окислительной среды и последующего сравнения их по цвету с экспериментальной шкалой ожелезненности глины [20]. Все образцы были рассмотрены под бинокулярным микроскопом SUNSHINE при увеличении до 45 крат. Результаты технико-технологического анализа даны отдельно для каждого исследованного образца. Следует отметить, что фрагментарное состояние изучаемой керамики не дает в полной мере получить информацию по всем ступеням структуры гончарной технологии.

Образец 1. Фрагменты верхней части лепного сосуда с отогнутым наружу венчиком. Диаметр венчика – 20 см.

Исходное глинистое сырье. Для изготовления сосуда использовалась сильнозапеченная слабожелезненная глина во влажном состоянии с естественной примесью известняка с размером частиц 0,2 мм и единичных включений размером до 1 мм.

Песок серый, полупрозрачный, матовый в виде пылевидных и очень мелких окатанных частиц размером не более 0,1 мм с концентрацией видимых естественных 85–90 включений песка на 1 см².

Формовочная масса: в качестве искусственной, введённой в глину примеси применялся шамот из сильнозапесоченной слабожелезненной глины светло-оранжевого и светло-бежевого цвета (рис. 13, 2). Частицы шамота калиброваны по верхней границе размером 1–1,2 мм и до более мелких частиц; концентрация шамота 1:4. Таким образом, определен рецепт формовочной массы: глина + шамот. Следы обработки поверхности не сохранились.

Конструирование сосуда и придание ему формы. По характеру спаев использовался двухслойный лоскутный налеп, за счет чего ближе к плечу образовался характерный слабовыраженный уступ; выше к венчику фиксируется один слой лоскутов, что можно объяснить отдельным изготовлением венчика сосуда.

Декорирование поверхности сосуда осуществлялось резьбой под углом на влажную (сырую) поверхность, о чем свидетельствуют сохранившиеся на дне врезной линии следы в виде двух бороздок. Орнамент выполнялся в виде двойной линии зигзага.

Обжиг сосуда. Подвергнут окислительному обжигу, стенка прокалена насквозь и имеет светло-оранжевый цвет, сосуд обжигался при температуре выше 700°C продолжительное время, что может свидетельствовать об обжиге сосуда в печной конструкции типа горна.

Образец 2. Фрагмент стенки темно-серого лепного сосуда (рис. 13, 1).

Исходное глинистое сырье. Для изготовления сосуда использовалась сильнозапесоченная сильножелезненная глина во влажном состоянии с естественными единичными включениями красно-бурого железняка оолитовой формы с размером частиц 0,3–0,4 мм. Песок серый, коричневый, зеленоватый и полупрозрачный в виде очень мелких окатанных частиц размером не более 0,2 мм с концентрацией видимых естественных 70–80 включений песка на 1 см². Данное сырье можно охарактеризовать как более засоренное и связано с районом его добычи (рис. 13, 6).

Формовочная масса. В качестве искусственной примеси применялся неколерованный шамот из сильножелезненной глины с редкими крупными частицами до 4 мм со средним размером частиц 1–2 мм и более мелких пылевидных частиц; концентрация шамота 1:4. Интересно, что в данном сосуде зафиксирован шамот из нежелезненной глины, а также частицы шамота из железистой глины, в шамоте которого был шамот из нежелезненной глины (рис. 13, 3). Следующей искусственной добавкой был органический раствор, который определялся в случаях присутствия на поверхности излома аморфных пор, матовых с характерным блеском плёнок на отдельных участках (рис. 13, 4). В данном случае зафиксирован рецепт составления формовочной массы глина + шамот 2 видов + органический раствор.

Обработка поверхности сосуда. Внешняя поверхность подвергнута слабовыраженному бессистемному лощению по подсушенной поверхности.

Конструирование сосуда и придание ему формы. По характеру спаев использовался однослойный лоскутный налеп; так как фрагмент стенки небольшой, полученная информация ограничена.

Декорирование поверхности сосуда не зафиксировано.

Обжиг сосуда. Подвергнут восстановительному обжигу, стенка сосуда в изломе имеет сплошную темно-серую окрашенность.

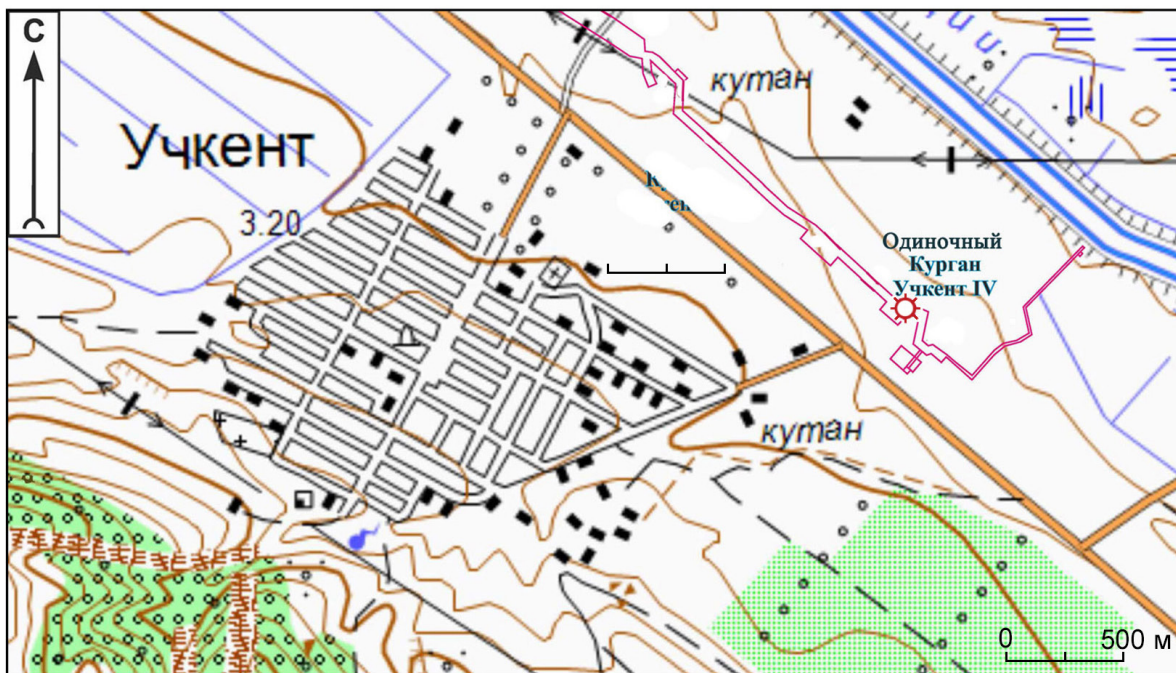

Рис. 1. Местоположение Одиночного кургана Учкент IV

Fig. 1. Location of the Single Kurgan Uchkent IV

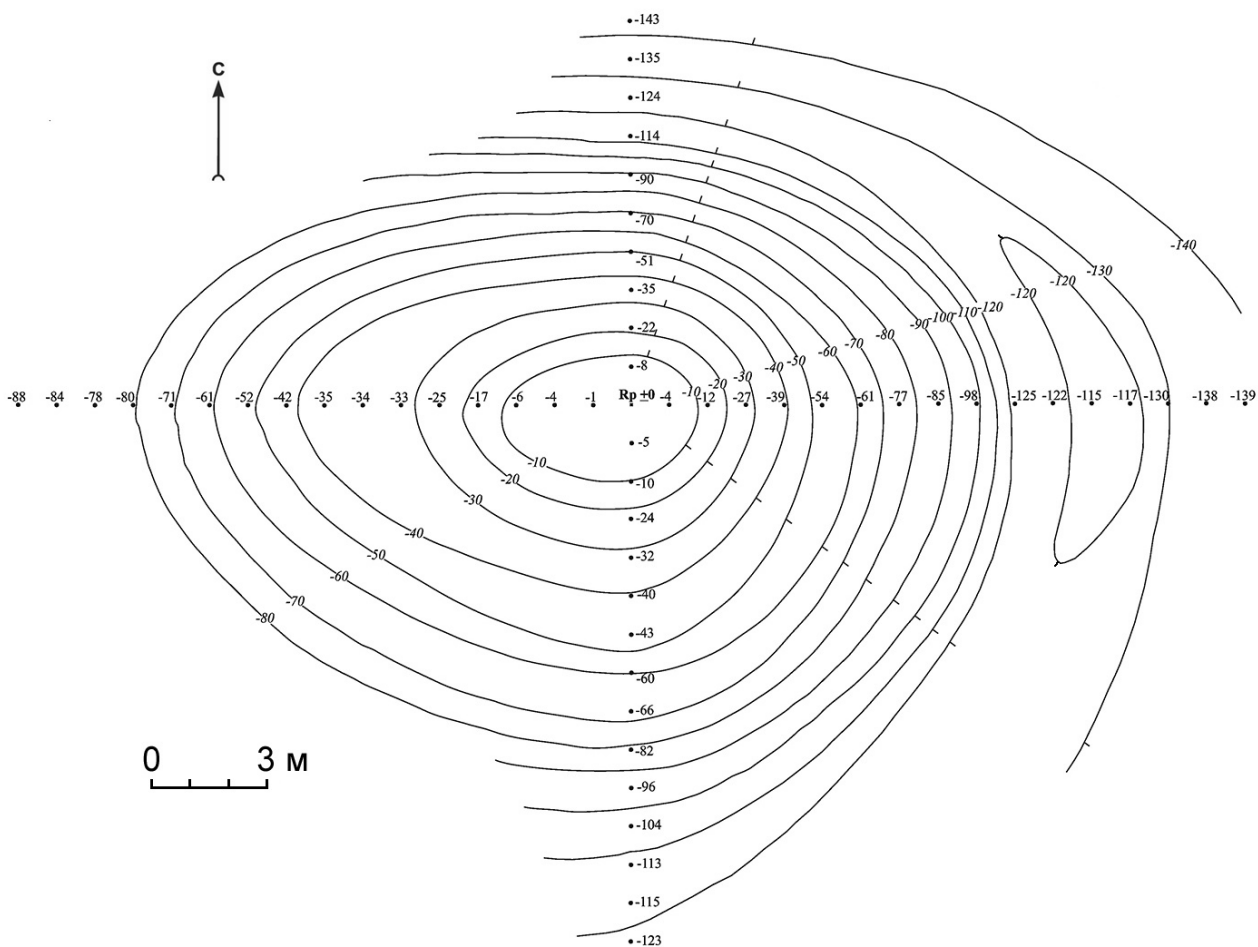

Рис. 2. Курган Учкент IV. План насыпи

Fig. 2. Kurgan Uchkent IV. Plan of the mound

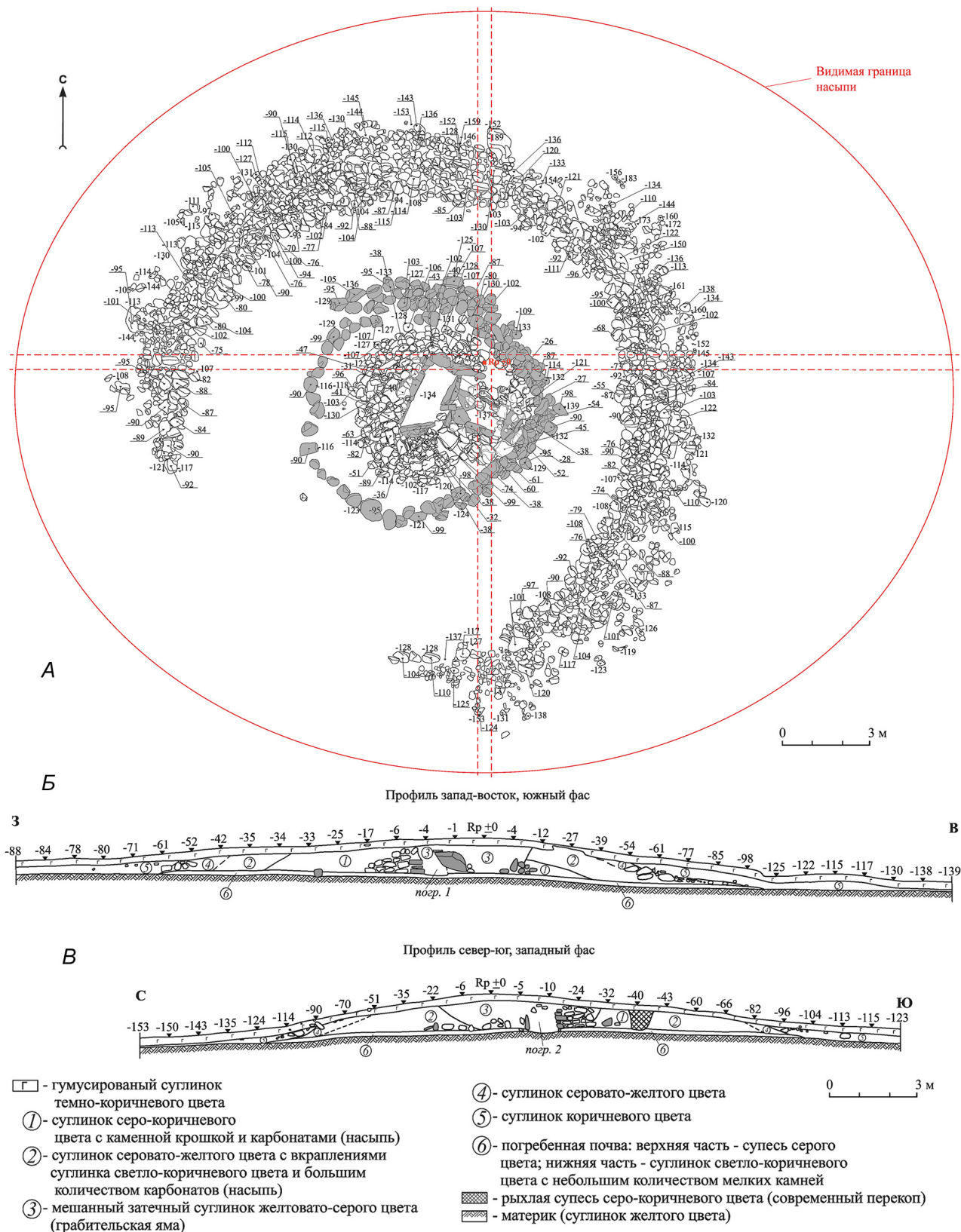

Рис. 3. Курган Учкент IV. План и профили бровок
 Fig. 3. Kurgan Uchkent IV. Plan and profiles of the baulks

Рис. 4. Курган Учкент IV после раскопок: а – вид с ЮЗ, б – вид с СВ

Fig. 4. Kurgan Uchkent IV after excavations: a – view from the Southwest; b - view from the Northeast

Рис. 5. Курган Учкент IV. Центральные конструкции – погребения 1, 2, каменные наброска-насыпь и окружающий кромлех: а – вид с СЗ, б – вид с ЮВ
 Fig. 5. Kurgan Uchkent IV. Central structures – Burials 1, 2, stone embankment and surrounding cromlech: a – view from the Northwest, b – view from the Southeast

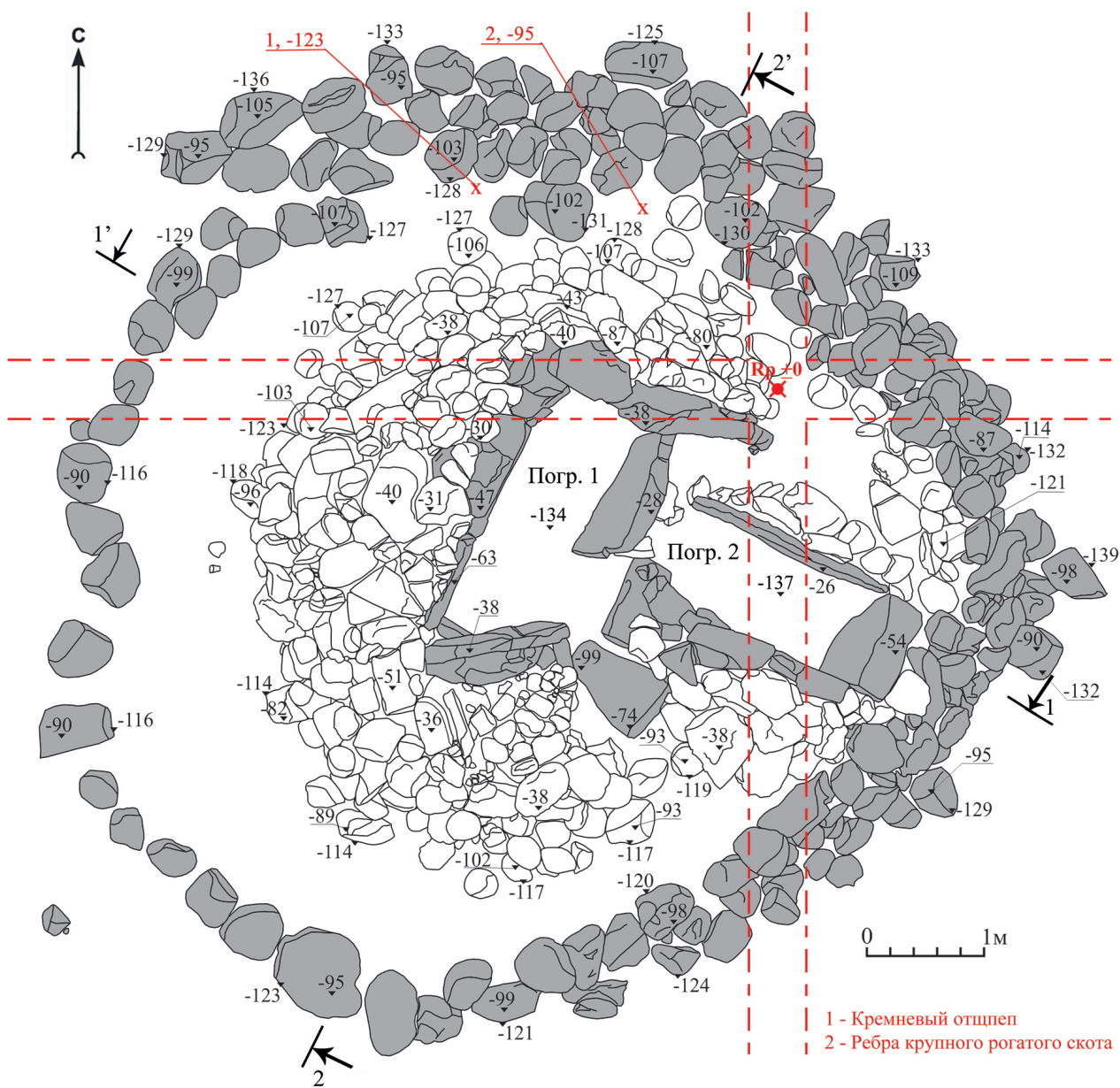

Рис. 6. Курган Учкент IV. Центральные конструкции – погребения 1, 2, каменные наброска-насыпь и окружающий кромлех. План

Fig. 6. Kurgan Uchkent IV. Central structures – Burials 1, 2, stone embankment and surrounding cromlech. Plan

а

б

Рис. 7. Курган Учкент IV. Погребение 1: а – вид с ЮЮВ, б – вид с ЮЗЗ

Fig. 7. Kurgan Uchkent IV. Burial 1: a – view from the Southeast, b – view from the Southwest

а

б

Рис. 8. Курган Учкент IV. Погребение 1. Северо-западная стенка. Вид с ЮВ

Fig. 8. Kurgan Uchkent IV. Burial 1. Northwest side wall. View from Southeast

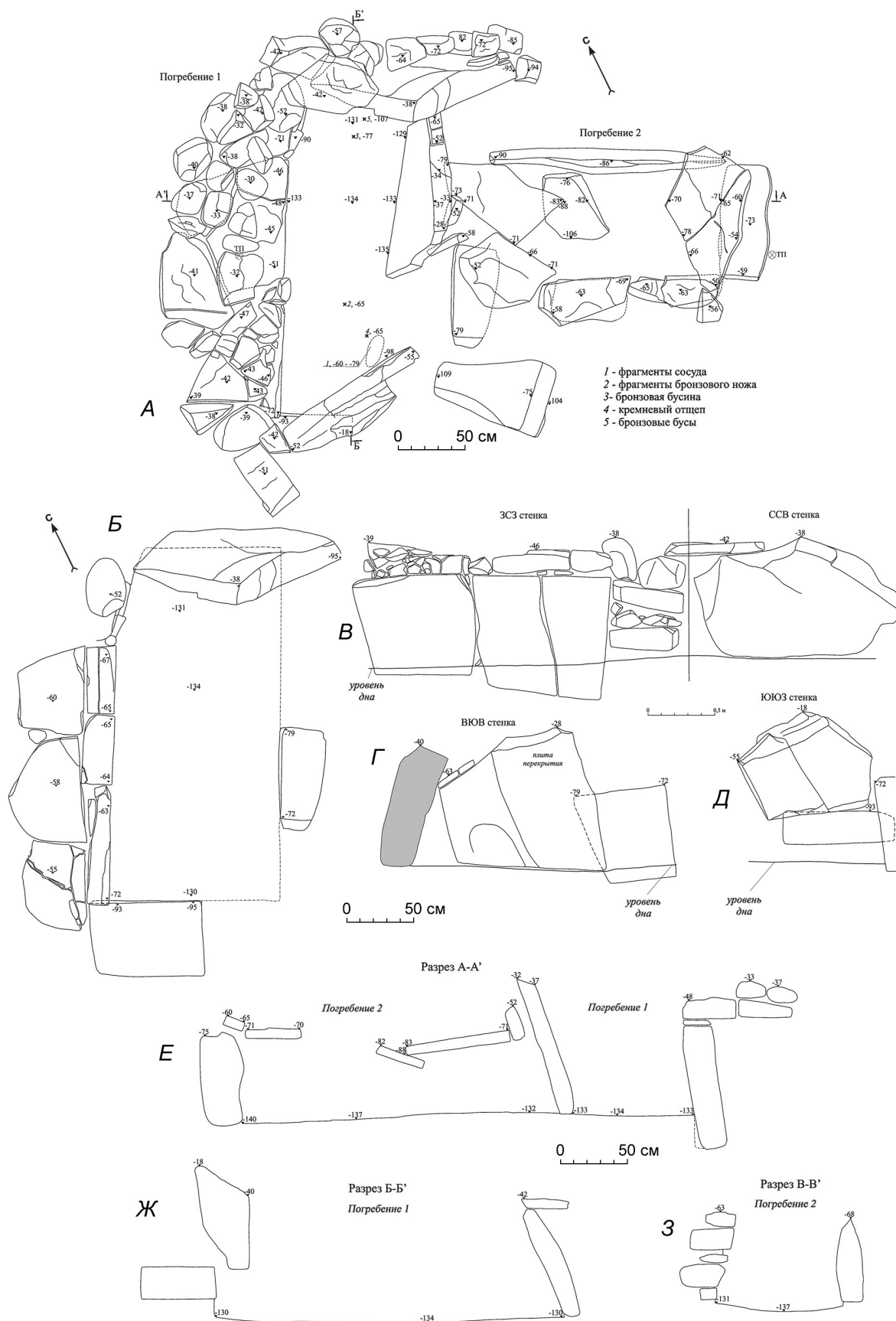

Рис. 9. Курган Учкент IV. Погребение 1, планы, профили стенок и разрезы (А-Ж). Погребение 2, разрез (Е, З)
 Fig. 9. Kurgan Uchkent IV. Burial 1, plans, side walls profiles and sections (A-Ж). Burial 2, section (E, З)

а

б

Рис. 10. Курган Учкент IV. Погребение 2: а – вид с ЮВ, б – вид с СВ

Fig. 10. Kurgan Uchkent IV. Burial 2: a – view from the Southeast, b – view from the Northeast

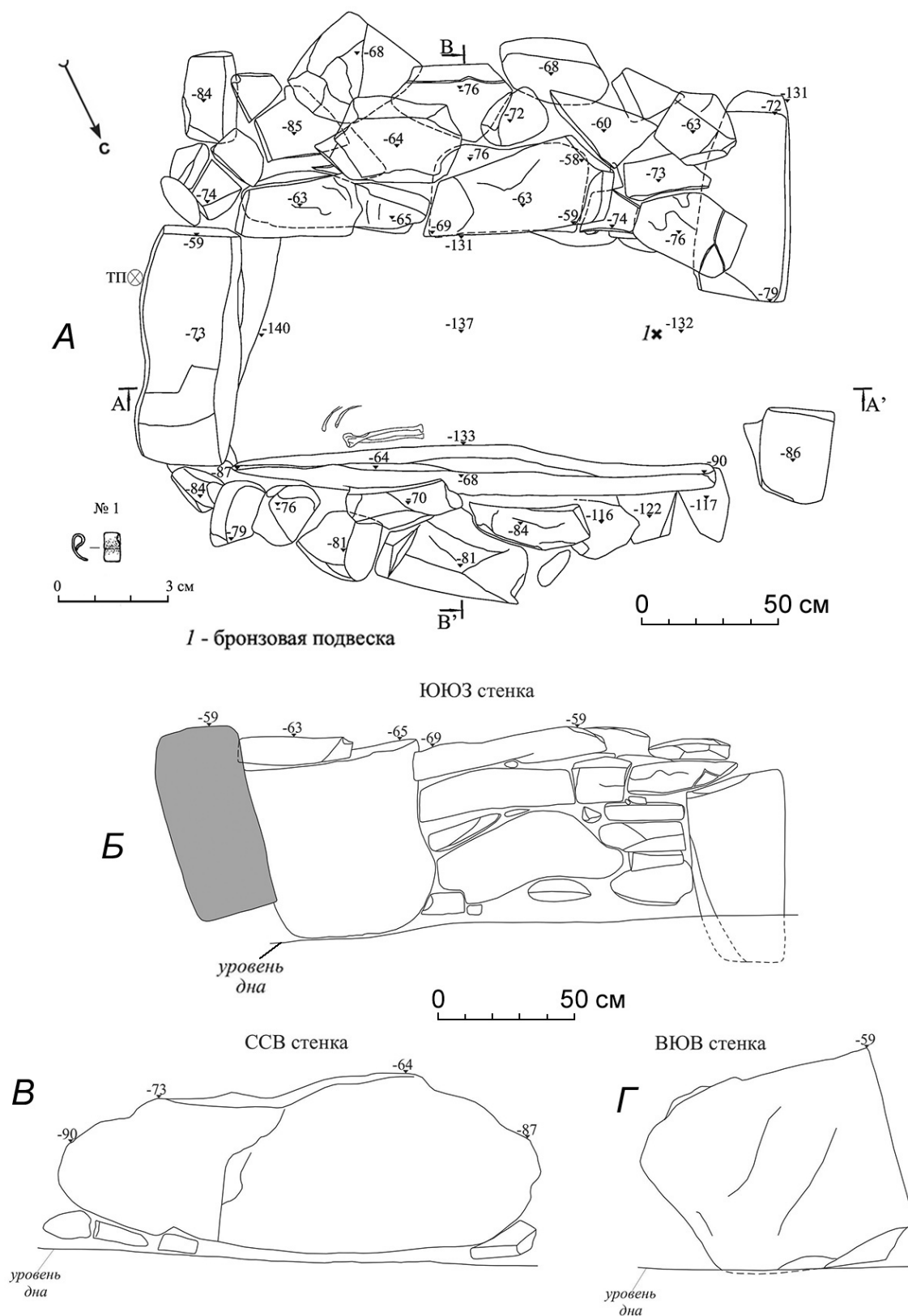

Рис. 11. Курган Учкент IV. Погребение 2, план и профили стенок

Fig. 11. Kurgan Uchkent IV. Burial 2, plan and side walls profiles

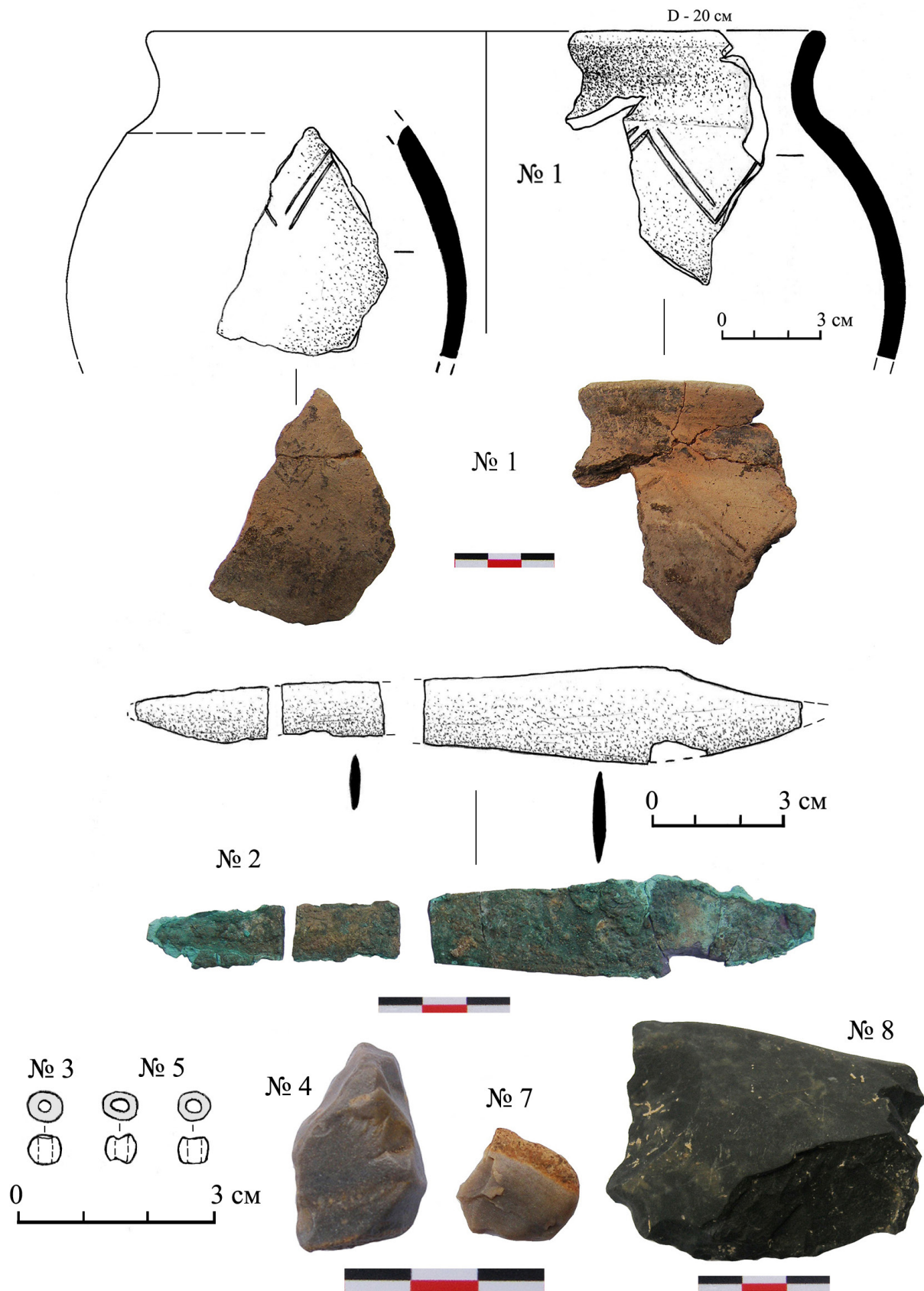

Рис. 12. Курган Учкент IV. Находки из погребения 1 (№№ 1-5), кромлеха (№ 7) и лунарной выкладки (№ 8). № 1 – керамика; №№ 2, 3, 5 – бронза; №№ 4, 7 – кремь; № 8 – камень

Fig. 12. Kurgan Uchkent IV. Finds from Burial 1 (No. 1-5), cromlech (No. 7) and lunar pavement (No. 8). No. 1 – ceramics; No. 2, 3, 5 – bronze; No. 4, 7 – flint; No. 8 – stone

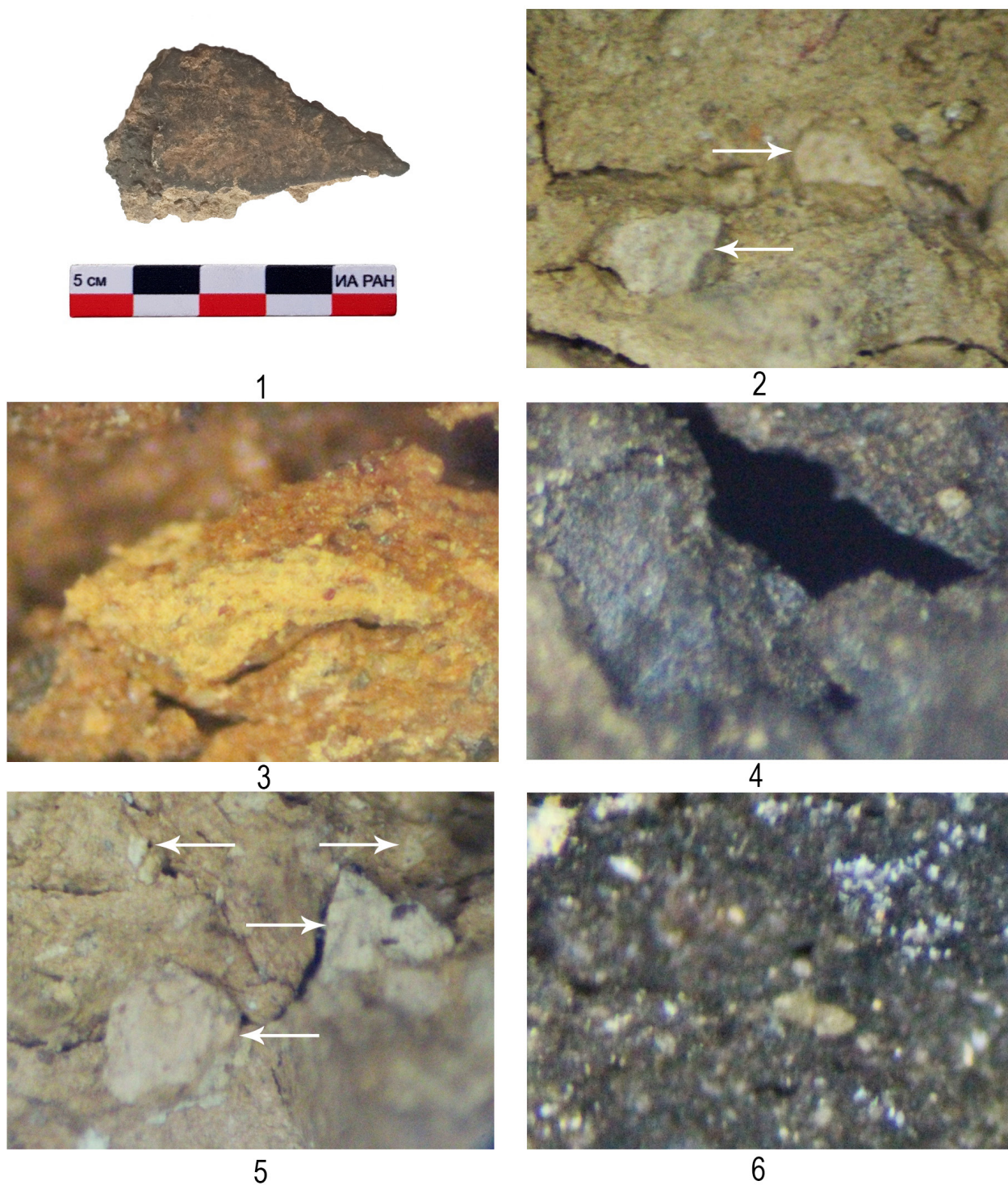

Рис. 13. Курган Учкент IV. Погребение 1. Фрагмент темно-серого лепного сосуда (1).
 Макрофотографии с показом примесей в составе формовочной массы: 2 – частицы шамота (увел. 20х);
 3 – частицы шамота из слабожелезненной глины (увел. 30х); 4 – частицы органического раствора (увел. 30х);
 5 – частицы шамота разной степени ожелезненности (увел. 20х); 6 – глина, засоренная естественными
 примесями (песок, горные частицы) (увел. 30х)

Fig. 13. Kurgan Uchkent IV. Burial 1. Fragment of dark gray stucco vessel (1).
 Macrophotographs showing impurities in the forming mass: 2 – grog particles (20x scaling);
 3 – particles of grog made of slightly ferruginous clay (30x scaling); 4 – particles of organic solution (30x scaling);
 5 – grog particles of varying degree of iron content (20x scaling);
 6 – clay with natural impurities (sand, rock particles) (30x scaling)

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гаджиев М.С., Давудов Ш.О., Магомедов Р.Г. Курганный могильник Таулар-гол эпохи средней бронзы // Кавказ: археология и этнология. Материалы Международной научной конференции. Шамкир, 11–12 сентября 2008 г. Отв. ред. М. Рагимова. Баку: Общественная организация развития регионов, 2009. С. 134–138.
2. Gadjev M. Taular-ghol Barrows of the Middle Bronze Age in Seaside Daghestan // Proceedings of the ICEA 2010 Tire. 2nd International Congress of Eurasian Archaeology. East Anatolian and Caucasian Bronze Age Cultures. Ed. by A. Semih Güneri. 1–5 March, 2010, Tire, Izmir, Türkiye. Izmir, 2013. P. 159–176.
3. Мунчаев Р.М. Майкопская культура // Археология. Эпоха бронзы Кавказа и Средней Азии. Ранняя и средняя бронза. Отв. ред. К.Х. Кушнарева, В.И. Марковин. М: Наука, 1994. С. 8–57.
4. Марковин В.И. Северокавказская культурно-историческая общность // Археология. Эпоха бронзы Кавказа и Средней Азии. Ранняя и средняя бронза / Отв. ред. К.Х. Кушнарева, В.И. Марковин. М: Наука, 1994. С. 254–286.
5. Канивец В.И. Миатли – новый памятник бронзового века в Северном Дагестане // Материалы по археологии Дагестана. Т. I. Махачкала: Институт истории, языка и литературы, 1959. С. 31–59.
6. Канивец В.И., Березанская С.С. Курганы бронзового века на Сулаке // Материалы по археологии Дагестана. Т. I. Махачкала: Институт истории, языка и литературы, 1959. С. 60–85.
7. Атаев Г.Д. Чиркейские курганы бронзового века // Советская археология. 1987. № 1. С. 145–157.
8. Атаев Г.Д. Бассейн реки Сулак в эпохи ранней и средней бронзы. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1986.
9. Чеченов И.М. Богатые захоронения в кургане раннебронзового века у сел. Кишпек в Кабардино-Балкарии // Северный Кавказ в древности и средние века. Отв. ред. В.И. Марковин. М.: Наука, 1980. С. 15–33.
10. Корневский С.Н. Рождение кургана (погребальные памятники энеолитического времени Предкавказья и Волго-Донского междуречья). М.: ТАУС, 2011. 256 с.
11. Museibli N.A. Gabala kurgans in the context of contacts in the Caucasus in the Early Bronze Age. *History, Archeology and Ethnography of the Caucasus*. Т. 19. № 1. 2023. S. 98–120 (In English and Russ). DOI: <https://doi.org/10.32653/CH19198-120>
12. Чеченов И.М. Вторые курганные группы у селений Кишпек и Чегем II // Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии. Отв. ред. В.И. Марковин. Нальчик: Эльбрус, 1984. С. 164–253.
13. Ростунов В.В. Эпоха энеолита и бронзы на территории Северной Осетии // Археология Северной Осетии. Часть 1. Отв. ред. А.А. Туаллагов. Владикавказ: СОИГСИ, 2007. С. 11–177.
14. Джафарзаде И.М. Хачбулагская археологическая экспедиция 1960 года // Материальная культура Азербайджана. Т. VIII. Баку: Элм, 1976. С. 15–45.
15. Ахундов Т. Северо-Западный Азербайджан в эпоху энеолита и бронзы. Баку: Элм, 2001. 332 с.

REFERENCES

1. Gadzhiev MS., Davudov ShO., Magomedov RG. Mound burial ground Taular-gol of the Middle Bronze Age. Caucasus: archeology and ethnology. *Proceedings of the International Scientific Conference*. Shamkir, September 11–12, 2008. M. Ragimova (ed.). Baku: Public Organization for Regional Development, 2009: 134-138.
2. Gadjev M. Taular-ghol Barrows of the Middle Bronze Age in Seaside Daghestan. *Proceedings of the ICEA 2010 Tire. 2nd International Congress of Eurasian Archaeology. East Anatolian and Caucasian Bronze Age Cultures*. A. Semih Guneri (ed.). 1–5 March, 2010, Tire, Izmir, Türkiye. Izmir, 2013: 159-176.
3. Munchaev RM. Maikop culture. *Archeology. Bronze Age of the Caucasus and Central Asia. Early and Middle Bronze*. K.H. Kushnareva, V.I. Markovin (eds.). Moscow: Nauka, 1994: 8-57. (In Russ.)
4. Markovin VI. North Caucasian cultural and historical community. *Archeology. Bronze Age of the Caucasus and Central Asia. Early and Middle Bronze*. K.H. Kushnareva, V.I. Markovin (eds.). Moscow: Nauka, 1994: 254-286. (In Russ.)
5. Kanivets VI. Miatli – a new site of the Bronze Age in Northern Dagestan. *Materials on the archeology of Dagestan. Vol. I*. Makhachkala: Institute of History, Language and Literature, 1959: 31-59. (In Russ.)
6. Kanivets VI., Berezanskaya SS. Bronze Age mounds on Sulak. *Materials on the archeology of Dagestan. Vol. I*. Makhachkala: Institute of History, Language and Literature, 1959: 60-85. (In Russ.)
7. Ataev GD. Chirkey burial mounds of the Bronze Age. *Sovetskaya arheologiya*. 1987, 1: 145–157. (In Russ.)
8. Ataev GD. *The Sulak River basin in the Early and Middle Bronze Ages. Dissertation abstract*. Moscow, 1986.
9. Chechenov IM. Rich burials in an Early Bronze Age mound near the villages. Kishpek in Kabardino-Balkaria. *North Caucasus in antiquity and the Middle Ages*. V.I. Markovin (ed.). Moscow: Nauka, 1980: 15-33. (In Russ.)
10. Korenevsky S.N. The birth of the mound (funerary monuments of the Eneolithic period of the Ciscaucasia and the Volga-Don interfluvium). Moscow: TAUS, 2011. (In Russ.)
11. Museibli NA. Gabala kurgans in the context of contacts in the Caucasus in the Early Bronze Age. *History, Archeology and Ethnography of the Caucasus*. 2023, 19(1): 98-120 (In Eng. and Russ). DOI: <https://doi.org/10.32653/CH19198-120>
12. Chechenov IM. Second burial mound groups near the villages of Kishpek and Chegem II. *Archaeological research on new buildings in Kabardino-Balkaria. V.I. Markovin (ed.)*. Nalchik: Elbrus, 1984: 164-253. (In Russ.)
13. Rostunov VV. The Eneolithic and Bronze Ages in North Ossetia. *Archeology of North Ossetia. Part 1*. A.A. Tuallagov (ed.). Vladikavkaz: SOIGSI, 2007: 11-177. (In Russ.)
14. Jafarzadeh IM. Khachbulag archaeological expedition of 1960. *Material culture of Azerbaijan. Vol. VIII*. Baku: Elm, 1976: pp. 15–45. (In Russ.)
15. Akhundov T. *North-West Azerbaijan in the Eneolithic and Bronze Ages*. Baku: Elm, 2001. (In Russ.)
16. Kostyuchenko IP. Excavations of the Miatlinsky burial mound field in 1955. *Materials on the archeology of*

16. Костюченко И.П. Раскопки Миатлинского курганного поля в 1955 г. // Материалы по археологии Дагестана. Т. I. Махачкала: Институт истории, языка и литературы, 1959. С. 86–120.

17. Сайпудинов М.Ш. Керамика Ирганайского поселения эпохи средней бронзы: анализ исходного сырья и составов формовочных масс // Краткие сообщения Института археологии. Вып. 258. 2020. С. 278–293. DOI: <https://doi.org/10.25681/IARAS.0130-2620.258.278-293>.

18. Магомедов Р.Г. Гинчинская культура Горы Дагестана и Чечни в эпоху средней бронзы. Махачкала: ДНЦ РАН, 1998. 378 с.

19. Эрлих В.Р., Магомедов Р.Г. Курган-святилище эпохи средней бронзы в Приморском Дагестане // Изучение и сохранение археологического наследия народов Кавказа. XXIX Крупновские чтения. Материалы Международной научной конференции. Грозный, 18–21 апреля 2016 г. Отв. ред. Х.М. Мамаев. Грозный: Издательство Чеченского государственного университета, 2016. С. 66–68.

20. Бобринский А.А. Гончарство Восточной Европы: источники и методы изучения. М.: Наука, 1978. 272 с.

21. Цетлин Ю.Б. Об определении степени ожелезненности исходного сырья для производства глиняной посуды // Вопросы археологии Поволжья. Вып. 4. Отв. ред. И.Н. Васильева. Самара: Научно-технический центр, 2006. С. 421–425.

Dagestan. Vol. I. Makhachkala: Institute of History, Language and Literature, 1959: 86-120. (In Russ.)

17. Saipudinov MSh. Ceramics of the Irganai settlement of the Middle Bronze Age: analysis of raw materials and compositions of molding masses. *Brief communications of the Institute of Archeology*. 2020, 258: 278–293. DOI: <https://doi.org/10.25681/IARAS.0130-2620.258.278-293>.

18. Magomedov R.G. *Ginchi culture Mountains of Dagestan and Chechnya in the Middle Bronze Age*. Makhachkala: DSC RAS, 1998.

19. Erlikh VR., Magomedov R.G. Mound-sanctuary of the Middle Bronze Age in Primorsky Dagestan. *Study and preservation of the archaeological heritage of the peoples of the Caucasus. XXIX Krupnov Readings. Proceedings of the International Scientific Conference*. Grozny, April 18–21, 2016. H. M. Mamaev (ed.). Grozny: Chechen State University Publishing House, 2016: 66-68. (In Russ.)

20. Bobrinsky AA. *Pottery of Eastern Europe: sources and methods of study*. Moscow: Nauka, 1978. (In Russ.)

21. Tsetlin YuB. On determining the degree of ferruginization of raw materials for the production of pottery. *Questions of archeology of the Volga region. Vol. 4*. I.N. Vasilyeva (ed.). Samara: Scientific and Technical Center, 2006: 421-425. (In Russ.)

Поступила в редакцию 05.05.2023 г.

Принята в печать 10.05.2023 г.

Опубликована 15.09.2023 г.

Recieved 05.05.2023

Accepted 10.05.2023

Published 15.09.2023

Научное издание

Литературный редактор
Л.Ш. Капанова

Переводы на английский язык
М.Р. Сефербеков

Верстка
С.Ш. Раджабова

Подписано в печать 15.09.2023. Формат 60x84 ¹/₈
Гарнитура Georgia.